

**КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ
В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОЙ
ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ**

«... исчезнет язык – исчезнет и народ...»

И. М. М. —

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал «Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»

**КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ
В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОЙ
ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ**

К 80-летию Ибрагима Хашимовича Ахматова

Сборник научных статей

Нальчик 2019

УДК 80
ББК 80/84
А 11

Печатается по решению Ученого совета ИГИ КБНЦ РАН

Научный редактор

доктор филологических наук, профессор *М.З. Улаков*

Редколлегия:

*Д.М. Кумыкова, Б.А. Мусуков,
Л.Х. Махиева, Т.Ш. Биттирова, Б.А. Берберов*

А 11 Карачаево-балкарская филология в парадигме современной гуманитарной науки. *К 80-летию Ибрагима Хашимовича Ахматова.* Сборник научных статей. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 336 с.
ISBN 978-5-91766-159-9

Сборник содержит материалы Всероссийской научной конференции, посвященный 80-летию известного ученого-тюрколога, доктора филологических наук, профессора Ибрагима Хашимовича Ахматова. Издание включает научные статьи, в которых рассматриваются актуальные проблемы современной филологии: языкознания, литературоведения и фольклористики.

Сборник рассчитан на широкий круг гуманитарных специальностей: преподавателей вузов, научных сотрудников, аспирантов, студентов, а также для работников сферы образования и всех, кто интересуется проблемами современного языка, литературы и фольклора.

УДК 80
ББК 80/84

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	9
<i>Махиева Л.Х., Локьяева Ж.М.</i> Миллет илмуну жарыгы (Ахматланы Ибрагимни 80-жыллыгына)	11
ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
<i>Алиева Т.К., Киикова З.А.</i> Проблема выбора родного языка в системе школьного образования	17
<i>Аппоев А.К.</i> Репрезентация семантики оценки и противопоставления в пословицах и поговорках карачаевцев и балкацев	24
<i>Ахматова М.А.</i> Соотношение однокоренных синонимов и вариантов слов в карачаево-балкарском языке	30
<i>Багов А.М., Гериева М.Р.</i> Структурно-грамматические типы субстантивных фразеологизмов в карачаево-балкарском языке	39
<i>Бичекуева Т.Ю.</i> Некоторые синтаксические особенности императивных предложений	46
<i>Боташева Ф.Т.</i> Валентность глагола как показатель законов внутреннего развития языка (на материале русских глаголов тюркского происхождения)	55
<i>Давлетишина М.Ф.</i> Сопоставление башкирских и русских фразеологизмов	64
<i>Додуева А.Т.</i> Ситуативные пространственные отношения в карачаево-балкарском языке	68
<i>Каксин А.Д.</i> Когнитивный подход к языку и занятия по дисциплине «Философия языка»	77

<i>Каюмова Г.Р.</i> Критерии разграничения многозначных слов и омонимов	83
<i>Кетенчиев М.Б., Урусов Р.Х.</i> Журнал как транслятор национальной культуры	89
<i>Кучмезова Л.Б.</i> Морфологические особенности цокающего диалекта малкарского говора карачаево-балкарского языка	95
<i>Мамаева Ф.Т., Гериева З.С.</i> Послеложные сочетания как репрезентаторы субъекта в карачаево-балкарском языке	102
<i>Мизиев А.М., Ульбашева З.А.</i> О роли причастий в образовании сложных имен существительных в карачаево-балкарском языке	111
<i>Мусуков Б.А.</i> Формально-семантические особенности функциональных идентификаторов в карачаево-балкарском языке	119
<i>Псянчин Ю.В., Раемгужина З.М.</i> Пояснительно-дидактический религиозный подстиль башкирского языка (жанры и перспективы описания)	125
<i>Псянчин Ю.В., Шаяхметов В.А., Султанова Г.И.</i> Ишмухамет Галяутдинов: видный лингвист-тюрколог, исследователь истории родного языка и педагог (к 70-летию со дня рождения)	133
<i>Тагирова И.Р.</i> Когнитивно-прагматическая характеристика концепта «вежливость» в русском и башкирском языках	144
<i>Текуев М.М., Хуболов С.М.</i> Топонимические этюды	149
<i>Узденова З.А., Хуболов С.М.</i> Семантическая характеристика адвербиальных фразеологизмов в карачаево-балкарском языке	161
<i>Хуболов С.М., Текуев М.М.</i> Конструкции с предикатами воздействия в карачаево-балкарском языке	169
<i>Чертыкова М.Д.</i> Этнокультурные особенности реализации зоолексемы <i>ат</i> «лошадь» в хакасских пословицах и поговорках	175
<i>Атабиева Л.Х., Узденова З.А.</i> Синтаксическая школа профессора И.Х. Ахматова	183

**ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КAVKAZA:
ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ, МЕТОДОЛОГИИ
И СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ, ЖАНРОВЫЕ
ОСОБЕННОСТИ**

<i>Абдыханов У.К.</i> Художественное отражение общей картины мира через частные факты и судьбы: предвидение будущего	190
<i>Абдыханов У.К.</i> Куприн, Чиладзе, Чхеидзе и Сейсенбаев: «Разносторонность литературного гения и глубокая человечность»	199
<i>Бауаев К.К.</i> Сенситивность как атрибутивный признак балкарской поэзии	205
<i>Биджсиев М.М.</i> Сумерки или страсти по Брейгелю (на материале одноактной пьесы Р. Бегиевой-Кучмезовой «Охотники зимой»)	211
<i>Биттирова Т.Ш.</i> Исторические песни и их бытование в карачаево-балкарской диаспоре	220
<i>Керимова Р.А.</i> Принцип контраста в поэзии К. Кулиева	229
<i>Кучукова З.А.</i> Индекс балкарского гендера (на материале сборника новелл и эссе Р. Бегиевой-Кучмезовой «Мгновений кольца, времени круги»)	233
<i>Мамчуева Ф.О.</i> Художественные особенности драматической поэмы Дины Мамчуевой «Мурат и Зумрат»	248
<i>Мусукаева А.Х.</i> Балкарский исторический роман 1960-х годов: жанровая специфика, поэтика	256
<i>Сарбашева А.М.</i> Документализм и художественный вымысел в творчестве Иссы Боташева	264
<i>Сибгатов Ф.Ш.</i> К проблеме изучения духовной литературы в башкирском и карачаево-балкарском литературоведении	270
<i>Тетуев Б.И.</i> Историческая тема в поэзии Д.-Х. Шаваева	279
<i>Узденова М.М.</i> Мир художественных образов в детских поэтических произведениях А. Магаяевой-Гаппоевой	287
<i>Узденова Ф.Т.</i> Эмотивные смыслы карачаево-балкарской поэзии (мотивы радости, покоя, умиротворения)	295
<i>Хульчаева М.Х.</i> Система образов в поэме К. Отарова «Обелиски»	300

ФОЛЬКЛОР И ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Берберов Б.А.</i> Фольклорно-этнографические элементы в творчестве поэтов Карачаево-Черкесии (на материале сборника «У родного очага»)	305
<i>Гулиева (Занукоева) Ф.Х.</i> Топонимические легенды карачаевцев и балкарцев	311
<i>Самситова Л.Х., Хамидуллина Р.Р.</i> Сущность и специфика коммуникативного поведения	316

ОТ РЕДАКТОРА

От имени всех ученых КБНЦ РАН приветствую участников конференции «*Карачаево-балкарская филология в парадигме современной гуманитарной науки*», посвященной 80-летию доктора филологических наук, профессора, академика Международной тюркской академии, заслуженного деятеля науки Кабардино-Балкарии *Ибрагима Хашимовича Ахматова*.

Символично, что данная конференция проходит в рамках празднования 25-летия КБНЦ РАН, имея в виду, что Ибрагим Хашимович был одним из тех деятелей науки региона, которые мечтали о создании такого федерального научного Центра.

Вообще, он был человеком многогранным: работая в республиканском радиокomitee оставил яркий след, работая у нас, в Институте гуманитарных исследований – целое наследие, работая в КБГУ – выпускников вуза, кандидатов и докторов наук, продолжателей своего дела. А кроме того, он был многоаспектным филологом: ученым, преподавателем, корреспондентом, журналистом, общественным деятелем. В науке он, помимо синтаксиса родного языка, на материале которого основал новое научное направление в тюркологии, изучал такие глубинные и трудные для исследований аспекты, как этимология, что значит «археология языкознания», фразеология – «секретные фарватеры лингвистики», топонимику края, литературные нормы через орфографию и лексикографию и т.п. Помню его выступление в Российском комитете тюркологов в Москве, его доклады на многих международных научных конференциях и помню, какую высокую оценку получали его труды. Я был рядом и гордился тем, как он организовал и провел на самом высоком уровне выездную сессию Российского комитета тюркологов в Нальчике, провел семинар в Институте языкознания РАН по актуальным проблемам современного карачаево-балкарского языка, где принимали активное участие тюркологи с мировым именем: Э.Р. Тенишев, Э.В. Севортян, К.М. Мусаев, В.М. Насилов и др., а также, наши незабвенные земляки: Шагиров Амин Капцуевич, Кумахов Мухадин Абубекирович (юбилей которого недавно мы отмечали в этом зале) и молодой тогда сотрудник сектора тюркских языков этого Института Алий Ахматович Чеченов, ныне доктор филологических наук и очень успешный руководитель, кстати, спонсор наших последних изданий; из Карачаево-Черкесии участвовали профессора: Магомед Ахияевич Хабичев и

Сосланбек Якубович Байчоров. Тюрколог с планетарным именем член-корреспондент РАН Эджем Рахимович Тенишев долго и восторженно отзывался об этих заседаниях. Все это делало нашего *Юбиляра* значимой научной фигурой. А когда начали обсуждаться вопросы национальных языков, горой стоял за них во всех инстанциях. Многие помнят, когда в Парламенте нашей республики начали готовить закон о языках народов Кабардино-Балкарии, с каким старанием работал над его проектом Ибрагим Хашимович. Этому свидетели некоторые присутствующие сегодня здесь сотрудники нашего Института.

Думал он и о будущем. Вместе с профессором Коковым Джамалдином Наховичем, в заботе о молодой научной поросли, обивал пороги вышестоящих организаций, создавая диссертационный совет в КБГУ по кавказским и тюркским языкам, который успешно функционирует и сейчас.

Прозорливость и трудолюбие И.Х. Ахматова дали ему возможность создать перспективную научную школу, которая успешно продолжает его дело, реализуют его перспективные научные идеи. Свидетельством этому служит издание фундаментальных трудов «*Толковый словарь карачаево-балкарского языка*» (в трех томах) и «*Современный карачаево-балкарский язык*», особенно вышедшая в этом году вторая его часть, где в раздел по синтаксису вошли исследования профессора И.Х. Ахматова. Скорее всего, здесь следует говорить об исполнении его мечты – издании таких многолетних капитальных трудов, а сегодняшняя конференция – лучшее этому свидетельство. Такое наследие обеспечивает бессмертие его имени.

Оказывается, не зря жил и творил наш дорогой старший брат и коллега.

Я благодарю дирекцию ИГИ КБНЦ РАН за организацию и проведение этой замечательной конференции и КБГУ – за активное в ней участие. Коллективы этих учреждений для *Юбиляра* были родными.

Спасибо всем участникам конференции, всем, кто нас сегодня поддержал, особенно, приехавшим издалека.

Желаю успешной работы этой, такой нужной для научной общности региона конференции. А в конце выступления вношу предложение об учреждении регулярных Ахматовских чтений с чередованием места их проведения в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Прошу это включить в резолюцию нашей Конференции.

*Заместитель председателя КБНЦ РАН
по научной работе, д.ф.н., профессор М.З. Улаков*

УДК 811.512.142

МИЛЛЕТ ИЛМУНУ ЖАРЫГЪЫ
(Ахматланы Ибрагимни 80-жыллыгына)

Махийланы Л.Х., Локияланы Ж.М.
г. Нальчик, ИГИ КБНЦ РАН

Статьяда къарачай-малкъар тил билимге эм саулай да тюркологияга улуу къыйын салгъан деменгили алим, Халкъла аралы тюрк академияны академиги, Къабарты-Малкъар АССР-ны илмусуну сыйлы къуллукъчу-су, филология илмуланы доктору, профессор Ахматланы Хашимни жашы Ибрагимни жашау эм илму жолуну энчиликлерине къаралады.

Баи магъананы тутхан сёзле: *айтхылыкъ алим, белгили устаз, къарачай-малкъар тил, синтаксис, анғылатма сёзлюк.*

Хар миллет да кесини белгили, махтаулу адамлары бла ёхтемленеди, аланы ишлерин, жашауда жетишимлерин тёлуден тёлуге билдирирге излейди. Малкъар миллетни да аллай даражалы, билимли адамлары кепдюле. Ахматланы Хашимни жашы Ибрагим да аланы ал сатырларындады. Ол тутхан ишин тынгылы да, жетишимли да этген, ёз тилини байлыгъын ёсдюрюуге, айнытугъа, аны сау дуниягъа, энчи алып айтханда уа, тюрк тилли миллетлеге белгили этер ючюн кеп къыйын салгъан алимди.

Ахматланы Ибрагим 1938 жылда Элбрус районну Быллым элинде туугъанды. Аны юйюрю да, башха таулу юйюрлеца, кёчгюнчюлюк сынагъанды. Ол Къыргъызстанны Кант районуну Мерке деген элинде он классны бошагъанды.

1957 жылда малкъар халкъгъа туугъан журтуна къайтыргъа онг бериледи. Ол жыл окъуна Ибрагим Къабарты-Малкъар къырал университетни тарых-филология факультетини орус-малкъар бёлюмуне окъургъа киреди. Фахмулу жашны статьялары бла очерклери студент жылларында окъуна «Коммунизмге жол» газетде, «Шуёхлукъ»

альманахда да басмаланып башлайдыла. Ана тилине суймеклиги аны битеу жашау жолун жарытханлай турлукъ нюр болгъанын Ибрагим ол заманда тамам сезе да болмаз эди.

1962 жылда Ахмат улу КъМКъУ-ну жетишимли бошاپ, урунуу атламларын «Коммунизмге жол» газетде, ызы бла уа Къабарты-Малкъарны телевидение бла радиону кырал комитетинде башлайды. Радиону эл мюлк бѣлюмюнде редактор болуп тѣрт жылгъа жууукъ ишлейди. Ол жыллада аны «Боранда» [1] деген биринчи китабы басмаланганды. Китап окъуучула жаш жазыучуну тилини байлыгъына, суратлау сѣзюню энчилигине да тийишлисича багъа бичедиле, жангы китапларын ашыгъып сакълагъанларын да билдиредиле.

Алай Ахматланы Ибрагим редакторлукъ иш бла, суратлау сѣзде кюнчюн сынау бла чекленип къалмайды, андан ары кесини билимин ѳсдюрюрге умут этеди.

1966 жылда къарачай-малкъар тил илмуда бек магъаналы атламладан бири Къабарты-Малкъар илму-излем институтну алимлери хазырлагъан «Къарачай-малкъар тилни грамматикасы» [5] деген китапны басмаланганы болгъанды. Аны жарашдырыгъа Ахмат улу да тири къатышханды. Бу китапха деп, жаш алим бир къауум илму иш да жазгъанды.

1967 жылда Ахматланы Ибрагимни Къабарты-Малкъар илму-излем институтха малкъар тил бѣлюмюне илму къуллукъчу этип аладыла. Миллетине, тилине суймеклиги аны илмуну жолунда таукел барыргъа кѣллендиреди. Ол институтда ишлей тургъанлай, 1969 жылда Баку шахарда малкъар тилни синтаксисинден «Главные члены предложения и средства их выражения в современном карачаево-балкарском языке» деген кандидат диссертациясын къоруулайды. Къысха заманны ичинде аны Къабарты-Малкъар илму-излем институтну къарачай-малкъар тил бѣлюмюне таматалыкъ этерге айырадыла. Ол башчылыкъ этген жыллада миллетге керекли аслам жумуш тамамланганды: аны башчылыгъы бла институтну алимлери (бир миллиондан аслам карточкасы болгъан) илму картотека къурайдыла (ол картотека «Къарачай-малкъар тилни ючтомлукъ ангылатма сѣзлюгюне» [6] мурдорлукъ этгенди). Сѣзлюкню хазырлаугъа жоралап, Ахматланы Ибрагим «Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѣзлюгюн жарашдырыуу амаллары» [4] деген илму-методика инструкция жазгъанды. «Къарачай-малкъар тилни ючтомлукъ ангылатма сѣзлюгю» анга кѣре жарашдырылгъанды.

Бюгюнлюкде Гуманитар тинтиуле бардыргъан институтну архивинде сакъланган материалланы асламысы да Ахмат улуну башчылыгы бла жыйылгъанлары белгили шартды. Ала уа бизни тилибизни, кёлден чыгъармачылыгыбызны да ёмюрлюк хазнасыдыла.

1976 жылда малкъар тил бёлюмню алимлери, биринчи кере къарачай-малкъар тилни илму грамматикасын орус тилде хазырлайдыла («Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис») [3]. Аны «Синтаксис» бёлюмюню асламысын Ахматланы Ибрагим жазгъанды эм басмагъа жарашдыргъанды.

Ахматланы Ибрагимни юсюнден жазгъанда, айтхылыкъ лингвистле сыйлы кёрген, уллу багъа берген, сау тюрк дунясына белгили болгъан илму ишлерин энчи белгилерчады. Ол 200-ге жууукъ илму ишни авторду. Аланы асламысы къарачай-малкъар тилни синтаксисине жоралангандыла. Профессор синтаксисни, кёп даулашлы сорууларын ачыкълап, терен тинтгенди. Къарачай-малкъар тилни айнытыуда, тинтиуде да аны аслам къыйыны болгъанын белгили алимле кёп кере махтау сёз бла энчилегендиле. Аланы айтханларына кёре, Ахматланы Ибрагимни «Главные члены предложения и средства их выражения в современном карачаево-балкарском языке» (Айтымны баш членлери эм бюгюнню къарачай-малкъар тилде аланы къуралыу мадарлары) [2], «Проблемы семантического анализа простого предложения в современном карачаево-балкарском языке» (Бусагъатдагы къарачай-малкъар тилде бош айтымны семантика жаны бла тинтиуню амаллары) [7], «Структурно-семантические модели простого предложения в карачаево-балкарском языке» (Къарачай-малкъар тилде бош айтымны къурам-магъана жаны бла тюрлюлери) [8] деген монографиялары магъана жаны бла ёмюрде да тас болмазлыкъ къыйматлы илму ишледиле.

1980 жылда Ахматланы Ибрагим къыралыбызны ара шахары Москвада «Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке» деген доктор диссертациясын къоруулагъанды.

Аны къарачай-малкъар тил илмугъа салгъан къыйыны ючюн 1983 жылда «Къабарты-Малкъар АССР-ны илмусуну сыйлы къулукъчусу» деген атха тийишли кёргендиле.

Филология илмуланы доктору, профессор, Халкъла аралы тюрк академияны академиги, даражалы устаз Ахматланы Ибрагим 1974–1998 жыллада илму, окъутуу ишни да бирча бийик даражада тамамлай, жашаууну ахыр кюнлерине дери, КъМКЪУ-ну малкъар тил бла

литературасыны кафедрасына башчылык этгенди. Ол, университетде энчи къарачай-малкъар тилни синтаксисини семантика илму школун ачып, жаш аспирантланы окъутханды.

Ана тилге юйретиуню, аны тинтиу амалларын излеуню кесини сыйлы борчуна санагъан алим «Къарачай-малкъар тилде бош айтымны къурам-магъана жаны бла тюрлюлери» деген монографиясында тюрк тиллени синтаксислерини семантика къурулушларын тинтиуню андан ары бардыргъанды, тюрк тил билимде бош айтымны форма-магъана жаны бла тинтиуню жангы теориясын жарашдыргъанды. Ол жангычылыкны мурдорунда аны аспирантлары филология илмуланы докторлары Кетенчиланы Мусса, Додуланы Аминат эм филология илмуланы кандидаты Хуболланы Сахадин диссертацияларын жетишимли къоруулагъандыла. Бусагъатда ала Къабарты-Малкъар къырал университетни къарачай-малкъар филология кафедрасында ишлейдиле, илму башчылары белги-леген жолда илму эм устазлык борчларын жетишимли тамамлайдыла.

Арт жыллада къарачай-малкъар тилни юсюнден иги кесек илму монографияла, сёзлюкле, бийик окъуу юйлени студентлерине, школчулагъа дерсликле жазылгъандыла. Сёз ючюн, энчи алып айтханда, «Современный карачаево-балкарский язык» деген академиялы экитомлук илму иш да басмаланганды [9; 10]. Аны Гуманитар тинтиуле бардыргъан институтну къарачай-малкъар тил бёлюмюню алимлери жарашдыргъандыла. Бу китапны синтаксис бёлюмю Ахматланы Ибрагимни илму ишлерини мурдорундаа жазылгъанды.

Ахматланы Ибрагим устазлагъа, бийик окъуу юйлени студентлерине отуздан артыкъ илму-методика ишле, лекция конспектле, дерсликле, школчулагъа окъуу китапла, программала да хазырлагъанды.

Тилибиз сауда миллетлигибиз сакъланырыгъын, от жагъабызны оту ёчюлмезлигин уста ангылагъан акъылман Къабарты-Малкъарны билим бериу министерствосуну окъутуу-методика советини ишине эм Къабарты-Малкъар республиканы къырал тиллерин сакълау эм айнытыу жаны бла программаны жарашдырыугъа да аслам къошумчулук этгенди.

Ол, сёзю, иши бла да халкъыны атын, даражасын кётюре, кёп жылланы ичинде Совет тюркологланы бюросуну эм «Советская тюркология» деген журналны редколлегиясыны ишине тири къатышханды. Къабарты-Малкъарны илму-излем институтуну (шёндюю Къабарты-Малкъарны илму арасыны гуманитар тинтиуле бардыргъан институтуну), Къабарты-Малкъар къырал университетни эм Устазланы билимлерин ёсдюрген институтну илму советлеринде кёп жылланы ишлегенди.

Республиканы, миллетни да жамауат ишлерин бардыра, кѐп сыйлы гра-моталагъа тийишли болгъанды.

Ахматланы Ибрагим, жашауну теренден оюмлагъан, халкъы сына-гъан зорлукъну ачылыгъын кѐзю бла кѐрген, миллетин суйген, багъа-лагъан, аны тамбласына сагъая билген керти адам эди. Ол, ъз тилибиз-ни айнырын, ъсерин, хар заманда да тиллеге тенглик болурун суйгенди. «Биз аз санлы, уллу халкъбыз, тилибизни сакъларгъа, сюерге борчлубуз! Тили сакъланмагъан халкъ жокъ болады, аны сансыз ътсек, бир заманда да сыйлы болаллыкъ туююлбюз», – деген насийхат сѐзлерин бюгюн да аны сохталары уллу хурмет бла эсгередице.

Ахматланы Хашимни жашы Ибрагимни атын халкъыбыз ъмюрде да уллу хурмет бла, ыспас сѐз бла эсгергенлей турлукъду. Ол, тѐлюден тѐлюге атын ариу бла айтдыргъанды, ътген ишин миллет хазнасында сыйлы жер алырча тамамлагъанды.

Бир сѐз бла айтханда, Ахматланы Хашимни жашы Ибрагим, хал-къыны эсинде ариу ыз къойгъан белгили алим, даражалы устаз, айтхы-лыкъ адам эди.

Литературасы

1. *Ахматланы И.* Боранда: Хапарла. (В буран: Рассказы). Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1966. 76 с.

2. *Ахматов И.Х.* Главные члены предложения и средства их выражения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик: Эльбрус, 1968. 164 с.

3. Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, син-таксис. Нальчик: Эльбрус, 1976. 571 с. (*коллектив авторов*).

4. *Ахматов И.Х.* Инструкция для составления «Толкового словаря карачае-во-балкарского языка» (в 3-х томах). Нальчик, 1976. 52 с.

5. Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. Фонетика, морфология, син-таксис (Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис). Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1966. 399 б. (*коллек-тив авторов*).

6. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѐзлюгю. Ючтомлукъ. (Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В 3 томах). Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. 1. 1026 с. (*коллектив авторов*).

7. *Ахматов И.Х.* Проблемы семантического анализа простого предложения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик: Эльбрус, 1979. 100 с.

8. *Ахматов И.Х.* Структурно-семантические модели простого предложе-ния в карачаево-балкарском языке (Основные вопросы теории). Нальчик: Эль-брус, 1983. 360 с.

9. Современный карачаево-балкарский язык. В двух частях. Ч. 1. Нальчик «Печатный двор», 2016. 442 с. (*коллектив авторов*).

10. Современный карачаево-балкарский язык в двух частях. Ч. 2. Нальчик «Печатный двор», 2018. 479 с. (*коллектив авторов*).

ЦВЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ НАУКИ (К 80-летию И.Х. Ахматова)

Махиева Л.Х., Локьяева Ж.М.
Нальчик, КБИГИ

В статье описываются основные даты жизни и деятельности видного ученого-тюрколога, академика Международной тюркской академии, заслуженного деятеля науки КБАССР, доктора филологических наук, профессора И.Х. Ахматова, внесшего огромный вклад в развитие карачаево-балкарского языкознания и тюркологии.

Ключевые слова: *видный ученый, известный педагог, карачаево-балкарский язык, синтаксис, толковый словарь.*

COLOUR OF NATIONAL SCIENCE (to the 80th anniversary of I.Kh. Akhmatov)

Mahieva L.M., Lokyaeva J.M.
Nalchik, KBIGI

The article describes the main dates of life and activity of prominent turkologist, academician of the International Turkic Academy, Honored worker of science of KBASSR, Doctor of Philology, Professor I.Kh. Akhmatov, who made a great contribution to the development of karachay-balkarian linguistics and turkology.

Keywords: *prominent scientist, famous teacher, karachay-balkarian language, syntax, explanatory dictionary.*

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 81.27

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА РОДНОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Алиева Т.К., Киикова З.А.

*Карачаевск, Карачаево-Черкесский
государственный университет имени У.Д. Алиева*

В статье рассматриваются вопросы сохранения и развития карачаево-балкарского языка, описывается языковая ситуация, сложившаяся в Карачаево-Черкесии в последнее время. Наряду с анализом состояния изучения родного языка, рассматриваются причины негативного отношения к родному языку некоторых родителей. Авторы статьи считают, что неоднозначность восприятия некоторыми родителями изменений, внесенных в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» требует разьяснительной работы.

Ключевые слова: *Родной язык, система образования, Закон об образовании, родители, обучающиеся, учителя, общественность, национальное самосознание, языковая политика, языковая ситуация.*

Как известно, в текущем 2018 году в законодательство России внесены изменения, касающиеся изучения родных языков. Согласно им, родители школьников смогут выбрать для своих детей один из языков народов России для изучения в качестве родного. Так, в Карачаево-Черкесии школьники в качестве родного языка могут выбрать один из языков: карачаевский, абазинский, черкесский, ногайский и русский.

Нельзя не согласиться с мнением вице-президента Республики Татарстан Минтимера Шаймиева: «Президент всегда старается реагировать по ситуации, вот это и есть реакция Президента страны на

состояние языков. Закон долго обсуждался, он принят, сейчас опять найдутся ревнители. Нельзя пытаться поставить государственные стандарты образования выше Конституции России и Конституций субъектов или их уставов. Это не та политика, если на уровне стандартов не будут учтены интересы государственного языка страны, государственных языков ее народов. Наоборот, именно как указано в Конституции РФ, надо способствовать сохранению языков. Стандарты должны быть согласованы на всех уровнях. Мы все хотим, чтобы в стране все было хорошо. Когда разрабатываются стандарты, тревога должна исчезнуть, люди должны успокоиться и дальше созидать, владея государственным языком страны и родными языками» [7].

Рамзан Кадыров сказал просто: «Повторяю свою позицию: чеченец, который не хочет учить родной язык, где бы он ни находился, не чеченец. Наше Отечество – Россия – сильно своим многонациональным, многоконфессиональным народом, состоящим из десятков коренных народов. Это великое достояние, данное нам Всевышним и сохраненное веками. И наш долг – так же бережно относиться к нему!» [3].

В истории развития языков народов России были разные периоды, порой негативные, нацеленные на их уничтожение. В 20–30-е годы прошлого столетия новая советская языковая политика достигла определенных успехов в деле расширения сфер употребления национальных языков, в начальной школе родной язык имел статус языка обучения. Однако, в процессе реализации Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» были допущены перекосы, которые привели к ликвидации национальных школ и сокращению социальных функций родных языков.

Во время Великой Отечественной войны политика уничтожения языков обрела новую форму, в процессе которой народы подвергались депортации. Так, незаконному акту геноцида были подвергнуты карачаевцы, балкарцы, ингуши, чеченцы, калмыки и другие народы, которые в одночасье были лишены родной земли. Как порождение геноцида и как его главный компонент и оружие для целенаправленного уничтожения народа служил лингвоцид. Единственной сферой функционирования языка репрессированных народов была сфера бытового общения, все остальные сферы (научно-образовательная сфера, сфера культуры) были под запретом. Расселяли дисперсно (колониями) в климатически непривычные для депортированных места. Главной целью

этого чудовищного акта было уничтожение национального самосознания народов и их ассимиляция.

В послевоенные годы в стране советов в контексте создания «единого советского народа» была попытка принятия русского языка как второго родного языка для всех народов СССР. В результате такой языковой политики языки малочисленных народов не развивались в аспекте сфер функционирования, престиж языков стремительно падал.

В 2018 году российская языковая ситуация также претерпела угрозу выведения родных языков из процесса школьного изучения. В Государственную Думу 10 апреля 2018 г. был внесен законопроект, предполагающий изучение «государственных языков республик в составе РФ «за счет учебного времени вариативной части учебных планов», что не соответствует положению Конституции РФ (ст. 68, п. 3). Следует отметить, что современная языковая политика характеризуется некоторой демократичностью по сравнению с ее непредсказуемостью в советский период: Госдума доработала законопроект с учетом критических замечаний. «В соответствии с согласованной версией, родной язык остается в обязательной части школьной программы, при этом родители учеников смогут выбирать язык, написав заявление» [1]. На самом деле «желающему изучать родной язык и любящему его не чинятся никакие препятствия. Истинный патриот своего народа, своего родного края никогда не откажется от языка своих предков и родителей!» [3].

Тем не менее региональную языковую ситуацию осложняет тот факт, что в качестве родного языка можно выбрать любой язык, в том числе и «родной русский язык», который по представлениям родителей может помочь при сдаче ЕГЭ по русскому языку. Как указано в пояснительной записке программы курса «Родной русский язык», «Русский язык изучается как родной язык, выполняющий свои базовые функции общения и выражения мысли, обеспечивающий межличностное и социальное взаимодействие людей, участвует в формировании сознания, самосознания и мировоззрения личности» [5]. При этом нельзя не заметить, что такие программы почему-то помещают в сайты материалов по подготовке к ЕГЭ.

В КЧР в последнее время активизировалась деятельность общественной организации «Къарачай Алан Халкъ», которая в составе рабочих групп совместно с другими общественными организациями, представителями органов исполнительной и муниципальных властей, родительских комитетов и др. приняла ответственность за работу по выяснению

фактов, мешающих развитию родного языка. На основании приказа Министерства образования и науки КЧР от 24 октября 2018 года центральный Совет ОО «Къарачай Алан Халкъ» одновременно анализировал состояние изучения родного языка в школах, где выявлено много недостатков, касающихся организации данного вопроса.

Нам представляется, что актуальной задачей сохранения родного языка сегодня является разъяснительная работа среди родителей, которые должны знать, что изучение родного языка играет огромную роль в формировании личности и этнической идентичности каждого человека, способствует воспитанию нравственных основ национального самосознания и уважения к языкам и культурам других народов. В свете последних событий в сфере образования в связи со сложностью вопросов, которые решаются на уровне администрации школы и по воле родителей, требуется психологическая помощь разумных сил для разъяснительной работы среди родителей. Только такая помощь способна пробудить национальное самосознание и стремление сохранить наследие предков. Именно в такой роли мы видим ученых, учителей родных языков, общественные организации, волонтеров, представителей родительских комитетов

Удивительно, но в трагические годы депортации народ в такой помощи не нуждался. Инстинкт самосохранения создавал особые условия для сохранения родных языков. Именно семья сыграла в трудные годы главную роль в сохранении культурного наследия народа, в том числе и родного языка.

Отмечено, что «быстрее всех на родину возвращались карачаевцы и балкарцы – более 80% в 1959 году» [4, с. 328]. Вероятно, этому способствовали внутренние ресурсы, генерировавшие энергию притяжения к родной земле, к которой он был привязан своей древней историей, лексическим и духовным богатством нартского эпоса, фольклора в целом и топонимики. Таким образом, массовое чувство национального самосознания и национального достоинства сработало как закон самосохранения в суровых условиях чужой земли. По возвращении на родину началась эпоха возрождения, однако разрушительный след репрессий до сих пор препятствует полноценному развитию и совершенствованию языков и культур депортированных народов. Этому препятствуют и современные процессы, связанные с экономическими и политическими трудностями, которые деформируют национальную ментальность современных родителей.

Занимаясь вопросами родного языка, мы пришли к выводу, что главными инструментами овладения родным языком и формирования любви к нему являются семья и школа. В процессе изучения проблемы сохранения и развития родного языка в семье и школе мы обнаружили интересные явления. В Тебердинском заповеднике мы наблюдали за диалогом двух мальчиков (ученики 2-го и 3-го классов), которые, как выяснилось, растут в семье, где родители общаются на русском языке. Младший брат, изучающий в школе родной язык, прекрасно им владеет и говорит на родном языке, а его старший брат, который учится в «русском» классе, отвечает ему на русском языке. Все это убеждает нас в том, что система школьного национального образования дает реальные результаты. Другой пример поразил нас еще больше. В Теберде мы встретили мальчика-узбека 5–6 лет, сына работников кафе, который прекрасно владеет русским и карачаевским языками, а также родным узбекским языком. На вопрос, как же он смог научиться так хорошо говорить на нескольких языках, он ответил удивительным образом: «А узбекский мне и учить не надо, я его и так знаю». Сила материнского языка заключается в том, что он легко усваивается в языковой среде семьи, где общаются исключительно на родном языке. Поистине, «этот удивительный педагог – родной язык – не только учит многому, но и учит удивительно легко, по какому-то облегчающему методу... [6, с. 349].

Таким образом, в вопросах формирования комфортного чувства родного языка и достижения знаний хорошего уровня семья и школа несут одинаково высокую ответственность: в школу должны приходиться дети, уже хорошо говорящие на родном языке, где могут получать дальнейшие знания с осознанным интересом.

Большинство родителей понимает, что ребенок, прежде всего, должен изучить свой родной язык, но, к сожалению, сегодня есть родители, в представлениях которых «родной русский язык» может спасти их детей при сдаче ЕГЭ, что увеличивает поток желающих записаться в такие группы. В некоторых школах КЧР были случаи установления так называемой нормы приема (25%) в группы, где изучается родной русский язык. Нам представляется, что такая психологическая преграда усугубляет стремление родителей сдавать своих детей в такие группы, бессознательно лишая их комфортного чувства родного языка и культуры.

Как отмечают социолингвисты, новая инициатива изучения «спроса на перечень родных языков», которая задумана авторами нашумевшего

законопроекта, также представляет собой угрозу для родных языков. Если окажется, что спрос на родной язык в том или ином регионе не соответствует каким-либо надуманным нормам, то родного языка как обязательной дисциплины уже не будет в учебных планах.

Так или иначе, в настоящее время возникает достаточно проблем в вопросах изучения родных языков. Наряду с анализом состояния изучения родного языка необходимо выявлять причины негативного отношения к родному языку некоторых родителей и администраций школ.

Ф. Джантуева в диссертационном исследовании «Национальная и религиозная идентичность карачаевцев и балкарцев: исторический аспект» пишет: «несмотря на деформацию национального сознания и национального самосознания, которая имела место в страшные годы ссылки, до конца не были утрачены национальные ценности, такие, например, как язык, религия, иные специфические компоненты духовной жизни балкарцев и карачаевцев» [1]. Нам представляется, что фактов «деформации национального сознания и национального самосознания» среди депортированных карачаевцев и балкарцев, не было. Об этом говорят небывалая сплоченность репатриантов в вопросах обретения исторической родины и настойчивое стремление к возрождению родного языка и культуры.

К сожалению, такая формулировка, как «деформации национального сознания и национального самосознания», допустима в современной языковой ситуации по отношению к молодым родителям, которые запрещают своим детям изучать родной язык.

Литература

1. *Джантуева Ф.Р.* Национальная и религиозная идентичность карачаевцев и балкарцев: исторический аспект: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2010. 22 с.

2. *Замахина Т.* Урок на выбор // Российская газета – Столичный выпуск № 161 (7624). <https://rg.ru/2018/07/25/zakon-o-rodnom-iazyke-priniat-okonchatelno.html>] (дата обращения: 6 февраля 2019 г.).

3. *Кадыров Р.* Prosvet.media»news/kadyirov-poobeshhal...yazyik.html (дата обращения: 12 декабря 2018 г.).

4. *Полян П.* «Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР». М.: Изд-во «ОГИ-Мемориал», 2001. 328 с.

5. Примерная программа по учебному предмету «Русский родной язык» для образовательных организаций, реализующих программы основного общего

образования. Москва, 2018 г. https://4ege.ru/materials_podgotovka/56082-programma-kursa-russkiy-rodnoy-yazyk.html (дата обращения: 12 февраля 2019 г.)

6. Ушинский К.Д. Родное слово / Семейное воспитание: Хрестоматия: Учеб. Пособие для студ. высш. пед. учеб. Заведений / сост. П.А. Лебедев. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 349 с.

7. Шаймиев М. Выступление на форуме национальных СМИ <https://theworldnews.net/ru-news/shaimiev-vyskazalsia-o-iazykakh-na-forume-natsionalnykh-smi> (дата обращения: 12 декабря 2018 г.).

THE PROBLEM OF CHOOSING A NATIVE LANGUAGE IN THE SYSTEM OF SCHOOL EDUCATION

Aliyeva T.K., Klikova S.A.

Karachayevsk, Karachay-Cherkess

U.D. Aliyev State University

The article deals with the preservation and development of the Karachay-Balkar language, describes the language situation in Karachay-Cherkessia in recent years. Along with the analysis of the state of the study of the native language, the reasons for the negative attitude to the native language of some parents are considered. The authors believe that the ambiguity of some parents' perception of the changes made to the Federal law «On education in the Russian Federation» requires explanatory work.

Keywords: *Mother tongue, education system, Law on education, parents, students, teachers, public, national consciousness, language policy, language situation.*

УДК 811.512.142

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМАНТИКИ ОЦЕНКИ И ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

Аппоев А.К.

г. Нальчик, ИГИ КБНЦ РАН

В данной статье на материале карачаево-балкарских пословиц и поговорок рассматривается репрезентация семантики оценки. Оценочное значение в значительной степени определяет семантические свойства всех пословиц и поговорок, так или иначе, характеризует все народные изречения.

***Ключевые слова:** карачаево-балкарский язык, пословицы и поговорки, оценочное значение.*

Паремиологический фонд любого языка позволяет реконструировать наиболее важные стереотипы массового национального сознания. Паремии отражают особенности интерперсональных отношений, социально-исторический контекст, материальную и духовную культуру социума [1, с. 127]. При этом, как отмечается в специальной лингвистической литературе, они репрезентируют различную этнокультурную информацию относительно этнографизмов [3], пространства [6], сферы деятельности [8] и характеризуются как микроинтертексты [5].

Пословицы и поговорки любого языка содержат и хранят в себе накопившийся за века весь человеческий опыт. Они отражают условия жизни народа, раскрывают историю носителя языка и особенности его культуры. У народов, относящихся к разным культурно-языковым общностям в одинаковых пословицах и поговорках обнаруживается местный колорит. Это свидетельствует в пользу того, что в семантической структуре паремий значительное место занимает национально-культурный аспект коннотации.

В пословицах заключена народная оценка жизни, наблюдения народного ума. Не всякое изречение становилось пословицей, а только

такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей, такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век.

Оценочное значение в значительной степени определяет семантические свойства всех пословиц и поговорок, так или иначе, характеризует все народные изречения. Оно в одних паремиях ярко выражено в самой пословице или поговорке, а у других пословично-поговорочных единиц репрезентируется в контекстном окружении.

Оценочное значение паремии раскрывает отношение говорящего к обозначаемому. Это отношение также опосредовано культурным знанием, которое соотносится с системой ценностей, сложившейся в культуре, отражающей национальное мировидение. «Оценка – суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т.п. – как одна из основных частей стилистической коннотации» [4, с. 305]. Репрезентация семантики оценки тесным образом зависит и от категории противопоставления в паремиях, т.е. категории градуальности, которая близка категориям оценки, количества, интенсивности. Данный аспект спорадически представлен в некоторых работах по паремиям. Так, в специальных исследованиях, посвященных карачаево-балкарским паремиям, отмечается тот факт, что в них маркеры компаратива способствуют его репрезентации по тем или иным действиям лица [2].

В пословицах и поговорках свое отражение нашли практически все сферы деятельности человека со сложностями бытия и его противоречиями. Центральной фигурой в них всегда выступает человек в своих различных проявлениях – во всем своем совершенстве и величии и во всех своих неприглядных качествах. Пословичные высказывания представляют собой обобщение многовекового жизненного опыта народа, содержат эмоционально-экспрессивную оценку поступков человека, событий, явлений. Оценочное значение связано в основном с такими понятиями, как *иги* «хорошо» // *аман* «плохо», *игилик* «добро» // *аманлыкъ* «зло». Основными способами репрезентации абсолютных оценок в карачаево-балкарских пословицах и поговорках с противопоставительной семантикой являются обусловленность, сравнение и противопоставление: *Окьугъанны кёлю жарыкъ, окъумагъан болур жазыкъ* «У образованного душа светла, а у неуча – бедна» (у образованного все хорошо, а у неуча – плохо); *Аллах деген ач къалмаз* «Кто скажет Аллах голодным не останется» (жить с верой – хорошо); *Эшекни эти харам да, къыйыны халал* «Мясо осла запрещено, а труд –

дозволяется) (есть мясо осла – плохо, а труд его – хорошо); *Тиширыуну чачы узун, акъылы къысха* «У женщины волосы длинные, а ум короткий» (у женщины волосы длинные – хорошо, ума нет – плохо); *Иши барны – ашы бар* «У кого есть работа, у того есть еда» (у кого есть работа, тот голодным не останется); *Шуёхунг минг эсе да азды, жауунг бир эсе да кёндю* «Если даже друзей тысяча – мало, если враг и один – много» (много друзей – хорошо, даже один враг – плохо); *Жауну хорлагъан – махтау, жаугъа хорлатхан – бедии* «Победить врага – почетно, проиграть врагу – позор» (проиграть врагу – плохо, победить его – хорошо). Добро и зло в пословицах выступают важнейшими критериями оценки, мерой того, как следует и не следует поступать, своеобразным стандартом поведения, что прямо выражается в пословицах.

Сравнительные оценки в пословицах и поговорках зависят от того, устанавливают ли они превосходство одного предмета над другим или обладает ли один из сравниваемых предметов меньшей ценностью, чем другой: *Мен анга акъыл юйретгинчи, итибиз тогъуз чибин тутду* «Пока я его учил уму-разуму, наша собака поймала девять мух» (уму-разуму учить гораздо труднее, чем ловить мух, т.е. это бесполезное, бессмысленное занятие); *Билдирип келген жаудан къоркъма, билдирмей келген жаудан къоркъ* «Не бойся явного врага, а бойся тайного врага» (тайный враг страшнее, чем явный).

В изречениях рассматриваемого типа усиливается имплицитный характер оценочного значения: *Окъумагъан – сокъур* «Неуч – слеп» (быть необразованным – плохо); *Дунияда адамгъа махтау берлик ишиди* «На земле человека возвысит труд» (без дела, работы жить плохо); *Ишлемеген тишлемез* «Кто не работает, тот не ест» (жить без работы – плохо).

Как показывает подвергнутый анализу фактологический материал, оценочное значение ограничений не имеет. Облигаторными являются модальные оценки невозможности, необходимости, целесообразности и т.п.: *Гаммешни къар тугул бла ургъанлай* «Как будто ударили буйвола снежком» (до человека не достучаться); *Сюйсенг – айт, сюйсенг – къой* «Хоть говори, хоть не говори» (человеку все равно).

Многочисленную группу составляют пословицы и поговорки с соотношением оценок по трудности и легкости осуществления действия: *Айтхан – тынч, этген – кыйыын* «Легко сказать, трудно сделать»; *Кёз – къоркъакъ, кьол – батыр* «Глаза боятся, а руки – нет» (руки делают); *Ишлеген – кыйыын, ашагъан – тынч* «Работать трудно, кушать легко»;

Жай мыйысы кыйналгъанны кыйи къазаны кыйнар «У кого летом лоб вспотеет (это плохо), у того зимой казан будет кипеть (это хорошо)».

В карачаево-балкарских паремиях оцениваются также ситуации с точки зрения меры их проявления: *Этмей сокъурангандан эсе, этип сокъуран* «Чем жалеть о не сделанном, лучше сделать и так жалеть»; *Оюмсуз иш тап болмаз* «Безрассудное дело не будет правильным».

Изречения репрезентируют различную эстетическую оценку: а) *акъ* «белый» – *къара* «черный», *уллу* «большой» – *гитче* «маленький» и т.д.: *Аз ачы кѣп татлыны бузады* «Малая доля горького испортит много сладкого» (ложка дегтя в бочке меда), т.е. горький – «имеющий своеобразный едкий и неприятный вкус»; *Аз аш да татлы аш* «Еды пусть поменьше, да повкуснее» (сладкий, имеющий приятный вкус); б) *багъалы* «дорогой» – *учуз* «дешевый», *акъыллы* «умный» – *тели* «глупый»: *Акъмакъ акъыл этгинчи, акъыллы ишин битдирир* «Пока глупый думает, умный дело сделает»; *Акъыллыны асылы телини къатында билинир* «Достоинства умного проявляются (ярче) на фоне глупого»; *Акъыллыгъа бир айт, акъылсызгъа минг айт* «Умному скажи раз (и он поймет), глупому говори хоть тысячу раз (все равно не поймет)»; *Акъыллы эр киши атын махтар, тели эр киши къатынын махтар* «Умный мужчина хвалит коня, глупый мужчина хвалит жену», т.е. разумный – «обладающий умом, разумный», глупый – «с ограниченными умственными способностями, несообразительный, неспособный». Перечисленные и подобные качественные и качественно-оценочные лексемы в пословицах и поговорках карачаевцев и балкарцев отличаются абстрагированием и способны выражать высокую и низкую степень признака. В состав карачаево-балкарских паремий о труде входят такие абстрактные существительные, как радость, счастье, уважение, почет, например: *Ишлеген – насыпны башы* «Труд – основа счастья»; *Ишлемеген – намыссыз* «Не работающий – без уважения»; *Ишлеген насып кѣрюр* «Работающий найдет счастье»; *Иши жокъну сыйы жокъ* «У кого нет работы, у того нет почета» [7, с. 126].

Пословично-поговорочные выражения с элементом ценностной квалификации в семантической структуре делятся на противопоставительные: иги «хороший (хорошо)» // аман «плохой (плохо)» и на сенсорно-вкусовые, психологические, эстетические, этические: *Кюреше турсанг, темир да бюгюлюр* «Долгое старание железо согнет» (и упрямого можно уломать – частичнооценочный психологический признак); *Сѣзде бар да, ишде – жокъ* «Любит болтать, а работать – нет» (человек, который не любит работать – частичнооценочный психологический признак);

Ийнек сауа билмегеннге арбаз кьынгыр кёрюнюр «Человеку, который не умеет доить корову, двор кажется кривым» (человек, который постоянно находит причины, чтобы не работать – частнооценочный психологический признак); Ашлыкь – бюртюкден, жюн – тюкден «Корм (еда) состоит из злаков, шерсть – из волосков» (корм, еда состоит из злаков – общеоценочный сенсорно-вкусовой признак); Сохан ауруу салыр, сарымсах ауруу алыр «От лука заболеешь, от чеснока выздоровеешь» (один может словом вылечить, а другой – покалечит – частнооценочный психологический признак); Эки харбыз бир ууучха сыйынмаз «Два арбуза в одну ладонь не поместятся» (два упрямых человека не договорятся – частнооценочный психологический признак); Бош хапардан хынкял ахшы «От пустых разговоров латша хороша» (чем зря болтать, лучше покушать – общеоценочный сенсорно-вкусовой признак).

В отличие от других жанров фольклора, пословица содержит детально разработанную систему нравственно-этического характера на тему добра и зла. Она последовательно утверждает примат доброты: *Игини арты-аллы жокь* «У добра изнанки нет»; *Игиликге игилик – хар адамны ишиди, аманлыкьгьа игилик – эр адамны ишиди* «Добром отвечать добру дело каждого, а добром отвечать злу дело мужественного». Семантический комплекс *иги – аман* «хорошо – плохо» принадлежит к разряду оппозиционных понятий, в которых каждая лексема в карачаево-балкарских пословицах и поговорках репрезентирует противоположное направление, нарастание одного признака *иги – аман* «хоршо – плохо» оборачивается убыванием другого.

Анализ языковой концептуализации *добра* и *зла* позволил выявить следующие аспекты содержания данных концептов: 1) хорошо – любовь, радость, сочувствие, помощь, содействие, терпеливость, милосердие, доброта, сострадание, душевность, вера, кротость; 2) плохо – жестокость, агрессивность, вражда, брань, пренебрежение, неуважительность, подлость, лицемерие, бессовестность, пьянство, равнодушие.

Большей частью пословицы и поговорки обращены к человеческой нравственности – поискам и определению содержания таких понятий, как добро, зло, ложь, гнев, сострадание и других. В пословицах отражаются основные стереотипы народного сознания, существующие стандарты и нормы поведения, идеалы, характерные для национальной культуры.

Литература

1. *Аппоев А.К., Аппоев А.К.* Паремии как когнитивный базис национальной языковой картины мира // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2010. № 2 (156). С. 127–130.
2. *Аппоев А.К., Кетенчиев М.Б.* Структурно-семантические особенности карачаево-балкарских компаративных паремиологических высказываний // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. Материалы VI международной научной конференции. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2008. С. 178–179.
3. *Аппоев А.К., Кетенчиев М.Б.* Полиаспектный анализ названий одежды в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 20. С. 10–13.
4. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 2005. 305 с.
5. *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Интертекстуальность как облигаторный признак карачаево-балкарского нартского эпоса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2 (293). С. 68–70.
6. *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Концепт «путь» как конструкт этнической языковой картины мира (на материале карачаево-балкарского нартского эпоса) // Вестник ВЭГУ. 2014. № 5 (73). С. 79–86.
7. *Гелястанова Т.С., Биттирова Ф.Х.* Репрезентация отношения к труду и лени в карачаево-балкарских паремиях // Умар Джашуевич Алиев – выдающийся сын Кавказа. Материалы международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения У.Д. Алиева. Карачаевск, 2015. С. 123–126.
8. *Кетенчиев М.Б.* Вербализация деятельности в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 311–315.

REPRESENTATION OF SEMANTIC ESTIMATES AND CONTRACTIONS IN PROTOCOLS AND TALKS OF KARACHAYS AND BALKARIANS

Appoev A.K.
Nalchik, KBIGI

This article examines the semantics of evaluation on the basis of the Karachay-Balkarian proverbs and sayings. Estimated value largely determines the semantic properties of all proverbs and sayings, one way or another, characterizes all popular sayings.

Keywords: *Karachay-Balkar language, proverbs and sayings, estimated value.*

СООТНОШЕНИЕ ОДНОКОРЕННЫХ СИНОНИМОВ И ВАРИАНТОВ СЛОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Ахматова М.А.
г. Нальчик, КБГУ

В статье рассматриваются критерии разграничения однокоренных синонимов и вариантов слов в карачаево-балкарском языке. В ней отмечается, что в данном языке довольно много однокоренных слов, не однородных в семантическом, стилистическом и словообразовательном отношениях, создающих многоступенчатую иерархию интерпретируемых по-разному.

Ключевые слова: *карачаево-балкарский язык, однокоренные синонимы, вариантность, аффикс, морфологические варианты.*

В числе проблемных вопросов лексикологии долгое время продолжали оставаться вопросы, связанные с разграничением однокоренных синонимов и вариантов слов. В понимании термина «варианты слова» среди лексикологов нет единой точки зрения. По мнению некоторых исследователей, вариантность – это множественность средств выражения одного значения, а варианты – языковые единицы, тождественные по значению, различие или сходство звуковой, материальной формы – признак несущественный [15; 2]. О.С. Ахманова отмечает, что при тождестве корня внешнее различие оказывается в таких случаях второстепенным [2]. По мнению других лингвистов, вариантность появляется в результате некоторого видоизменения материальной оболочки слова, а варианты понимаются как разновидности одного и того же слова, характеризующиеся тождеством значения и частичным различием звукового состава [1; 8; 10; 22]. «Варианты слова – это регулярно воспроизводимые видоизменения одного и того же слова, сохраняющие тождество морфолого-словообразовательной структуры, лексического и грамматического значения и различающиеся либо с фонетической стороны, либо формообразовательными аффиксами» [8]. Сторонники

первой точки зрения учитывают только содержательную сторону языковых единиц, недостаточно обращая внимание на их материальное выражение. Однако специальные исследования, посвященные проблеме вариантности слова в русском и тюркских языках, убеждают в том, что определение понятия «варианты слова» может быть выведено лишь при одновременном учёте материальной и содержательной сторон языковых единиц [8; 1]. Помимо указанных признаков, вариантам слова бывают свойственны экспрессивные и стилистические оттенки. Следовательно, при определении понятия «варианты слова» должны быть учтены следующие критерии: тождественность их значения, общность корня и аффиксов, звуковые различия в них, а также стилистические различия. С другой стороны, звуковые различия в словах могут проявляться в большей или меньшей степени. По мнению К.С. Горбачевича, при варьировании слова допустимо различие не более, чем в двух фонемах [8].

С учетом изложенных признаков вариантами следует признать разновидности слова, имеющие одинаковую семантику и морфологическую структуру, одинаковый морфемный состав, различающиеся одним или двумя звуками, или фонемами (в корне или аффиксе) и стилистическими оттенками. Учет только смысловой стороны языковых единиц приводит к весьма широкому толкованию понятия «варианты слова» и отождествлению вариантов одного и того же слова с абсолютными синонимами. Для разграничения вариантов слова и абсолютных синонимов следует опираться как на семантические, так и на материальные основания, поскольку выделение вариантов слова предполагает при тождественности содержания и обязательную тождественность словообразовательных морфем [16]. Указанное утверждение актуализируется в монографических и диссертационных исследованиях, посвященных синтаксическим особенностям фразеологизмов карачаево-балкарского языка [20; 21].

Морфологическая структура и набор словообразовательных морфем у абсолютных синонимов неодинаковы. В отличие от них у вариантов слова, как уже указывалось, составляющие их морфемы генетически и материально совпадают. Несовпадение формы у вариантов касаются фонетических, фонематических и морфологических преобразований внутри слова. Варианты слова, прежде всего, маркируются по временной шкале (уходящие – входящие) и с точки зрения отношения к норме (нормативные – ненормативные), а с социальной и стилистической – лишь

после этого [8]. Игнорирование роли аффиксов, опора только на смысловое тождество при разграничении параллельных образований приводит к тому, что ряд исследователей квалифицирует синонимами даже безаффиксальные слова с общей семантикой, различающиеся одним-двумя звуками или фонемами – фонетические и фонематические варианты.

Однокоренные простые синонимы и морфологические варианты слова имеют аффиксы. Наличие аффикса связано с определенным лексико-грамматическим значением: *кеп* «сохнуть, сушиться (полностью)» – *кепчи* «сохнуть, сушиться (не полностью)» и т.п. Фонетические же варианты слова различаются отдельными звуками в корневой части слова, которые не имеют свойственного каждому из них и закрепленного за ними смысла, например: *биз* // *миз* «шило», *тукъум* // *дукъум* «фамилия, род» и т.п.

В карачаево-балкарском языке, как и во многих других языках, имеется определенное количество слов, заимствованных из других языков двумя путями – через устную речь и печатные произведения, и поэтому употребляемые двояко: *пурустоп* – *пристав*, *плов* – *палау*, *князь* – *гиняз*, *балах* – *пелях* «беда, несчастье», *хасеп* – *хыйсап* «возможность; метод, способ; учёт, счёт», *ийнарал* – *генерал* и др. В исследованиях, посвященных проблеме синонимии и вариантности слова, параллели приведённого типа квалифицируются обычно как фонетические варианты: *дошман* – *тусман* «враг», *кровать* – *кырауат* [6]. Исключение составляет кандидатская диссертация Т.К. Алиевой, в которой такие пары оцениваются как разные слова, не как однокоренные, а как разнокоренные [1]. Данные образования нельзя отнести к фонетическим или фонематическим вариантам, так как в них разницы больше, чем в двух фонемах. Разнокоренными их вряд ли можно считать, поскольку они образовались от одного корня. Исходя из этого, такие параллелизмы можно причислять к однокоренным синонимам, хотя они обычно употребляются без аффиксов.

Еще более сложным является разграничение вариантов слов и однокоренных синонимов. Вызвано это тем, что выдвигаются разные критерии при классификации вариантов слова. Прежде всего, следует отметить то, что однокоренные синонимы нельзя называть словообразовательными вариантами, как это делают некоторые языковеды [2], потому что «словообразовательный» – значит относящийся к разным словам, а это противоречит внутренней сущности категории вариантности – модификации в пределах одного слова.

Наибольшую трудность вызывает разграничение морфологических вариантов и однокоренных синонимов, либо их формальные несовпадения в тюркских языках в большинстве случаев заключаются в аффиксах. По мнению некоторых лексикологов, разницу между такими языковыми единицами следует искать только в семантике: варианты слов должны иметь тождественные значения, хотя могут обнаруживать лишь некоторые стилистические различия [17]. При несовпадении же семантических и стилистических различий слова с общей корневой частью они превращаются в синонимы [5].

Все аффиксальные образования от общего корня на основании тождественности их значения О.С. Ахманова квалифицирует как морфологические варианты. Синонимической системой, по ее мнению, охватываются лишь слова, семантические связи которых основаны на близости значений. При этом отсутствует, по признанию автора, чёткость в разграничении семантического тождества и близости значений, что объясняется недостаточной индивидуальной выразительностью этих явлений в языке и их научной интерпретации в лингвистике [2]. Слова с общей корневой частью, различающиеся аффиксами, некоторые исследователи разделяют на варианты слова и слова-синонимы, считая первые словообразовательными вариантами, а вторые однокоренными синонимами [5]. В однокоренных образованиях с различными аффиксами З.Г. Уразбаева выделяет словообразовательные варианты (при полном тождестве их значений) и однокоренные синонимы (при частичном совпадении значений) [17]. Таким образом, одни лингвисты все однокоренные аффиксальные образования с одинаковым значением относят к морфологическим вариантам слова, а другие предлагают различать их по полному и неполному совпадению значений, считая первые вариантами слова, а вторые – синонимами. Ф.П. Филин учитывает роль аффиксов в разграничении вариантов слова и однокоренных синонимов [18]. Л.К. Граудина, принимая частичное различие в звуковой стороне слова за один из важнейших критериев вариантности, утверждает, что синонимические слова или формы, если они не обладают звуковым тождеством, должны рассматриваться не как варианты, а как синонимы [9]. Сравнивая варианты и однокоренные синонимы в русском языке, К.С. Горбачевич отмечает, что синонимы, даже однокоренные, имеют разную, а варианты слова – единую генетическую сущность. По его мнению, генетическое и материальное единство вариантов слова составляют тот признак, который отличает их от однокоренных синонимов [8].

Интерпретация образований типа *ачытхы* – *ачытхыч*- «дрожжи, закваска для теста» как вариантов слов или как самостоятельных лексических единиц – синонимов зависит от того, что понимается под тождеством слова. А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова, Н.Н. Семенюк аналогичные образования рассматривают как варианты слов, основываясь на соображении, что внешние различия слов, которые обусловлены синонимичными аффиксами – второстепенны и не препятствуют отождествлению слова [2]. Подобная трактовка вариантов слов основывается на семантическом тождестве слова без учёта его структуры. Материальное тождество слова в данном случае сведено до тождества корневых морфем, аффиксальные же морфемы с точки зрения их материального тождества во внимание не принимаются. Между тем, тождество слова не может сохраняться, если не сохраняется тождество составляющих его основу морфем. Поэтому рассмотрение единиц типа *ачытхы* – *ачытхыч* как вариантов слов не представляется оправданным, так как наличие в составе подобных слов синонимичных, но разных аффиксальных морфем нарушает их тождество. Следовательно, наличие в слове разных аффиксов связано с разной словообразовательной структурой слов. Именно словообразовательная структура лексем является определяющим фактором, который позволяет интерпретировать подобные образования как самостоятельные слова. В таких образованиях, как *юйренчек* и *юйренчик*, аффиксы **-чек** и **-чик** находятся в отношении свободного варьирования, имеют фонетическую близость, следовательно, они – варианты одного слова.

Некоторые исследователи, например, В.В. Лопатин, считают, что признак «фонетической близости» аффиксов [13] является существенным при разграничении однокоренных синонимов и морфологических вариантов слова. Однако они не учитывают того, что фонетически близкие аффиксы могут быть вариантными и самостоятельными. Фонематическая близость аффиксов сама по себе не играет существенной роли в дифференциации однокоренных синонимов и морфологических вариантов слова. Такая роль может принадлежать только самостоятельным аффиксам. Если аффиксы не имеют этой самостоятельности, то они, присоединяясь к общему корню, образуют не отдельные слова, а варианты одного и того же слова. Однако во многих случаях нелегко бывает установить самостоятельность аффиксов. Это приводит к ошибкам в разграничении вариантов слова и однокоренных синонимов.

Самостоятельными словами-синонимами, видимо, следует считать и такие однокоренные образования, как *базгъын* – *базгъынч* «самоуверен-

ный, самонадеянный», *жырмач* – *жырманч* «прорез, прореха, разрез». В паре *базгыын* – *базгыынч* -ч является самостоятельным аффиксом: *жыйиргенч* «брезгливый» (*жыйирген*- «брезговать» + -ч), *кьюуанч* «радость» (*кьюуан*- «радоваться» + -ч; ср.: *айланч* «изгиб, извилина (*айлан*- «ходить» + -ч). Параллели *тылмач* – *тилманч*, *жырмач* – *жырманч* имеют разные аффиксы – -ч и -нч; ср.: *тилманч* (*тилма/тилме* + нч), *жырманч* (*жырма* + нч), *кьоранч* «расход» (*кьора* + -нч) и *кьурмач* «кукурузные хлопья, воздушная кукуруза» (*кьюуур* + -ма > *кьюуурма* «жаренный, поджаренный» + -ч), *уумач* «вид кушанья из натертого сыра, картофеля и муки» (*уу*- «крошить, рушить, молотить, тереть что» + -ма + -ч) [19].

Сложные же безаффиксальные единицы типа *ачыгъаууз* – *ауузачыкъ* «зевака, ротозей», *кьонишу-тийре* – *тийре-кьонишу* «соседи» однокоренными синонимами делает перестановка их корней или общности одного из них. Следует иметь ввиду еще и то, что различие в способе словообразования и наличие любой несовпадающей словообразовательной морфемы служат признаками разных слов.

Отмеченные критерии разграничения однокоренных слов в караево-балкарском языке дает право считать синонимами следующие однокоренные образования: различие фонем в словообразовательном аффиксе которых позиционно не обусловлено: *юсдюр*- – *юскюр*- «науськивать (о собаке)» и др.; одно из которых простое, а другое сложное: *ёмюрге* – *ёмюр-ёмюрге* «навек»; одно из которых имеет словообразовательный аффикс, а другое не имеет его: *огъур* – *огъурлукъ* «добро», *дери* – *деричи* «до»; одно из которых имеет «лишний» словообразовательный аффикс: *кечим* – *кечгинлик* «прощение, пощада», *кемлик* – *кемчилик* «недостаток, какое-либо несовершенство»; различающиеся аффиксами, один из которых иностранного происхождения, а другой – исконный: *прозаик* – *прозачы*; образованные от одного и того же корня, заимствованного разными путями, и имеют различия больше чем в двух фонемах: *ийнарал* – *генерал*, *пурустон* – *пристав*.

Однокоренные синонимы, как и разнокоренные, могут различаться оттенком значения, стилистически и сферой употребления [4]: *бугьумуч* – *букъгъуч* «прятки», *кеп* «сушиться, сохнуть» – *кепчи* «сушиться, сохнуть (неполное действие)». Такие различия характерны и для вариантов одного и того же слова: *атлаууч* (*лит.*) // *атлаууш* (*разг. кар.*) «ступенька; подножка», *базгыын* (*лит.*) // *базгыынч* (*ц. диал.*) «самоуверенный, самонадеянный». Эти примеры показывают, что при разграничении вариантов слова и однокоренных синонимов решающую роль играет не

семантико-стилистический критерий, а критерии «частичного звукового тождества аффиксов» и «словообразовательной самостоятельности аффиксов». Отрицание этих критериев означает отрицание однокоренных синонимов в языке, что в свою очередь приводит к неразличению их и морфологических вариантов слов. Однако мало кто отрицает наличие в языке разных слов-синонимов с одним и тем же корнем. Правда, исследователи называют их по-разному: «однокоренные слова, соотносящиеся в значениях» [14]; «словообразовательные синонимы» [11]; «грамматические синонимы» [13]; «словообразовательные варианты» [9]. Как и термин «словообразовательные варианты», эти термины представляются неудачными и неприемлемыми. Термин «грамматические синонимы» используется для обозначения других явлений, словообразование не может быть безоговорочно отнесено к области грамматики. К тому же возникновение синонимов типа *бугъумуч – букъгъуч, кемчилик – кемлик* участвуют не формообразующие, а словообразующие аффиксы. Представляется неприемлемым также термин «однокоренные слова, соотносящиеся в значениях», так как это обозначение является общим для однокоренных лексических синонимов и морфологических вариантов. Не совсем удачен и термин «словообразовательная синонимия», так как он ассоциируется с противопоставлением «словообразовательных синонимов» некоей группе «несловообразовательных синонимов». Если именовать однокоренные параллелизмы словообразовательными синонимами, потому что они образуют самостоятельные слова, то тем больше оснований называть словообразовательными синонимами разнокоренные параллелизмы, так как они являются самостоятельными словами. Исходя из этих соображений, слова с тождественным значением, с общим корнем и разными аффиксами следует называть «однокоренными синонимами».

Однокоренные синонимы и морфологические варианты слова отличаются друг от друга и по количеству членов, составляющих их ряды. Ряд морфологических вариантов слова в исследуемом языке, как правило, имеет в наличии два члена, тогда как ряд однокоренных синонимов может иметь до пяти членов [3]: *тилкъау – тилтя* «заика», *бугъумуч – бугъунчакъ – букъгъуч* «прятки» – (однокоренные синонимы) и *чалгъы // чалкъы* «коса», *къонгъуроу – къонгъурау* «звонок; колокольчик (прибор)» – (морфологические варианты). Относительно этого небезынтересны также работы по карачаево-балкарскому языку общеграмматической направленности, в которых данные понятия рассматриваются в

привязке к таким грамматическим универсалиям, как отрицание [12], императив [7] и т.д.

Таким образом, однокоренные синонимы, как и варианты слова, относятся к одной и той же части речи, обладают общей корневой морфемой, им свойственны экспрессивные и стилистические оттенки, но отличаются разными словообразовательными аффиксами. В отличие от однокоренных синонимов у вариантов слова, как уже указывалось, составляющие их морфемы совпадают.

Литература

1. Алиева Т.К. Проблемы вариантности слова в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1994. 22 с.
2. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Наука, 1957. 295 с.
3. Ахматова М.А. Однокоренные синонимы в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1997. 19 с.
4. Ахматова М.А. Семантические разновидности однокоренных синонимов в карачаево-балкарском языке // Язык: история и современность. 2017. № 3. С. 4–17.
5. Бережан С.Г. О синонимичности однокорневых слов с разной аффиксальной частью // Лексическая синонимия. М., 1967. С. 142–153.
6. Бицаков С.Б. Фонетические варианты слов в современном казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1972. 35 с.
7. Бичекуева Т.Ю., Кетенчиев М.Б. Парадигма императива в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Книга, 2014. 156 с.
8. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка. Л.: Наука, 1978. 238 с.
9. Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. М.: Наука, 1980. 288 с.
10. Гузев Ж.М. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик: Эльбрус, 1984. 158 с.
11. Илюшин А.А. Словообразовательные синонимы // Русская речь. М., 1971. № 5. С. 18–25.
12. Кетенчиев М.Б., Тохаева Ф.И. Парадигма отрицания в карачаево-балкарском языке. Карачаевск: КЧГУ, 2013. 157 с.
13. Лопатин В.В. Лексическая вариантность и словообразовательная синонимия // Уч. зап. Пермск. ун-та. № 243. 1972. С. 80–83.
14. Рогожникова Р.П. Соотношение вариантов слов, однокоренных слов и синонимов // Лексическая синонимия. М., 1967. С. 151–163.
15. Смирницкий А.И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова») // Труды ИЯ АН СССР. Т. 4. 1954. С. 4–49.

16. Степанова В.В. Форма слова в аспекте лексикологическом (лексико-системном) // Герценовские чтения, XXVI. Л., 1973. С. 164–170.
17. Уразбаева З.Г. Вариантность слова в современном башкирском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1980. 20 с.
18. Филлин Ф.П. О слове и вариантах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.–Л., 1963. С. 129–133.
19. Хабичев М.А. Именное словообразование и формообразование в куманских языках. М.: Наука, 1989. 218 с.
20. Хуболов С.М. Формально-семантические модели одноместных фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1997. 22 с.
21. Хуболов С.М. Предложения с моновалентными предикатами-фразеологическими единицами в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Книга, 2002. 177 с.
22. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1964. 310 с.

THE RATIO OF SINGLE-ROOT SYNONYMS AND VARIATIONS OF WORDS IN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Akhmatova M.A.
Nalchik, KBSU

The article deals with the criteria of differentiation of synonyms and variants of words in the Karachay-Balkar language. There are quite a lot of words with a common root in this language, but single-rooted words are not homogeneous in semantic, stylistic and word-formation relations, they create a multi-stage hierarchy in the Karachay-Balkar language, which allows to interpret them in different ways.

Keywords: *karachay-balkar language, synonyms, variation, affix, morphological variants.*

**СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТИПЫ
СУБСТАНТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

Багов А.М., Гериева М.Р.
г. Нальчик, КБГУ

В статье рассматриваются структурно-грамматические типы субстантивных фразеологизмов карачаево-балкарского языка, подавляющее большинство которых образовано по методике определительных словосочетаний. В ней обращается внимание на то, что значительной части субъективных фразеологизмов, как и именам существительным, присущи категории числа, падежа и принадлежности.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, субстантивные фразеологизмы, парадигма числа, парадигма падежа, парадигма принадлежности, имя существительное, имя прилагательное.

Субстантивные фразеологические единицы карачаево-балкарского языка по категориальным свойствам и функциональным особенностям соотносятся с именами существительными: являются обозначениями предметов, явлений, лиц. Предметность – это один из определяющих признаков фразеологических единиц названного семантико-грамматического разряда. Она находит свое выражение в тех же грамматических категориях (число, падеж, притяжательность), какие свойственны именам существительным. Это значит, что категориальные свойства субстантивных фразеологических единиц проявляются через их стержневые компоненты.

Стержневым компонентом обычно принято называть грамматически главенствующий член словосочетаний. Во фразеологических же сочетаниях, в отличие от синтаксических, не выражены отношения грамматической зависимости между компонентами. Несмотря на это, в них можно выделить компонент, который является основным в этом отношении, что

он оформляет категориальное, или грамматическое значение словесного соединения в целом, и является основным средством синтагматической связи. Этот компонент является стержневым. Формы изменения стержневых компонентов являются формальным признаком фразеологических единиц как семантически целостных соединений слов.

Субстантивные фразеологизмы в основном имеют строение простых словосочетаний, т.е. двучленны, количество многочленных фразеологических единиц ограничено. Объясняется это тем, что большинство рассматриваемых фразеологических сочетаний образовано путем преобразования семантики словосочетаний, общеупотребительных и часто встречающихся в речевой практике. Немаловажным фактором, действующим при образовании фразеологизмов, следует считать и то, что они являются предметными, или элементными номинациями. И, вполне закономерно, в языке в качестве названий предметов и лиц утверждаются такие сочетания слов, которые по своей фонетико-грамматической оформленности ближе к словам. Вот почему фразеологизмы – составные наименования, представляют собой краткие, сжатые обороты речи, удивительно ёмко и точно передающие вкладываемый в них смысл, легко запоминающиеся и удобные для пользования.

Указанные выше характеристики субстантивных фразеологических единиц неплохо представлены в целом ряде научных статей, посвященных базовым концептам карачаево-балкарского языка [2; 3; 4], семантике фразеологизмов [7; 11], стереотипным представлениям карачаевцев и балкарцев [5], функционально-семантическим категориям [1], фразеологизированным предложениям различной структуры [6; 8; 9; 10; 12].

Здесь рассматриваются структурные типы двучленных субстантивных фразеологических единиц, среди которых можно выделить следующие группы:

1) имя существительное в основном падеже + имя существительное (1 изафет). Формы данной конструкции являются довольно продуктивными и относятся в основном к разговорно-просторечной сфере: *жан нёгер* «закадычный друг», *жан къазауат* «смертный бой», *жан дарман* «очень дорогое, ценное, лекарство для души», *къан ичиучю* «кровопийца», *жан алыучу* «ангел смерти», *жан къайгъы* «боязнь», *аууз марда* «цена, устанавливаемая торгующим за свой товар», *къан жилимукъ* «горячие слёзы», *кийик саулукъ* «богатырское здоровье», *къазыкъ оюн* «драка», *къазыкъ сюд* «самосуд», *кюбюр жамау* «добро, имущество», *ажал къайыкъ* «душегубка», *мангылай къыйын* «заработанное честным

трудом», *мангылай жарыкълыкъ* «приветливость», *сѣз къапчыкъ* «болтун», *къабыр азап* «сильное мучение», *алтын бешик* «место, где родился и вырос человек». Примеры: *Айкъуш манга жан алыучуча кѣрюндю* (М.Ш.) «Айкуш показалась мне ангелом смерти». *Жаулары жашха къазыкъ сюд этдиле* (Ш.) «Враги учинили над парнем самосуд». *Башха амалы болмай, эки къолу бла да душманны (айыуну) белинден тыюю къатыш тутду да, Рамазан жан къазауатны къызыуна кирди* (А.С.) «Не находя другого выхода, Рамазан вступил в смертельную схватку с медведем». *Мангылай къыйыны бла жашагъан халкъ, къайда да халал юйюрдю* (И.Г.) «Кто зарабатывает честным трудом, тот пользуется уважением». *Уралым, Уралым, алтын бешигим, сени тереклеринг манга къарындашла, кырдыкларынг – эгечле* (Ш.) «Урал, Урал, колыбель моя, твои деревья – мне братья, травы – сестры».

Фразеологизмы данной конструкции имеют строгий порядок следования компонентов и за редким случаем не допускают перестановки компонентов. Первый компонент, как правило, не изменяется, а второй может иметь: а) парадигму числа: *жан нѣгер* «закадычный друг» – *жан нѣгерле* «закадычные друзья»; *къан ичиучю* «кровопийца» – *къан ичиучюле* «кровопийцы»; б) падежные окончания: *сѣз къапчыкъ* «болтун» – *сѣз къапчыкъны*; *сѣз къапчыкъгъа*, *сѣз къапчыкъны*, *сѣз къапчыкъда*, *сѣз къапчыкъдан*; *мангылай жарыкълыкъ* «приветливость» – *мангылай жарыкълыкъны*, *мангылай жарыкълыкъгъа*, *мангылай жарыкълыкъны*, *мангылай жарыкълыкъда*, *мангылай жарыкълыкъдан*; в) парадигму принадлежности: *мангылай къыйын* «заработанное честным трудом» – *мангылай къыйыным*, *мангылай къыйынынг*, *мангылай къайыны*, *мангылай къыйыныбыз*, *мангылай къыйыныгъыз*, *мангылай къыйынлары*.

Имя существительное в нулевой форме родительного падежа + имя существительное (2 изафет). В карачаево-балкарском языке фразеологизмов данной конструкции очень мало: *от башы* «почетное место в доме», *жер этеги* «край земли», *дуния малы* «состояние», *кѣз чырагъым* «свет очей моих», *ит азабы* «тяжелая судьба». Примеры: *Жулдуз арыгъан халда от башындагъы гитче шинтикчикге чѣкдю* (О.Э.) «Уставшая Жулдуз села на почетное место в доме». *Дуния малы ючюн бетсиз болургъа неге керекди?* (Б.Г.) «Стоит ли терять совесть ради материального состояния?». *Тулпар тайымы белинде ойнап, мен жер этегине барырма* (Ф.) «На своем могучем жеребенке я достигну края земли».

Компоненты данной конструкции соединены путем примыкания, перестановки компонентов не допускают, но могут изменяться по

падежам: *жер этеги* «край земли» – *жер этегине, жер этегини, жер этегинде, жер этегинден*.

Имя существительное в форме родительного падежа с аффиксом принадлежности + имя существительное (3 изафет). Такие фразеологизмы в карачаево-балкарском языке встречаются очень мало: *жаныны кыйыры* «самое дорогое для ...», *кёзюмю чырагъы* «свет очей моих», *атамы заманы* «былое время», *атасыны башы* «черта с два», *жерни тутуругъу* «соль земли». Примеры: *Сени жанынгы кыйыры гул бахчада айланганды* (К.ж.) «Гулять по саду является твоим любимым занятием». *Бара барсынла, аталарыны башларын алырла* (Ф.) «Пусть идут, черта с два что они возьмут».

Во фразеологических оборотах этой модели компоненты семантически равноправны, соединены путем согласования; могут иметь форму множественного числа: *атамы заманы* «былое время» – *аталарыбызны заманлары* «былые времена»; изменяются по падежам: *кёзюмю чырагъы* «свет моих очей» – *кёзюмю чырагъына, кёзюмю чырагъында, кёзюмю чырагъындан*; изменяются по лицам, не допускают перестановки компонентов.

Прилагательное + существительное. В этой модели первый компонент примыкает к другой. Эта группа фразеологизмов является весьма продуктивной. В качестве определительной части могут употребляться корневые прилагательные, и производные от существительных, а также причастия: *керти кюн* «трудный день», *аман къууум* «потеря веры в хорошее», *айыплы кьонакъ* «ответственный гость», *аман акъыл* «хитрость, уловка», *ачыкъ адам* «открытый человек», *ёмюрлюк жукъу* «вечный сон (букв.) покой», *жалар жер* «доходное место», *мырыт балта* «негодный топор». Примеры: *Керти кюн кьоркъуп, тенгинги атып, манга сыныкълыкъ келтирме* (Б.Г.) «Не позорь меня, предав своего друга в трудный день». *Эгеу прапорицикге дорбунну жолсузлугъун ангылатханда, аны башына аман акъыл келди* (Ж.З.) «Эгеу говоря прапорицику о пещере, замышлял какую-то хитрость». *Къаншау ачыкъ адам эди, адежели эди* (А.Т.) «Къаншау был откровенным и порядочным человеком».

Во фразеологизмах данной группы допустима перестановка компонентов с некоторым изменением форм, т.е. при перестановке к первому компоненту присоединяется аффикс принадлежности. Например: *къаты кьол* «жадный» – *къолу къаты, къара жюрек* «человек с черной душой» – *жюреги къара*.

Фразеологизмы данного типа имеют: а) парадигму числа: *керти кюн* «трудный день» – *керти кюнле* «трудные дни», *айыплы кьонакь* «гость, требующий особого внимания» – *айыплы кьонакьла* «гости, требующие особого внимания»; б) парадигму падежа: *ачыкь адам* «откровенный человек» – *ачыкь адамны, ачыкь адамгьа, ачыкь адамда, ачыкь адамдан*; в) парадигму принадлежности: *мырыт балта* «негодный топор» – *мырыт балтам, мырыт балтанг, мырыт балтагьыз, мырыт балтабыз, мырыт балталары*.

Причастие + существительное: *олтургьан кьыз* «старая дева», *жалгьан дуня* «бренный мир», *атланган аякь* «прощальный бокал». Примеры: *Бу жалгьан дуняны юсюнде Айжаякьдан ариуну ким табар?* (фольк.) «Кто же найдет красивее девушку, чем Айджаякь в этом бренном мире?». *Фатимат, иги кьыз болуп тургьанлай, олтургьан кьызланы санына кирип кьалды* (Ш.) «Фатимат, будучи хорошей девушкой, оказалась в числе старых дев».

В данной конструкции перестановка компонентов не допускается, но вторые члены могут принимать: а) парадигму числа: *олтургьан кьыз* «старая дева» – *олтургьан кьызла* «старые девы»; б) парадигму падежа: *жалгьан дуня* «бренный мир» – *жалгьан дуняны, жалгьан дунягьа, жалгьан дуняда, жалгьан дунядан*.

Изложенные материалы свидетельствуют о том, что в карачаево-балкарском языке значительная часть двучленных субстантивных фразеологизмов представляет собой изафетные конструкции. Менее распространены единицы, образованные из сочетания прилагательного с существительным и сочетания причастия с существительным.

Литература

1. Ахматова М.А. Вербализация сравнения в карачаево-балкарском нартском эпосе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 28. С. 20–23.
2. Ахматова М.А. Языковые репрезентанты концепта «огонь» в текстах карачаево-балкарского нартского эпоса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (55): в 2-х ч. Ч. 2. С. 76–79.
3. Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Семантическое пространство концепта «кьан/кровь» в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6–2 (60). С. 38–41.
4. Баишева С.К., Кетенчиев М.Б. Концепт «огонь» как фрагмент этнической картины мира // Cuadernos de Rusística Española. 2014. № 10. Pp. 37–44.

5. Гукетлова Ф.Н., Кетенчиев М.Б. Зоолексема «лошадь» и ее концептосфера в разноструктурных языках // Взаимодействие языка и культуры: проблемы лингвистики и литературоведения. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2014. С. 50–76.

6. Хуболов С.М. Формально-семантические модели одноместных фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1997. 22 с.

7. Хуболов С.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке (на материале фразеологии карачаево-балкарского языка) // Когнитивная парадигма: тезисы международной конференции 27–28 апреля 2000 г. Симпозиум 1. Пятигорск, 2000. С. 179–181.

8. Хуболов С.М., Улаков М.З. Полупредикативные конструкции как обязательный компонент фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке // ВЭГУ. 2013. № 1. С. 140–145.

9. Хуболов С.М. Конструкции с предикатами, выраженными трехвалентными фразеологизмами с вспомогательным глаголом *эм* в карачаево-балкарском языке // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. 2014. № 4. С. 525–530.

10. Хуболов С.М. Структура и семантика предложений с предикатами, выраженными фразеологическими единицами с соматизмом *кѣз* (глаз) в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2015. Т. V. № 4. С. 58–61.

11. Хуболов С.М. Семантические типы фразеологических единиц в карачаево-балкарском языке // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. İstanbul, 2015. № 2. С. 647–662.

12. Хуболов С.М. Структурно-семантические особенности предложений с предикатами, выраженными трехвалентными фразеологизмами со значением отношения в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1–2 (55). С. 190–193.

Список сокращений:

А.С. – Азамат Суююнчев

А.Т. – Алим Теппев

Б.Г. – Берг Гуртуев

Ж.З. – Жанакъайыт Залиханов

И.Г. – Ибрагим Гадиев

К.ж. – газ. «Коммунизмге жол»

М.Ш. – Миналдан Шаваева

О.Э. – Омар Этезов

Ф. – фольклор

Ш. – альманах «Шуѣхлукъ»

STRUCTURAL GRAMMATICAL TYPES OF SUBSTANTIVE IDIOMS IN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Bagov A.M., Gerieva M.R.
Nalchik, KBSU

The article describes the structural and grammatical types of substantive phraseological units of the Karachay-Balkar language. The vast majority of the considered descriptions are formed by the method of definite word combinations. A significant part of subjective phraseological units, as well as noun names, are inherent in the categories of number, case and belonging.

Keywords: *Karachay-Balkar language, substantive idioms, paradigm, the paradigm case, paradigm of belonging, noun, adjective.*

УДК 811.512.142

НЕКОТОРЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Бичекуева Т.Ю.

г. Нальчик, МКОУ «СОШ № 9»

Статья посвящена исследованию отдельных аспектов императивных конструкций в карачаево-балкарском языке с точки зрения их синтаксических особенностей. В ней рассматривается влияние вокатива, местоименного подлежащего, повтора, частиц на интенсивность значения императива.

Ключевые слова: *филология, императив, синтаксические конструкции, вокатив, местоименное подлежащее, повтор, частицы.*

В реализации семантики императива особенно важная роль принадлежит синтаксическому окружению, т.к. только на фоне широкого контекста могут быть раскрыты его разнообразные модальные оттенки. В этой связи в карачаево-балкарском языкознании рассматриваются некоторые конструктивные признаки императивных высказываний.

Вокатив. В функционировании императивных предложений особую роль играет реальное наличие партнеров диалога – говорящего и слушающего. При этом говорящий ориентируется на передачу некоторой информации, а слушающий – на ее восприятие. Говорящий, если он не уверен, что слушатель готов к восприятию информации, должен сообщить ему о предстоящем начале речевого акта, т.е. побудить его слушать. Вокатив является таким средством. Он выполняет облигаторно апеллятивную, контактоустанавливающую, контактоподдерживающую функцию для того, чтобы говорящий и слушающий находились одновременно в одном месте и слушающий с другой стороны мог реально слушать говорящего.

Обращение, воздействуя на собеседника, побуждая его стать агенсом действия, заключенного в основном высказывании, выполняет иденти-

фикационную функцию. Вокатив предполагает сосредоточение внимания адресата на предмете сообщения. При этом актуализируются такие семы, как приказ, просьба, требование, распоряжение, совет, запрет и т.д.

Императив и вокатив функционально являются элементами одной сферы: вокатив побуждает слушать, а императив побуждает действовать. А.В. Исаченко по этому поводу писал: «Любой приказ, или любой запрет, является, прежде всего, проявленным призывом. Приказ или запрет предполагают реакцию (исполнение). Но призыв или обращение должны рассматриваться как проявления призывные. Они либо побуждают «второе лицо» к известным действиям, либо привлекают его внимание. Если считать призывным всякое языковое проявление с установкой на активную реакцию, то необходимо будет и вопрос считать проявлением призывным, ибо каждый вопрос предполагает ответ, то есть именно определенную реакцию, в данном случае языковую» [4, с. 50].

Обращение не ограничивается указанием на лицо, оно репрезентирует и различные оттенки модального характера, сопровождающие это название, например: радость, удивление, упрек, испуг, озабоченность, ласку, недовольство, возмущение и т.д. В таких случаях субъективная модальность выдвигается на первый план, побуждение же имеет тенденцию к заглушению: *Тохта, хайырсыз, тохта! – дегенни айтым, Руслан Бекович Махмутну «жырын» тыйды* (Э. Гуртуев) «Подожди, непутевый, подожди, – сказал Руслан Бекович и остановил «песню» Махмута». *Кир, балачыкъ, юйге* (Э. Гуртуев) «Заходи, детка, домой».

Вокатив, сопутствуя в речи императивным формам, ориентируется на оценочную функцию, т.е. на раскрытие взаимоотношений между говорящим и адресатом. Эта функция указывает на то, что отношения между ними могут быть положительными (нежность, жалость, сочувствие, и т.д.) и отрицательными (гнев, раздражение, озабоченность и т.д.). При положительных отношениях коммуникант стремится расположить к себе собеседника, показать свое благожелательное отношение к нему. В этом случае обращение или оценочные слова могут оформляться уменьшительно-ласкательными притяжательными аффиксами: *Энди, жашым, мен айтханнга тынгыла* (Б. Гуртуев) «Теперь, сынок, послушай, что я скажу». *Тохта, маржа, къарындашчыгъым, бусагъат байлайым* (Э. Гуртуев) «Подожди, братик мой, сейчас перевяжу».

Личные местоимения *сен* «ты», *сиз* «вы» также могут выполнять эмоционально-оценочную функцию. Они обычно используются при обращении к незнакомым слушающим и могут нести фамильярное –

отрицательное отношение к адресанту / адресантам. Например: *Сен, Эпипан, бизни жазаргъа юйрет. Быллай таякъчыкъла бла уа суубурун къауум кюрешсин* (Э. Гуртуев) «Ты, Эпипан, научи нас писать. А с такими палочками пусть возьмется мокроносые».

Обращение, являясь релевантным компонентом речевой деятельности, широко употребляется и в художественной литературе. Адресацию автор в ней переводит из реального плана в ирреальный и как бы говорит читателю о том, что он сказал бы потенциальному слушателю, если бы имел реальную возможность общаться с ним.

В высказывании по отношению к глаголу, т.е. сказуемому, вокатив может занимать начальную, серединную или конечную позиции. Местоположение вокатива в высказывании определяется стилистическим фактором: он произносится со специфической звательной интонацией, что обособляет его. Обращение с любой стилистической окраской, выражая лицо и выполняя апеллятивную функцию, в которой наиболее ярко проявляется императивная окраска обращения, в контексте оказывает влияние на семантику побуждения. Если он расположен перед глаголом-сказуемым, назывная функция для него является ведущей.

Вокатив положительной и отрицательной эмоциональной окраски в начальной позиции способствует установлению контакта с адресатом, принимает на себя часть побудительной эмоции и тем самым снимает некоторую эмоционально-экспрессивную выразительность императива.

Вокатив, выступая в качестве начального элемента императивного предложения, произносится с усиленной или ослабленной интонацией, после чего следует пауза: *Кърым, бери къайт, мен мындама!* (З. Толгуров) «Крым, вернись сюда, я здесь!».

Интерпозитивный вокатив близок к вводным замечаниям, лишен призывной функции и употребителен для оживления разговора. В отмеченной позиции обращение обычно произносится с понижением тона, с интонацией вводности и с некоторым убыстрением темпа. Примеры: – *Ашыкъма, жигит, ашыкъма! – деди атасы. Ала шёндю чийдиле* (Э. Гуртуев) «– Не торопись, герой, не торопись! – сказал его отец. Они сейчас неспелые».

Постпозитивный вокатив произносится с понижением тона, снижает категоричность побуждения. В стилистическом отношении он нейтрален, усиливает тон побуждения, и здесь его экспрессивная функция более очевидна, чем апеллятивная: – *Къызгъанч болма, Ахмат! – дедим мен* (Б. Гуртуев) «– Не будь жадным, Ахмат! – сказал я».

Вокативы весьма часто употребляются с междометиями: *Охо, капитан, охо... Барайым. Жарлы анасы да эшитсин жашын ёмюрге да кёрмезин. Охо, капитан* (Э. Гуртуев) «Хорошо, капитан, хорошо... Пойду. Бедная мать пусть услышит, что не увидит больше сына».

В императивном высказывании могут употребляться одновременно несколько вокативов, относящиеся либо к одному и тому же слушателю, либо к разным адресатам. Возможен повтор одного и того же вокатива, что усиливает его эмоциональную выразительность: *Идрис! Идрис, жанымы кыйырчыгы, тохта! Ызындан итле бла кзууганча, кыйры сызылып бараса?* (Э. Гуртуев) «Идрис! Идрис, душенька, подожди! Куда так спешишь, как будто за тобой с собаками гонятся?».

Говорящий в каждом конкретном случае выбирает такой вокатив, чтобы слушающий мог без труда определить, кому он адресован. Вокативы, из которых говорящий делает свой выбор, можно разделить по рядам по следующим признакам:

1. Индивидуальные имена (имена собственные, имена-отчества): *Василий Иванович! Чыкь! Къачаргъа керекди!* (А. Кучинаев) «Василий Иванович! Выходи! Убегать надо!». *Сиз да бери бош чакъырылмагъансыз, баям, айтчы, Гордаш, айтчы* (Б. Гуртуев) «Вас сюда тоже не просто позвали, наверно, скажи, Гордаш, скажи-ка».

2. Лексемы, обозначающие интерперсональные (родственные, дружеские и др.) отношения: – *Тохта, амма, тохта! – деди Хасан, кюллюгюн тыялмай. – Сен бир жары да барма. Андан эсе мен башха спортха жазылайым* (Э. Гуртуев) «– Подожди, бабушка, подожди! – сказал Хасан, сдерживая смех. – Ты никуда не иди. Лучше я запишусь на другой вид спорта». – *Келин, ачыуланмазгъа кюреш, – деди Зули* (А. Теппеев) «– Невестка, постарайся не сердиться, – сказала Зули».

3. Слова, характеризующие иерархические отношения в социуме: *Сен ачыкь айт. Биз тёзе билебиз. Айт, капитан* (Э. Гуртуев) «Ты говори открыто. Мы умеем терпеть. Говори, капитан». *Бизни бла ауузлана бар, бийибиз, – деди Жамбот Къужоннга* (Ж. Токумаев) «Покушай с нами и так иди, наш князь, – сказал Жамбот Кужону».

4. Названия лиц по демографическим признакам (пол, возраст, национальность): *Эслеп сёлешсенг, ашыды башынга, акъсакъл!* (И. Гадиев) «Если будешь говорить обдуманно, лучше будет для тебя, аксакал!». *Керти айт, киши, Аллах ючюн!* (Э. Гуртуев) «Честно скажи, мужчина, ради Аллаха!». *Тур, жашым, тур! Агъачха барайыкъ! – деди аппа эрттенликде, Топашканы ундуругуну аллына келип* (А. Теппеев)

«– Вставай, сынок, вставай! Пойдем в лес! – сказал дедушка, подойдя к кровати Топашки». *Эй, черкес, энди келсенг, манга саугъала келтире кел!* (Ж. Токумаев) «Эй, черкес, в следующий раз, когда придешь, приходи с подарками!».

5. Наименование лиц по профессии, роду занятий, званиям и титулам: *Эфенди, мени къызым ол гыбышыны кёрюп болмазча бир дууа жаз, сора ол Ахылау бийни сюерча да бир дууа жаз* («Минги-Тау») «Эфенди, напиши дуа, чтобы моя дочь ненавидела этого незаконно-рожденного, а потом напиши, чтобы она полюбила князя Ахылауа». *Товарищле, нёгерле, сиз анга ачыуланмагъыз! Ол ангылагъаныча соралды* (Б. Гуртуев) «Товарищи, друзья, вы не сердитесь на него! Он спрашивает, как понимает».

6. Эмоционально-оценочные слова: *Ёрге тур, аман хомух!* (З. Толгуров) «Вставай, ленивец!»; *Элт, харип, Осман, элт!* (А. Теппеев) «Неси, бедный, Осман, неси!»; – *Бар, жанымы къыйыры, бар, ахишы улан! – деп, Ибрахим жашын ашыкъдырды* (Б. Гуртуев) «– Иди, душенька, иди, хороший парень! – поторопил Ибрагим сына».

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что обращение не входит в число грамматических компонентов предложения, не вступает с ними в синтаксические связи, сохраняет свою обособленность в предложении и, как правило, сопровождает императив.

Функции местоименного подлежащего в императивных конструкциях. В тюркских языках, как известно, лицо и число исполнителя действия репрезентируются в предикате морфологически. Лицо, в ряде случаев, и число субъекта предложения могут быть представлены и лексически. При этом с точки зрения информативной достаточности подлежащее может быть избыточным, или факультативным.

В императивных конструкциях глагольные словоформы имеют слабую валентность на подлежащее, однако местоименное подлежащее в них имеет определенное коммуникативно-функциональное назначение: говорящий актуализирует исполнителя каузативного действия.

Императивные высказывания с местоименным подлежащим по смыслу в некоторой степени отличаются от высказываний без местоименного подлежащего. Личное местоимение способствует выделению адресата и принимает логическое ударение: *Ма, сен иги къарап тур, амма, зарядка бла да къалмай, ол уллу тюкеннге дери чабып къайтама!* (Э. Гуртуев) «Вот, ты хорошо смотри, бабушка, не ограничиваясь зарядкой, я добегу до того большого магазина и вернусь!».

«Фокусировка» агенса каузируемого действия, а тем самым и употребление местоименного подлежащего характерны для контекстов, где либо действие, каузируемое называемому исполнителю, противопоставляется действию того же самого или какого либо другого исполнителя, либо из множества потенциальных исполнителей говорящим выбирается данный определенный исполнитель» [6, с. 161].

Местоименное подлежащее может употребляться и в случае противопоставления другим лицам второго лица. Примеры: *Сен жилима, жилима! – Жюреги чыгъаргъа хазыр сабийни алындырып къояма деп къоркъуп, Сергей шош-шош атлай сѣлешди* (З. Толгуров) «Ты не плачь, не плачь! – сказал Сергей, медленно подходя, боясь напугать ребенка, у которого сердце и так готово было выскочить из груди».

Исследованный фактологический материал показал, что императивные предложения с местоименным подлежащим характеризуются эмоционально-экспрессивной маркированностью. Адресат в них выделяется с оттенком раздражения, угрозы или настойчивостью требования и т.д. Например: *Тын дейме мен санга!* (З. Толгуров) «Перестань, я тебе говорю!».

Из некоторых императивных конструкций местоименное подлежащее можно элиминировать без ущерба для семантики предложения, но есть контексты, изъятие из которых местоименного подлежащего приводит к семантической дефектности: *Сен улуу, бар да Сабырны бери бир чакъыр* (Б. Гуртуев) «Ты хороший, походи и позови-ка сюда Сабыра».

Местоименное подлежащее в карачаево-балкарском языке в основном препозитивно, что способствует усилению или смягчению различных оттенков побуждения. В интерпозиции местоименное подлежащее употребляется, когда главная форма повторяется. В постпозиции оно встречается реже.

В целом в императивных предложениях-высказываниях подлежащее является факультативным элементом, но в некоторых случаях является и облигаторным.

Повтор как интенсификатор побуждения. Отсутствие какой-либо реакции на повелительное предложение предполагает повтор повеления. Однако повтор является вспомогательным средством императива, выражает степень интенсивности побуждения, выступает как средство усиления или смягчения побуждения: *Ич, бузоучугъум, ич* (Э. Гуртуев) «Пей, теленочек мой, пей». *Къоркъма, балачыкъ, къоркъма, – деди кючден-бутдан* (З. Толгуров) «Не бойся, дитя, не бойся, – сказал он с трудом».

Спецификой повтора в императивных высказываниях является его многократное произношение в реплике одной и той же глагольной словоформы с разными дополнениями, что способствует экспрессивности высказывания: *Охо, жашчыкъ, андан къоркъма, сен уллу, къоркъма анга, – деди ахырында* (З. Толгуров) «Хорошо, парень, его не бойся, ты, не бойся этого, – сказал он в конце».

Повтор в императивных высказываниях могут использовать разные коммуниканты диалога, побуждение же они могут направлять к одному и тому же лицу. Повтор в таком случае может звучать как согласие с данным побуждением: *Бар, Башчиев, биз сенден шёндю жукъ да излемейбиз. Бар, солу* (Э. Гуртуев) «Иди, Башчиев, мы сегодня от тебя ничего не требуем. Иди, отдыхай».

Императивные конструкции с частицами. В.В. Виноградов, опираясь на соответствующие исследования во французском, немецком и английском языках, подчеркнул, что «самое большое место среди наиболее употребляемых слов занимают предлоги, союзы, частицы и местоимения» [1, с. 439].

Модальные частицы не имеют самостоятельного значения, присоединяясь к формам императива, «придают волеизъявлению различные модально-экспрессивные оттенки: подчеркивают категоричность приказа или напротив, смягчают категоричность повеления, или придают ему характер дружеского увещевания, совета, иронии, насмешки и т.п.» [5, с. 122].

По мнению Г.Н. Зикриллаева, «если интонация и форма обращения выступают как средства выражения эмоционального отношения говорящего к действию, то модальные слова и частицы служат для выражения субъективного отношения логического характера» [3, с. 88–89].

В тюркских языках частицы также являются индикаторами императивных предложений. Одни из них встречаются только в императивных предложениях, а другие и в императивных, и в повествовательных.

В карачаево-балкарском языке частица *-чы/-чу, -чи/-чю* придает императиву более мягкий тон с оттенком фамильярности, смягчает категоричность повеления, придает речи оттенок непринужденности, дружеского общения: *Бери жууугъуракъ олтурчу, Солтан, – деди Оразай* (И. Гадиев) «Сюда поближе сядь-ка, Солтан, – сказал Оразай». При выражении приказов, требований эта частица используется очень редко.

Частица *«да»* выражает настойчивую просьбу, уговаривание. Примеры: *Тын дейме да!.. – Ахматны хыны ауазы Айматны элгендирди*

(«Минги-Тау») «Перестань, говорю же!.. – резкий голос Ахмата напугал Аймат». – *Хайда, мин да, кет да къал! – деди тиширыу, жашчыкъны къолтукъ тюбюнден тута* (З. Толгуров) «– Давай, залезай и уезжай! – сказала женщина, беря мальчика за подмышки».

Частица **«маржа»** не имеет при себе основы, которая содержит определенный категорический, повелительный оттенок. Эта частица смягчает волеизъявление и находится в постпозиции к императивному глаголу. Примеры: *Келигиз, маржа, жууукъ болугъуз!* (З. Толгуров) «Проходите, пожалуйста, будьте как дома!».

В начале предложения данная частица располагается после междометий: *Эй, маржа, терк бери къайт!* («Минги-Тау») «Эй, пожалуйста, быстро сюда вернись!».

Лингвисты-тюркологи пишут, что императивному высказыванию оттенок нерешительной просьбы, уговаривания придает частица **-санг а / -сенг а**.

В карачаево-балкарском языке условные формы с частицами **а** и **бир** могут употребляться в повелительной функции для выражения просьбы, вежливого обращения, приглашения, нарочной обиды и т.д. [2, с. 234]. В этих конструкциях условная форма имеет соответствующий интонационный рисунок и логическое ударение: *Бизге да бир келсенг а* («Шуёхлукъ») «Зашел бы ты и к нам».

Частица **«бир»** может идти и в внеусловной форме: *Келчи, наным, бир къучакълайым, харип! – деди биягъы Хафисат* (З. Толгуров) «Подойди сюда, дорогой, обниму, бедненький! – сказала опять Хафисат».

В одной императивной конструкции могут встречаться вместе и две частицы. Например: *Адрах, чапчы, маржа, жашлагъа болуш, кеслери келтиралмазла! – деп къычырды Оразай* (И. Гадиев) «Адрах, сбегайка, пожалуйста, помоги парням, сами, наверное, не смогут принести!».

Как правило, в официальной речи, в тексте приказов, инструкций прилагательные частицы не встречаются.

Таким образом, частицы в значительной мере определяют модально-экспрессивную направленность побуждения, входя в структуру императивных конструкций.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Современный русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Гос. учебно-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1938. 591 с.

2. Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис / под общей ред. Н.А. Баскакова. Нальчик: Эльбрус, 1976. 571 с.
3. Зикриллаев Г.Н. Система форм повелительно-желательного наклонения в узбекском языке // Советская тюркология. 1983. № 1. С. 87–93.
4. Исаченко А.В. О призывной функции языка // Recueil linguistique de Bratislava. Bratislava, 1948. Vol. 1. P. 45–57.
5. Киселев И.А. Частицы в современных восточно-славянских языках. Минск: Изд-во БГУ, 1976. 160 с.
6. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986. 272 с.

SOME SYNTACTIC FEATURES OF IMPERATIVE SENTENCES

Bichekueva T.Yu.

Nalchik, MSEE «Secondary school № 9»

This article is devoted to the study of some aspects of imperative constructions in the karachay-balkarian language, in particular, its syntactic features. The influence of vocative, pronoun subjects, repetition, particles on the intensity of the imperative value is considered.

Keywords: *philology, imperative, syntactic constructions, vocative, pronominal subject, repetition, particles.*

УДК 811.35

**ВАЛЕНТНОСТЬ ГЛАГОЛА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЗАКОНОВ
ВНУТРЕННЕГО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА
(на материале русских глаголов тюркского происхождения)**

*Боташева Ф.Т.
г. Черкесск, КЧИГИ*

В статье анализируется семантическая и синтаксическая валентность глагольной лексики современного русского литературного языка, имеющей тюркское происхождение, как показатель законов внутреннего развития языка и передающая подобные изменения, широко употребляющаяся в речи людей, владеющих нормами литературного языка.

***Ключевые слова:** глагол, семантическая валентность, законы внутреннего развития языка, структура языка, семантический критерий.*

В научных исследованиях последних десятилетий имеется немало работ, в которых обнаруживается противопоставление структурной и традиционной семантики глагола как лексической единицы. Современная лингвистика стала более системной, включая и те ее направления, которые, наряду с новыми плодотворными идеями и методами, учитывают также старые ценные традиции.

Целью современной лингвистики является изучение не только структуры отдельных языковых единиц (к этому, собственно, и сводилась суть грамматических парадигм, синонимических групп и под.), а иерархической структуры всех языковых систем (уровней) в их противоречивом функциональном единстве.

Глагол отличается исключительной сложностью своего содержания, разнообразием грамматических категорий и форм, богатством парадигматических и синтагматических связей, это самая сложная и самая древняя категория русского языка. Глагол конструктивен по сравнению со всеми другими лексическими единицами и категориями

речи; «центральное положение в структуре предложения занимает глагол» [10, с. 34]. Глагольные конструкции оказывают влияние и на именные словосочетания.

Предикаты подразделяются на знаменательные и служебные (предикаты – десигнаторы и предикаты – форматоры). К знаменательным относятся глаголы, прилагательные, наречия, слова категории состояния и абстрактные («невещественные») существительные. К служебным предикатам относятся некоторые предлоги и союзы, пропозициональные связки, кванторы, грамматические категории и т.п. [7, с. 32–51].

В последнее время развивается изучение валентности глагола. Выделяются субъектная, объектная, пациентивная, перцептивная, локативная и другие семантические валентности, потому что в каждом естественном языке есть свой оптимальный предел такого расщепления, который интуитивно осознается говорящими. Семантические валентности – это взаимосвязанные иерархически общие и частные семантические категории самого языка.

Проблемы лексической семантики русского глагола рассмотрены в ряде фундаментальных исследований отечественных языковедов [15, с. 23–45], [1, с. 55], [6, с. 77], [12, с. 15], [13, с. 12].

Впервые принципиально выделил, например, глаголы движения А.В. Исаченко. Прежде всего речь идет о так называемых парных глаголах типа идти-ходить, ехать-ездить, брести-бродить, лезть-лазить и т.д., который говорит, что «решающим семантическим критерием, на основании которого осуществляются системные противопоставления глаголов серии «идти» с глаголами серии «ходить» следует признать направленность движения в «пространстве» [9, с. 13]. Это 17 соотносительных пар глаголов движения. В современном русском языке глаголы перемещения исследовались в различных аспектах: семантическом, синтагматическом, словообразовательном.

В лексико-семантическую группу глаголов движения включаются все лексические глагольные единицы, передающие и выражающие идею изменения местоположения в пространстве. Все исследуемые глаголы подразделяются на две группы: а) глаголы, обозначающие перемещение только субъекта, и б) глаголы, обозначающие одновременно перемещение субъекта и объекта. В качестве семантического критерия выдвигается идея пространственного перемещения субъекта или объекта, в качестве формально-грамматического – соотносительность с типовыми грамматическими вопросами «куда?» и «откуда?»

В отечественной лингвистике наряду с термином «сочетаемость» широко употребляется термин «валентность». Некоторые лингвисты используют эти два термина как синонимические [14, с. 56], другие исследователи пользуются только термином «валентность». Наиболее близким по значению термином является «сочетаемость».

Обязательно разграничение валентности управляющего слова и валентности управляемого слова, иначе говоря, активной и пассивной валентности [4, с. 34]. В некоторых лингвистических исследованиях различаются три типа валентности: семантическая, синтаксическая и логическая [13, с. 13]; более распространено различие семантической и синтаксической валентности [10, с. 65], [3, с. 89], [11, с. 78]. В исследованиях обнаруживаются термины правая и левая валентность, из которых правая обозначает сочетаемость глагола с дополнениями (или обстоятельствами), а левая – сочетаемость с подлежащим [10, с. 23], [4, с. 64].

Следует обратить внимание на точку зрения С.М. Сайкиевой относительно того, что «бесприставочный глагол входит в группу слабого управления, а приставочный – в группу сильного управления, а предложно-падежные конструкции зависимого компонента, определяются конкретным лексическим значением и морфологической структурой глагола ...» [16, с. 15].

Структурно-парадигматический аспект лексического значения глаголов перемещения был рассмотрен лингвистами в сопоставлении двух неродственных языков на материале русского и башкирского языков [8, с. 27–34], русского и узбекского языков [19, с. 14].

Нельзя не отметить того, что в некоторых работах сопоставительного плана механический перевод рассматриваемых лексем с одного языка на другой, неизбежно приводит к навязыванию специфических признаков одного языка другому и, как следствие, подводит исследователя к необъективному заключению. А надо их рассматривать как конструкционные единицы предложения, учитывая при этом семантические, коммуникативные и структурные аспекты, потому что функционирование глаголов движения в обоих сопоставляемых языках базируется на универсальной способности слова устанавливать отношения с другими словами на основе своего значения. Свойство же значений (имен) открывать места (позиции) языковеды обозначают разными терминами – «сочетаемость», «валентность», «потенции» и т.д. Таким образом, возможности сочетаемости глаголов находятся в центре внимания теории глагольной валентности.

В языкознании обычно разграничивают семантическую (содержательную) и синтаксическую (формальную) валентности. При этом принимается во внимание то, что семантическая валентность обусловлена лексическим значением, вытекает из него и характеризует данную единицу как конкретную, отличную от других лексико-семантическую единицу [5, с. 56].

В данном случае особое значение имеет рассмотрение семантической валентности с типологической точки зрения, так как, она, отражая глубинные структурно-семантические связи слов, характеризуется как универсальная для языков различных систем. Под синтаксической валентностью обычно подразумевают количество актантов, которыми глагол способен управлять. А такое свойство специфично для каждого конкретного языка, так как представляет собой способ и средство реализации содержательной (семантической) валентности средствами данного языка.

Говоря об актантах глаголов, следует отметить, что реализация значения глагола определяется обязательными и необязательными (вторичными, второстепенными) валентностями. Данное положение имеет отношение и к глаголам движения. Так, в русском языке для глагола «приходить (прийти)» обязательно словесное указание на конечную точку перемещения/ *приходить, прийти куда-то: приходит в школу, прийти в библиотеку, студию*. В этом смысле в семантическом наполнении глагола заложена способность обязательного и регулярного сочетания с формами, указывающими на конечную точку перемещения. Указанная обязательная валентность в русском и тюркских языках формально реализуется по-разному, хотя и через глагольное управление существительным. [6, с. 76]. Так, если в русском языке семантическая валентность глагола *прийти* представляется посредством управления предложно-падежными формами (*прийти на концерт, лекцию, прийти в аудиторию, парикмахерскую, прийти к друзьям, прийти в гости* и т.д.), то в тюркских языках в силу отсутствия предлогов, правая валентность, указывающая также на конечную точку перемещения, не может быть реализована предложно-падежным сочетанием, а форма, управляемая глаголом – форма местного падежа, ср. *концертге барыргъа, (келирге); аудиториягъа барыргъа, (келирге); къонакъгъа барыргъа (келирге)*.

Таким образом, при общей (сходной) содержательной (семантической) валентности указанных глаголов в русском языке поверхностная

синтаксическая интерпретация данной содержательной валентности будет специфичной для данного языка.

Синтаксическое оформление общей содержательной валентности в двух языках демонстрируют глаголы объектного перемещения. Например, глаголы типа *бросать*, *рассыпать* и т.д. в русском языке имеют общую содержательную валентность, связанную со способностью этих глаголов открывать позицию прямого объекта *бросать кого? что?* – *рассыпать кого? что?* на который направлено действие, и указанная валентность в русском языке носит обязательный характер, ибо свойственна всем без исключения глаголам указанной группы. Вместе с тем формально-синтаксическая валентность в каждом языке имеет свою специфику реализации. В русском языке формальная валентность глаголов объектного перемещения указанного выше характера реализуется через управляемую глаголом форму аккузатива (винительный падеж без предлога): *бросить* кого? что? камень, *рассыпать* кого? что? зерно, *поднять* кого? что? книгу, а в тюркских – правая объектная валентность представлена формой номинатива, ибо субъект в этом случае оформляется, в отличие от русского языка, падежами – *таишы атаргъа*, *мурзеуню атаргъа* (*чачаргъа*, *тёгерге*), *китабны атаргъа* д.б.

В связи с этим следует отметить, что такая разница в форме выражения объектного актанта является причиной синтаксической интерференции в русской речи тюркоязычных народов России.

Необходимо также отметить, что, несмотря на расхождения в морфолого – синтаксическом представлении объектных актантов (объектной валентности), в русском языке общим свойством является управление глаголом именными формами в синтаксической цепи. Таким образом, формируется синтагма, в пределах которой в обоих языках семантически связаны подчиненный именной компонент и глагол – доминанта. В целом следует сделать вывод о том, что выбор зависимого компонента продиктован значением глагола, что побуждает к сопоставительному рассмотрению глаголов данной лексико-семантической группы в рамках моделей управления, в которых определяется и количество актантов, и их семантический и морфолого-синтаксический характер.

Если управление мыслится как связь предопределяемая лексическим значением глагола, т.е. предсказуемая, то оно дает возможность судить, что каждый лексико-семантический вариант глагола движения предопределяет выбор зависимого компонента. Форма зависимого компонента при этом определяется спецификой грамматической системы каждого

конкретного языка. В производных глаголах движения типа *спрыгнуть, подползти, подъехать, подойти* и т.д. в русском языке форма зависимого компонента предопределяется и предсказывается независимо от контекста (задолго до контекстного управления), оно обусловлено морфемной структурой этих глаголов. В тюркских же языках отсутствие приставок и предлогов компенсируется богато развитой системой послелогов и падежей, что способствует детальной конкретизации направленности перемещения; например, ср., *спрыгнуть со стула – ишинтикден секирирге, подползти к яме – чунгургъа сюркелирге, подъехать ко времени – (ай-тылгъан) заманнга келирге, подойти к ребенку – сабийге барыргъа*.

При описании моделей управления глаголов движения и синтагматических отношений исследуемых глаголов употребляется термин «актант». Обычно состав семантических валентностей определяется дистрибутивным анализом глаголов перемещения, т.е. анализом всего лексического окружения, в котором встречается глагол. Также следует отметить, что обозначенный состав актантов является потенциально возможным для всей лексико-семантической группы глаголов движения, но необязательным для реализации значения каждого отдельно взятого глагола. Кроме того, если в русском языке способ перемещения обозначен самим глаголом (приехать, прилететь), и не требуется специальный актант, обозначающий средство передвижения, то в тюркских языках обозначение средства передвижения является обязательным, ср. *прилететь*, можно самолетом, приехать, можно на машине, а в тюркских языках: *и приехать, и прилететь* передается одним словом *барыргъа* или *келирге*, но обязательно с указанием (транспорта), это требование языка и речи – специальный актант, *самолет бла барыргъа, машина бла барыргъа, кеме бла барыргъа*, д.б. Таким образом, оказывается, что обязательные для тюркских языков актанты являются необязательными для русского языка.

Общим для русского и тюркских языков является наличие одновалентных и многовалентных глаголов движения, хотя их морфологосинтаксическая характеристика может быть различной.

При семантическом анализе валентности глаголов возникает необходимость в дифференциации понятий «потенциальные возможности» (валентности) и «реализованные валентности». Дело в том, что, в каждом конкретном языке реализуются потенции глагола, заложенные в его семантике, но не всегда в контексте представляются все валентности глагола. Выбор и реализация валентности определяются коммуникативными задачами.

Исследователи отмечают, что потенциальные валентностные возможности и реализованные возможности глаголов соотносятся как характеристики языковой единицы в плане языка и в плане речи [18, с. 244–250]. Следовательно, на уровне речи могут быть использованы (реализованы) не все актанты, если даже в принципе они являются необходимыми. Например, глагол *приехать* предполагает актантное обозначение конечного пункта [куда], однако, в речи данный актант может быть не использован (информация об этом может быть известна из речевой ситуации): *Он приехал (домой) ночью. Ср. Ол кече келди (юйге) / Ол келди –кече келди – келди юйге.* Как видно из примера, в данном случае использован обязательный субъектный актант (при глаголе субъектного перемещения) и необязательный актант со значением времени (Temp) «ночью».

Количество актантов глаголов движения зависит и от того, обозначает ли данный глагол самостоятельное субъектное перемещение или же имеется глагол со значением несамостоятельного перемещения. В связи с этим Ю.Д. Апресян отмечает, что русские глаголы со значением несамостоятельного перемещения типа *везти, тащить, нести, вести* (и производные от них приставочные типа *подвезти, перенести*) «не менее чем пятивалентны» [2, с. 98–123]. Обращает на себя внимание также то, что, хотя всякое обозначенное глаголом движение протекает в пространстве и во времени, но в конкретной речевой ситуации чаще реализованными оказываются пространственные валентности (исходная точка перемещения, конечный пункт, маршрут), а не актант, выражающий значение времени.

В предложениях при глаголах «идет» и «шли» употреблены разные по характеру субъекта – одушевленные существительные «гость», «они» (местоимение – существительное): в этом случае реализуется основное (прямое) значение; и неодушевленные существительные «платье» и «подарки», при которых реализуются переносные (вторичные) значения. Ср. *гость идет – кьонакь келди, келеди, шапка идет – бёрк келишеди*, но никак не *келди*. Морфолого-синтаксические характеристики правых валентностей также различаются.

Таким образом, от значения глагола движения – основного или неосновного – зависит сочетаемость с подчиненными словами. И в том, и в другом случае изменяемая словоформа уточняет или раскрывает вещественное значение глагола движения.

Р.И. Сирота указывает, что «семантическое выражение динамичности, большая употребляемость этих групп глаголов в речи, тесная связь

с философскими категориями времени и пространства, неизменный научный интерес к вопросам их семантики и морфологическим особенностям, малоизученность синтаксических свойств сочетаемости, возможность практического использования выводов для нужд преподавания, а также создания пособий для нерусских, изучающих русский язык, определили выбор группы глаголов (движения)» [17, с. 7].

Обращение исследователей к валентности глаголов связано со стремлением найти и осмыслить законы внутреннего развития языка. Так, говоря о существовании ряда семантико-синтаксических глагольных групп, отличающихся друг от друга валентными свойствами, образно сравнивают их с периодической таблицей Менделеева, в которой элементы, обнаруживающие разную валентность, входят в разные группы.

Литература

1. *Апресян Ю.Д.* Об одном правиле сложения лексических значений // Проблемы структурной лингвистики, М.: Наука, 1972. 442 с.
2. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. VIII. 472 с.
3. *Арутюнова Н.Д.* К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. 214 с.
4. *Берков В.П.* Слово в двуязычном словаре. АН ЭССР, Ин-т яз. и литературы. Таллин: Валгус, 1977. 140 с.
5. *Боташева Ф.Т.* Семантические особенности глаголов тюркского происхождения в русском языке. Ставрополь, 2012. 132 с.
6. *Васильев Л.М.* Семантика русского глагола: глаголы речи, звучания и поведения. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.
7. *Васильев Л.М.* Предикаты состояния в современном русском языке // Исследования по семантике. (Семантика языка и речи): Межвузовский научный сборник. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1991. С. 32–51.
8. *Гарипова Н.Д., Хасанова Д.М.* К сопоставительной характеристике русских и башкирских глаголов движения и положения в пространстве // Русский язык в Башкирии. Уфа, 1968. С. 27–34.
9. *Исаченко А.В.* Глаголы движения в русском языке // Русский язык в школе. 1961. № 4. С. 12–17.
10. *Кацнельсон С.Д.* Содержание слова, значение и обозначение. М.: Едиториал УРСС, 2011. 112 с. (Лингвистическое наследие XX века).
11. *Кильдибекова Т.А.* Глаголы действия в современном русском языке: опыт функционально-семантического анализа. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 157 с.

12. *Кузнецова А.И.* Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М.: МГУ, 1963. 59 с.
13. *Лессани Хосейн.* Изменение валентности глаголов в связи с их префиксацией в современном русском языке: автореф. дис.. канд. филол. наук. М., 1994. 24 с.
14. *Ломтев Т.П.* Структура предложения в современном русском языке. М.: МГУ, 1979. 198 с.
15. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.
16. *Сайкиева С.М.* Глаголы движения / Перемещения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1970. 23 с.
17. *Сирота Р.И.* Лексико-синтаксическая сочетаемость глаголов движения и глаголов перемещения предметов в пространстве в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Моск. обл. пед. ин-т им. Н.К. Крупской. Москва, 1968. 19 с.
18. *Сова Л.З.* Валентность и транзитивность с позиции лингвистического дуализма // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969. С. 244–250.
19. *Шайкенова Ж.К.* Семантика глаголов движения в казахском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1981. 23 с.

THE VALENCE OF THE VERB AS AN INDICATOR OF THE INTERNAL LAWS OF LANGUAGE DEVELOPMENT

Botasheva F.T.
Cherkessk, KCHIGI

This article analyzes the semantic and syntactic valency of the verbal vocabulary of the modern Russian literary language, which has a Turkic origin, as an indicator of the laws of the internal development of the language and transmitting such changes is wide, widely used in the speech of people who know the norms of the literary language.

Keywords: *verb, semantic valence, laws of internal language development, language structure, semantic criterion.*

УДК 811.512.142

СОПОСТАВЛЕНИЕ БАШКИРСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Давлетшина М.Ф.

*г. Уфа, ГБОУ Республиканский
инженерный лицей-интернат*

Статья посвящена сопоставлению фразеологических оборотов русского и башкирского языков. Рассмотрены их степени сходства и различия. В статье затрагивается тема принадлежности к разным культурам (восточнославянская и тюркская), отражающим уклад жизни, нравы социума, национальные традиции и национальное самосознание. Проанализированы характерные особенности глагольного компонента, указывающего на интенсивность действия.

Ключевые слова: *фразеологические обороты, лексико-фразеологическая система, национальные традиции, национальное самосознание.*

Каждый язык характеризуется спецификой своей целостной лексико-фразеологической системы, отмеченной также в некоторой степени универсальностью, что видно из корпуса его фразеологических единиц. Так, например, многие фразеологизмы как в русском, так и в башкирском языках носят абсолютно универсальный характер. В месте с тем в них закрепляются и национально-своеобразные образы. Это, прежде всего, связано с принадлежностью к разным культурам (восточнославянская и тюркская), отличающимся укладом жизни, нравами, национальными традициями и самосознанием.

Специфика национальных черт русского народа связана с его психологией, для которой характерна большая амплитуда оценки интенсивности действий и качеств. Уже самой природой заложено в русского человека безудержность, лихая смелость, все делать с размахом.

Башкирский национальный характер представлен в материальной и духовной культуре, а также во фразеологии, составляющие которой

отражают многовековой опыт этноса в освоении им мира. В фразеологическом фонде башкирского языка также имеются фразеологические единицы с качественно-количественной характеристикой, т.е. интенсификацией в различной степени.

И в русском, и в башкирском языках имеются фразеологические обороты, в семантике которых закреплена сема «интенсивность»: русск.: *делать из мухи слона* «сильно преувеличивать что-либо, придавать чему-либо незначительному большое значение», башк.: *сүптә сумала итеү* (букв. «соринку превращать в копну»).

Такого рода устойчивые сочетания представляют собой грамматический вид фразеологических единиц, соотносимых по структуре со словосочетанием или предикативным сочетанием незамкнутой конструкции. Фразеологические обороты разной структуры сопряжены с определенными лексико-грамматическими категориями. По этому признаку их можно объединить в три группы: глагольные фразеологические единицы, адъективные фразеологические единицы, компаративные фразеологические единицы.

Самой продуктивной и многочисленной группой фразеологических оборотов и в русском, и в башкирском языках представлены глагольные модели, стержневыми компонентами которых выступают простые и сложные глаголы в самых различных формах. Большое количество сложных глаголов образуются от существительных, прилагательных, наречий, числительных, модальных слов, междометий. Глагольный компонент, указывающий на интенсивность действия, часто характеризуется переносным и образным значением, причем в некоторых случаях изобразительность носит ярко выраженный гиперболический характер, чем соотносительный глагол. В большинстве случаев в составе глагольных фразеологических оборотов употреблены семантические группы глаголов со значениями активного физического действия, движения, расположения в пространстве, речевой и мыслительной деятельности, восприятия, состояния с различной степенью интенсивности действия: русск.: *нажимать на педаль, рвать на себе волосы, тащить за уши, перевернуть вверх ногами, доводить до крайности, таскать каштаны из огня, лететь стрелой, петь дифирамбы, разрушить до основания, делать большие глаза*; башк.: *арт һабағын укытыу* «бик каты эрләү» («очень сильно ругать»), *тамак ярыу* «нык итеп кыскырып һөйләү» («очень громко говорить, кричать»), *йөрәк атылып сығарзай булыу* «бик нык ярыу, тулкынланыу» («очень сильно

волноваться»), *вак иләктән иләү (үткәреү)* «бик нык тикшерерү, сокоу» («очень тщательно проверять, копаться») [3, с. 3–7].

Более распространенным средством интенсификации высказывания, наряду с другими лексическими средствами, занимают определенное место компаративные фразеологические единицы, в основе которых сравнение с компонентом *как* в русском языке и с компонентом *кеүек* «как, словно, будто, подобно» в башкирском языке. Примеры: *как свинья в апельсинах, как от козла молоко, как мышь, как свои пять пальцев, как крыса с корабля, как по маслу, как миленький, как в море корабли, как мышь по кругу, как церковная крыса, как две капли, как картина, как назло, как никогда, как нитка за иголкой, как огурчик, как в воду опущенный, как оставленный, как у христа за пазухой, как корова языком слизнула, курсак кеүек* «бик матур, купшы катын – кызга карата һокланьп әйтелә» (букв. «как кукла» – «очень красивая, изысканная женщина») [4, с. 7–9].

Таким образом, как показывает проанализированный выше фактологический материал, русский и башкирский языки имеют большое количество фразеологических единиц, характеризующиеся многообразием формальной структуры и семантики. Они, с одной стороны, несут универсальный характер, с другой – отличаются идиотничностью в плане выражаемых значений.

Литература

1. Ураксин З.Г. Башкирско-русский словарь. М., 1983.
2. Ураксин З.Г. Фразеологический словарь башкирского языка. Уфа: Китап, 1994.
3. Надршина Ф.А. Русско-башкирский словарь пословиц-эквивалентов. Уфа: Китап, 2008.
4. Багаутдинова М.И. Башкирско-русский словарь этно-культуроведческой лексики. Уфа: Китап, 2012.

COMPARISON OF BASHKIR AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS

Davletshina M.F.

Ufa, GBOU Republican engineering boarding school

The article is devoted to the comparison of phraseological turnovers of the Russian and Bashkir languages. The degrees of similarities and differences between

Russian and Bashkir languages are considered. The article addresses the topic of belonging to different cultures (Eastern Slavic and Turkic), lifestyle, customs, national traditions and national self-awareness. Analyzed are the characteristics of the verbal component indicating the intensity of the action.

Keywords: *phraseological phrases, lexical and phraseological system, national traditions, national self-consciousness.*

УДК 80

СИТУАТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Додуева А.Т.
г. Нальчик, КБГУ

В статье рассматриваются ситуативные пространственные отношения в карачаево-балкарском языке. Определяющим фактором выделения ситуативных типов предикатов является их способность сочетаться с локализаторами различного семантического типа (местом, пунктом начальной или конечной точки, трассы движения), или с их сочетанием.

Ключевые слова: *карачаево-балкарский язык, предикаты пространственной локализации, локативная конструкция, глагол, семантика.*

Носителями ситуативных пространственных отношений в карачаево-балкарском языке являются предикаты пространственной локализации. Они репрезентируют локативные пропозиции и предполагают обязательный компонент – локализатор, обозначающий место бытия предмета или действия и отвечающий на вопрос *где происходит действие? куда, откуда, вдоль чего движется локализуемый предмет?* и т.п. При рассмотрении ситуативности следует учитывать и тот факт, что наряду с собственно пространственными словами позиция локатива замещается и лексемами, представляющими собой так называемые идеальные локализаторы. Они в последние годы становятся объектом исследования и в научно-теоретических исследованиях, связанных с полиаспектным анализом различного рода концептов, например, крови [3], огня [4], лошади [6]. Локативные семантические структуры выражаются предикатами, в семантике которых могут всячески сочетаться динамические пространственные отношения.

В карачаево-балкарском языке динамические локативные конструкции реализуются в высказываниях собственно локативного типа,

в которых предикат пространственной локализации занимает сказуемостную позицию. Динамический аспект пространственной локализованности реализуется как изменение пространственного положения, а также как пространственное перемещение и «локализованное» движение. Эти признаки ситуации пространственной локализованности репрезентируются в глаголах каузивированного и автокаузивированного пространственного положения в результате изменения какого-либо прежнего, определяемого как исходное (**сал-** ‘*ставить, класть*’, **орнат-** ‘*сажать*’), пространственного перемещения (**бар-** ‘*идти*’, **уч-** ‘*летать*’, **сюркел-** ‘*ползть*’; **кир-** ‘*входить*’, **чыкъ-** ‘*выходить*’), однонаправленного перемещения в понудительном залоге (**кийир-** ‘*вносить, заносить*’, **кёчюр-** ‘*переводить*’), «локализованного» движения объекта, находящегося в некоем фиксированном положении (**кьымылда-** ‘*шевелиться*’, **бурул-** ‘*вертеться*’). Целый ряд подобных глаголов представляют собой лексикализованные залоговые формы, что представлено в работах, ориентированных на их словообразовательные возможности [8; 9]. Такого рода глаголы могут быть облигаторными конституентами и фразеологизированных конструкций, что подмечено и специалистами в области синтаксиса фразеологии [11].

Семантическое содержание подобных глаголов отличает наибольшая емкость, комплексность, диалектичность и динамизм. Динамика чередующихся пространственных отношений отображает диалектику постоянно меняющегося мира, диалектику отношений между пространством и существующими в нем предметами и явлениями. Несмотря на универсальность основных семантических типов пространственных предикатов и локализаторов, любой язык проявляет своеобразие в качестве семного состава и комбинаторных возможностей локативных предикатов, в репертуаре пространственных значений, зафиксированных за падежными или иными наиболее грамматикализованными формами.

Глаголы динамической локализованности в пространстве – глаголы движения, глаголы перемещения и глаголы каузации положения в пространстве относятся к лексико-семантическому полю пространственных действий и состояний. Их архисемой является движение по пространству, поскольку без движения нельзя занять определенную позицию в локуме.

В понятии пространства отражается координация различных внеположных друг другу объектов в один и тот же момент времени, а в по-

нятии времени отражается координация сменяющих друг друга объектов в одном и том же месте пространства. Идея перемещения облигаторно предполагает наличие трех точек в пространстве, одна из которых – движущаяся, две другие – неподвижные, относительно которых происходит перемещение движущейся точки. Местоположение говорящего понимается как позиция, откуда «ведется наблюдение» за движением. В зависимости от того, где расположен этот «наблюдательно-направительный пункт», в поле зрения говорящего оказывается тот или иной фрагмент отражаемой в предложении внеязыковой действительности.

Решающим моментом, определяющим выбор глагола в каждом отдельном случае выражения в речи пространственных отношений, является интралингвистический фактор, т.е. ориентация движения субъекта на говорящего. От его местоположения зависит также выражение характера направления движения между точками. Пространственные параметры (высота, глубина, длина, ширина) «функционируют в рамках двух пространственных плоскостей – вертикальной и горизонтальной [10, с. 166]. Типами реальной пространственной ориентации являются приближение, удаление, соединение, отделение, объединение, разделение и т.д. В целом действия в пространстве осуществляются в одном или в разных направлениях. Так, ситуация движения может быть обозначена в предложении как развивающаяся в направлении к говорящему или к локуму, в котором он находится: Ср. **Ол юйге кьайтды** ‘Он вернулся домой’. **Ол юйге келди** ‘Он пришел домой’, либо в направлении от говорящего (ср.: **Ол юйге кетди** ‘Он ушел домой’. **Ол юйге тебиреди** ‘Он направился домой’). В таких глагольных конструкциях локум может выражаться послеложными сочетаниями: **Ол юй таба тебиреди** ‘Он направился к дому’. На такой особенности локативных конструкций мы останавливались в других работах [7].

Взаимоотношения отражаемых в предложении ситуации движения и ситуации речи проявляются: 1) в охарактеризованности ситуации движения по признакам локализованность/нелокализованность во времени; локализованность/нелокализованность в пространстве; соотношенность/несоотношенность участников ситуации движения с участниками речи; 2) в объеме и характере изображения ситуации движения: представлено ли движение в полном объеме или не в полном объеме, а в отдельном фрагменте, и в каком именно.

Наиболее характерной чертой глаголов движения и глаголов перемещения является способность сочетаться со словоформами, выражающими направление и место и выступающими облигаторными компонентами предложения. В частности, указанное обнаруживается и в работах, посвященных категории падежа в тюркских языках [1]. Глаголы перемещения характеризуются еще обязательной сочетаемостью с винительным падежом имени, обозначающим перемещаемый предмет. В семантическую структуру предложений с исследуемыми глаголами входит локатив конечной точки, репрезентируемый именем в дательном-направительном падеже, наречием или послеложным сочетанием. Глаголы употребляются в своих главных значениях: **юйге бар** 'идти домой', **сабийни юйге элт** 'отвести ребенка домой', **китапны нёгеринге юйге келтирт** 'сделай так, чтобы твой товарищ принес книгу домой'.

При предикатах динамической пространственной локализации коррелирующие с ними по значению локализаторы являются их актантами. Динамические предикаты подразделяются на следующие семантические типы: предикаты установления пространственных отношений, предикаты прекращения пространственных отношений и предикаты перемещения объекта по некоторому локуму – трассе движения с каузативной и некаузативной разновидностями: **Терк окьуна (кьызчыкь) аланы (офицерлени) кьатларындан кенгиге тайды** (Б.Г.). 'Очень быстро девочка удалась от офицеров'. **Акь аскерчиле таргья кирдиле** (Б.Г.). 'Белогвардейцы вошли в ущелье'. **Жабир халкьны совхозну клубуна жыйды** 'Жабир собрал народ в совхозный клуб'. **Абидат кьызы болгьан отоугья кирди** 'Абидат зашла в комнату, где была дочь'.

Рассмотренные предикаты, как статические, так и динамические, обозначают только одну пространственную ситуацию и сочетаются только с одним локализатором. Их можно назвать прототипическими, базовыми локативными предикатами. Существует большое количество гибридных предикатов, которые могут обозначать более одной ситуации и, соответственно, сочетаться более чем с одним локализатором. Среди них особенно много гибридных транслокативных предикатов: 1. Предикаты каузативного перемещения объекта по некоторому пространству в конечную точку пространства: **Ол жол бла атны элге жетдираллыкьмыса?** 'Сможешь довести лошадь до села по той дороге?'. **Атны кьошха ол жол бла жетдирдиле** 'Лошадь в кошару отвели по той дороге'. 2. Предикаты некаузативного перемещения вдоль локума, сочетающиеся с локализатором, отвечающим на вопрос **кьайдан**

‘откуда?’ и локализатором, отвечающим на вопрос **къалайны?/къалайтын?** ‘вдоль чего?’: **Атлыла элден былайтын кетдиле** ‘Всадники ушли из села по этому месту’. 3. Предикаты некаузативного перемещения по локуму из начальной точки в конечную точку сочетаются с тремя локализаторами: это самая многочисленная группа, представленная глаголами направленного движения: **Агъачдан юйге къыланч жолчукъ бла келдик** ‘Из леса домой пришли по извилистой дорожке’. 4. Предикаты каузативного перемещения объекта из начальной точки в конечную точку: **Анасы сабийни отдан бир жанына кетерди** ‘Мать отвела ребенка от огня в сторону’. 5. Предикаты некаузативного движения из начальной точки в конечную точку пространства: **Жашчыкъ хунадан жерге секирди** ‘Мальчишка прыгнул с забора на землю’. 6. Предикаты каузативного движения из начальной точки в конечную точку объекта: **Тирменчи унну машокдан машокга къуяды** ‘Мельник высыпает муку из мешка в мешок’.

Ситуативные типы предикатов способны сочетаться с локализаторами того или иного семантического типа. Обращает на себя внимание большое количество предикатов, способных комбинировать выражение транслокативных отношений с другими динамическими отношениями. Мы все эти предикаты называем транслокативными, выделяя среди них подгруппу собственно транслокативных. К собственно транслокативным относятся предикаты, требующие координаты трассы движения и не сочетающиеся ни с координатой начальной точки движения, ни с координатой конечной точки движения, которые представлены глаголами поступательного движения. Наличие данных предикатов в языке доказывает самостоятельность и соответствующих ситуативных типов пространственных отношений. У поливалентных динамических локативных предикатов связь с локативными актантами может быть «различной силы». Например, для предикатов целенаправленного движения, предполагающих три локализатора, наиболее значимой является координата с семантикой конечной точки движения в пространстве.

Движение в целом невозможно представить вне локализации в пространстве. Присутствие в семантике глаголов параметра направления требует их облигаторной сочетаемости с конструкциями, репрезентирующими пространственно-директивные отношения. Обязательный характер адвербиальной валентности обусловлен своеобразным содержанием семантических компонентов в структуре лексических значений глаголов движения и глаголов перемещения, являющихся

важнейшим средством языковой экспликации объективно существующих локативных отношений, характеризующихся регулярным изменением положения в пространстве.

В карачаево-балкарском языке в позиции предикатов динамической пространственной локализации выступают в основном глаголы движения, наиболее характерной чертой которых является способность сочетаться со словоформами, выражающими направление и место и являющимися структурно обязательными компонентами предложения. Лексико-семантическая группа глаголов движения включает в себя переходные и непереходные глаголы с общим значением перемещения предмета в пространстве. Различные оттенки этого значения данные глаголы реализуют при наличии распространителей со значением: а) пространства, в пределах которого совершается перемещение; б) начальной, промежуточной или конечной точки перемещения; в) объекта перемещения при каузативных глаголах перемещения; г) среды или поверхности, по которой происходит перемещение. Набор названных распространителей представляет собой полную схему семантической валентности этих глаголов.

Выделяются два типа пространственных отношений: «Один тип пространственных отношений полностью обусловлен экстралингвистическими факторами – это отношение между движущимся и неподвижным предметом, движение предмета по отношению к какой-либо точке в пространстве, отношение, данное нам в объективной реальности независимо от акта речи и лишь отражаемое ею» [2, с. 8]. «Другой тип пространственных отношений возникает лишь в самом процессе речи и определяется, таким образом, интралингвистическими факторами. Имеется в виду регулярное выражение направленного движения, воспринимаемого с точки зрения говорящего и целиком зависящее от восприятия движения лицом. Так, один и тот же факт движения предмета по-разному воспринимается и называется говорящим в зависимости от того, направлено ли движение в сторону говорящего или же от него» [2, с. 9].

Местоположение говорящего понимается как позиция, откуда «ведется наблюдение» за движением. В зависимости от того, где расположен этот «наблюдательно-направительный пункт» в поле зрения говорящего оказывается тот или иной фрагмент отражаемой в предложении внеязыковой действительности. Так, например, ситуация направленного движения (включаядвигающийся предмет и точки направления движения – начальную, промежуточную, конечную) может

быть отражена следующими предложениями: **Ол юйге келди** 'Он пришёл домой'. **Ол юйге кетди** 'Он ушёл домой'. **Ол юйге барады** 'Он идёт домой'. **Ол юйге кирди** 'Он зашёл домой'. **Ол юйге ётдю** 'Он прошёл домой'. **Ол юйге къайтды** 'Он вернулся домой'. Различия между этими предложениями отражают различия в местоположении говорящего. При обозначении ситуации движения в поле зрения говорящего оказываются разные ее фрагменты. В связи с этим оказываются выраженными не все точки на линии движения. Так, в предложениях **Ол юйге къайтды/кирди/келди** обозначена та часть ситуации движения, которая включает движение в его конечной точке. В предложениях **Ол юйден чыкъды/кетди** 'Он вышел/ушёл из дома' обозначено движение по отношению к его исходной точке. Выражение характера направления движения между точками обусловлено местоположением говорящего. Например, ситуация движения может быть обозначена в предложении как развивающаяся в направлении к говорящему (ср: **Ол юйге къайтды** 'Он вернулся домой'. **Ол юйге келди** 'Он пришёл домой'), либо в направлении от говорящего (ср.: **Ол юйге кетди** 'Он ушёл домой'. **Ол юйге тебиреди** 'Он направился домой'). На движение, пространство и другие характеристики таких локативных синтаксических единиц обращают внимание и языковеды, которые занимаются лингвокультурологией. Так, например, они такие небесные светила, как Луна и Солнце, считают «пространственными, локативными ориентирами, по которым осуществлялась сезонная работа» [5, с. 190].

Таким образом, сведения о точках направления движения, а также о характере направления между точками определяются местоположением говорящего. Указание на это, а в связи с этим указание на характер направления движения относительно местоположения говорящего, может содержаться в глаголе. Ср. предложение типа **Ол юйге къайтады** 'Он возвращается домой', в котором в глаголе содержится указание на движение к конечной точке и в направлении к говорящему, местоположение которого совпадает с конечной точкой движения. Взаимоотношения отражаемых в предложении ситуации движения и ситуации речи проявляются: 1) в охарактеризованности ситуации движения по признакам локализованность/нелокализованность во времени, в пространстве; соотносённость/несоотносённость участников ситуации движения с участниками речи; 2) в объеме и характере изображения ситуации движения: представлено ли движение в полном объеме или не в полном объеме, а в отдельном фрагменте, и в каком именно.

Таким образом, все типы пространственных значений, выражающихся в карачаево-балкарском языке с помощью лексико-грамматических средств, можно разделить на две основные группы: а) первая – с общим значением направления действия-движения в пространстве, б) вторая – с общим значением местоположения или распространения действия-движения в определенной точке пространства.

Литература

1. *Абдуллина Г.Р.* Категория падежа в башкирском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 1. С. 189–193.
2. *Беднягина Э.К.* Поле направленного движения в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 20 с.
3. *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Семантическое пространство концепта «къан/кровь» в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6–2 (60). С. 38–41.
4. *Башиева С.К., Кетенчиев М.Б.* Концепт «огонь» как фрагмент этнической картины мира // Cuadernos de Rusística Española. 2014. № 10. Pp. 37–44.
5. *Башиева С.К., Кетенчиев М.Б.* Особенности вербальной репрезентации обыденных знаний о небесных телах // Cuadernos de Rusística Española. 2017. № 13. Pp. 181–194.
6. *Гукетлова Ф.Н., Кетенчиев М.Б.* Зоолексема «лошадь» и ее концептосфера в разноструктурных языках // Взаимодействие языка и культуры: проблемы лингвистики и литературоведения. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2014. С. 5–76.
7. *Додуева А.Т.* Функциональные возможности послелогов в репрезентации пространственных значений в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 6. С. 199–206.
8. *Мизиев А.М.* Лексикализация грамматических форм глагола в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1999. 23 с.
9. *Мусуков Б.А.* Морфологическая деривация глаголов в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2011. 51 с.
10. *Тошович Б.* Глаголы каузации положения в пространстве // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 163–178.
11. *Хуболов С.М.* Синтаксические функции фразеологизмов карачаево-балкарского языка // Вопросы лексики, грамматики и семантики карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2002. С. 39–47.

SITUATIONAL SPATIAL RELATIONS IN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Dodueva A. T.
Nalchik, KBSU

This article deals with situational spatial relations in the Karachay-Balkar language. Defining for allocation of situational types of predicates is their ability to be combined with localizers of various semantic type (a place, point of the initial or final point, the route of movement), or with their combination.

Keywords: *Karachay-Balkar language, predicates of spatial localization, locative construction, verb, semantics.*

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ЯЗЫКУ И ЗАНЯТИЯ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА»

Каксин А.Д.

*г. Абакан, Хакассский государственный университет
им. Н.Ф. Катанова*

В статье рассматриваются возможности использования данных по языковой когнитивистике и концептологии на занятиях по дисциплине «Философия языка». В связи с этим определяются некоторые аспекты языковой репрезентации одного из устойчивых элементов картины мира тюркских народов – концепта «дорога». Указывается на то, что данный концепт играет незаменимую роль при самовыражении представителей тюркских народов, является одной из констант их мироощущения, важнейшим компонентом их мировоззрения. Поэтому совершенно не случайно названный концепт часто становится предметом изучения лингвистов и культурологов. На занятиях по дисциплине «Философия языка» он же может служить одной из констант, в связи с которыми идет разговор о принципах и типах языковой категоризации представлений (знаний) об окружающей действительности.

Ключевые слова: *когнитивный подход к языку, языковое воплощение концептов, структурирование (категоризация) представлений, философия языка, тюркские языки.*

Есть один признак этноса, который является основным, или первым, есть одно явление в жизни любого этноса, которое является всепроникающим. Это – язык и отношение к языку (в нашем случае речь идет, конечно, о родном языке). Лингвист, занимаясь конкретным языком, может не делать экскурсы в этнографию, в историю, в другие сферы, может не принимать во внимание современные функции того или иного языка, поскольку любой естественный язык в определенный период – это вполне определенная самостоятельная субстанция. Вместе с тем есть целые направления и разделы лингвистики, где аспекты личностного “ощущения языка” и восприятия мира через призму родного

языка выходят на первый план. Традиционно указанная проблематика рассматривалась этнолингвистикой [5, с. 177–178], но в последние десятилетия обособились и другие дисциплины, имеющие ввиду, наряду с другими задачами, поиск связей (установление соотношений) между языком и ментальностью этноса. Некоторые результаты двух таких направлений, когнитивистики и концептологии, мы используем на занятиях по дисциплине «Философия языка». В частности, на тех занятиях, где речь идет о таких выдающихся лингвистах, как Эдуард Сепир и Бенджамин Ли Уорф, известных своей гипотезой лингвистической относительности (которую мы рассматриваем в качестве одной из основных в ряду философских концепций, связанных с языком).

Возможностей междисциплинарного диалога (на занятиях по философии языка) достаточно много. В процессе подготовки к этим занятиям мы стараемся также учесть труды коллег, отдавая предпочтение работам, выполненным в русле когнитивной лингвистики и концептологии. Рассматривая разного рода библиографии, мы видим, что некоторые работы последних двух десятилетий отличаются особенной новизной, поскольку опираются на результаты исследований “когнитивности” конкретных языков [12; 6; 7].

Покажем наш подход на одном из примеров. На одном из занятий предполагаем вести разговор о таком важном понятии (или концепте) как “дорога” (сразу ассоциативно в сознании возникают – пути-дороги, жизненный путь, научная стезя), и весь анализ проводим на сравнении особенностей языкового воплощения этого концепта в финно-угорских и тюркских языках.

В финно-угорских языках для выражения этих двух понятий существуют разные слова; в современных языках они произошли от разных корней: в финской ветви этой семьи – от корня **teje* ‘дорога, путь’ [8, с. 427], в угорской – от корня **pitə-* ‘связывать, вдевать’ [10, с. 419]; ср. слова современных языков: финск. *tie* ‘дорога, путь’ [10, с. 266], эст. *tee*, коми *туй* ‘дорога, путь’, хант. *pänt* ‘дорога, путь; след; узор’, манс. конд. *pant(s-)* ‘плоскость; шнырять’, венг. *pánt* ‘полоса; лента’ [3, с. 561]. Здесь интересно то обстоятельство, что угорское **pitə-* легко сопоставимо с индоевропейским **pont* ‘дорога, путь’ (ср. русск. *Млечный путь*, *Геллеспонт*; англ. *point* ‘место; пункт; суть’), и считается заимствованием из древних иранских языков.

Теперь о развитии значения исходного слова со значением ‘путь’ в тюркских языках. Только удивительная типологическая близость язы-

ков этой семьи (на фоне совершенно неявного генетического родства трех семей: тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской), а также их географическая близость (т.е. возможность взаимных переходов и заимствований), позволяют искать что-то подобное угорскому **pitə-* в разных ветвях тюркской языковой семьи (одной из самых “монолитных” при всей своей “обширности”).

Говоря о территориальной близости тюркских языков, имеем ввиду следующее: на карте Евразии отчетливо видно, что основной массив тюркских языков, можно сказать, достаточно компактно, расположен сплошной полосой от Черного и Каспийского морей до Западного Прибайкалья.

Когда мы пишем о чем-то подобном угорскому **pitə-* ‘связывать, вдевать’ > *pät-* ‘подшивать обувь; пята’ > *pänt* ‘след (пяты)’, мы имеем ввиду не генетическое родство, а возможные типологические схождения между языковыми семьями.

Итак, в древнетюркских памятниках фигурирует слово *jol*, и не только в значении ‘дорога’, но и в связанном с ним значении ‘судьба’ (иначе – ‘жизненный путь, линия жизни’):

jol I 1. дорога: *kögmän jolī bir ermīš* ‘на Кёгмен была одна дорога’; *ula bolsa, jol azmas* ‘если будет знак, с дороги не сообразится’; 2. дорога, нахождение в пути: *jol oγur bolsun* ‘пусть будет удачной дорога!’; *er joldan jandī* ‘мужчина вернулся с дороги’; 3. религ. путь, способ существования: *sen iŋc jolī inča tep aγjil* ‘ты так скажи о трех путях существования их’.

jol II: *jol täγri* ‘бог судьбы’ [4, с. 270–271].

Как известно, те строгие соответствия, которые получает в разных тюркских языках фонема /j/, дают очень наглядную картину родства и расхождения языков. Особенно часто в качестве образцового примера приводят звучание первого согласного в словах с семантикой ‘нет’: *йок, жок, джок, чок, дьок, суох*. Разумеется, что и слово со значением ‘дорога’ подтверждает эту закономерность звукового соответствия тюркских языков: *йол/жол* (казах.), *чол* (хакасск., тувинск.), *соол* (якутск.), *юл* (башкирск., татарск.) и т.д. Например, в башкирском языке слово *юл* имеет семь созвучных значений, а также может переосмысляться во временном плане (в этом проявляется синкретизм пространства и времени в мышлении древнего человека):

юл I 1) путь, дорога; *алыс юл* ‘дальняя дорога’; *оло юл* ‘большак’
2) *перен.* путь; *көрәш юлы* ‘путь борьбы’; *тормош юлы* ‘жизненный

путь' 3) способ, средство; *ике юл менән сыгарылган мәсьәлә* 'задача, решенная двумя способами'.

юл II в сочет. с указ. мест., порядк. числ. обозначает состояние, время действия; *бер юлы* 'заодно'; *был юлы* 'на этот раз' [2, с. 826].

Близкую картину можно наблюдать в татарском языке:

юл суш. 1. дорога, путь; дорожка // дорожный, путевой 2. трасса, линия // трассовый, линейный 3. направление, курс, путь 4. полоска, полоса 5. строка, строчка // строчный 6. *перен.* путь, выход, способ 7. *перен.* раз; *бу юлы на этот раз*; *юл алырга* 1) пробить дорогу 2) пройти (проехать) определенное расстояние; *юл ачарга* 1) открыть дорогу 2) найти выход; *юл бирергә* посторониться, уступить дорогу; *юл буендагы* придорожный; *юл йөрергә* разъезжать, путешествовать; *юл капчыгы* котомка; *юл кешесе* путник, странник; *юл кисүче* разбойник, грабитель; *юл төшәргә* установиться (о санном пути); *юл уңаенда* по пути, по дороге; *юл чаты* перекресток; перепутье; *юл өзеклек* распутица, бездорожье; *юлга салырга перен.* наладить, налаживать (дело и т.п.); *юлдан язарга* *прям.*, *перен.* сбиться с пути

юлаучы суш. 1. путник, проезжий 2. *уст.* странник [9, с. 397].

Словарь хакасского языка дает самую подробную детализацию мотива линии (не хватает только значения 'вектор'):

чол 1) дорога, путь; тракт, трасса ... 2) путь, дорога, путешествие; *узах чол* долгое путешествие (путь, дорога); *чол сыгарга* отправляться в путь (путешествие)... 3) путь, дорога, средство сообщения, пути сообщения; *киш чоллары* воздушные пути... 4) путь, линия, направление; *өбекелер көзиткен чол* путь, указанный предками; 5) строка... 6) прокос... 7) русло... 8) путь, дорога, орбита, траектория... 9) линия (на ладони, по которой определяют судьбу человека) [11, с. 984–985].

Итак, концепт 'дорога' немного по-разному реализуется в тюркских языках, и различия эти незначительные. По крайней мере, в одном аспекте тюркские языки схожи: на базе прямых значений развиваются переносные, связанные с мысленным представлением дороги как некой прямой линии, в т.ч. воображаемой, абстрактной ('жизненный путь', 'способ решения'). Финно-угорские языки, напротив, идут методом конкретизации, линия в них "заземляется ~ искривляется", и потому в большинстве финно-угорских языков корень *pitä (*teje*) получает прежде всего значение 'след'; в хантыйском языке даже – 'узор'.

По всей видимости, слова со значениями 'дорога', '(жизненный) путь' относятся к информативно значимым элементам языка, к таким,

о которых так убедительно написано на материале карачаево-балкарского языка: “В словарном составе языка, при направленном рассмотрении, наряду с сигнификативными, всегда можно выделить и информативные единицы. Под информативностью ... понимается не собственно лингвистическая коннотация, поскольку информативными в этом смысле могут быть и денотативные элементы, а способность лексических единиц нести в себе определенную внеязыковую информацию, в частности, историческую, этнографическую, географическую и т.д.” [1, с. 3].

Таким образом, пример с концептом ‘дорога’ лишней раз подтверждает мысль о многообразии тех возможностей, которыми располагают человеческие языки для своего развития и совершенствования, а тем самым и для расподобления (когда начинает расходиться некое общее языковое состояние). Вместе с тем верно и другое: если языки являются родственными, больше вероятности, что и в типологическом плане в каком-либо сегменте своего развития, формального или семантического, они изберут одну “дорогу”.

Литература

1. *Акбаев Ш.Х.* Возможности экстралингвистической информативности лексических элементов языка (на материале карачаево-балкарского языка) // Вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1984. С. 3–12.
2. Башкирско-русский словарь. 32000 слов / отв. ред. З.Г. Ураксин. М., 1996. 884 с.
3. Венгерско-русский словарь. 35000 слов. Изд. 4 / сост. М. Кахана. М., 1964. 858 с.
4. Древнетюркский словарь / ред.: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
5. *Исаев М.И.* Словарь этнолингвистических понятий и терминов. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2003. 200 с.
6. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
7. *Мельникова А.А.* Язык и национальный характер: Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб.: Речь, 2003. 320 с.
8. Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.
9. Татарско-русский словарь / под ред. проф. Ф.А. Ганиева. Казань, 1988. 462 с.

10. Финско-русско-финский словарь / Ю.С. Елисеев. Jyväskylä, 1999. 430 с.
11. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / Коллектив авторов-составителей. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
12. Черемисина М.И. Язык и его отражение в науке о языке / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 2002. 254 с.

COGNITIVE APPROACH TO LANGUAGE AND CLASSES IN DISCIPLINE “LANGUAGE PHILOSOPHY”

Kaksin A.D.

Abakan, Katanov Khakass State University

In article the possibilities of use of data on language cognitive science and concept-science on classes in discipline “Language philosophy” are considered. In this regard some aspects of language representation of one of steady elements of a picture of the world of the Turkic people are defined – a concept “is expensive”. It is specified that this concept plays an irreplaceable role at self-expression of representatives of the Turkic people, is one of constants of their attitude, the most important component of their outlook. Therefore absolutely not accidentally called concept it becomes frequent a subject of studying of linguists and culture-specialists. On classes in discipline “Language philosophy” it can serve as one of constants in connection with which there is a conversation on the principles and types of a language categorization of representations (knowledge) of surrounding reality.

Keywords: *cognitive approach to language, language embodiment of concepts, structuring (categorization) representations, language philosophy, Turkic languages.*

УДК 811.512.142

КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ И ОМОНИМОВ

Каюмова Г.Р.

г. Уфа, БГПУ им. М.Акмиллы

Данная статья посвящена изучению и определению критериев разграничения многозначных слов и омонимов. Основываясь на взглядах отечественных ученых, выделены семантический, грамматический и исторический принципы разграничения полисемии и омонимии. Но только лишь комбинируя вышеперечисленные методы, возможно сделать полноценно правильный вывод при различении этих явлений.

Ключевые слова: *омонимия, полисемия, многозначные слова, критерий, семантика.*

При изучении семантических омонимов к числу актуальных и еще неразрешенных вопросов современной башкирской лексикологии относится вопрос о разграничении многозначных слов и омонимов.

Несмотря на взаимосвязь и взаимопереходность полисемии и омонимии, это различные явления: первое предполагает связанные, мотивированные значения одного слова, второе – различные значения, образующие разные, отдельные слова. По мнению Р.А. Будагова, некогда связанные значения могут оказаться с течением времени семантически разобщенными и тогда полисемия естественно и неизбежно переходит в омонимию [2, с. 39].

Поиски объективных критериев разграничения полисемии и омонимии имеют большое значение для лексикографии, так как надежные критерии необходимы, прежде всего, лексикографам при составлении словарей и при выделении омонимов. Поскольку современное языкознание не располагает твердыми критериями разграничения многозначных слов и омонимов, составители словарей нередко вынуждены

полагаться в этом вопросе только на собственное чутье языка. Наиболее сложной является дифференциация семантических омонимов и лексико-семантических вариантов слова, так как между этими единицами языка нет других различительных признаков, кроме их семантических различий (омонимы имеют различные значения, никак не связанные друг с другом, а многозначные слова – разные значения, семантически связанные между собой). В связи с этим необходимо установить дополнительные критерии разграничения случаев полисемии и омонимии, которые давали бы исследователю возможность определить омонимы и на основании наглядных внешне выраженных различий [4, с. 14].

Опора только на средства семантики грозит опасностью субъективизма, считают другие лингвисты и полагают необходимым привлечение и других критериев, изучение особенностей омонимов и лексико-семантических вариантов слова в грамматическом, словообразовательном, синтаксическом и других отношениях. Исходя из этого и основываясь на взглядах отечественных ученых на данный вопрос, можно выделить несколько критериев, которые указывают на распад полисемии: семантический, грамматический, исторический.

Семантический принцип. Семантический принцип входит в работы многих исследователей как основной, ведущий принцип при разграничении полисемии и омонимии. Большинство языковедов склоняются к тому, что омонимия и полисемия являются лексико-семантическими явлениями и семантический принцип должен быть ведущим в их разрешении. Только путь отыскания типов семантического развития слов может привести к каким-нибудь объективным результатам в области определения омонимов [5, с. 71].

Существует мнение о том, что при анализе внутренних смысловых отношений созвучных слов можно пользоваться методом семантической подстановки значений и проверить, что перед нами – омонимичность или полисемантизм. Если подобранные созвучные слова не встанут в синонимические отношения между собой, – значит перед нами омонимы [3, с. 16].

Например, глаголы *изеу* «мять, растирать» и *изеу* «угнетать» являются омонимами. Эти слова по мере утраты ассоциативной связи между этимологическими представлениями, лежащими в основе этих значений, постепенно отпочковываются и теперь «воспринимаются как разные лексические единицы» [8, с. 32]. Например: *Катын-кыззар балсык изэ* – Женщины растирают глину; *халыкты изеу* – угнетать народ.

В ходе утраты ассоциативной связи, эти глаголы приобрели разный синонимический ряд:

изеу I мять, разминать, давить, раздавливать *картуф изеу* – мять картофель, *басып изеу* – давить ногами, *изелгэн емеш* – раздавленные ягоды.

изеу II гнёт, угнетение; эксплуатация *колонияль изеу* – колониальный гнет.

Грамматический принцип. В вопросе дифференциации омонимов и многозначных слов большое распространение получил словообразовательный критерий. Применяя этот критерий, сопоставляют ряд сложных и производных слов, образованных от основ двух тождественных единиц, (*мир* – *мировой* и *мир* – *мирный*, *мирить*, *перемирие*), и если эти ряды между собой не обнаруживают соответствий, включают в себя слова, несоотносимые друг с другом, то сравнимые единицы считают омонимами.

Н.Ф. Шумилов предлагает, например, считать за признак омонимии различные словообразовательные возможности созвучия слов, их принадлежность к разным семантическим гнездам [7, с. 34]. Принадлежность омонимов к несоотносимым семантическим гнездам, а также различный характер морфологической структуры их основ, различия во фразеологическом окружении выступают как внешнее отражение внутренней смысловой разобщенности созвучных слов. При этом внешние и внутренние признаки должны рассматриваться в неразрывном единстве, так как изучение омонимии только с точки зрения семантических гнезд оставляет в стороне внешний вопрос о непосредственных смысловых отношениях омонимов.

Н.Ф. Шумилов, для подтверждения своей мысли, приводит ряд словообразовательных моделей слова *коса*:

коса 1: «несколько прядей волос на голове, сплетенных вместе» образуют формы: *косица*, *косичка*.

коса 2: «сельскохозяйственное орудие» – *косить*, *косец*, *косилка*.

Если словообразовательные модели, вызываемые разными значениями, не совпадают, значит, имеем дело с омонимией, если словообразовательные возможности совпадают, то имеем дело с многозначностью. Например: глагол *басыу* имеет различные словообразовательные варианты:

БАСЫУ I

1. становиться, вставать, вставание *ергэ басыу* – *встать на землю*;
2. встать; *сиратка басыу* – становиться в очередь;

3. наступать, ступать *аягына баҫыу* – наступить на ногу (кому-то);
4. нажимать, давить, надавливать на что-либо; давление, придавливание *звонок кнопкаһына баҫыу* – нажать на кнопку звонка; *кар түбәне баҫа* – снег давит на крышу;

5. печатать; печатание *китап баҫыу* – печатать книгу; *кульязманы машинкала баҫыу* – печатать рукопись на машинке;

6. наступать, наставать; наступление *өй эсен караңгылык баҫты* – в доме стало темно; *урманды тынлык баҫты* – в лесу наступила тишина.

БАҫЫУ II поле, пашня; полевой *арыш баҫыуы* – ржаное поле; *баҫыу эштәре* – полевые работы.

Предложенная Н.Ф. Шумиловым проверка словообразовательных возможностей полисемантических гнезд дает большие возможности уточнить омонимические богатства любого языка и может быть важным критерием при разграничении полисемии и омонимии. При этом «чем больше расхождений в словообразовательных моделях таких слов, тем смелее можно говорить о наличии явлений омонимии» [7, с. 34].

Исторический принцип. Многие исследователи исторический (этимологический) принцип считают основным в решении проблемы омонимии, так как он устанавливает связь между синхронией и диахронией. «Познание статики через чисто синхронное описание – это лишь ступень, этап на пути к более совершенному, более глубокому, более ценному познанию через историю», – писал В.И. Абаев в своем докладе «Об историзме в описательном языкознании» [1, с. 58].

Интересны на этот счет взгляды Р.А. Будагова. Он, вслед за ним и Л.А. Новиков, пользуются методом восстановления «промежуточного звена» между вариантом многозначного слова и омонимом.

Как известно, между предметом действительности и его названием, нет ничего общего, однако это не значит, что сходные предметы не отражаются в языке так или иначе: их связь может проявляться, в частности, в полисемии слова. Она образуется путем распространения названия с одного предмета на другой, если они имеют основу для сравнения (внешнее сходство, сходство функции, смежность).

Для вариантов многозначного слова характерна взаимосвязанность, мотивированность. Поэтому утрата определенных значений слова, а также некоторых условий, выступающих наряду с ними в качестве промежуточного звена, может привести к нарушению исторически сложившегося порядка мотивированности и образованию омонимов. Если обособившиеся значения слова уже нельзя связать

с помощью «промежуточного звена» значит перед нами омонимия. Например, в башкирском языке слово *ай* «луна» уже с давних времен употреблялось в значении небесной светилы. Наши предки с помощью луны определяли времена года. На этой основе возникло значение *ай* «месяц». Чисто исторический обычай привел к тому, что в слове развилось новое значение, казалось бы, неожиданное для его первоначального осмысления, но вполне объяснимое в определенных условиях общения [6, с. 102].

Рассматривая все методы и принципы разграничения полисемии и омонимии, мы пришли к такому выводу: ни один из перечисленных приемов и критериев не оказался достаточно надежным и приемлемым для всех случаев полисемии и омонимии. На наш взгляд, только комбинирование этих приемов дает возможность для различения явлений при лексикографической работе и в других случаях.

Литература

1. *Абаев В.И.* Об историзме в описательном языкознании // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М.: Издательство академии наук, 1960. С. 56–63.
2. *Будагов Р.А.* Слово и его значение. Л.: ЛГУ, 1947. 66 с.
3. *Галкина-Федорук Е.М.* К вопросу об омонимах в русском языке // Русский язык в школе. 1954. № 3. С. 14–19.
4. *Новиков Л.А.* Об одном из способов разграничения полисемии и омонимии // Русский язык в школе. 1960. № 3. С. 10–14.
5. *Орузбаева Б.О.* Словообразование в киргизском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. Наук. Фрунзе, 1964. 102 с.
6. *Суфьянова Н.Ф.* Проблема многозначности в башкирском языке и ее лексикографическая разработка. Уфа: Гилем, 1998. 102 с.
7. *Хаков В.Х.* Татар әдәби теле тарихы. Казан университеты, 1993. 325 б.
8. *Шумилов Н.Ф.* К вопросу о разграничении полисемантизма и омонимии // Русский язык в школе. 1956. № 3. С. 32–35.

CRITERIA FOR DIFFERENTIATION OF MULTIPLE-TERM WORDS AND HOMONYMS

Kayumova G.R.

Ufa, BSPU them. M.Akmulla

This article is devoted to the study and definition of criteria for the differentiation of polysemantic words and homonyms. Based on the views of domestic scientists, the semantic, grammatical and historical principles of the distinction between polysemy and homonymy are highlighted. But only by combining the above methods, it is possible to make a fully correct conclusion when distinguishing between these phenomena.

Keywords: *homonymy, polysemy, ambiguous words, criterion, semantics.*

УДК 811.512.142+821.512.1+82.1

ЖУРНАЛ КАК ТРАНСЛЯТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Кетенчиев М.Б., Урусов Р.Х.

г. Нальчик, КБГУ

Статья посвящена анализу работы журнала «Минги Тау». В ней рассматривается его роль в трансляции мировой, отечественной и национальной культуры, представляется специфика репрезентации художественной литературы, фольклора, языка, освещаются основные рубрики, способствующие отражению жизнедеятельности этноса и влияющие на презентабельность журнала.

Ключевые слова: *языкознание, журнал, транслятор, национальная культура, языковая экспликация.*

Средства массовой информации Кабардино-Балкарской Республики представлены целым рядом журналов, которые внесли и вносят неопределимый вклад в популяризацию и обогащение духовной культуры социума. Они классифицируются по ряду признаков. В первую группу можно поместить журналы по языку представления актуального материала, т.е. исходя из того, на каком языке публикуются материалы в том или ином журнале: а) журналы на русском языке («Литературная Кабардино-Балкария», «Солнышко»), б) журналы на кабардино-черкесском языке («Гуашхэмахуэ», «Нур»), в) журналы на карачаево-балкарском языке («Минги Тау», «Нюр»). Эти издания подразделяются и по другому признаку с учетом возрастных особенностей адресатов: а) журналы для взрослых («Литературная Кабардино-Балкария», «Гуашхэмахуэ», «Минги Тау»), б) журналы для детей («Солнышко», «Нур», «Нюр»). Их в целом объединяет то, что они являются литературно-художественными изданиями.

Журнальным изданиям Кабардино-Балкарской Республики не уделяется должного внимания в плане анализа деятельности, не

оценивается должным образом и их вклад в воспитание подрастающего поколения. Правда, некоторые авторы-языковеды активно используют материалы журналов с целью изучения иноязычной лексики современной печати [4], системного исследования общественно-политической терминосистемы [5]. Вместе с тем, многие вопросы, выходящие на особенности их функционирования, все еще остаются вне поля зрения исследователей. Исходя из этого, в данной статье предпринята попытка рассмотрения роли журнала «Минги Тау» в трансляции духовной культуры читательской аудитории, стремящейся познать истоки и современное состояние карачаево-балкарского этноса.

Рассматриваемый журнал большое внимание уделяет юбилеям известных поэтов и писателей, как уроженцев Кабардино-Балкарии, так и мастеров пера России и зарубежных стран. Возьмем к примеру пятый номер журнала за 2012 год. Большая часть этого номера посвящена 95-летию со дня рождения всемирно известного балкарского поэта Кайсына Кулиева. Литературоведом З.Х. Толгуровым представлен добротный материал относительно эстетических характеристик поэзии К. Кулиева, который актуален для специалистов, занимающихся анализом художественного мышления поэта и его роли в эволюции национальных форм эстетического сознания [2]. С другой стороны, такие работы показывают релевантность и целого ряда других вопросов: а) жанровых и иных характеристик поэмы [8; 9]; б) роли фольклора в становлении поэтической традиции у карачаево-балкарских авторов [10]; в) основных тенденций развития балкарской литературы, в том числе и поэзии [12; 14]; г) вербализации национальной идентичности со всеми ее составляющими [11] и др. Наряду с этим по юбилею размещены воспоминания современников, некоторые письма из архива поэта, а также статьи, в которых содержится философское осмысление его творчества.

Заслугой журнала является и то, что он уделяет большое внимание представителям и другим культур, например, А. Кешокову, П. Шевлокову, С. Чиковани, М. Бажану, Р. Гамзатову, Д. Кугультинову, Ч. Айтматову, А.С. Пушкину и многим другим. Из этого следует, что публикационная политика журнала зиждется на понимании важности триады «собственно национальная культура – отечественная культура – мировая культура».

Некоторые публикации в журнале сближают его с газетами. Об этом свидетельствует тот факт, что в нем периодически публикуются очерки о представителях различных сфер деятельности КБР. В этих

очерках обнаруживаются интересные данные о работниках различных сфер: науки и образования, сельского хозяйства и промышленности, культуры и т.п. Причем фигурируют не только отдельные личности, но и целые коллективы.

Очерки в целом публикуются в авторской редакции, хотя не обходится и без тщательной их доработки редакторским и корректорским корпусом, что напрямую влияет на их качество и презентабельность. Обратимся к очерку «Россейни ахшы адамларындан бири» (Минги Тау, 2012, № 5). Уже из самого названия очерка видно, что автор хочет написать о человеке, который известен далеко за пределами Кабардино-Балкарской Республики, которым является житель селения Каменка Махмуд Азретович Кучуков. Указанное подтверждается уже в начале очерка: *Аны аты «Россейни бек иги адамлары» деген энциклопедияны 2008 жылда чыкьгъан экинчи томуна киргенди* «Его имя вошло во второй том энциклопедии «Лучшие люди России», которая опубликована в 2008 году». Далее дается тезисная характеристика героя очерка, которая репрезентируется далее более подробно. При этом перечисляются награды М.А. Кучукова с обоснованием их получения. Особый интерес вызывают краткие воспоминания тех известных людей КБР, в становление которых он как наставник вложил много труда. Очерк завершается Благодарственным письмом ветерану Великой Отечественной войны Кучукову Махмуду Азретовичу, подписанным Председателем Совета Федерации Федерального Собрания РФ С.М. Мироновым. Такой подход следует признать приемлемым, поскольку актуализируются все лучшие черты героя очерка. С другой стороны, подчеркивается его масштабность, отношение к нему представителей социума. Это в свою очередь служит тому, что человек, о котором идет речь, является эталонной личностью этноса, является не только образцом для подражания, но и объектом поклонения за заслуги перед народом.

В журнале свою нишу находят и материалы, связанные с освещением различных памятных дат и событий, оставивших неизгладимый след в истории карачаево-балкарского этноса. К таким событиям следует отнести, например, депортацию балкарского народа, который жил в изгнании тринадцать лет. Из-за этого этнос понес невосполнимую утрату, как в материальной, так и в духовной культуре, не говоря уже о потере людских ресурсов. Указанное регулярно освещается специалистами-историками на страницах журнала «Минги Тау», а также в специальных научно-теоретических изысканиях [6; 7].

Благодаря редакционной политике рассматриваемого журнала читательская аудитория получает ценный материал относительно забытого пассивного пласта лексики карачаево-балкарского языка. В этом отношении можно говорить о «Речевом справочнике» видного балкарского общественного деятеля М. Энеева, который представлен на страницах журнала «Минги Тау» как репринтное издание. Оно предназначалось для туристов, посещающих Балкарию и Карачай. В нем достаточно много фактологического материала по карачаево-балкарской лексике, в том числе и фразеологии, который стал объектом изучения в специальных лингвистических исследованиях [3; 13].

В целом ряде номеров журнала опубликованы результаты многолетней деятельности известного балкарского писателя А. Теппеева. В частности, речь идет о его неопубликованном труде «Занимательный словарь», который включает в себя богатый материал по этнографической лексике карачаево-балкарского языка, отражающей различные стороны жизнедеятельности этноса, что отмечается в некоторых работах, посвященных отраслевой лексике [1].

На страницах журнала проходят апробацию многие произведения карачаево-балкарских писателей и поэтов. Иначе говоря, прежде чем выйти отдельными изданиями, их работы публикуются в журнале по частям. Это своеобразный анонс деятельности мастеров пера. В качестве примера можно обозначить роман З.Х. Толгурова «Хутай», который знаком читателю только по журналу.

Еще одним важным достоинством журнала является ведение рубрики «Проба пера», которая хотя явно и не обозначена, является достаточно действенной, распространяется на все ипостаси деятельности журнала и способствует привлечению молодежи в лоно национальной культуры.

В рамках данной работы невозможно отобразить все аспекты деятельности журнала. Однако уже из изложенного выше видно, что «Минги Тау» уделяет большое внимание ознакомлению читателей с духовной культурой карачаево-балкарского этноса. При этом во главу угла ставится карачаево-балкарская литература, поскольку журнал издается под патронажем Союза писателей. Наряду с этим актуализируются основные вехи истории этноса, его лучшие образы через конкретных людей. Кроме того, пропагандируется отечественная и мировая культура, в том числе и художественная.

Литература

1. *Антоев А.К.* Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003. 23 с.
2. *Бауаев К.К.* Апперцептивная специфика образного мышления К.Ш. Кулиева // Казанская наука. 2016. № 5. С. 48–50.
3. *Башиева С.К., Кетенчиев М.Б.* Концепт «огонь» как фрагмент этнической картины мира // Cuadernos de Rusística Española. 2014. № 10. Pp. 37–44.
4. *Махиева Л.Х.* Иноязычная лексика в языке современной печати // Материалы Всероссийской конференции с международным участием «Устойчивое развитие: Проблемы, концепции, модели». Нальчик, 2017. С. 248–250.
5. *Махиева Л.Х.* Семантическая трансформация терминологической лексики (на материале общественно-политической терминосистемы карачаево-балкарского языка) // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 9. С. 93–97.
6. *Сабанчиев Х.М.А.* Правовое положение и социальный статус балкарцев на спецпоселении // Государство и право. 2005. № 12. С. 89–96.
7. *Сабанчиев Х.М.А.* Депортация народов Северного Кавказа в 40-х гг. XX в. // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 104–114.
8. *Узденова Ф.Т.* Жанр поэмы в литературах тюркских народов Северного Кавказа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1999. 23 с.
9. *Узденова Ф.Т.* Поэма в литературах народов Северного Кавказа. Формирование парадигмы жанра. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2001. 124 с.
10. *Узденова Ф.Т.* Роль фольклора в становлении поэтической традиции у карачаевцев и балкарцев (к истокам жанра) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 238–240.
11. *Узденова Ф.Т.* Семиотический контекст и национальная идентичность: к методологии вопроса // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 3 (65). С. 294–300.
12. *Узденова Ф.Т., Сарбашева А.М.* Современная балкарская литература: основные тенденции развития // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2008. № 5. С. 147–153.
13. *Хуболов С.М.* Семантические типы фразеологических единиц в карачаево-балкарском языке // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. İstanbul, 2015. № 16. С. 647–662.
14. *Хульчаева М.Х.* Поэтика Керима Отарова (художественные принципы утверждения лирического героя): дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003. 182 с.

JOURNAL AS A TRANSLATOR OF NATIONAL CULTURE

Ketenchiev M.B., Urusov R.H.

Nalchik, KBSU

This article is devoted to activity of the Mingi Tau magazine. In it the magazine role in broadcast of world, domestic and national culture is lit. Specifics of representation in it of fiction, folklore, language are presented. The main headings promoting reflection of activity of ethnos and affecting presentableness of the magazine are lit.

Keywords: *linguistics, journal, translator, national culture, language explication.*

УДК 811.512.142

**МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЦОКАЮЩЕГО ДИАЛЕКТА МАЛКАРСКОГО ГОВОРА
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА**

Кучмезова Л.Б.

г. Нальчик, ИГИ КБНЦ РАН

Статья посвящена исследованию морфологических особенностей цокающего диалекта малкарского говора карачаево-балкарского языка. В работе обозначаются границы распространения цокающего диалекта, рассматриваются характерные черты грамматических особенностей цокающего диалекта.

Ключевые слова: *карачаево-балкарский язык, цокающий диалект, морфологические особенности, малкарский говор, диалектная лексика,*

Диалекты карачаево-балкарского языка являются живым источником его истории, так как в них сохраняются фонетические, лексические и морфологические особенности, не представленные в литературном языке. Изучение диалектной лексики позволяет выявить целый пласт слов, которые могут быть либо непосредственно включены в словарный состав литературного языка, когда в последнем отсутствуют обозначения соответствующих реалий, либо же предложены в качестве замены бытующих в литературном языке заимствований. Многие из этих слов сохраняют в себе следы древнего состояния карачаево-балкарского языка и с незначительными фонетическими и семантическими изменениями встречаются также и в других тюркских языках и их диалектах.

По своим лексическим особенностям цокающий диалект карачаево-балкарского языка близок к холамо-безенгиевскому говору, то есть ареал его лексических особенностей наблюдаются непосредственно в Черекском районе КБР, а именно в селениях Верхняя Балкария (Мухол, Чегет, Шауурдат, Зына, Малкъар), Верхняя Жемтала, Ташлы-Тала,

хуторе Тамакъла, Бабугент, Къашхатау, Хасанья. Из отраслевой лексики наиболее полное и широкое употребление получили термины, связанные с ведением хозяйства, быта, строительства, а также названия растений, продуктов питания, анатомические названия и названия насекомых, птиц, одежды, посуды и др.

Диалектизмы – это слова, выражения и обороты речи в языке, свойственные и употребительные только в отдельных говорах языка, определенным территориальным диалектом [9, с. 31]. Это местные названия предметов и явлений, имеющие в литературном языке иные наименования или отличающиеся от соответствующих литературных слов лишь определенными особенностями своего звукового строения, не зависящими от специфики фонетической системы диалекта и литературной речи [13, с. 11]: фулму «мучная пыль», фотку «опилки (древесные)», куштел «деревянная бочка, кадка, чан», къыфца «слива», илистин «отработка сена», цёфюре «отходы бузы», тапхыр «род, племя» и др.

Достаточно сложная диалектная система карачаево-балкарского языка является базой для функционирования различных территориальных диалектных явлений во всех уровнях языкового типа: т.е. в области фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса. На сегодняшний день карачаево-балкарский язык является одним из хорошо изученных тюркских языков. Научное изучение языка и диалектов карачаево-балкарского языка началось в конце XIX века. Одними из первых исследователей данного языка и его диалектов были: В. Прёле [20; 21], У.Б. Алиев [2, с. 215], А.К. Боровков [8, с. 11–40], У.Дж. Алиев [3], Х.Л. Башиев [7, с. 155–169], А.М. Аппаев [4, с. 17–18], Ж.М. Гузеев [10, с. 131; 11, с. 35; 12, с. 62]. Современные исследователи считают, что в исследуемом языке имеются два диалекта: ц-диалект (с малкарским и холамо-безенгийским говорами) и ч-диалект (с баксано-чегемским и карачаевским говорами).

В данном исследовании мы вкратце остановимся на морфологических особенностях цокающего диалекта малкарского говора карачаево-балкарского языка. Целью данной статьи является выявление и описание основных морфологических особенностей цокающего малкарского диалекта карачаево-балкарского языка.

Фонетические, лексические и семантические особенности диалектной лексики были исследованы более скрупулезно и на эту тему написано несколько монографий [1; 2; 5; 7] и научных статей [6, с. 84; 12, с. 62; 14, с. 175; 15, с. 148; 16, с. 5; 17, с. 105; 18, с. 693]. Морфологические особенности диалектной лексики, можно сказать, не исследованы

вообще, не считая краткого обзора в несколько предложений в материалах и исследованиях о балкарской диалектологии, лексике и фольклору, изданном в 1962 г. А.М. Аппаевым [4, с. 17–18]. Поэтому на изучении этой проблемы следует остановиться более подробно.

Рассмотрим основные морфологические особенности диалектной лексики цокающего диалекта:

Так, анализируя различия цокающего диалекта с точки зрения морфологии, необходимо обратить внимание на богатство грамматических форм [17, с. 105]. В цокающем диалекте карачаево-балкарского языка, особенно в историко-героических песнях, а также в некоторых фольклорных текстах: в сказаниях, легендах, мифах [16, с. 5] встречается наиболее распространенная в большинстве тюркских языков и их диалектах аффикс множественного числа на **-лар/-лер**: **айландылар** «вернулись», **кёп кьойларны** «много овец», **жетдилер** «догнали», **къарелдилер** «тени (людей)», **айталлар** «говорят», **къарайлар** «смотрят», **эслейлер** «замечают» [19, с. 48] и мн. др., отсутствующий в современном карачаево-балкарском языке. Данный аффикс в этом языке исторически также не встречается. Эта древняя форма множественного числа, которая широкоупотребительна во многих тюркских языках: в татарском, башкирском и других языках.

Несмотря на то, что в карачаево-балкарском языке аффикс множественного числа **-лар/-лер** отсутствует, его можно восстановить в таких формах, к которым присоединяется аффикс принадлежности 3-го лица мн.ч.: **бала-ла-р-ы**, **ана-ла-р-ы**, **ата-ла-р-ы** и др. Аффикс множественного числа **-лар/-лер** в сочетании с аффиксом принадлежности 3-го лица **-ы**, присоединяясь к прилагательным, меняет их частеречную принадлежность, то есть переводит их в имена существительные, например: **акълары** (къабыргъаны) кёрюнюп турадыла «на стене виднеются белые пятна».

В отличие от некоторых других языков, например от русского, в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, нет имен существительных, которые встречались бы только во множественном числе. Однако имеются имена существительные, которые в силу своей семантики употребляются только в единственном числе и прибавление к ним аффикса множественности является нарушением стилистических норм. К таким существительным следует отнести имена, образованные при помощи аффиксов **-лыкь/-лик**: существительные, обозначающие специализацию **жерчилик** «земледелие», **уучулукъ**

«охота», **бахчачылыкь** «садоводство»; отвлеченные имена существительные: **тынчлыкь** «спокойствие», **тенглик** «равенство», **мамырлыкь** «мир», **адамлыкь** «человечность», **кишилик** «мужество» и т.д.

Некоторые конкретные имена существительные, обозначающие сыпучие или жидкие вещества, находящиеся в совокупности, обычно употребляются в единственном числе: **сют** «молоко», **кючлю туз/ хан туз/туз** «соль», **бал туз/ шекер** «сахар», **ун** «мука» и др.

Морфологический способ категории числа в карачаево-балкарском языке может выражаться в том, что единственное число выражается нулевой формой, а множественное – аффиксом -ла/-ле, например: **гюл** «цветок» – **гюлле** «цветы», **адам** «человек» – **адамла** «люди», **орам** «улица» – **орамла** «улицы», **кьой** «баран» – **кьойла** «овцы», **чалгьы** «коса» – **чалгьыла** «косы» и т.д.

В зависимости от семантических особенностей имен существительных аффикс -ла/-ле может иметь следующие основные значения.

Когда слово обозначает родовое понятие, под множественным числом подразумевается членимое множество неопределенного количества, состоящее из предметов и явлений различных видов: **агьачла** «деревья», **жаныуарла** «звери», **халкьла** «народы», **хансла** «травы», **кийимле** «вещи».

Если слово обозначает видовое понятие, множественное число объединяет однородные, похожие предметы, вещи, явления: **бёрюле** «волки», **жыйрыкьла** «платья», **кьайынла** «березы» и т.д.

Если имена существительные, стоящие в единственном числе, выражают собирательность, то они, принимая аффикс множественного числа, как бы усиливают свои свойства и тем самым сильнее воздействуют на психику, воображение слушателя: **жауунла** «дожди», **кьарла** «снега», **кьумла** «пески», **суула** «воды» и т.д.

Имена существительные, обозначающие время, принимая аффикс множественного числа, выражают приблизительность: **элинчи жылланы маданияты** «культура 50-х годов», **XIX ёмюрню алларында/ башларында** «в начале XIX столетия», **хычауман айны орталарында** «примерно в середине июня» и др.

Аффикс множественности -ла/-ле при присоединении к некоторым прилагательным одновременно выполняет словоизменительную и словообразовательную роль, например: **жаш** «молодой» / **жашла** «молодежь», **кьызыл** «красный» / **кьызылла** «красные», **кьарт** «старый» / **кьартла** «старика», **жашил** «зеленый» / **жашилле** «зеленые» и т.п.

В цокающем диалекте малкарского говора наблюдается стяжение формы глагола типа: **боллугъенг** (ц.-диал.) / **боллукъ эдинг** (лит.яз.) «был бы», **келсие** (ц.диал.) / **келсе эди** «пришел бы» (лит. яз.), **болгъуе** (ц.диал.) / **болгъа эди** «было бы» (лит.яз.), **баргъые** (ц.диал.) / **баргъы эди** (лит. яз.) «сходил бы», **затыфты** (ц.-диал.) / **жатып эди** (лит.яз.) «(он) остался лежать».

В малкарском говоре также отсутствуют согласные в конце глаголов, в ряде форм, хотя следует отметить, что многие носители цокающего диалекта и по сегодняшний день так произносят эти глаголы: **келемен** (ц.диал.) / **кеleme** (лит.) «прихожу», **келесен** (ц.диал.) / **келесе** (лит.) «приходишь», **турасан** (ц.диал.) / **тураса** (лит.) «находишься», **таныйман** (ц.диал.) / **таныйма** (лит.) «знаю, знаком» и др.

В родительном падеже единственного числа с местоименным аффиксом имя существительное сохраняет два **-м-**: **атаммы/атамы** «моего отца», **анаммы/анамы** «моей матери», **кесимми/кесими** «меня самого».

В малкарском говоре также встречается аффикс **-н** в желательном наклонении 1-го лица, вместо литературного аффикса **-м**: **барайын** (ц.диал.) / **барайым** (лит.) «пойду-ка», **алайын** (ц.диал.) / **алайым** (лит.) «возьму-ка», **буздурайын** (ц.диал.) / **буздурайым** (лит.) «разменяю-ка», **айтайын** (ц.диал.) / **айтайым** (лит.) «скажу» и др. Эта форма употребляется и в современных тюркских языках. У нас же в языке эта форма употребительна только в цокающем диалекте.

Также в цокающем диалекте малкарского говора мы натолкнулись на своеобразную предложную форму **ангар** «из-за этого», соответствующую распространенной предложной конструкции «**аны юсюнден**», а также дательный падеж вместо **анга** «к нему». Например: **Ангар даулашыф, туйюшоф тохтагъандыла эмегенле бир-бирлери бла** «Поспорив из-за этого, великаны начали драться между собой»; **Эки да эбзе бий салгъандыла да, баргъандыла ангар** «Два сванских князя взяли да и пришли к нему». Аффикс **-р** в данном случае показывает направление.

Вопросительный аффикс **-мы/-ми** в некоторых случаях заменяется аффиксом **-ны/-ни**: **барайынны** (ц.диал.) / **барайыммы** (лит.) «пойти ли?», **билдирейинни** (ц.диал.) / **билдирейимми** (лит.) «известить ли?», **келтирейинни** (ц.диал.) / **келтирейимми** (лит.) «принести ли?» и мн.др.

Выпадение сонорного **-н** в составе аффиксов 3-го лица единственного числа в глаголах повелительного наклонения: **барсын/барсы** «пусть идет, пойдет», **алсын/алсы** «пусть берет» и т.п.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что морфологические особенности диалектной лексики малкарского говора карачаево-балкарского языка обусловлены территориальной отдаленностью. В своем основном лексическом обиходе он выявляет много общего со словарным составом карачаево-балкарского литературного языка, однако он имеет и целый ряд вышеперечисленных отличий от других говоров. Таким образом, лексический пласт цокающего диалекта карачаево-балкарского языка остается все еще малоизученным и в то же время наиболее интересным и богатым.

Литература

1. *Акбаев Ш.Х.* Диалекты карачаево-балкарского языка в структурно-генетическом и ареальном освещении. Карачаевск: Изд.-во КЧГПУ, 1999. 258 с.
2. *Алиев У.Б.* Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1963. Т. 3. 84 с.; *Алиев У.Б.* Избранные труды: в 3 т. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2012. Т. 1: Работы по языкознанию. 368 с.; Т. 2: Работы по языкознанию. 368 с.
3. *Алиев У.Дж.* Карачаево-балкарская грамматика: (горско-тюркский язык). Кисловодск: Крайнациздат. 1930. 197+6 с.
4. *Аппаев А.М.* Морфологические и лексические особенности говоров балкарского языка // Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору / под ред. А.Ю. Бозиева. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. 200 с.
5. *Аппаев А.М.* Диалекты балкарского языка и их отношение к балкарскому литературному языку. Л., 1941; Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд.-во, 1960. 78 с.
6. *Аппаев А.М.* Диалектная основа карачаево-балкарского литературного языка // IX конференция по диалектологии тюркских языков. Тезисы докладов и сообщений. Уфа, 8–10 сентября 1982. С. 84–90.
7. *Башиев Х.Л.* Вокализм черекского диалекта балкарского языка // Сборник докладов, прочитанных на 15 республиканских педагогических чтениях. Ч. 2. Нальчик: Каб.-Балк. ин-т усоверш.-ния учителей, 1977. С. 155–169.
8. *Боровков А.К.* Очерк карачаево-балкарской грамматики // Языки Северного Кавказа и Дагестана: Сборник лингвистических исследований. М.–Л., 1935. Т. 1. С. 11–40.
9. *Гергокова (Этезова) Л.С.* Язык карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты». Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 140 с.

10. *Гузев Ж.М.* Об одной особенности сингармонизма в цокающем диалекте карачаево-балкарского языка // Ученые записки КБНИИ. Т. 27. Серия филологическая. Нальчик, 1975. С. 131–133.
11. *Гузев Ж.М.* Фонетические и морфологические особенности цокающего диалекта карачаево-балкарского языка // Советская тюркология. Баку, 1986. № 3. С. 34–36.
12. *Гузев Ж.М.* Фонетические особенности малкарского диалекта карачаево-балкарского языка // Советская тюркология. 1974. № 5. С. 62–66.
13. *Гузев Ж.М.* Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик, 1984. 160 с.
14. *Кучмезова Л.Б.* Проблемы преемственности диалектной лексики в карачаево-балкарском языке // Вопросы кавказской филологии. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. Вып. 10. С. 171–181.
15. *Кучмезова Л.Б.* Влияние диалектов на формирование норм литературного карачаево-балкарского языка в условиях наддиалектности // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 2011. № 2. С. 148–152.
16. *Кучмезова Л.Б.* Формирование и развитие наддиалектных типов карачаево-балкарского языка. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. 136 с.
17. *Кучмезова Л.Б.* Особенности языка устной народной поэзии цокающего диалекта в формировании карачаево-балкарского языка // Тенденции развития лексики и грамматики карачаево-балкарского языка. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. С. 103–110.
18. *Махиева Л.Х., Кучмезова Л.Б.* Стратификация карачаево-балкарского языка с точки зрения диалектных особенностей. Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. İstanbul, 2015. № 16. С. 693–702.
19. Минги тау. 1993. № 4. С. 48–50.
20. *Prohle W.* Karatschaishe Worterverzeichnis Kelleli Scemle. Т. 10. Budapest, 1908; *Prohle W.* Karatschaishe Studien. Т. 15. 1914–1915.
21. *Prohle W.* Balkarische Studien, I – Balkarische Studien, II. Т. 16. 1915–1916.

MORPHOLOGICAL FEATURES OF THE CLINKING DIALECT OF THE MALKAR KARAKAI-BALKARIAN DIALECT

Kuchmezova L.B.
Nalchik, KBIHR

The article is devoted to the study of the morphological features of the flashing dialect of the Malkarsky dialect of the Karachay-Balkarian language. In this paper, the boundaries of the distribution of the tapping dialect are indicated, the characteristic features of the grammatical features of the tapping dialect are considered.

Keywords: *Karachay-Balkar language, creeping dialect, morphological features, Malkarian dialect, dialect vocabulary.*

УДК 811.512.142

**ПОСЛЕЛОЖНЫЕ СОЧЕТАНИЯ
КАК РЕПРЕЗЕНТАТОРЫ СУБЪЕКТА
В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

Мамаева Ф.Т., Гериева З.С.

г. Черкесск, КЧИПК, г. Нальчик, КБГУ

В статье рассматриваются простые предложения карачаево-балкарского языка, в которых в качестве обязательного компонента семантической структуры наличествует косвенный субъект, выраженный послеложным сочетанием. В результате проведенного анализа выявлены такие разновидности косвенного субъекта, как косубъект речи, косубъект движения, косубъект отношения, косубъект действия, среди которых наибольшей частотностью употребления характеризуются косубъект речи.

***Ключевые слова:** карачаево-балкарский язык, послелог, послеложные сочетания, основной субъект, косвенный субъект, предикат, валентность, глагол.*

Послелог и послеложные сочетания лингвистами традиционно рассматриваются в таком разделе грамматики, как морфология. В частности, ими уделяется внимание функциональным возможностям указанных языковых единиц в репрезентации сравнения [2]. Наряду с этим рассматриваются вопросы, которые выходят на роль послелогов в структурировании различных грамматических парадигм, например, парадигмы отрицания [10]. Они нашли свою нишу и в полевых исследованиях, связанных с категорией пространственности [7], а также в трудах по фразеологической семантике [16; 18; 19].

В связи с современной парадигмой лингвистики на первый план выходит и изучение концептуальных характеристик языковых форм. При этом специалисты в области тюркского языкознания учитывают функционально-семантический потенциал послеложных дескрипций в структуре различных концептов, таких как огонь [3; 5], кровь [4], эмоции [15] и т.д.

Следует отметить и тот факт, что послеложные сочетания рассматриваются как облигаторные элементы структурно-семантической организации синтаксических единиц. Это скрупулезно исследовано в целом ряде научных статей, в которых рассматриваются структурно-семантические особенности фразеологизированных предложений карачаево-балкарского языка [14; 17; 20].

Тем не менее, пока еще остаются вне поля зрения ученых некоторые вопросы, связанные с выявлением и описанием субъектных характеристик послеложных дескрипций, что может стать объектом исследования в данной статье.

В тюркских языках, в том числе и в карачаево-балкарском, косвенный субъект может выражаться послеложными сочетаниями, на что впервые указано в трудах И.Х. Ахматова [1, с. 229–236]. Фактологический материал карачаево-балкарского языка свидетельствует в пользу того, что значительным функциональным потенциалом в этом отношении обладают сочетания имен с послелогом *бла* «с», основным значением для которого является значение комитативности, или совместности. Встречается большое количество предложений, построенных по модели C_1 - $C_{\text{бла}}$ -Г. Эта модель в плане грамматического членения состоит из подлежащего, выраженного основным падежом имени, дополнения, представленного сочетаниями имен с послелогом *бла* «с» и глагольного сказуемого. Рассматриваемая схема в зависимости от характера лексического наполнения синтаксических позиций служит для выражения различных семантических структур, предопределяемых, в первую очередь семантикой глагольного предиката.

В позиции предиката рассматриваемой формальной модели употребительны глагольные лексемы речи типа *кенгеш* «советоваться, обмениваться мнениями с кем», *ушакъла//ушакъ эт* «разговаривать, беседовать», *сёлеш* «разговаривать». Как видно, для них общим является значение «*беседовать*».

Как правило, синтаксические конструкции с глаголами речи могут содержать предикат речи, субъект речи, объект речи. В ряде случаев некоторые из указанных компонентов в процессе речи становятся факультативными и опускаются. Это предопределяется конситуацией и зависит от «угла зрения» участников речи. Если в вербальной речи актуализируется сам факт разговора, то облигаторными валентностями глагольного предиката обладают субъект и косубъект (косвенный субъект) речи. Если же актуализируется то, о чем говорится, то в конструкции появляется и объект речи: *Устаз окъуучу бла ушакъ эте тура*

эди (Ш.) «Учитель беседовал с учеником»; *Устаз окъуучу бла дерсни юсюнден сёләшди* (М.Т.) «Учитель поговорил с учеником о задании» и др.

В вышеприведенных конструкциях позиции «основного» субъекта и косвенного субъекта замещаются словами со значением лица. Оба лица являются участниками одной ситуации и выполняют при этом одинаковые действия. В силу этого отношения между данными участниками вербальной речи представляются симметричными. «Симметричным считается такое отношение между указанными участниками речи – собеседниками, при котором они в процессе речи поочередно меняются ролями: сначала первый собеседник становится субъектом, а второй – адресатом, а потом второй собеседник становится субъектом, а первый адресатом» [1, с. 230]. Примеры: *Азгор Ахмат бла хапарлашады* (Ш.) «Азгор беседует с Ахматом»; *Ахмат Азгор бла хапарлашады* (Н.) «Ахмат беседует с Азгором». В этих примерах наблюдается явление конверсии.

В карачаево-балкарском языке в основном в качестве адресата выступает форма дательного-направительного падежа: *Ол манга кычырды* «Он крикнул на меня». Если участник речи выражен указанной формой, то невозможно говорить о симметричных отношениях между двумя лицами.

В языкознании существует мнение, согласно которому, ситуации, требующие двух участников, между которыми устанавливается симметричное отношение, являются симметричными. А.А. Холодович для обозначения таких семантических конstituентов использует термины «субъект» и «косубъект» [13, с. 162]. Симметричными являются и предикаты. «Они обладают целым рядом любопытных семантических, сочетаемостных и синтаксических свойств, которые делают этот класс слов достойным самостоятельного исследования не только в общеграмматическом аспекте, но и с точки зрения «конкретной» лексикографии» [9, с. 4].

Семантическая структура представленных выше предложений состоит из субъекта речи, косубъекта речи и предиката речи. Она служит для репрезентации ситуации речи, в которой участвуют субъект и косубъект, каждый из которых совершает одинаковые действия.

Глаголы речи в карачаево-балкарском языке подразделяются на следующие семантические группы (классы): 1) глаголы говорения; 2) глаголы произносительно-звуковой характеристики речи; 3) глаголы сообщения; 4) глаголы симметричной речи; 5) глаголы речевого контакта; 6) глаголы речевой оценки; 7) глаголы речевого побуждения;

8) глаголы молчания. Указанное отмечено и в работах по другим тюркским языкам [12]. Они в предложении выполняют функцию предиката с соответствующим значением. Однако указанные предикаты не все в одинаковой степени имеют валентность на косвенный субъект речи.

Косвенный субъект речи наличествует в конструкциях с такими предикатами говорения, как *сёлеиш* «выражать (с помощью устной речи) какие-либо мысли», *хапарла* (*хапар айт*) «рассказывать», (*сёз, хапар, ушакъ*) *башла* «завязать (разговор), начать говорить, рассказывать», *сё-лешиш тебуре* «начать говорить», *сёзге кир* «начать разговор», *сёз кьоз-гъа* «заговорить, начать говорить, возбудить речь о чем-либо», *сёлешиш башла* «заговорить (снова)», *джаншиа* «болтать», топ-топ эт «болтать без умолку», *тыхырда* «говорить болтать безумолку», *сандыра* «пустословить», *сант эт* «нести чепуху», *сантла* «болтать», *серлен* «говорить глупости», *гырылда* «чесать язык, молоть языком», *кампылда* «болтать», *дырылда* «пустословить», *гыр-гыр эт* «нести вздор, нести ахинею», *гап-гап эт* «нести ерунду» и др. Примеры: 1. *Солман мени бла хапар айтады* (Ш.) «Солман разговаривает вместе со мной». 2. *Ол кьониусу бла кёп джаншиады* (К.) «Он много болтал со своим соседом». 3. *Нёгери ызындан жетгенлей, Аслан аны бла серленип башлады* (М.Т.) «Как только спутник догнал его, Аслан начал с ним говорить глупости». 4. *Ачыуланым, Сайхат Айшат бла гыр-гыр этеди* (И.Т.) «Рассердившись, Сайхат несет ахинею с Айшат». 5. *Ол аны бла аямай тыхырдайды* (Ш.) «Он с нею говорит безумолку» и т.п.

В предложении позицию косвенного субъекта открывают и некоторые предикаты со значением произносительно-звуковой характеристики речи, к которым относятся *дауур эт//дауур-дууур эт* «шуметь», *дууулда* «галдеть», *дыбылда* «тараторить», *дыгырда* «тарактеть» и др.: 1. *Хаким кьонагъы бла аямай дыбылдайды* (Ю.Ж.) «Хаким со своим гостем неустанно тараторят». 2. *Сен аны бла, экигиз да бирге болуп, тохтаусуз дыгырдай эдигиз да* (М.Т.) «Вы вдвоем, объединившись, без устали ведь тарактели» и т.п.

Значительным функциональным потенциалом в рассматриваемом отношении обладают предикаты симметричной речи, характеризующиеся двунаправленностью речевого действия, в то время как глаголам других лексико-семантических групп в целом присуще в основном одностороннее речевое действие. В конструкциях с такими предикатами реализуется валентность контрагента (косубъекта), «реализатор этой валентности обозначает лицо, совершающее, как и лицо,

обозначаемое агентной валентностью речевое действие. В этом отношении валентность контрагента представляет собой тождество с валентностью агенса глаголов речи» [11, с. 30]. Примеры: 1. *Зурият Кязим бла ушакъ этеди* (Ш.) «Зурият беседует с Кязимом». 2. *Сора къошдагъыла келген къонакъла бла таурух этдиле* (Б.Г.) «Потом находящиеся в кошаре побеседовали со своими гостями». 3. *Джашила къызла бла лахор этдиле* (М.Б.) «Парни с девушками шутливо побалагурили». 4. *Бизникиле да келгенле бла иш тауусдула* (А.Х.) «Наши с гостями договорились о свадьбе». 5. *Мен да сени бла энди сѣз байлайым* (К.К.) «Теперь я тоже договорюсь с тобой». 6. *Къызчыкъла нѣгерлери бла къуш-муш этедиле* (Ш.) «Девочки секретничают со своими сверстницами» и др.

Появлению второго субъекта в конструкции в значительной степени способствует показатель взаимно-совместного залога *-и*, который является общим для тюркских языков. Данная залоговая форма выражает характеристику субъекта действия исходной основы, показывая при этом, что в совершении действия участвуют две стороны, то есть два субъекта или две группы их, которые направляют действие друг на друга как на объекты [8, с. 19].

Раскрывая специфику значения взаимно-совместной конструкции, Н.Э Гаджихмедов приходит к выводу, что «она является реализацией не одного, а по крайней мере двух предикатных выражений, таких, что в них оба предиката и партиципаны одинаковы по значению, однако семантические функции партиципантов второго предикатного выражения обратны семантическим функциям первого предикатного выражения, иными словами, субъект первого предикатного выражения является объектом второго, а объект первого – субъектом второго» [6, с. 153]. С таким мнением трудно не согласиться, поскольку значением взаимной конструкции *Анасы къызы бла къучакълашды* «Мать обнялась с дочерью» можно считать выражение *Анасы къызын (къучакълады), къызы анасын къучакълады* «Мать обняла дочь, а дочь обняла мать».

Значение взаимности в карачаево-балкарском языке передается и посредством дескрипций типа *бир бирни* «друг друга», *бир бирге* «друг к другу», *бир бирден* «друг от друга», *бир бири бла* «друг с другом». При этом субъект выражается словами во множественном числе или в предложении имеются однородные подлежащие-субъекты. Примеры: 1. *Джаши да, къыз да бир бирни джаратадыла* (Н.Х.) «И парень, и девушка нравятся друг другу». 2. *Ала бир бирге иги къарайдыла* «Они хорошо относятся друг к другу». 3. *Бу экиси бир бирден узакъ*

джашайдыла (К.) «Эти двое живут далеко друг от друга». 4. *Ала бир бирлери бла сёлешедиле* (М.Б.) «Они разговаривают друг с другом».

Форму взаимно-совместного залога имеет значительное количество предикатов речи. Например: 1. *Мен нёгерим бла кёп хапар айтышдым* (Ш.) «Мы с другом много говорили между собой». 2. *Бир бирлерин кёргенлей, Мариям Асият бла аямай тарыкьгъандыла* (Б.Г.) «Увидев друг друга, Мариям и Асият пожаловались друг другу». 3. *Ахмат Азиз бла оюмлашды* (А.Т.) «Ахмат сделал вывод вместе с Азизом». 4. *Ала бир бирлери бла ётюрюкню басхандыла* (М.Т.) «Они обманули друг друга». 5. *Мен сени бла кьычырышдым* (Ш.) «Я и ты накричали друг на друга». 6. *Экигиз да мени бла шыбырдашыргъа тюшериксиз* (Н.) «Вам обоим придется со мной пошептаться». 7. *Кел, мен сени бла хапарлашайым* (Э.Г.) «Давай, ты мне, а я тебе сообщим новости». 8. *Дахир Добай бла даулашады* (Д.К.) «Тахир спорит с Добаем» и т.д. Эти предложения также состоят из субъекта речи, косубъекта речи, предиката речи и репрезентируют ситуацию речевого действия.

Глагольных предикатов движения, ориентированных на косвенный субъект, весьма мало. К ним в карачаево-балкарском языке относятся слова, обозначающие способ движения: *чап* «бегать», *секир* «прыгать» *жюз* «плавать», *ёрле* «карабкаться», а также *тюбе* «встречаться». Примеры: 1) *Стадионда сизни класс бизни класс бла чабышырыкьды* (К.ж.) «На стадионе ваш класс будет соревноваться с нашим классом в беге». 2) *Сен мени бла секиришириксе* (Д.К.) «Ты будешь соревноваться со мной в прыжках». Семантическая структура этих конструкций состоит из субъекта движения, косубъекта движения и предиката движения. Они указывают на значение участия в одном и том же действии соревнующихся между собой субъекта и косубъекта.

В организации семантической структуры «субъект действия + косубъект действия + предикат действия» участвуют некоторые глаголы действия. К ним относятся *кьучакълаш* «обниматься», *туйюш* «драться», *уруш* «бить друг друга», *сермеш* «схватиться», *салыш* «сильно бить друг друга», *джыгъыш/тутуш* «бороться» и др. Примеры: 1. *Партизанла фашистле бла салышдыла* (Р.Л.) «Партизаны подрались с фашистами». 2. *Бюгече бизни джаш сизни джаш бла туйюшгенди* (К.) «Этой ночью ваш сын подрался с нашим сыном». 3. *Къарашауай эмегенле бла сермешди* (фольк.) «Карашауай схватился с эмегенами».

Посредством подобных построений передается ситуация, в которой точкой приложения действия субъекта является косубъект, а точкой

приложения действия косубъекта является субъект [13, с. 162]. В языке имеются и конструкции облигаторным компонентом которых выступает косубъект отношения. Правда, их количество несколько ограничено. Ср. *Махмут Ахмат бла джараиды* (О.Х.) «Махмут помирился с Ахматом». *Саният Азиза бла туйюшдю* (А.У.) «Саният поссорилась с Азизой» и т.п. Подобные предложения репрезентируют улучшение/ухудшение взаимоотношений субъекта и косубъекта.

Вышерассмотренные примеры свидетельствуют о том, что в карачаево-балкарском языке симметричные актанты с реципроками бывают различных типов. С одной стороны, это разноименные актанты, выраженные отдельным словом, однородными подлежащими: *Асхат бла Марат джыгышадыла* (К.) «Асхат и Марат борются». С другой стороны, это одноименные актанты, представленные лексемами во множественном числе: *Къызла бир бирлери бла саламлашдыла* (Н.) «Девушки поздоровались друг с другом». Кроме того, наблюдается и комитативное оформление, при котором наименование второго симметричного актанта оформляется сочетанием имен с послелогом **бла**, сигнализирующим о наличии значения совместности: *Анасы къызы бла келишди* (Н.) «Мать договорилась с дочерью».

Фактологический материал карачаево-балкарского языка позволяет выделить следующие типы симметричных предикатов: а) глагольные предикаты с симметричными первой и второй валентностями; б) глагольные предикаты с симметричными второй и третьей валентностями, что предопределяется формами понудительного залога; в) глагольные предикаты с симметричными первой и третьей валентностями; г) именные предикаты. Кроме того, сочетания имен с послелогом **бла** являются одним из основных средств выражения косвенного субъекта в конструкциях с симметричными предикатами, которые отличаются в плане семантических, сочетаемостных и синтаксических свойств.

Литература

1. *Ахматов И.Х.* Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке: (Основные вопросы теории). Нальчик: Эльбрус, 1983. 360 с.
2. *Ахматова М.А.* Вербализация сравнения в карачаево-балкарском нартском эпосе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 28. С. 20–23.

3. *Ахматова М.А.* Языковые репрезентанты концепта «огонь» в текстах карачаево-балкарского нартского эпоса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (55): в 2-х ч. Ч. 2. С. 76–79.

4. *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Семантическое пространство концепта «къан/кровь» в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6–2 (60). С. 38–41.

5. *Башиева С.К., Кетенчиев М.Б.* Концепт «огонь» как фрагмент этнической картины мира // Cuadernos de Rusística Española. 2014. № 10. P. 37–44.

6. *Гаджихамедов Н.Э.* Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками). Махачкала: Юпитер, 2000. 385 с.

7. *Додуева А.Т.* Семантическое поле пространственности в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2012. Т. II. № 3. С. 100–101.

8. *Иванов С.Н.* Курс турецкой грамматики. Ч. 2. Грамматические категории глагола. Учебное пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 85 с.

9. *Иомдин Л.Л.* Симметричные предикаты в русском языке и проблема взаимного залога. М., 1980. 30 с.

10. *Кетенчиев М.Б., Тохаева Ф.И.* Парадигма отрицания в карачаево-балкарском языке. Карачаевск: КЧГУ, 2013. 152 с.

11. *Кучкартаев И.К.* Валентный анализ глаголов речи в узбекском языке. Ташкент: Укитувчи, 1977. 102 с.

12. *Серээдар Н.Ч.* Семантические варианты модели звучания простых предложений в тувинском языке // Вестник Университета Российской академии образования. 2011. № 2. С. 43–46.

13. *Холодович А.А.* Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. 304 с.

14. *Хуболов С.М.* Формально-семантические модели одноместных фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1997. 22 с.

15. *Хуболов С.М.* Эмоциональные состояния и их представление в языке (на материале фразеологии карачаево-балкарского языка) // Когнитивная парадигма: тезисы международной конференции 27–28 апреля 2000 г. Симпозиум 1. Пятигорск, 2000. С. 179–181.

16. *Хуболов С.М.* Односоставные фразеологизированные предложения с предикатами отношения в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1. С. 45–48.

17. *Хуболов С.М.* Конструкции с предикатами, выраженными трехвалентными фразеологизмами с вспомогательным глаголом эт в карачаево-балкарском языке // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. 2014. № 4. С. 525–530.

18. *Хуболов С.М.* Семантические типы фразеологических единиц в карачаево-балкарском языке // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. İstanbul, 2015. № 2. С. 647–662.

19. Хуболов С.М. Структура и семантика предложений с предикатами, выраженными фразеологическими единицами с соматизмом *кѣз* (глаз) в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2015. Т. V. № 4. С. 58–61.

20. Хуболов С.М. Структурно-семантические особенности предложений с предикатами, выраженными трехвалентными фразеологизмами со значением отношения в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1–2 (55). С. 190–193.

Список сокращений:

Х.А. – Х. Аппаев
М.Б. – М. Батчаев
Б.Г. – Б. Гуртуев
Э.Г. – Э. Гуртуев
К.К. – К. Кулиев
Д.К. – Д. Кубанов
Р.Л. – Р. Лайпанов
А.У. – А. Урусова
К.ж. – газ. «Коммунизмге жол»
К. – газ. «Карачай»
М.Т. – журн. «Минги тау»
Н. – «Нартла»
Н. – журн. «Нюр»
Фольк. – Фольклор
Ш. – альманах «Шуѣхлукъ»

POSTPOSITIONAL COMBINATIONS AS REPRESENTATOR SUBJECT IN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

F.T. Mamayeva, Z.S. Gurieva
Cherkessk, CCIPC, Nalchik,
Kabardino-Balkarian state University

The article deals with simple sentences of the Karachay-Balkar language, in which an indirect subject expressed by a complex combination is an obligatory component of the semantic structure. The result of the analysis revealed the following variations of the indirect entity, as cosubject speech, cosubject movement, cosubject relations, cosubject actions, among which the highest frequency of use are cosubject speech.

Keywords: *Karachay-Balkar language, postpositions, complex combinations, main subject, indirect subject, predicate, valency, verb.*

УДК 811.512.1'367.625.1

**О РОЛИ ПРИЧАСТИЙ В ОБРАЗОВАНИИ
СЛОЖНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

*Мизиев А.М., Ульбашева З.А.
г. Нальчик, КБГУ*

В статье рассматриваются сложные имена существительные, образованные путем субстантивации причастия, сочетающихся с другими словами. В ней отмечается, что они подразделяются на нарицательные и собственные, причастия образованные по модели глагольных словосочетаний.

***Ключевые слова:** субстантивация, причастие, сложные имена существительные, парные имена существительные.*

Причастие – универсальная языковая категория, имеющаяся в языках разных систем и характеризующаяся единым грамматическим значением. Оно обозначает признак предмета или лица, производящего или испытывающего действие, который всегда связан с определенной временной формой. Такое содержание причастия обуславливает его двойственный характер: 1) являясь носителем признака, оно употребляется в атрибутивной функции и тем самым сближается с прилагательным, который также обозначает признак предмета и имеет атрибутивную функцию; 2) обозначая динамический признак, причастие, в отличие от прилагательного, указывающего на статический признак, теснейшим образом связано с глаголом: имеет формы вида, залога, времени, отрицания на *-ма/-ме* и *-маз/-мез* [3, с. 80]. Некоторые тюркологи называют причастие «отглагольным прилагательным». При этом к причастиям они относят лишь формы на *-гъан*, и то не все, а только те из них, которые имеют функцию прилагательного. Дифференциальным признаком, отличающим причастия от других глагольных форм, является атрибутивность, т.е. способность употребляться в функции

определения. В карачаево-балкарском языке многие причастия в результате опущения определяемых ими существительных субстантивируются или адъективируются и употребляются вместо этого опущенного имени. Опущение определяемого имени у причастий или же употребление их с аффиксами принадлежности и падежа не означает, что они приобретают значение существительного или прилагательного. Полный переход причастий в существительные или прилагательные осуществляется лишь при утрате ими временных значений и способности глагольного управления [2, с. 96]. Использование причастия в функции существительного имеет два этапа. На первом этапе происходит изменение лишь синтаксической функции причастия, но оно не переходит в существительное или прилагательное, продолжает оставаться глаголом. На втором этапе происходит изменение частеречной принадлежности, оно переходит в существительное или прилагательное, т.е. осуществляемые узуальной субстантивацией и адъективацией превращают причастия в настоящее существительное или прилагательное [1, с. 102].

В карачаево-балкарском языке сложные нарицательные существительные образуются от причастий по следующим моделям:

1. Сочетание имени существительного в форме основного падежа, выступающее как прямое дополнение, с причастием на **-ар**. Сложные существительные этого вида называют предмет (лицо, животное), производящий действие, названное основой глагола и конкретизированное в первой основе сложения. Они употребляются в основном в разговорной речи, принадлежат к эмоционально окрашенной лексике: **бёрюатар** «человек, способный на большие дела» (**бёрю** «волк» + **атар** – прич. буд. вр. от глагола **ат-** «стрелять»), **бёрюгутар** «волкодав» (**бёрю** «волк» + **гутар** – прич. буд. вр. от глагола **гут-** «ловить», «хватать, держать»), **кьылкьыяр** (карач.) «меч» (**кьыл** «волос, щетина» + **кьыяр** – прич. буд. вр. от глагола **кьый-** «точить, заострять, вырезать»).

Примеры: **Бёрюатар бёркюнден белгили** (погов.) «Человека, способного на большие дела, можно определить по шапке».

2. Сочетание имени числительного в форме основного падежа с причастием на **-ар**. Такие существительные стилистически нейтральны, показывают крайность действия: **экиатар** «двустволка», (**эки** «два» + **атар** – прич. буд. вр. от глагола **ат-** «стрелять»), **бешатар** «пятизарядное ружьё» (**беш** «пять» + **атар** – прич. буд. вр. от глагола **ат-** «стрелять»), **алтыатар** «шестизарядный револьвер» (**алты** «шесть» +

атар – прич.будущего времени от глагола **ат-** «стрелять»), **экижашар** «тёлка- двухлетка» (**эки** «два»+ **жашар** – прич. буд. вр. от глагола **жаша** – «жить»)), **ючжашар** «корова- трёхлетка» (**юч** «три» + **жашар** – причастие будущего времени от **жаша-** «жить»)).

Примеры: **Ибрагим, бешатарны рейка юсюне салып, марады** (Тёпеланы А.) *«Ибрагим пристроил пятизарядное ружьё к рейке и прицелился».*

3. Сочетание глагола в форме условного наклонения с причастием на **-ар**. Они относятся к просторечной лексике, показывают пренебрежительное отношение: **тапсаашар** «бездельник, тунаядец» (**тапса-** «если найдёт» + **ашар** – прич. буд. вр. от глагола **аша-** «есть, кушать»)), **тойсакьояр** «дармоед» (**тойса-** «если наестся» + **кьояр** – прич. буд. вр. от глагола **кьой-** «оставлять»)).

Примеры: **/Гонай Чонайгъа:/ Сен, харип, манга бош тапсаашар дейсе. Мен сенден бек тапсаашар тьуйюлме** (Токумаланы Ж.) */Гонай Чонаю:/ «Бедняга, зря ты меня тунаядцем называешь. В этом деле ты мне ничуть не уступаешь».*

4. Сочетание имени существительного в дательном падеже в качестве управляемого дополнения с причастием на **-маз/-мез**. Имена существительные этого типа называют предмет, обладающий данными отличительными признаками. Они характерны для разговорной речи, идиоматичны: **баугъакирмез** «овца семилетка» (**бау** «хлев» + афф. дат. пад. **-гъа** + **кирмез-** – прич. буд. вр. отрицательной формы от глагола **кир-** «входить, заходить»)), **кьошхасалмаз** «боярышник» (**кьош** «кошара»+ афф. дат. пад. **-ха**+**салмаз-** – прич. буд. вр. отрицательной формы от глагола **сал-** «класть, использовать»)), **кьойгъаайланмаз** «баран-самец, негодный как производитель» (**кьой** «овца»+афф. дат. пад. **-гъа**+**айланмаз-** – прич. буд. вр. отрицательной формы от глагола **айлан-** «быть в течке, прийти в охоту»)).

Примеры: **Аны кьой сюрююнде эки баугъакирмез барды** (ТСКБЯ) *«В его отаре имеются две семигодовые овцы».*

5. Сочетание имени существительного в основном падеже в качестве примыкающего прямого дополнения с причастием на **-маз/-мез**. Они называют предмет (лицо, пространство) и относятся к разговорно-бытовой лексике, идиоматичны. Некоторые из них имеют дополнительные оттенки, обозначающие пренебрежительно-ироническую или эмоциональную оценки: **кюнтиймез** «кисейная барышня, домосед» (**кюн** «солнце» + **тиймез-** – прич. буд. вр. отрицательной формы от

глагола **тий-** «светить»), **кёзкёрмез** «пространство, которое невозможно обхватить взором» (**кёз** «глаз» + **кёрмез-** – прич. буд. вр. отрицательной формы от глагола **кёр-** «видеть»), **кьулсуймез** «крестец» (**кьул** «раб, холоп, слуга» + **суймез-** – прич. буд.вр. отрицательной формы от глагола **суй-** «любить, хотеть, желать») и др.

Примеры: **Кьызыбызны кёзкёрмезге кьалай берип ийник!** (ТСКБЯ) «Как мы можем выдать замуж свою дочь в такое далёкое место!».

6. Сочетание имени существительного в винительном падеже, представляющее прямое дополнение, с причастием на **-маз/-мез**. Образованные таким способом существительные называют предмет, употребляются в разговорной речи, идиоматичны: **атайтмаз** *эф.* «предмет, который нельзя называть: нечистая сила, зверь, болезнь и т.п.» (**ат** «имя»+ **айтмаз-** – прич. буд. вр. отриц. формы от глагола **айт** – «говорить, сказать»), **тууартыймаз** «ни на что не годный человек» (**тууар** «скотина» + **тыймаз-** – прич. буд. вр. отрицательной формы от глагола **тый-** «заворачивать, гнать (напр. стадо)»; **сууичмез** «овца шести-семи лет» (**суу** «вода» + **ичмез-** – прич. буд. вр. отриц. формы от глагола **ич-** «пить»).

Примеры: **/Шонтукь Мырзагья:/ «Неден», «неден» де да тур! Атайтмаздан ауруйду дей турады да!** (Гуртуланы Э.) «*/Шонтук Мурзе:/ Что ты заладил «чем, чем!» Говорят же тебе, атайтмазом!*».

7. Сочетание прямого дополнения – имени существительного в форме основного падежа с отглагольным именем деятеля на **-ыу/-иу, -уу/-юу, -у + -чу/-чю**. Это в основном сложные слова терминологического характера, профессионализмы: **сакьял жюлюучю** «бритвенный аппарат» (**сакьял** «борода» и **жюлюучю** «бреющий»), **мияла кесиучю** «стеклорез» (**мияла** «стекло» и **кесиучю** «режущий»), **сурат алыучу** «фотограф» (**сурат** «фотография, снимок» и **алыучу** «снимающий, фотографирующий»), **ийнек саууучу** «дояр, доярка» (**ийнек** «корова» и **саууучу** «доющий»).

Примеры: **Сурат алыучу жаш, хар бирибизни тап олтуртуп, юч тюрлю кьауум этип, сурат алды** (Тёппеланы А.) «*Парень-фотограф рассадил нас удобно и три раза снял разными группами.*».

8. Сочетание имени существительного в форме местного падежа с причастием на **-ар** или **-нган**: **тёбедейнар** «ягнёнок до двух месяцев» (**тёбеде** «на горке» и **ойнар** «будет играть»). Название говорит о бойком движении ягнят в этом возрасте [4, с. 156]: **кьолда айланган**

«количество пряжи, которое помещается на ручное веретено» (**кьолда** «в руке» и **айланнган** «вращающийся»).

Примеры: **Аналары уа тѣбедейнарланы ийлей болгъанды** (фольк.) «А их мать мяла шкурки ягнят». **Къатынны юч кызы харкюнден бирер кьолда айланнган ийиргендиле** (фольк.) «Все три дочери женщины в день наполняли по одному веретену пряжи».

9. Сочетание причастия на **-юр/-ер** с именем существительным в основном падеже: **ѐлюр от «яд»** (**ѐлюр-** – прич. буд. вр. от глагола **ѐл-** «умирать» и **от «яд»**), **ѐлюр тюк «седые волосы»** (**ѐлюр-** – прич. буд. вр. от глагола **ѐл-** «умирать» и **тюк «волос»**), **кѣчер агъач «ось (арбы)»** (**кѣчер-** – прич.буд.вр. от глагола **кѣч-** «перемещаться» и **агъач «дерево»**).

Примеры: /**Жамилят:/ Жолдаш Бекболатов, не этериксе, энди анга тѣзерикбиз, ачы къабын болса да, ѐлюр от тюйюлдю** (Кациланы Х.) «/Жамилят:/ Товарищ Бекбулатов, ничего не поделаешь, стерпим, пилюля горькая, но всё же не яд».

10. Сочетание имени числительного в форме основного падежа, представляющее определение с причастием на **-гъан**: **экикъыркъгъан** «неровно скошенный ряд; короткие волокна шерсти, идущие в отходы» (**эки «два»** и **къыркъгъан-** – прич. прош. вр. от глагола **къыркъ** – «стричь»), **тѣртжаргъан** «колотые дрова» (**тѣрт «четыре»** и **жаргъан-** – прич. прош. вр. от глагола **жар-** «колоть, рубить»).

Примеры: **Ала экиси да чынар терекни бычхы бла туурадыла да, сау кюнню балтала бла жарып, тѣртжаргъанла этип жыйдыла** (журн. Минги-Тау) «Они (оба) распилили буквое дерево, раскололи топорами и сложили в кучу».

11. Парные имена существительные, компоненты которых представляют причастия прошедшего времени, находятся в антонимических отношениях и имеют реально лексическое значение. Парные субстантивные лексемы, как правило, образуются от слов, значения которых сопряжены с одним понятийным полем, синонимичны, антонимичны между собой, тогда как для конститuentов повторов это не актуально, поскольку они есть формы одних и тех же лексем; **соргъаноргъан** – «разрешение» [7, с. 219; 8, с. 41]. Такие существительные выражают значение собирательности и обобщѣнности: **алгъан-берген** «взаимные подарки» (**алгъан-** «взявший» + **берген-** «отдавший»), **баргъан-келген** «взаимные визиты, посещения» (**баргъан-** «поехав-

ший, сходявшийся» + **келген-** «приехавший, пришедший» + **кетген-** «уехавший, ушедший»).

Примеры: **Алгъан-берген болмазгъа деп оноулашханлыкъгъа, той, хар замандача, къалынсыз, бернесиз болмады** (Залийханланы Ж.) *«Хотя (вначале) и договорились, что взаимных подарков не будет, свадьба, как и всегда, не обошлась без калыма и приданого».*

12. Парные имена существительные, компоненты которых представляют причастия прошедшего времени, второй из них является искажением первого, словом-эхом, самостоятельно не употребляется и не имеет реального лексического значения. Все они имеют собирательное, обобщающее значение и выражают пренебрежительно-иронический оттенок: **къатхан-къутхан** «всякие засохшие куски (напр. хлеба)» (**къатхан-** «засохший» + **къутхан**), **къалгъан-къулгъан** «остатки, объедки» (**къалгъан-** «оставшийся» + **къулгъан**), **ётген-сётген** «всякие прохожие» (**ётген** «проходивший» + **сётген**).

Примеры: /**Тауукъ:/ Жолгъа чыкъсам, къоркъама ётген-сётген сабийден** (Гуртуланы Б.) *«Курица:/ Когда на дороге выхожу, боюсь прохожих детей».*

Сложные собственные имена существительные, которые зарегистрированы в словарях карачаево-балкарского языка, выступают как географические названия, лишь незначительная их часть является личными именами и фамилиями. [5, с. 45; 6, с. 175] В одних из них причастную форму имеет первый компонент (**Сауарбий, Жашарбек, Жашаркъул** – личные имена; **Ауар-Сырт, Кюйген-Сырт, Кюйген-Халжарла** – географические названия), в других (их большинство) – второй компонент, (**Жанёлмез, Къушжетер, Жантуугъан** – личные имена, **Таппасханлары** «Таппасхановы», **Жаубермезлары** «Жаубермезовы», **Жантуугъанлары** «Жантугановы» – фамилии; **Акьболат-Чалычу** (место, которое косит Акьбулат); **Буу-Ёлген** (место, где подох олень); **Элия-Ургъан** (место, где ударила молния)–географические названия). Основными моделями, по которым образованы эти имена, являются следующие:

1. Сочетание имени существительного в форме основного падежа, с причастием на **-маз/-мез**: **Жанёлмез** (*жан* «душа»+**ёлмез-** – прич. буд. вр. отриц. формы от глагола **ёл-** «умирать»), **Жаубермезлары** «Жаубермезовы» (**жау** «масло»+**бермез-** – прич. буд. вр. отриц. формы от глагола **бер-** «давать») и др.

2. Сочетание причастия на **-(а)р** с именем существительным в именительном падеже, обозначающим титул: **Жашарбек** (**жашар-** – прич.

буд.вр. от глагола **жаша-** «жить»+**бек** «крепко»), **Сауарбий** (**сауар-** – прич.буд.вр. от глагола **сау-** «доить»+**бий** (**бей**)) и др.

3. Сочетание имени существительного в форме винительного падежа в качестве примыкающего прямого дополнения с причастием на **-ер**: **Элсюерлары** «Эльсуеровы» (эл «народ»+**сюер-** – прич. буд. вр. От глагола **суй-** «любить, уважать»), **Къушжетерлары** «Кушжетереровы» (**къуш** «орел»+**жетер-** – прич. буд. вр. от глагола **жет-** «догнать») и др.

4. Сочетание имени существительного в основном падеже с причастием на **-гъан/-ген**: **Къойла-Кюйген** «место, где овцы сгорели» (**къойла** «овцы» +**кюйген-** – прич. прош. вр. от глагола **кюй-** «сгореть») **Суу-Акъгъан** «место, где течет вода» (**суу** «вода»+**акъгъан-** – прич. прош. вр. от глагола **акъ-**«течь») и др.

5. Сочетание имени существительного в основном падеже с причастием на **-ыучу/-иучу, -уучу/-иучю**: **Акъбулат-Чалыучу** «место, где косит Акбулат» (**Акъбулат** «Акбулат»+**чалыучу-** – прич. наст. вр. от **чал-** «косить»), **Герий- Туруучу** «место, где живет Герий» («**Герий**»+ **туруучу-** – прич. наст. вр. от глагола **тур-** «жить, обитать») и др.

Как показывает исследованный материал, свыше половины всех лексикализованных причастий в исследуемом языке составляют сложные имена существительные. Как нарицательные и собственные имена, они образованы по модели глагольных словосочетаний.

Литература

1. *Гузеев Ж.М., Мизиев А.М.* Фразеологизация свободных словосочетаний и предложений в карачаево-балкарском языке. Нальчик: КБГУ, 2013. 161 с.

2. *Мизиев А.М.* Лексикализация грамматических форм глагола в карачаево-балкарском языке (неличные и залоговые формы). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Нальчик: КБГУ, 1999. 130 с.

3. *Мизиев А.М.* Проблемы лексикализации различных типов сочетаний слов в тюркских языках. Нальчик: КБГУ, 2012. 136 с.

4. *Мизиев А.М.* Лексикализация неличных и залоговых форм глагола, свободных словосочетаний и предложений в карачаево-балкарском языке. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова. Нальчик: КБГУ, 2015. 308 с.

5. *Мусуков Б.А.* Морфологическая деривация глагола в карачаево-балкарском языке. Нальчик: КБНЦ РАН, 2009. 256 с.

6. *Текуев М.М., Хуболов С.М., Мизиев А.М.* Структурно-семантические особенности карачаево-балкарских топонимов с зоонимической основой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 10–1 (88). С. 174–178.

7. *Улаков М.З., Мизиев А.М.* О лексикализации форм возвратного залога в современных тюркских языках // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик: КБНЦ РАН, 2013. № 4 (54). С. 218–222.

8. *Хуболов С.М., Мизиев А.М.* Односоставные фразеологи-зированные предложения с дательным объекта в карачаево-балкарском языке // Тюрко-монгольский мир: проблемы взаимодействия и развития традиционной культуры. Материалы международной научно-практической конференции научных работников, преподавателей образовательных структур всех уровней, аспирантов и магистрантов. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2018. С. 38–42.

ON THE ROLE OF PARTIES IN THE FORMATION OF COMPLEX NAMES OF SUBSTITUAL IN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Miziev A.M., Ulbasheva Z.A.
Nalchik, KBSU

The article discusses the complex nouns formed by substantivating participles with other words. They are divided into nominal and proper, which are formed according to the model of verbal phrases.

Keywords: *substantivization, participle, complex nouns, paired nouns.*

УДК 811.512.142

**ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕНТИФИКАТОРОВ
В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

Мусуков Б.А.

г. Нальчик, ИГИ КБНЦ РАН

Статья посвящена исследованию роли функциональных идентификаторов в карачаево-балкарском языке, участвующих в образовании новых лексических единиц, как по собственным моделям, так и гибридным на основе субстратных производящих основ. В ней рассматриваются особенности формирования лексико-семантической структуры производных единиц – выразителей как лексических, так и грамматических значений.

В работе обращается внимание на то, что функциональные идентификаторы, как компоненты формального выражения, сочетаются и с аналитическими конструкциями, включая и редуцирующие.

Ключевые слова: *функциональные идентификаторы, двусложные корни, общетюркские лексемы, грамматический субъект, семантический субъект.*

Аффиксы словообразования в карачаево-балкарском языке, именуемые функциональными идентификаторами, участвуют в образовании лексических единиц от как первичных производящих основ, имеющих отчетливую семантику, так и от вторичных, осложненных, как словообразовательными, так и формообразующими компонентами. Они выражают в процессах морфологической деривации квалифицированные значения и выступают конкретизаторами при семантически дифференцированных словах. Рассматривая сочетания корневых и аффиксальных морфем, следует отметить, что новые лексические единицы образуются как по собственным языковым моделям, так и гибридным, т.е. от заимствованных производящих основ из разносистемных языков и исконно карачаево-балкарских аффиксов.

Наибольшей продуктивностью функциональные идентификаторы известны как в системе отыменного глаголообразования, так и внутриглагольного словообразования.

В карачаево-балкарском языке производящими основами для производных глаголов служат односложные и двусложные корни. Если основная доля участия в этом процессе приходится на односложные основы, образованные преимущественно по фонетической схеме СГС (например, *баш* ‘начало’, *таш* ‘камень’, *буз* ‘лед’ и мн.др.), то двусложные основы, образованные по схеме «корень+словообразовательный аффикс» (например, *бил+дир-* ‘сообщить’, *кюл+дюр-* ‘смешить’ и мн. др.), также принимают активное участие в обогащении лексики способом внутриглагольного словообразования. При отыменном глаголообразовании и внутриглагольном словообразовании важная роль отводится таким способам словообразования, как аффиксация и лексикализация.

Среди односложных производящих основ в карачаево-балкарском языке встречаются и архаичные общетюркские лексемы, сохранившие ту фонетическую оболочку, в которой употреблялись исторически. Многие из них участвовали в образовании лексико-семантической структуры производных основ, несмотря на то, что в современном состоянии не сохранили первоначальных значений. Их можно восстановить на материалах памятников древнетюркской письменности, в которых они сохранились отчетливо как реликтовые элементы, например, глагол *отла-* ‘пасться’ образовался с помощью аффикса *ла-* от имени существительного *от* ‘трава’, отсутствующего в современном карачаево-балкарском языке; *жумуша-* ‘смягчиться; размочиться’ – с помощью аффикса *ша-* от имени существительного *жум/јум* ‘перо’, *алда-* ‘обманывать, вводить в заблуждение’ образовался с помощью аффикса звукоподражательных глаголов *да-* от основы *ал* ‘обман, уловка, хитрость’. Подобные единицы встречаются и среди отглагольных образований, например, *айт-* ‘говорить’ образовался с помощью аффикса *т-* от глагола *ај-* ‘говорить’ [5, с. 25.] Универсальные лексико-семантические процессы отмечаются и среди некоторых отыменных глаголов, образовавшихся первоначально от глагольных основ, например, глагол, *баула-* ‘делать снопы; завязывать’ образовался от имени существительного *бау* ‘веревка, завязка’, *сана-* ‘считать’ от *сан* ‘счет’. Материалы древнетюркских памятников свидетельствуют о том, что именные основы *бау* и *сан* образовались соответственно от глаголов *ва-* ‘связать, завязать’ [5, с. 76] и *са-* ‘считать’ [3, с. 478].

Таким образом, морфологическая структура тюркской производящей основы, состоит, прежде всего, из чистой корневой морфемы. Анализируя структуру корня и аффиксов, В.Л. Котвич в свое время отмечал, что в основе употребления алтайского слова «лежит односложный неизменяющийся корень и односложный суффикс» [5, с. 30]. Строение односложных корней сводится к следующим типам: корни Г, СГ, ГС, СГС, (С) ГСС; суффиксы С, Г, СГ, СГС, СГС (С). В процессе развития корни и суффиксы видоизменялись и поэтому в современном состоянии тюркских языков их «можно только с оговорками называть неизменяемыми» [5, с. 24].

Универсальность глаголообразовательных аффиксов заключается в том, что они сочетаются как с односложными именными и глагольными производящими основами, так и с производными глагольными основами. Наиболее общей моделью структуры тюркского производного слова является модель, состоящая из двух элементов: корня и аффикса. Другими словами, в большинстве случаев, особенно во внутривлагольном словообразовании, данная модель служит в качестве производящей основы для единиц более сложного уровня, получивших дальнейшее морфологическое развитие с помощью аффиксации, а в некоторых случаях и лексикализации. В результате подобных словообразовательных процессов морфологическая структура тюркского производного слова расширяет как свои грамматические, так и лексические границы. На это указывается, хоть и спорадически, в некоторых работах, ориентированных на выявление и описание парадигматических характеристик различных языковых единиц [4; 6]. Следующей, более сложной, словообразовательной моделью тюркской производной основы является модель, состоящая из трех элементов: односложного корня и двух словообразовательных аффиксов, например, *жара+ш+дыр*- 'подготовить', *бир+ик+дир*- 'объединять', *таны+ш+дыр*- 'познакомить', *ал+ыш+дыр*- 'заменить'.

В интерпретации тюркологов производное слово, состоящее из корневой и аффиксальной морфем, характеризуется как синтагма, т.е. как связанная единица. В этой двучленной структуре корневая и аффиксальная морфемы относятся друг к другу как определяющее (определение) к определяемому элементу. Н.А. Баскаков считает, что «морфемный уровень не является самостоятельным и может быть разделен на две части, из которых одна часть отходит к лексике, а другая – к синтаксису...» [1, с. 8]. В системе лексики реализуются словообразова-

тельные процессы, связанные с модификацией значений слов. В дальнейшем Н.А. Баскаков отмечает, что «... все морфемы, выражающие залоговые, а тем более видовые значения, могут быть отнесены только к системе словообразования...». Они «...модифицируют значение данной основы, поскольку эти морфемы, выражающие залоговые и видовые значения, отражают не синтаксические отношения, а исключительно лексические отношения, а именно – залоговые выражают отношения реальных семантических категорий – субъекта производителя действия и объекта действия к самому действию, а виды – общий характер протекания действия [1, с. 22].

Все глаголы, образованные по залоговым моделям, имеют тесную связь с семантикой производящих глагольных основ, являются переходными (т.е. обозначают отношения субъекта, реально действующего лица, к действию, которое переходит на объект) и непереходными (т.е. обозначают отношения субъекта, реально действующего лица, к действию, которое не переходит на объект).

Термин «субъект» выступает в различных модификациях и имеет следующие значения: 1) значение субъекта семантического или лексического, т.е. реального исполнителя действия; 2) значение субъекта логического, т.е. субъекта суждения, умозаключения; 3) значение субъекта грамматического, т.е. подлежащего в предложении; 4) значение субъекта тематического, т.е. психологического. Все четыре понятия субъекта совпадают в основном в составе предложений, что видно, например, из работ, посвященных структурно-семантическому членению простого предложения [2; 8].

Производящие основы в карачаево-балкарском языке, участвующие во внутриглагольном словообразовании, употребляются в двух видах: 1) в виде чистой корневой морфемы (*тур-* ‘вставить’, *бар-* ‘идти’, *кел-* ‘приходить’, *жар-* ‘разрезать’ и т.д.); 2) в виде модифицированной залоговой основы, утратившей свое формообразовательное значение и выступающие в словообразовательном значении как результат морфологической деривации и лексикализации: *бар-дыр-* ‘проводить, вести, выполнять’, *бил-дыр-* ‘сообщить, передать’, *женг-дыр-* ‘проиграть’.

Процессы лексикализации производных глаголов, образованных по залоговым моделям, в тюркских языках служат одним из значительных факторов развития и обогащения словарного состава языка. Образование новых слов по залоговым моделям следует рассматривать, помимо аффиксации, и как лексикализацию некоторых грамматических

форм слов. Н.А. Баскаков считает, что лексикализации подвергаются не только самостоятельные лексические единицы, образовавшиеся первоначально способом аффиксации, с чем стоит согласиться, но и постпозиционные элементы, изолированные грамматические форманты – аффиксы вне их связи со знаменательными основами [1, с. 57], с чем вряд ли можно согласиться. Процесс лексикализации значений производных глаголов можно выявить в результате сопоставления их многочисленных значений друг с другом. С другой стороны, следует отметить, что аффиксальные морфемы не могут лексикализироваться, так как не имеют самостоятельного лексического значения.

Залоговые и видовые основы выражают лексические или семантические отношения: залоговые отношения между лексическим или семантическим субъектом или исполнителем самого действия и самим действием, а видовые – характер протекания самого действия с точки зрения завершенности/незавершенности. Поэтому категорию залога в большинстве случаев следует рассматривать как словообразовательную. То же самое касается и категории вида. Наряду с морфемами категорий залога и вида, морфемы, выражающие различные оттенки интенсивности качества имен прилагательных и степени сравнения, Н.А. Баскаков относит к группе модифицирующих морфем лексико-грамматического словообразования, т.к. они модифицируют, изменяют само реальное значение слова. Эти морфемы не выражают отношения слов в составе словосочетания и предложения [1, с. 26].

Категории залога и вида в той или иной степени во внутривлагольном словообразовании характерны каждой производящей глагольной основе до оформления ее аффиксами функционально-грамматического словообразования и до превращения в функциональную форму глагола.

В образовании лексических единиц особое место занимают как именные, так и глагольные производящие основы. Особенностью именных производящих основ является то, что в процессах словообразования отмечаются различные фонеморфологические трансформации, к примеру, в интервокальной позиции

$k > g$, $k\bar{y} > g\bar{y}$: *кёк* ‘синий’ – *кёгер* ‘синеть’; *акь* ‘белый’ – *агьар* ‘белеть’ [7, с. 82]. Особенность глагольных производящих основ заключается в том, что с помощью залоговых аффиксов образуются как залоговые формы, обозначающие различные отношения между субъектом и объектом действия, так и глагольные основы с новым лексическим значением и семантическими оттенками.

Литература

1. *Баскаков Н.А.* Историко-типологическая морфология тюркских языков. М.: Наука, 1970. 275 с.
2. *Додуева А.Т.* Семантическое поле пространственности в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2012. Т. 2. № 3. С. 99–100.
3. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
4. *Кетенчиев М.Б.* Парадигма утвердительного/отрицательного простого предложения в карачаево-балкарском языке // Вестник ВЭГУ. 2013. № 4 (66). С. 123–127.
5. *Котвич В.* Исследования по алтайским языкам. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 30.
6. *Улаков М.З., Кетенчиев М.Б.* Парадигма именного отрицания в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. № 3 (53). С. 160–165.
7. *Улаков М.З., Мусуков Б.А., Локьяева Ж.М.* Словообразовательное значение залоговых аффиксов в тюркских языках (на материале карачаево-балкарского языка) // Проблемы востоковедения. 2015. № 3 (69). С. 79–85.
8. *Хуболов С.М.* Фразеологизированные конструкции с родительным субъекта в карачаево-балкарском языке // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 195–202.

FORMAL-SEMANTIC FEATURES OF FUNCTIONAL IDENTIFIERS IN KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE

*Musukov B.A.
Nalchik, KBIGI*

The article is devoted to the study of the role of functional identifiers in the Karachay-Balkarian language, participating in the formation of new lexical units, both according to their own models, and hybrid based on the substrate generating roots. It discusses the features of the formation of the lexical-semantic structure of derived units – expressers of both lexical and grammatical meanings.

The paper draws attention to the fact that functional identifiers, as components of a formal expression, are combined with analytical constructs, including reduplicative ones.

Keywords: *functional identifiers, double-syllable roots, common Türkic lexemes, grammatical subject, semantic subject.*

УДК 811.512.14180/81

**ПОЯСНИТЕЛЬНО-ДИДАКТИЧЕСКИЙ
РЕЛИГИОЗНЫЙ ПОДСТИЛЬ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА
(ЖАНРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОПИСАНИЯ)**

Песянчин Ю.В.¹, Раемгужина З.М.²

¹ Уфа, МОО БНЦ «Урал»,

² Уфа, УГНТУ

Настоящая статья посвящена краткому анализу пояснительно-дидактического подстиля башкирского языка. Этот подстиль входит в состав религиозного стиля. Здесь представлена история его становления, названы основные жанры и знаковые учебные пособия. Так же обозначены направления дальнейшего его изучения.

Ключевые слова: *стилистика, функциональная стилистика, функциональный стиль, подстиль, жанр, историческая стилистика, межстилевой жанр.*

Функциональные стили любого языка традиционно состоят из двух сфер употребления: книжной и разговорной [9, с. 203]. Сфера книжных стилей башкирского литературного языка включает в свой состав научный, публицистический, официально-деловой, эпистолярный, религиозный, литературно-художественный стили, а также стиль башкирского устно-поэтического творчества и стиль рекламы. Отдельные явления и процессы, характеризующие их развитие, были ранее описаны нами и представлены в ряде наших публикаций [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21]. Все функциональные стили, входящие в книжную сферу башкирского языка, сформировались именно на основе широких его общественных функций.

Башкиры на протяжении ряда веков являются приверженцами суннитского направления традиционного ислама [1, с. 449]. Мы же, опираясь на данный исторический факт, считаем, что при изучении

религиозного стиля башкирского языка следует усилить именно его исламскую составляющую.

Формирование системы подстилей религиозного стиля башкирского языка завершилось в 2001 году. На тот момент их было три: а) собственно религиозный подстиль; б) пояснительно-дидактический религиозный подстиль; в) популярно-религиозный подстиль [11, с. 152–153].

Однако дополним, что их дальнейшее развитие на основе новых экстралингвистических факторов продолжается до сих пор.

Итак, религиозный стиль башкирского языка входит в систему книжных стилей, но он при этом, в отличие от остальных, так и продолжает оставаться неизученным. Отметим только, что аспектов его описания несколько. Мы же постараемся ограничиться только одним, а именно – кратким описанием форм и жанров, представляющих идеи ислама как одной из ведущих религий мира в пояснительно-дидактическом религиозном подстиле.

Однако дополним, что их дальнейшее развитие на основе новых экстралингвистических факторов продолжается до сих пор.

Функциональное назначение пояснительно-дидактического подстиля связано с учебно-просветительской работой, поэтому ему характерна систематизация религиозного материала, развернутые дефиниции религиозных понятий. Этим он близок к учебно-научному подстилю научного стиля башкирского языка.

Началом его формирования послужило издание башкирским ученым-фольклористом С.А. Галиным в 1996 году учебника известного в Урало-Поволжье исламского богослова и педагога С. Бикбулата (1886–1954) «Уроки религии» («Дин дәрестәре»). К этой категории литературы относится и издание «Тафсир Корана» («Көрһән Тәфсире», Казан, 2005). Традиции С. Бикбулата были продолжены И. Хайбуллиным, который издал учебник «Уроки религии» («Дин дәрестәре», Уфа, 2015). К данной группе печатной продукции можно отнести книги, увидевшие свет в издательстве «Дагват» за последние годы: 1) «Исламские обычаи» («Ислам дине йолалары», Уфа, 2016); 2) «Порядок чтения намаза» Р. Исхаки («Намаз укыу тәртибе», Уфа, 2016); 3) «Деяния, оберегающие мусульманина» («Мөһминде коткарыусы ғәмәлдәр», Уфа, 2016); 4) «Исламская религия» Г. Расули («Ислам дине», Уфа, 2016); 5) «Молитвы Пророка (да благословит его Аллах и приветствует)» И. Хафизы («Пәйғәмбәрбез (ғ.с.) доғалары», Уфа, 2016); 6) С. Аль-Кахтани

«Молитвы для заговора» («Өшкөрә торған йолалар», Уфа, 2017). Не остались в стороне и представители Башкирского Зауралья в лице деятелей мусульманского духовенства г. Сибая, опубликовавшие учебное пособие С. Гусаймина и Г. Габдрахмана «Правила хаджа и умры» («Хаж һәм ғумра тәртиптәр», Сибай, 2006).

Республиканское издательство «Китап» в 2015–2016 гг. выпустило справочники «Священные молитвы» («Изге доғалар», сост. Ф.М. Бикташева, Уфа, 2015), «Намаз» («Изге намаз», сост. С.Г. Сабирьянова, Уфа, 2016) и учебник «Основы ислама» («Ислам нигеззәре», сост., автор вступит. статьи Ф.Р. Худайгулов, Уфа, 2016).

Также в качестве объекта пояснительно-дидактического подстиля следует квалифицировать и труд великого тюркского и башкирского религиозного деятеля, ученого-богослова, мыслителя и педагога-просветителя Р. Фахретдинова (1859–1936) «Наставления» («Нәсихәттәр», пер. и сост. А.Г. Салихова. Өфө, 2003), обладающего статусом классического духовного учебника.

Дальнейшему развитию этого подстиля способствовал выход в свет толковых словарей Д.Д. Магадеева [8], братьев А.М. и Айд. М. Багаутдиновых [2], и З.Г. Уразбаевой [24].

Все перечисленные нами факты свидетельствуют только об одном: пояснительно-дидактический подстиль, как составная часть религиозного стиля, окончательно сформировался и уже имеет свою систему жанров.

Сюда же можно включить и такое сочинение башкирской поэтессы Г. Ситдиковой, как «Наставления для молодой семьи» (Уфа, 2006), где очень сильно представлена духовная составляющая.

В истории башкирского языкознания предпринималось несколько попыток научного анализа функциональных стилей в историческом плане, среди которых следовало бы выделить монографию Р.Х. Халиковой «Язык башкирских шежере и актовых документов XVIII–XIX вв.» [26] и написанный ею же первый раздел «История башкирского литературного языка до XIX в.» [9, с. 12–79] в коллективной работе «Очерки истории башкирского литературного языка». Но здесь вполне уместно вспомнить известного советского и российского языковеда-германиста Н.Н. Семенюк, которая в своем исследовании «Очерки по исторической стилистике немецкого языка» вполне справедливо отмечала, что «...наиболее тесно связаны между собою история литературной формы языка и историческая стилистика. Однако полного совпадения

данных направлений нет... <...> Не все проблемы истории литературного языка и исторической стилистики совпадают...» [22, с. 10–11]. Но, добавим, что имеющиеся результаты исследовательской деятельности Р.Х. Халиковой только предваряют начальный этап изучения исторической стилистики башкирского языка. Более того, благодаря той же Р.Х. Халиковой, мы являемся свидетелями совпадения отдельных проблем истории литературного языка и исторической стилистики: например, язык тюрки Урало-Поволжья или старотюркский язык, функционировавший уже в конце XVII – начале XVIII века в качестве литературного языка, в силу своей широкой общественной практики успел образовать свою систему функциональных стилей, куда были включены деловой стиль, летописный стиль, публицистический стиль и литературно-художественный стиль [9, с. 63–79], т.е. – четыре функциональных стиля. Заметим, что литературно-художественный стиль указанного периода параллельно можно рассматривать и в качестве религиозного стиля на примере творчества писателей и поэтов данной эпохи (Хисамитдин Муслими, Таджетдин Ялсыгулов, Мавля Колой, Габдрахим Усман и другие) [9, с. 63–79]. Полагаем, что подобный подход имеет право на жизнь и дальнейшее творческое развитие.

Именно благодаря подязыку исламской терминологии мы можем считать совокупность жанров суфийской литературы [7, с. 116–130] в качестве объекта религиозного стиля донационального периода развития башкирского литературного языка.

Но перейдем к следующему аспекту исследования религиозного стиля. Таковым можно считать анализ активно используемых в учебном процессе словарей по исламу, поскольку они в большинстве случаев по своему статусу и функциональному назначению представляют собой один из видов учебных пособий. Но для этого следует определить их типы. Например, изданный в 2010 году братьями Айдаром и Айратом Багаутдиновыми «Краткий русско-башкирский исламский толковый словарь» [2], является одновременно переводным и толковым. Значит, в таком случае надо будет обратить внимание на структуру, содержание и, самое главное, на стиль толкования того или иного термина. Если быть более конкретным, то на первый план выходит выявление и описание средств актуализации таких стилевых черт, какими являются точность, логичность, краткость, только уже потом – информативность и экспрессия [10, с.73–75]. Это также касается и толковых словарей Д.Д. Магадеева «Исламская религия» [8] и З.Г. Уразбаевой «Башкирский

религиозный словарь» [24]. Выходит, что перечисленные словари относятся к пояснительно-дидактическому подстилю.

Третьим аспектом изучения религиозного стиля можно назвать лингвостилистический анализ отдельных жанров стиля башкирского устно-поэтического творчества: например, *мунажатов* (башк. мөнәжәт). Исследователи башкирского фольклора Б.С. Баимов и Г.Н. Ахмадеева отмечают, что мунажат, как поэтический жанр, представляет из себя ночную молитву, обращение к Аллаху, даже – философское размышление о жизни и смерти [3, с. 415–416]. Но самое главное заключается в другом: мунажатам характерен лирико-субъективный, исповедальный или дидактический характер [3, с. 415–416]. Так же дидактическую составляющую мунажатов в свое время особо выделял и другой башкирский ученый-фольклорист С.А. Галин, считавший, что эта особенность их строится прежде всего на усилении религиозных идей [4, с. 185]. Мы же, опираясь, на идею чл.-корр. РАН Э.Р. Тенишева о взаимозаменяемости функциональных стилей в силу определенных исторических причин [23, с. 61–75], можем включить мунажаты исповедального и дидактического характера в состав религиозно-дидактического подстиля религиозного стиля башкирского языка.

Мунажаты, как правило, входят в подстиль поэтических жанров стиля башкирского устно–поэтического творчества. Отсюда следует только одно: мунажаты являются межстилевым жанром.

Итак, рассмотренные нами факты еще раз свидетельствуют о расширении общественных функций башкирского языка как одного из государственных языков Республики Башкортостан за последние пятнадцать лет [5]. Причиной перечисленных позитивных изменений в развитии башкирского языка следует считать политкорректную реализацию Закона Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» [27], что благоприятно отражается не только на развитии функциональных стилей книжной сферы, но и даже его разговорного стиля.

Однако здесь имеется еще один важный момент: это – детальный анализ экстралингвистических факторов формирования и развития исламской составляющей религиозного стиля путем изучения всех имеющихся документов и фактов [6, с. 24]. К ним, как правило, относятся указы, постановления, приказы, решения, а так же статистика и хроника жизни мусульманства Башкортостана.

Таким образом, становится понятным, что исследование процесса формирования и дальнейшего развития религиозного стиля – дело

очень сложное и одновременно ответственное. В связи с этим на первый план выходит вопрос усиления его исторической составляющей, что в итоге потребует решения следующих важных задач: 1) систематизации всех жанров литературы на исламскую тематику; 2) более детального описания стиле-языковых и специфических особенностей переводов на башкирский язык священных книг других мировых религий; 3) выявления экстралингвистических факторов формирования религиозного стиля башкирского литературного языка той эпохи (т.е. до 1917 г.); 4) исследования стиля и языка знаковых, или этапных для своего времени произведений на религиозную тематику.

Решение перечисленных задач позволит плавно перейти к изучению религиозного стиля башкирского литературного языка на рубеже XX–XXI вв.

Но главной продолжает оставаться проблема выявления стилевых черт и средств их актуализации. Всего этого можно будет добиться путем обращения к системному подходу.

Все это в перспективе позволит иметь более широкое представление не только о пояснительно-дидактическом подстиле, но и обо всем религиозном стиле башкирского языка.

Литература

1. Башкиры / отв. ред. Р.Г.Кузеев, Е.С.Данилко; Серия «Народы и культуры». М.: Наука, 2016. 662 с.
2. *Багаутдинов А.М., Багаутдинов А.М.* Краткий русско-башкирский исламский толковый словарь. Уфа: БашГУ, 2010. 120 с.
3. *Баимов Б.С., Ахмадеева Г.Н.* Мунажат (*башк. мөнәжәт*) // Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа: Изд-во «Башк. энцикл.», 1996. С. 415–416.
4. *Галин С.* Тел аскысы халыкта. Башкорт фольклорының анлатмалы һүзлеге. Төз. һәм тулт. 2-се басмаһы. Өфө: Китап, 1999. 328 с.
5. *Гарипова Ф.Х.* Языковая политика и общественная мысль. Уфа: Дизайн-ПолиграфСервис, 2009. 106 с.
6. Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России: Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений центральных и региональных органов власти и управления в XX–XXI веках / авт.-сост. А.Б. Юнусова. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2009. 384 с.
7. История башкирской литературы. Т. 1.: С древнейших времен до начала XX века. Уфа: Китап, 2012. 560 с.
8. *Мәһзиев Д.* Ислам дине: белешмә һүзлек. Өфө: Китап, 2010. 172 б.
9. Очерки истории башкирского литературного языка. М.: Наука, 1989. 254 с.

10. Плезенко Т.П., Федотова Н.В., Четет Р.Г. Основы стилистики и культуры речи. Учебн. пособ. для вузов. Минск: ТетраСистемс, 1999. 234 с.

11. Псянчин Ю.В. Место религиозного стиля в системе книжных стилей современного башкирского литературного языка // Межкультурный диалог на евразийском пространстве: Языки и литература в межкультурной коммуникации народов Евразии: Матер. межд. науч. конф. Уфа, 2002. С. 152–153.

12. Псянчин Ю.В. Общая характеристика функциональных стилей современного башкирского литературного языка (книжная сфера) // Язык и литература как способы проявления национального менталитета: Матер. 1-ой межрегион. научн. конф. Челябинск, 2003. С. 177–180.

13. Псянчин Ю.В. Особенности эволюции научного стиля в истории башкирского и татарского литературного языков // Языковые союзы Евразии: Тез. докл. конф. Москва, 14–16 ноября 2005. М., 2005. С. 60–64.

14. Псянчин Ю.В. Проблемы изучения исторической стилистики тюркских языков // Восток в исторических судьбах народов России: Тез. докл. V Всеросс. съезда востоковедов. Кн. 2. Уфа, 2006. С. 105–109.

15. Псянчин Ю.В., Султанова Г.И. Переводы Библии и книжные стили современного башкирского литературного языка // Межкультурная коммуникация как фактор консолидации российского общества: проблемы и пути развития: Матер. межд. науч.-практ. конф. Уфа, 2010. С. 98–105.

16. Псянчин Ю.В. Функциональная стилистика башкирского языка: история изучения и современное состояние // Современный мир: экономика, история, образование, культура. Сб. науч. тр. Уфа, 2010. Ч. 6. С. 172–177.

17. Псянчин Ю.В. Переводы Библии в стилистической системе языка (на примере современного башкирского литературного языка) // Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: Проблемы и решения: Кол. моногр. / отв. ред. Т.О. Майская. М., 2010. С. 226–237.

18. Псянчин Ю.В. Функциональные стили башкирского языка // Урал-Алтай: через века в будущее: Матер. VI Всерос. тюркологической конференции (с международным участием). Уфа, 2014. С. 72–76.

19. Псянчин Ю.В. Проблемы изучения функциональной стилистики в кыпчаковедении Урало-Поволжья (на примере башкирского языка) // Коренные народы Сибири: история, традиции и современность. Матер. регион. конф. с межд. участием. Новосибирск, 2014. С. 167–169.

20. Псянчин Ю.В. Место ислама в системе функциональных стилей башкирского языка (подходы, аспекты и перспективы изучения) // Российская тюркология. Москва–Казань. 2017. № 1–2. С. 100–110.

21. Псянчин Ю.В. Ислам и религиозно-популярный подстиль религиозного стиля башкирского языка // Традиционный Ислам в России и выдающийся башкирский ученый-теолог просветитель мусульманского мира, шейх Зайнулла Расулев: Матер. Межд. науч. конф., посв. 185-летию со дня рождения выдающегося башкирского религиозного и общественного деятеля Зайнуллы Расулева (1833–1917). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2018. С. 202–206.

22. Семенюк Н.Н. Очерки по исторической стилистике немецкого языка. М.: ИЯ РАН, ИИЯ, 2000. 183 с.

23. Тенишев Э.Р. Функционально-стилистическая характеристика древне-уйгурского языка // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М.: Наука, 1977. С. 61–75.

24. Уразбаева З.Ф. Башкортса дини һүзлек. Өфө: Матбуғат донъяһы, 2017. 78 б.

25. Хабибуллина З.Р. Мусульманское духовенство в Республике Башкортстан на рубеже XX–XXI веков. Уфа: Мир печати, 2015. 220 с.

26. Халикова Р.Х. Язык башкирских шежере и актовых документов XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1990. 198 с.

27. Хисамитдинова Ф.Г., Мухтаров Т.Г. Функционирование башкирского языка в условиях глобализации. К IV Всемирному курултаю башкир // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Матер. XV Всерос. науч. конф. Уфа, 2015. С. 10–14.

EXPLANATORY–DIDACTIC RELIGIOUS BEDDING OF THE BASHKIR LANGUAGE (GENRES AND PERSPECTIVES OF DESCRIPTION)

Psyanchin Yu.V.¹, Raemgujina Z.M.²

¹ Ufa, IPO «BPC«Ural»,

² Ufa, USOU

This article is devoted to a brief analysis of the explanatory-didactic bedding of the Bashkir language. This bedding is part of the religious style. Here is the history of its formation, named the main genres and iconic tutorials. The directions of its further study are also indicated.

Keywords: *stylistics, functional stylistics, functional style, bedding, genre, historical stylistics, interstitial genre.*

УДК 81-26: 81.512.141

**ИШМУХАМЕТ ГАЛЯУТДИНОВ:
ВИДНЫЙ ЛИНГВИСТ-ТЮРКОЛОГ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ИСТОРИИ РОДНОГО ЯЗЫКА И ПЕДАГОГ
(к 70-летию со дня рождения)**

Псянчин Ю.В.¹, Шаяхметов В.А.², Султанова Г.И.³

¹ Уфа, МОО БНЦ «Урал»,

² БГПУ им. М. Акмуллы,

³ БХК им. Р. Нуреева

В статье представлены основные достижения известного российского востоковеда, лингвиста-тюрколога И.Г. Галяутдинова в области текстологии и истории башкирского литературного языка. Так же он запомнился как организатор науки и педагог высшей школы. Статья подготовлена в связи с его 70-летием со дня рождения.

Ключевые слова: *российское востоковедение, тюркология, башкирский язык, тюрки Урало-Поволжья, текстология, литературный язык, рукописные книги, старопечатные книги.*

1 января 2018 года исполнилось 70 лет со дня рождения известному российскому востоковеду-тюркологу, лингвисту, фольклористу, этномузыканту, педагогу высшей школы, организатору науки, доктору филологических наук, профессору, члену-корреспонденту Академии наук Республики Башкортостан, члену Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН, заведующему кафедрой башкирского языка и культуры ФГБОУ ВО «Уфимская государственная академия искусств имени Загира Исмагилова», заведующему кафедрой башкирского языка и этнокультурного образования ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», члену Отделения социально-гуманитарных наук Академии наук Республики Башкортостан, главному редактору всероссийского научного журнала «Проблемы востоковедения», президенту Общества востоковедов РАН

в 2004–2006 гг., президенту Правления региональной общественной организации «Общество дружбы «Башкортостан – Корея» Республики Башкортостан, действительному члену общественной организации «Российская академия гуманитарных наук» Ишмухамету Гильмутдиновичу Галяутдинову [19] (1948–2015). Научная и педагогическая общественность широко отметила это событие. Так, в рамках XVIII Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России», организованной Ордена «Знак Почета» Институтом истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Институтом языкознания РАН, Академией наук Республики Башкортостан, Министерством образования Республики Башкортостан, прошедшей 24–26 мая 2018 года, состоялся симпозиум, посвященный его юбилею. До этого, еще в январе 2018 года было проведено заседание Ученого совета ФГБОУ ВО «Уфимский институт искусств имени Загира Исмагилова», посвященное 70-ой годовщине со дня рождения ректора в 2000–2010 гг. И.Г. Галяутдинова. Силами ученых России и Башкортостана был издан сборник научных статей «Востоковедение в Башкортостане» [5], так же посвященный юбилею И.Г. Галяутдинова.

И.Г. Галяутдинов получил известность в научном мире как лингвист-тюрколог, занимавшийся текстологией, а также проблемами истории башкирского литературного языка.

В 1969 году после окончания вуза устраивается лаборантом на работу в Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. В 1969–1970 гг. служит в рядах Советской Армии. В 1971 году возвращается на работу в ИИЯЛ БФ АН СССР на должность старшего лаборанта. В 1971–1973 гг. является стажером-исследователем Института языка и литературы им. А.С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР [6, с. 5–7], где под научным руководством одного из ведущих языковедов-тюркологов бывшего Советского Союза академика АН Узбекской ССР Э.И. Фазылова (1933–2014) успешно занимается тюркской текстологией.

В 1973 году И.Г. Галяутдинов после завершения стажировки в Ташкенте поступает в очную целевую аспирантуру Института языкознания АН СССР по специальности «10.02.06 – тюркские языки». Его научным руководителем назначается один из выдающихся языковедов-тюркологов современности, профессор, заведующий Сектором тюркских и монгольских языков Эдхям (Эдгем) Рахимович Тенишев (1921–2004). Этот факт, в свою очередь, накладывает на молодого

Ишмухамета Галяутдинова большую ответственность. В 1977 году в Институте языкознания АН СССР он успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Тарих наме-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова (Лингвотекстологический анализ списков памятника. Фонологическая интерпретация графики. Морфология)» [7]. Данное исследование И.Г. Галяутдинова явилось по сути новаторской работой для всего кыпчаковедения: его можно квалифицировать в качестве одного из первых удачных опытов в области изучения языка произведений письменности российских мусульман начала XIX века [6, с. 9]. В связи с этим очень важна и оценка самого научного руководителя Э.Р. Тенишева, который тогда очень точно отметил следующее: «...Такого типа работа, как «Тарих нама-и булгар» не частое явление в тюркологии, поэтому работа И.Г. Галяутдинова послужит образцом для последующих исследований...» [25]. Кандидатская диссертация И.Г. Галяутдинова, представляющая собой сравнительное археографическое и языковое описание тюркского арабографичного произведения, убедительно показала свою связь с башкирским языком через тюрки Урало-Поволжья (т.е. через старотюркский язык) [6, с. 8]. В 1990 году он издал свою кандидатскую диссертацию в виде монографии «Тарих наме-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова (Лингвотекстологический анализ списков памятника. Грамматический очерк, лексика, сводный текст и перевод)» в Башкирском книжном издательстве [10], его второе издание [12] увидело свет через восемь лет, в 1998 году.

Данное издание монографии в структурном плане состоит из «Предисловия ко второму изданию» [12, с. 6], «Предисловия к первому изданию» [12, с. 7–8], «Введения» [12, с. 9–25], пяти глав [12, с. 26–132], «Послесловия» [12, с. 133–154] и «Приложений» [12, с. 155–269].

В этой связи стоит обратиться к оценке названного труда, сделанного известным татароведом-историком языка И.А. Абдуллиним (1935–1992), отметившим, что «...Башкирским научным центром АН СССР была выпущена монография известного башкирского археографа и текстолога И.Г. Галяутдинова, посвященная комплексному исследованию данного памятника. ... $\diamond$ Несомненным достоинством монографии И.Г. Галяутдинова является объективное, беспристрастное, корректное, без какого-либо намека на ложный национальный патриотизм и многоаспектное исследование памятника. ... $\diamond$ Перед нами образцово и методически тщательно выверенное исследование, раскрывающее фонетическую, морфологическую и лексическую систему поволжского тюрки начала XIX в.,

функционировавшего на огромной территории от Балтики до Дальнего Востока...» [12, с. 133–135]. Действительно, самым главным достижением автора является его комплексный подход в описании письменного памятника Т. Ялсыгулова «История булгар».

Именно подобный подход и определил универсальность этой монографии. Автор в «Предисловии ко второму изданию» отметил, что первое издание «... настоящей книги в течение семи лет активно использовалось студентами башкирского и башкирско-русского отделений факультета башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета на практических занятиях по курсу «Старотюркский язык». Так неожиданно книга стала выполнять функцию учебного пособия, вследствие чего возникла идея подготовки второго издания...» [12, с. 6]. Названная монография и по сей день остается востребованной в системе подготовки бакалавров, магистров и аспирантов по башкирской филологии и востоковедению.

Особый интерес представляет содержание «Введения», названного автором как «Письменные памятники Башкортостана и некоторые проблемы их комплексного изучения» [12, с. 9–25]. Здесь представлены характеристики арабиграфичных письменных источников, обнаруженных на территории современного Башкортостана, описаны типы активно использованных почерков, представлена история становления текстологии как науки в регионе.

В 1983 году И.Г. Галяутдинов создает Группу полевой и камеральной археографии в составе сектора языка в ИИЯЛ БФ АН СССР, основные задачи которой были сформулированы еще в 1982 году в его программной статье «Письменные памятники Башкирии (Проблемы полевой, камеральной и эдиционной археографии)» [8], опубликованной в научном сборнике «Письменные памятники Башкирии» [21]. И.Г. Галяутдинов и сотрудники его группы за период своего существования с 1983 г. по 1989 гг. собрали уникальные археографические образцы не только на территории Башкортостана, но и далеко за ее пределами. На основе собранных материалов ими были написаны статьи, но самое главное – им удалось составить и издать несколько томов описания тюркских рукописей фонда [2; 3; 4; 14]. В 2001 году он соавторстве с Г.Б. Хусаиновым издал книгу «Орнаменты рукописных и печатных книг Башкортостана: Альбом» (Уфа, 2001) [16].

Авторам удалось описать художественное оформление этих книг через призму десяти отдельных групп: например, украшение облож-

ки книги; украшение титульного листа; форзац; оформление заголовка книги; заставки; оформление глав; печать, тамги; рисунки, миниатюры и т.д. [16, с. 9]. Но основной вывод звучит следующим образом: «Оформление, выбор орнамента и система наглядных материалов определяется типом книги, ее содержанием, жанром...» [16, с. 11]. Например, художественное оформление религиозных книг отличается скромностью и выдержано при этом в очень жестком стиле [16, с. 11]. Историческим, литературным рукописным книгам, наоборот, характерны рисунки и орнаменты [16, с. 11].

Таким образом, данная работа явилась первой попыткой презентации этапов развития традиций оформления рукописных и печатных книг в башкирском обществе до 1917 года. Описание сделано на башкирском, русском и английском языках.

Именно благодаря этим работам в его научно-исследовательской деятельности усилилось развитие востоковедческого направления.

В 1976–1991 гг. он трудится в отделе языка ИИЯЛ БФ АН СССР в качестве младшего и старшего сотрудника.

И.Г. Галяутдинов с начала 80-х гг. XX века начинает успешно заниматься проблемами истории башкирского литературного языка. Особенно это ярко проявилось в период его работы над коллективной монографией «Очерки истории башкирского литературного языка» [20], опубликованной в издательстве «Наука» в 1989 году. Его соавторами тогда выступили З.Г. Ураксин, Р.Х. Халикова и Э.Ф. Ишбердин.

В 1993 году в республиканском издательстве «Китап» увидело свет издание этой монографии на башкирском языке «Башкорт эзэби теленең тарихы» [1].

Названное исследование охватило несколько эпох развития башкирского литературного языка, начиная с XI века, и завершая концом 80-х гг. XX века. И.Г. Галяутдиновым был написан второй раздел монографии «История башкирского литературного языка XIX – начала XX века» [20, с. 80–149], состоящий из четырех глав. В итоге И.Г. Галяутдинов пришел к выводу о том, что XIX век в истории башкирского литературного языка стал поворотным, поскольку именно тогда башкирские поэты и писатели в своих суфийских и просветительских произведениях начали очень активно использовать разнообразные формы народно-разговорного языка, богатые лингвопоэтические ресурсы башкирского фольклора [20, с. 148–149]. Это в итоге привело к сближению литературного языка с общенародным башкирским языком. Данное

явление можно квалифицировать в качестве процесса демократизации языка тюрки Урало-Поволжья, т.е. старотюркского языка. Автору удалось аргументированно доказать большой вклад выдающихся тюркских и башкирских просветителей-демократов М. Акмуллы (1831–1895) и М. Уметбаева (1841–1907) в формирование и развитие башкирского литературного языка второй половины XIX – начала XX века, что потребовало от него детального анализа языка и поэтики их произведений.

В итоге И.Г. Галяутдинову удалось параллельно создать еще и базу для развития исторической диалектологии. Ведь давно известно, что историческая диалектология опирается на письменные источники и жанры фольклора.

Все это легло в основу его докторской диссертации «История башкирского литературного языка (XIX – начало XX века)» [11], которая была успешно защищена им при научном консультировании члена-корреспондента АН СССР и РАН Э.Р. Тенишева в 1992 году в Институте языкознания РАН. В июне того же года он утверждается в ученой степени доктора филологических наук.

В 2000 году И.Г. Галяутдинов издал дополненный и обновленный вариант своей докторской диссертации в виде монографии «Два века башкирского литературного языка» [13]. В 2008 году, в год своего 60-летия, в Уфе, в республиканском издательстве «Китап» вышла из печати его монография на башкирском языке «История башкирского литературного языка: XIX век – начало XX века» [18] также очень быстро превратившаяся в библиографическую редкость.

В том же 2008 году он опубликовал сборник своих научных статей «Башкирский литературный язык и проблемы востоковедения» [15], имеющий большое теоретико-прикладное значение, поскольку в них представлены опыт и методика изучения: 1) истории литературного языка [15, с. 12–197]; 2) проблем востоковедения на примере отдельно взятого региона, т.е. автору удалось успешно актуализировать направление «Собственный Восток России» [15, с. 198–402].

В 1992–1993 гг. И.Г. Галяутдинов заведует отделом языка Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.

С 1993 года он параллельно преподает в Башкирском государственном университете, уже в следующем, 1994 году утверждается в ученом звании профессора. В 1989 году он вместе со своим сокурсником Г.Г. Кагармановым выпускает методическое пособие «Программу курса «Урало-Поволжский тюркский язык»: Для студентов филологического

факультета» [23]. В программе представлена история развития и графофонетические, морфологические, синтаксические особенности старотюркского языка Урало-Поволжья.

Но основным местом его работы в эти годы становится Академия наук Республики Башкортостан: в 1993–1996 гг. он является главным ученым секретарем Президиума Академии наук Республики Башкортостан. В 1995 году И.Г. Галяутдинов избирается членом-корреспондентом Академии наук Республики Башкортостан по специальности «востоковедение». В 1996–2006 гг. – он исполняет обязанности академика-секретаря Отделения гуманитарных наук Академии наук Республики Башкортостан.

В 1998 году И.Г. Галяутдинов в соавторстве с Ф.Н. Баишевым и И.З. Гаффаровым издал пособие «Арабский язык: учебник для начинающих» [17], которое уже двадцать лет пользуется большой популярностью среди изучающих арабский язык.

В 2000 году И.Г. Галяутдинов становится ректором Уфимского государственного института искусств и проработает на этой должности ровно десять лет, т.е. до 2010 года. Ему за период своей работы на этом ответственном посту удалось провести реконструкцию двух учебных корпусов и общежития, открыть новые специальности, организовать студенческий симфонический оркестр и редакционно-издательский отдел, обновить парк музыкальных инструментов, добиться издания научного журнала «Проблемы музыкальной науки», который был включен в список реферируемых изданий ВАК РФ. И.Г. Галяутдинов выступил инициатором создания научной Лаборатории музыкальной семантики, Совета по культуре и искусству при Академии наук Республики Башкортостан. При И.Г. Галяутдинове Уфимский государственный институт искусств обрел статус академии (решение Аккредитационной комиссии Министерства образования Российской Федерации от 12 марта 2003 г.) и имя первого ректора, композитора, народного артиста СССР Загира Исмагилова (1917–2003).

С 2001 г. он заведовал кафедрой башкирского, русского и иностранных языков, с 2010 г. – кафедрой башкирского языка и культуры ФГБОУ ВО «Уфимская государственная академия искусств имени Загира Исмагилова».

С 2014 г. и до своей кончины в октябре 2015 г. параллельно заведовал еще и кафедрой башкирского языка и этнокультурного образования ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет».

В 2004 году на IV научно-организационном съезде российских востоковедов в г. Москве был избран президентом Общества востоковедов РАН на 2004–2006 гг. Данный факт заслуженно считается признанием достижений башкирских ученых-гуманитариев в области востоковедения. В истории новой России И.Г. Галяутдинов является четвертым президентом этого высшего научного сообщества отечественных востоковедов после М.А. Усманова, Е.И. Кычанова, Р.Б. Рыбакова. В этом качестве он успешно организовал и провел V научно-организационный съезд российских востоковедов в г. Уфе в сентябре 2006 г., который прошел под девизом «Восток в исторических судьбах народов России». Материалы съезда были опубликованы в трех книгах.

В январе 2005 года И.Г. Галяутдинов назначается руководителем Терминологической службы Комиссии по реализации Закона Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» и успешно исполняет эти обязанности до 2010 года. Эти же обязанности были возложены на него в 2014–2015 гг.

И.Г. Галяутдинов запомнился еще и как собиратель детского фольклора и исследователь башкирских народных детских игр, которые были изданы в виде отдельных книг: «Уйнайык, дустар, бергэләп! («Поиграем вместе, друзья!»), Өфө, 1979, 1987), «Аҡ тирәк, күк тирәк: Балалар фольклорының үрнәктәре («Белый тополь, черный тополь: Образцы детского фольклора»), Өфө, 1991), «Балалар фольклоры. Беренсе китап. («Детский фольклор. Первая книга»), Өфө, 1994), «Балалар фольклоры. Икенсе китап. («Детский фольклор. Вторая книга»), Өфө, 1996; соавт. Р.М. Ураксина), «Башкирские народные игры. На башк. и русск. языках» (Уфа, 2002).

С 2011 года работал главным редактором федерального журнала «Проблемы востоковедения» – органа Академии наук Республики Башкортостан. Его стараниями данный журнал вошел в список реферируемых изданий ВАК РФ.

Вся научная деятельность Ишмухамета Гильмутдиновича Галяутдинова была посвящена возрождению и дальнейшему развитию важного направления отечественного востоковедения, именуемого «Собственным Востоком России», на примере исследования проблем текстологии, истории башкирского языка и книжно-издательского дела на тюрки Урало-Поволжья как части отечественного кыпчаковедения. Ведь давно известно, что тюркология является основой российского востоковедения.

И.Г. Галяутдинов сбором и описанием детских народных игр занимался со второй половины 60-х гг. прошлого века и до своей кончины

в 2015 г. Благодаря ему было сохранено порядка ста башкирских народных детских игр.

В разные годы И.Г. Галяутдинов входил в составы редакционных советов и редколлегий журналов «Вестник Академии наук Республики Башкортостан», «Ядкяр», «Ватандаш», «Российская тюркология», «Проблемы музыкальной науки» и «Бюллетень Общества востоковедов». Являлся заместителем председателя Научно-редакционного совета издательства «Башкирская энциклопедия» Академии наук Республики Башкортостан, заместителем главного редактора научного издания «Башкирская энциклопедия», членом диссертационного совета Д 212.013.06 по филологическим специальностям «10.01.02 – литература народов РФ (башкирская литература, татарская литература)», «10.02.02 – языки народов РФ (башкирский язык, татарский язык)» при ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет» и диссертационного совета ДМ 999.146.03 по искусствоведению по специальности «17.00.02 – музыкальное искусство» при ГБОУ ВО Челябинской области «Магнитогорская государственная консерватория (академия) имени М.И. Глинки».

Заслуги И.Г. Галяутдинова в области науки и культуры были отмечены званиями «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», «Заслуженный работник культуры Башкирской АССР», «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

И.Г. Галяутдинов завершил свой земной путь 10 октября 2015 года на 68-ом году жизни [22]. Его с нами нет уже более трех лет, но он останется в нашей памяти не только как крупный ученый-тюрколог, но и как ответственный и уважительный ко всем без исключения человек.

Литература

1. Башкорт эзэби теленең тарихы / Яуап. мөхәрр. З.Ф.Ураксин. Өфө: Китап, 1993. 320 б.
2. Булгаков Р.М. Описание восточных рукописей Института истории, языка и литературы. Ч. 1.: Тюркские рукописи. Вып. 1: Произведения XII – начала XVIII века. Уфа: Гилем, 2002. 128 с.
3. Булгаков Р.М., Галяутдинов И.Г. Описание восточных рукописей Института истории, языка и литературы. Ч. 1. Тюркские рукописи. Уфа: Гилем, 2009. 453 с.
4. Булгаков Р.М., Галяутдинов И.Г. Описание восточных рукописей Института истории, языка и литературы. Ч. 1: Тюркские рукописи. Издание второе, стереотипное. Уфа: Гилем, 2010. 450 с.

5. Востоковедение в Башкортостане: Сб. науч. ст., посв. памяти чл.-корр. АН РБ. д-р. филол. н., проф. И.Г. Галяутдинова / сост. А.Г. Салихов, С.А. Искандарова / отв. ред. А.Г. Салихов. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. Вып. 1. 304 с.

6. *Галяутдинов Ишмухамет Гильмутдинович*: Биобиблиографический указатель / сост. Г.Р. Ильясова, А.Г. Салихов, Р.М. Булгаков. Уфа: Гилем, 2005. 76 с.

7. *Галяутдинов И.Г.* «Тарих наме-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова (Лингвотекстологический анализ списков памятника. Фонологическая интерпретация графики. Морфология): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / АН СССР. ИЯ. М., 1977. 19 с.

8. *Галяутдинов И.Г.* Письменные памятники Башкирии (Проблемы полевой, камеральной и эдиционной археографии) // Письменные памятники Башкирии (Историко-филологические исследования). Уфа: БФ АН СССР, 1982. С. 31–41.

9. *Галяутдинов И.Г.* История башкирского литературного языка XIX – начала XX в. // Очерки истории башкирского литературного языка / отв. ред. З.Г. Ураксин. М.: Наука, 1989. С. 80–149.

10. *Галяутдинов И.Г.* «Тарих нама-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова (Лингвотекстологический анализ списков памятника. Грамматический очерк, лексика, сводный текст и перевод И.Г. «Тарих нама-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова (Лингвотекстологический анализ списков памятника. Грамматический очерк, лексика, сводный текст и перевод) / отв. ред. чл.-корр. АН СССР Э.Р. Тенишев. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1990. 238 с.

11. *Галяутдинов И.Г.* История башкирского литературного языка (XIX – начало XX века): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / РАН. ИЯ. Уфа, 1992. 36 с.

12. *Галяутдинов И.Г.* «Тарих нама-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова (Лингвотекстологический анализ списков памятника. Грамматический очерк, лексика, сводный текст и перевод И.Г. Галяутдинова. «Тарих нама-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова (Лингвотекстологический анализ списков памятника. Грамматический очерк, лексика, сводный текст и перевод) / отв. ред. чл.-корр. АН СССР Э.Р. Тенишев. 2-е издание, переработанное и дополненное. Уфа: Китап, 1998. 269 с.

13. *Галяутдинов И.Г.* Два века башкирского литературного языка / отв. ред. З.Г. Ураксин. Уфа: Гилем, 2000. 448 с.

14. *Галяутдинов И.Г.* Описание восточных рукописей Института истории, языка и литературы. Ч. 1. Тюркские рукописи. Вып. 2. Произведения XVIII–XX веков. Уфа: Гилем, 2005. 108 с.

15. *Галяутдинов И.Г.* Башкирский литературный язык и проблемы востоковедения: Сборник статей / сост.: Р.М. Булгаков, Ф.С. Тикеев, Я.Ф. Набиуллин, А.Х. Кудабаяв. Уфа: Гилем, 2008. 408 с.

16. *Галяутдинов И.Г., Хусаинов Г.Б.* Орнаменты рукописных и старопечатных книг Башкортостана: Альбом. Уфа: Китап, 2001. 160 с.

17. *Галяутдинов И.Г., Баишев Ф.Н., Гаффаров И.Г.* Арабский язык. Для начинающих / под ред. И.Г. Галяутдинова. Уфа: Китап, 1998. 150 с.

18. *Ғәләүетдинов И.Ф.* Башкорт эзэби теле тарихы: XIX быуат – XX быуат башы. Өфө: Китап, 2008. 272 б.

19. *Ишбердин Э.Ф.*, Галяутдинов Ишмухамет Гильмутдинович // Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа: Изд-во «Башк.энцикл.», 1996. С. 222–223.

20. Очерки истории башкирского литературного языка / отв. ред. З.Г. Ураксин. М.: Наука, 1989. 255 с.

21. Письменные памятники Башкирии (историко-филологические исследования) / отв. ред. З.Г. Ураксин. ИИЯЛ. Уфа: БФ АН СССР, 1982. 175 с.

22. *Псянчин А.В., Хисамитдинова Ф.Г., Чеченов А.А., Булгаков Р.М., Самситова Л.Х.* Ишмухамет Гильмутдинович Галяутдинов (1.01.1948–10.10.2015) // Российская тюркология. Москва–Казань. 2016. № 2 (15). С. 100–103.

23. Урал–Волга буйы төрки теле курсы программаһы: Педагогия институтының филология факультеты студенттары өсөн / Төз. И.Ф. Ғәләүетдинов, Ф.Ф. Каһарманов. Стәрлетамак: СДПИ, 1989. 18 б.

24. Хәзерге башкорт әзәби теле. Өфө: Китап, 1993. 320 б.

25. *Шагиев Р.* Высота Ишмухамета // Серп и молот. 1998. 1 января.

**ISHMUKHAMET GALYAUTDINOV:
PROMINENT LINGUIST-TURKOLOGIST, RESEARCHER
OF NATIVE LANGUAGE AND EDUCATOR
(to his 70 th birth anniversary)**

Psyanchin Yu.V.¹, Shayakhmetov V.A.², Sultanova G.I.³

¹*Ufa, IPO «BPC«Ural»,*

²*Ufa, BSPU them. M.Akmulla,*

³*Ufa, BHK them. R.Nureyev*

The article presents the main achievements of Ishmukhamet Galyautdinov, an eminent Russian expert of oriental and noted Turkologist in the field of textology and the history of the Bashkir language. Our scholar is also remembered as an organizer of science and an university lecturer. The article has been prepared to the 70th anniversary of the scholar's birth.

Keywords: *Russian Oriental studies, Turkology, the Bashkir language and the old Turk script of the Ural-Volga region, textology, standard language, handwritten books, old printed books.*

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
КОНЦЕПТА «ВЕЖЛИВОСТЬ» В РУССКОМ
И БАШКИРСКОМ ЯЗЫКАХ**

Тагирова И.Р.

г. Уфа, БГПУ им. М. Акмуллы

В статье обосновывается комплексный подход к изучению национальной картины мира русского и башкирского народов. В связи с этим рассматривается концепт «вежливость», что является актуальной в современной лингвистике. Было выявлено, что сопоставительный метод на этапе формирования концептуальной модели «эзэп» («вежливость») становится основной методической моделью обучения.

Ключевые слова: *концепт, понятие, картина мира.*

Морально-этический аспект изучения языковой картины мира русского и башкирского народов особенно актуален в современном языкознании, где центральной парадигмой исследований становится антропоцентризм. Этические концепты по своей структуре и содержанию являются носителями ментальных представлений народа, лингвокультурологических ценностей и поэтому представляют особый интерес для лингвистических исследований.

Одним из базовых концептов национальной картины мира русского и башкирского народов является концепт «эзэп» («вежливость»). Универсальная морально-этическая категория вежливости в сопоставляемых лингвокультурах уникальна, исторически и культурно картины мира исследуемых этносов формировались в разных условиях. Именно поэтому, необходимость сопоставительного изучения когнитивных и прагматических характеристик базового концепта «эзэп» («вежливость») так актуальна в современной лингвистике, когда тесные языковые контакты между двумя народами приводят к взаимопроникновению морально-культурных ценностей и сращиванию ментальных ценностей.

Концепт «эзэп» («вежливость») – это определенный «сгусток культуры», исследование базового понятия позволяет выявить ментальные особенности восприятия конкретного этноса. Л.Х. Самситова в своих исследованиях отмечает, что «именно в культурных концептах выражается картина мира, система наиболее общих миропредставлений носителей данного языка. Язык в наибольшей степени выражает этнические особенности восприятия действительности». Исследование концепта «эзэп» («вежливость») в башкирской и русской языковой картине мира, таким образом, способствует выявлению этнических особенностей стиля мышления двух этносов, образа культуры, являющегося одним из аспектов духовной культуры [2, с. 654].

Когнитивно-прагматический аспект исследования концептов в контрастивном плане помогает смоделировать когнитивные уровни языкового сознания русского и башкирского народов, концептуальную метафоризацию и когнитивный тип вежливости в языковой картине мира. В языкознании когнитивно-прагматический метод описания и моделирования концептов определяется как метод выявления основных уровней семантического распространения лингвокогнитивного основания значения, внутренней формы, метафорического значения и прагматического смысла ключевого слова. Когнитивный аспект исследования концептов связан с осмыслением механизмов интеграции двух взаимосвязанных когнитивных процессов – процессов категоризации и концептуализации значений, непосредственно формирующих этнокультурное своеобразие концептов [4, с. 62].

Концепт «эзэп» («вежливость») является одним из базовых понятий русской и башкирской языковой картины мира, выработанным на базе конкретного житейского понятия. Базовая структура концепта состоит из трех компонентов: 1) понятийная основа вежливости: гостеприимство, общительность, упразднение формальностей, уважительность, пристойность; 2) информационное поле – выражение уважения ко всякому человеку; 3) интерпретационное поле – соблюдение этикетных правил. То есть, вежливость – это национально-специфическая коммуникативная категория, содержанием которой является система стратегий коммуникативного поведения (языкового и неязыкового), направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соблюдение общественно-принятых норм [4, с. 62].

В русском когнитивном сознании концепт вежливость актуализируется, прежде всего, в отношении коммуникативного и бытового

поведения человека в обществе. Так в русском языковом сознании существует понятие «соблюдающий приличия», значит, содержательная сторона концепта раскрывается, прежде всего, в речевом поведении и поступках индивида по отношению к другим лицам. Об этом свидетельствуют пословичный фонд русского языка, который является своеобразным отражением ценностной структуры концепта: *Вежливости открываются все двери. Спеси бояться, а вежливость чтут. О человеке судят по его делам. Ласковое слово не трудно, а споро. Медом больше мух наловишь, чем уксусом. За спасибо кума пеши в Москву пошла. Доброе слово железные ворота отонрет. Не дорог обед – дорог привет. От учтливого слова язык не отсохнет. Поклониться – голова не отломится. Ласковое слово рубля дороже. Ласковое слово слаще меда. Доброму слову и кошка рада. Вежливость и обходительность на базаре не купишь. Приветливое слово гнев побеждает. Немудрен привет, а сердце покоряет. Где слова привета, там улыбка для ответа. В чужом доме не будь приметлив, а будь приветлив.*

Интерпретационное поле концепта «эзэп» («вежливость») также, как и в русском языке, в башкирском языковом сознании имеет исходное значение «коммуникативное поведение человека»: *Ир тауышлы катында эзэп булмас, катын тауышлы ирзэ гэйрэт булмас. Эзэпле кунак китер вақытын үзе белер. Эзэплелек билгеһе – эйелен саләм биргәне, Якын итеү билгеһе – кисектермэй килгәне. Эзәмде эзәм иткән – эзэп. Эзэп барза иман бар, эзэп юкта иман юк. Эзэп барза оят бар. Эзәпкә ғәзәтләһәң – эзәм булырһың, яманға ғәзәтләһәң – әрәм булырһың. Эзэпле кеше – солтан, эзәпһеззең бите – олтан. Эзәпһеззән эзэп өйрән. Эзэп һалған мал үсмәс, таз кешенең сәсе үсмәс* [1, с. 450–454]. В семантической структуре концепта выявляются морально-ценностные ориентиры и общественные нормы поведения, характерные для башкирской этнокультуры.

Анализ пословичного фонда башкирского языка показывает, что семантическое поле концепта «эзэп» («вежливость») в башкирской языковой картине мира тесно связано с этическим понятием «кунаксыллык» (гостеприимство) и национальными традициями башкирского народа. Л.Х. Самситова указывает на большой объем этнокультурной информации в концептуализации ключевого слова «кунаксыллык» (гостеприимство) и этическое содержание концепта. Репрезентация «эзэп» («вежливость») в семантическом пространстве концепта «кунаксыллык» (гостеприимство) происходит через понятия дружелюбного

отношения, радужного приема, душевной щедрости, искренности [3, с. 231–233].

В то же время, для башкирской языковой картины мира присуще более широкое понимание когнитивно-семантической структуры концепта «эзэп» («вежливость»). В русском коммуникативном сознании понятие вежливости в основе своем – коммуникативная модель поведения в соответствии с общественными морально-этическими нормами. В башкирском же языке когниции «эзэп» («вежливость») – абстрактная модель мироощущения, мышления, жизненных приоритетов индивида. Например, в пословицах: *Ғәҙәтһеҙ кеше – әҙәпһеҙ кеше. Аҡылдың кәҙере әҙәп менән, байлыҡтың кәҙере йомартлыҡ менән.*

Таким образом, нами была раскрыта семантико-содержательная структура лингвокогнитивного концепта «эзэп» («вежливость») и выявлены специфические особенности восприятия данного концепта в русском и башкирском национальном сознании. Базовое понятие вежливости в языке практически всегда осмысливается относительно коммуникативного поведения человека. Проанализированный нами материал пословиц и поговорок башкирского и русского народов показывает о характере вежливости как модели речевого действия носителей языка в соответствии с этическими нормами. В то же время в башкирском языке когнитивный тип «эзэп» («вежливость») в образно-метафорических средствах языка осмысливается как модель миропознания и морально-ценностная парадигма существования.

Литература

1. Башкирские пословицы и поговорки. Уфа: Китап, 1974. 480 с. (на башк. языке).
2. Самситова Л.Х. Культурные концепты как отражение башкирской языковой картины мира // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 9. С. 652–659.
3. Самситова Л.Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира. Уфа: БГПУ, 2015. 420 с.
4. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 58–65.

COGNITIVE-PRAGMATIC FEATURE OF THE CONCEPT “POLITENESS” IN RUSSIAN AND BASHKIR LANGUAGES

Tagirova I.R.

Ufa, BSPU named after M. Akmulla

The article substantiates an integrated approach to studying the national picture of the world of the Russian and Bashkir peoples. In this regard, the concept of “politeness” is considered, which is relevant in modern linguistics. It was revealed that the comparative method at the stage of the formation of the conceptual model “n” (“politeness”) becomes the main methodological model of learning.

Keywords: *concept; notion; world picture.*

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Текуев М.М., Хуболов С.М.

г. Нальчик, КБГУ

В статье рассматриваются народные названия горы Эльбрус в карачаево-балкарском языке, которые взаимодействуют с научными терминами, обогащая их. Народные названия горы Эльбрус характеризуют его с различных точек зрения, отраженные в более трех десятках эпитетов.

Ключевые слова: *топонимы, ономастика, тау «гора», алтын «золото», буз/муз «лед», мёнгю «лед», эгиз «близнец», насып «счастье», нур/нюр «свет, сияние».*

Известный тюрколог И.Х. Ахматов интересовался в свое время не только вопросами синтаксиса карачаево-балкарского и других тюркских языков, но и вопросами их фонетики, лексикологии, словообразования, морфологии. Его статья, посвященная топонимическим названиям предгорной зоны Кабардино-Балкарии [1], вызвала живой интерес как у тюркологов, так и у других лингвистов. По народным названиям горы Эльбрус, бытующих в карачаево-балкарском народе, имеются обобщающие работы. Большой интерес в этой связи вызывает работа известного журналиста и историка Х. Османова [12], который приложил немало усилий по сбору материала и его обобщению. Работа состоит из следующих разделов: «Эльбрус – царь гор», «Горы – крепость балкарцев», «История рода – история народа», «Балкарское общество», «Поселения Балкарского общества». В данной статье проводится лингвистический анализ, и даются комментарии названий Эльбруса, приводимые Х. Османовым. В первой части книги он перечисляет эти народные названия и дает им различные характеристики. Х.Л. Османов приводит тридцать два наименования Эльбруса, хотя, с другой стороны, сам утверждает, что названия эти доходят до сорока. Традиция давать известным физико-географическим объектам различные названия-эпитеты – явление

общечеловеческое. К примеру, северные народы ханты и манси дают снегу до двух десятков названий, арабы именуют песок более двумя десятками слов, мусульмане, как известно, Аллаха именуют девяноста девятью именами-эпитетами [14]. По поводу народных названий географических объектов известный топонимист Э.М. Мурзаев отмечает: «Народные топонимы – неисчерпаемый источник пополнения научной терминологии, что легко подтверждается частыми их употреблениями. Достаточно вспомнить такие геоморфологические и ландшафтные нарицательные названия, как гряда, сопка, грива, полонина, голец, яйла, тайга, тундра. Последние два ныне стали международными» [10, с. 6]. С древнейших времен человечество интересовалось и интересуется происхождением географических названий. Практически каждый человек в последнее время стал активно интересоваться историческим прошлым своего народа, земли, где он родился и живет, кто его предки. На многие вопросы жизни и истории дают ответы географические названия, т.е. топонимы, которые составляют часть ономастики, а другую ее часть составляют антропонимы. Следует отметить, что народные названия и научные термины представляют собой единство, они обогащают и дополняют друг друга. И.И. Надеждин пишет: «В простом обыкновении употреблении во всех краях и у всех народов находится много слов для обозначения географических объектов, т.е. вида, объема, состава, качества и вообще всех свойств местностей, коих исследование занимается география» [11, с. 256]. Подтверждением этого высказывания является работа Х.Л. Османова, в которой даются народные названия горы Эльбрус, характеризующие его с различных сторон. По мере перечисления эти названия будут сопровождаться лингвистическими комментариями.

Алтын Тау *букв.* «Золотая гора» – древнее название, связанное с золотом – драгоценным металлом [12, с. 14]. На самом деле золота там нет, и это название является, скорее всего, метафорическим. Название образовано из сочетания двух слов: общеалтайского *altun* «золото» и карачаево-балкарского *tau* «гора».

Жаннган Тау *букв.* «Огненная гора» – это название также является древнейшим, напоминающим о том, что Эльбрус – спящий вулкан [12, с. 15]. Оно образовано из сочетания двух слов: причастия прошедшего времени *жаннган / джаннган* «горевший» и сущ. *tau* «гора» = *Жаннган/джаннган tau* «горевшая гора». Особенностью причастия *жаннган* является то, что оно выступает во «вневременном значении» – плоскости двух времен: настоящего и прошедшего.

Элбурун Тау «Древняя страна» [12, с. 15] – здесь, нам кажется, что название и перевод не соответствуют друг другу. Возможно, это скорее *Эмбурун тау* «очень древняя гора, древнейшая гора». Тогда сочетание приобретает логически правильное значение, подчеркивающее древность Эльбруса. Балкарцы из-за малоземелья строили дома высоко в горах, используя каждый клочок земли. Топоним образуется из сочетания трех слов: частицы *эм* «очень», сущ. *бурун* «ранее, прежде, давно, древний», сущ. *тау* «гора» = *Эмбурун тау* «Самая древняя гора» [17, с. 523].

Элбуз Тау «Ледяная страна» [12, с. 15] – на карачаево-балкарский язык переводится двояко: *эл* «страна» и «село» + *буз* «разрушать»; «лед» + *тау* «гора». Автор переводит правильно – «ледяная страна», а в комментарии дает, как «разрушитель сел». Оба перевода являются правильными, если взять форму *Элбуз*, хотя в литературе встречается и другая форма – *Албуз*, *Иалбуз*. В частности, такие формы приводит древнегрузинский историк Леонтий Мровели, который, сопровождая грузинского царя Гергосала, описывал места и народы, с которыми он вел военные действия. В отношении интересующего нас топонима – *Эльбрус* – там читаем буквально следующее: «Кавказ – *Иалбуз*, Кавказ – это *Албуз*, т.е. Эльбрус» [9, с. 44]. Следует согласиться с тем, что Л. Мровели более правильно запечатлел название *Албуз*, а форма *Иалбуз* – это грузинская адаптация карачаево-балкарского слова *Албуз*. Слово это состоит из двух частей: *ал* и *буз*. *Ал* как многозначное слово в «Карачаево-балкарско-русском словаре» [17, с. 109–111] и «Киргизско-русском словаре» выступает в значении «передний, начальный», хотя в киргизском языке отмечается и другое значение «сила, мощь» [5]. Э.М. Мурзаев, опираясь на мнение В.В. Радлова, Е. Койчубаева, С.У. Умурзакова, выделяет в тюркских языках значение «высокий, могущественный, сильный» [10, с. 47]. Таким образом, слово в одном из своих значений выступает как «сильный, мощный, высокий, могущественный». Слово *буз/муз* тоже имеет несколько значений: в «Толковом словаре карачаево-балкарского языка» даются три значения слова «лед»; «град»; «ломать»; в «Киргизско-русском словаре» выделяются два значения: «лед; град»; в «Татарско-русском словаре» дается только одно значение: «лед». Таким образом, логически правильным представляется то, что *Албуз* обозначает «Большой, мощный, величественный лед». Ср.: *Алтай* «большие, высокие горы»; *Алсуу* «большая река», *казах. антр. Албасты* «большоголовой»; *каб. Альмасты*; *кар.-балк. «Алмосту»*. Так что мы склоняемся к тому, что этимологически *Эльбрус* восходит к *Албуз* «большой, мощный, величественный лед».

Мингжашар Тау – топоним образован из сочетания трех слов: числ. *минг* «тысяча», прич. буд. вр. *жашар/джашар* «будет жить», сущ. *тау* «гора». Х. Османов правильно передает мотивацию названия – гора будет жить тысячелетия [12, с. 15]. Такая идея есть и в русском числительном «тысяча».

Дукъуш Тау «Горбатая гора» [12, с. 15] – ороним образован из сочетания двух слов: сущ. *дукъуш* «неровность, выпуклость» [с. 688], сущ. *тау* «гора» = *Дукъуш тау* «горбатая гора». Правильнее было бы «Двугорбая гора», поскольку там имеются две вершины [12, с. 15].

Минги Тау – «гора радости, счастья». Значение топонима, данное Х. Османовым – «тысячелетняя гора» [12, с. 15]. Смущает то, что при числительном *минг* «тысяча», не понятно, куда девать протетическое «и» в слове *минги*. Поэтому следует согласиться с мнением К.А. Мизиева, который выводит значение топонима из древнетюркского *мёнгю* «радость, счастье» [7, с. 39].

Мёнгю Тау – «Покрытая вечным льдом» [12, с. 15]. Топоним образован из сочетания двух слов: *мёнгю* «вечный снег, горный ледник» [5, с. 35], сущ. *тау* «гора» = *Мёнгю тау*. Слово *мёнгю* в современном карачаево-балкарском языке не встречается. Из тюркских языков оно употребляется только в киргизском языке.

Эгиз Тау – «Близнецы» [12, с. 15]. Оним образован из сочетания двух слов: сущ. *эгиз* «близнец», сущ. *тау* «гора» = *эгиз тау*. Х. Османов правильно выводит мотивацию этого названия – «горы-близнецы». Обе вершины Эльбруса почти одинаковой высоты, что отразилось в его названии.

Эки Баш – «Двуглавый» [12, с. 16]. Ороним образуется из сочетания двух слов: числ. *эки* «два», сущ. *баш* «голова, вершина» = «Двуглавый». Название дано по этому признаку.

Эки Сын – «Два памятника» [12, с. 15]. Ороним образован из сочетания двух единиц: числ. *эки* «два», сущ. *сын* «памятник» = *Эки сын*. Второе слово «сын» здесь употреблено метафорически, как символ вечности и памяти.

Эльбрус – название высочайшей горы Европы. По Х. Османову слово состоит из трех частей: первая часть – *эл* на балкарском языке означает «государство, село». Вторая часть *бур* «крушить, разбрасывать». Последняя часть – «*ус*» – показывает ее характер [12, с.16]. Мы тоже согласны, что название состоит из трех частей, хотелось бы сделать несколько замечаний. Свое отношение к названию Эльбрус мы выразили выше, опи-

раясь на высказывание древнегрузинского историка Л. Мровели, который объясняет происхождение этого названия от *Албуз*, *Иалбуз*, т.е. Эльбрус [9, с. 44]. Теперь замечания по конкретному объяснению Х. Османова. Во-первых, слово в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, обозначает не только «государство», но и «село, деревня, республика, народ, люди, общество» [19, с. 1057–1058]. Второе слово *бур* тоже многозначно – имеет значения «крутить, вращать, вертеть, превращать, направлять, изменять». Часть *ус* представляет собой залоговый аффикс – такая форма характерна для казахского языка, а для кумыкского, карачаево-балкарского языков характерна форма *-ыш/ -уш/ -иш*: *бур-уш*, *сыг-ыш*, *кир-иш* [15, с. 289]. Таким образом, Эльбрус в карачаево-балкарском языке, по нашему мнению, имеет компонентное значение «крутящий целый свет». Это показывает характер данного топонима.

Шат Тау – один из часто употребляющихся названий горы [12, с. 16]. Оним состоит из сочетания двух слов: сущ. *шат*, сущ. *тау* = *Шат тау*. Слово «*шат*» в современном карачаево-балкарском языке не употребляется. В древнетюркском языке обозначает «один из высших военно-административных титулов в Тюркском и Уйгурском каганатах» [3, с. 519]. В. Л. Гукасян определяет значение этого слова как «царевич»: эти сведения полностью соответствуют сообщению автора «Истории Алван» (Моисей Каганкатвази) (конец VII и начало VIII веков) о том, что в 628 году хазарский «кровожадный орленок шад (царевич) совершил набег на Иверию и на город Тифлис, а затем и на Албанию, которую по словам шادا, вместе с областями Чул и Лпинияще его «отец получил на вечное владение» [2, с. 22–33]. Еще у Лермонтова встречается *шад* – гора. Таким образом, это слово в тюркских языках обозначает «бек, господин, царевич», а *тау* «гора» = *Шад тау* «господин – гора». Такое название соответствует его выдающемуся положению среди других гор.

Чат Тау – очередное название Эльбруса. Х. Османов правильно отмечает, что здесь характеризуется наличие ложбины между двумя вершинами Эльбруса [12, с. 16]. Слово «*чат*» имеет два значения: 1) ложбина, лощина и 2) промежность. В данном случае употребляется 1 значение: *чат* «ложбина» + *тау* «гора» = *Чат тау* «гора с ложбиной».

Насып Тау – «Гора счастья» [12, с. 16]. Х. Османов правильно определяет значение данного оронима: *насып* «счастье» + *тау* «гора» = *Насып тау* «гора счастья». Х. Османов пишет: «Есть у нее вечный лед, снег, нарзаны, леса, звери, птицы. У подножья живут люди,

боготворящие гору. Она самая высокая гора в Европе». Поэтому и получила такое название.

Монг Тау – «святая, богатая гора». В «Толковом словаре карачаево-балкарского языка» слово *монг* переводится как «богатый» [18, с. 913]. Х. Османов же выделяет значение как «прочная, добрая». Конечно, эти определения семантически сближаются, но в толковом словаре дается более точное определение – подчеркивается богатство льда и снега. Слово «монг» в Древнетюркском словаре и других тюркских языках не встречается.

Миннген Тау – «Покоренная гора». Х. Османов ее обозначает как «покоренная гора» [12, с. 16]. Раскрывая значение словосочетания *миннген тау*, пишет: «С давних пор люди поднимались на эту гору. Существует много легенд о смельчаках, покоривших Эльбрус. В одной из них говорится о том, что в конце XIV века на вершину Эльбруса поднимался великий завоеватель Тамерлан. Живя здесь многие сотни лет, предки балкарцев и карачаевцев не раз поднимались на Миннги тау. Даже для них, привыкших ходить в горах, восхождение на Эльбрус считался подвигом. Интересно в этой связи вспомнить поход на покорение Эльбруса известного русского путешественника Эммануила с отрядом казаков. Казаки, как известно, сильные, выносливые люди, да еще на конях. Но по мере продвижения к подножью они отставали один за другим и к подножью Эльбруса с проводником К. Хачириным доехали два казака и те, не выдержав, повернули назад и К. Хачиринов сам в гордом одиночестве скрылся за туманом. Вечером, когда он вернулся с восхождения, есаул повел его к Эммануилу и тот за его подвиг наградил 400 рублями. В то время это было целое состояние – корова стоила тогда 3 рубля. Так что восхождение на Эльбрус и сейчас считается подвигом.

Иер Тау – «Седло-Гора» [12, с. 16]. Топоним образован из сочетания двух слов: сущ. *иер/джер* «земля, седло, место», сущ. *тау* «гора» = *Иер/джер тау*. *Иер/джер* многозначное слово – имеет значение «земля, место, территория, участок, седло» [4, с. 295]. Топонимическое название дано по форме седла. Как отмечает Х. Османов: «есть две вершины, а посередине седловина».

Багъана Тау – «Опорная гора» [12, с. 17]. Топоним состоит из сочетания двух слов: сущ. *багъана* «столб, опора» (4, с. 110) + сущ. *тау* «гора» = *Багъана тау*. Значение топонима Х. Османов объясняет правильно: «Он (столб) ставится посередине дома, на него опираются

несущие балки, т.е. вся тяжесть дома лежит на нем». В данном случае название дается метафорически, как бы на ней держится мир.

Эмчек Тау – «Грудь-Гора» [12, с. 17]. Оним образован из сочетания двух слов: сущ. *эмчек* «грудь женская» [4, с. 768], сущ. *тау* «гора». Х. Османов объясняет это значение так: «две белоснежные красивые вершины похожи на груди лежащей женщины» [12, с. 78]. Название дано метафорически.

Жел Ёгюз Тау – «Гора бычьего ветра» [12, с. 17]. Топоним состоит из сочетания трех слов: сущ. *жел/джел* «ветер», сущ. *ёгюз* «бык, вол», сущ. *тау* «гора» = *Жел/джел* + сущ. *ёгюз* «бык, вол» + сущ. *тау* «гора». Здесь тоже название горы дано метафорически. Мотивацию названия Х. Османов дает правильно: «в горах самым сильным животным является бык. На нем возят самые тяжелые грузы, впрягают в арбу, с его помощью пашут землю. Поэтому самый сильный ветер уподобляется имени этого животного. Такой сильный ветер образуется на вершине Эльбруса. И если облака хотят скрыть вершину горы, то он (ветер) в мгновение ока разбросает их в стороны и прогонит. А когда кто-то хочет подняться на вершину, этот ветер собирает густые тучи и закрывает путь идущим» [12, с. 17].

Тутурукълу Тау – «Опорная, надежная гора» [12, с. 17]. Оним образован из сочетания двух слов: прил. *тутурукълу* «опорный, надежный» + *тау* «гора». Слово *тутурукълу* «опорный, надежный» является многозначным.

Значение «опорный» по отношению к Эльбрусу является более подходящим, т.к. он служит как бы опорой для гор Кавказа.

Кукуртлу (Кюкюртлю) Тау – «Серная Гора» [12, с. 17]. Оним образуется сочетанием двух слов: прил. *кукуртлу* (*кюкюртлю*) «серный», сущ. *тау* «гора». Слово *кукуртлу* «серный» встречается во многих тюркских языках, в том числе и в кумыкском: *кюкюртлю* «серный», содержащий серу [6, с. 194]. Для изготовления пороха необходима сера «*кюкюрт*». Карачаевцы, балкарцы ее добывали на Эльбрусе – отсюда и называют гору *кюкюртлю*.

Айры Тау – «Раздвоенная Гора» [12, с. 17]. Топоним составлен из сочетания двух слов: сущ. *айры* «раздвоенный», сущ. *тау* «гора» = *Айры тау*. Слово *айры* встречается и в древнетюркском языке в форме *агъры кирг*. «раздвоенный, разветвленный» [5, с. 33]. Х. Османов приводит несколько версий легенд, связанных с этим названием. В одной из них говорится о соперничестве отца и сына за красавицу Машук, которое

закончилось сражением. Сын ударом меча раздвоил голову отца. Другая легенда гласит: во время всемирного потопа ковчег Ноя задел торчавшую из воды вершину Эльбруса и раздвоил ее. Ной попросил прибежище у горы, но она отказала, обидевшись. Тогда пророк проклял гору и сказал: «Если даже у твоих ног будет весна, будут цвести цветы, середина пусть будет осенью, а вершины – вечной зимой» [12, с. 17]. Так и есть: раздвоенная ковчегом вершина Эльбруса покрыта вечным льдом и снегом.

Къусхан Тау – «Изрыгающая Гора» [12, с. 17]. Ороним состоит из сочетания двух слов: прич. пр. вр. *къусхан* «блевающий, рвущий», сущ. *тау* «гора» = *Къусхан тау*. Мотивацию географического названия Х. Османов объясняет так: это название связано с тем, что тех, кто добывал серу и задерживался там дольше обычного, начинало мутить из-за ядовитого запаха, и, возможно, это память о более древних временах, когда бывали извержения, ведь Эльбрус – спящий вулкан, притом молодой по сравнению с вулканами других гор.

Ёмюрлюк Тау – «Вечная Гора» [12, с. 18]. Ороним образован из сочетания двух слов: сущ. *ёмюрлюк* «вечность», сущ. *тау* «гора». Слово *ёмюрлюк* встречается и в древнетюркском языке в форме *ömürlük* «жизненный» [3, с. 325].

Таким образом, Х. Османов правильно определяет мотивацию названия Эльбруса как вечной горы.

Къушлу Тау – «Орлиная Гора» [12, с. 18]. Оним состоит из сочетания двух слов: прил. *къушлу* «орлиный», сущ. *тау* «гора». Слово это в других тюркских языках употребляется в значении «птица» [16, с. 288], в древнетюркском языке *quş* «птица» [3, с. 470]. Интересный рассказ приводит Х. Османов, связанный в топониме «*къушлу тау*»: – 150 лет тому назад здесь еще летали, отбрасывая на скалы тени огромных крыльев, как называли их балкарцы – табунные орлы. В размахе крылья достигали 3-х метров и более. Они могли, вцепившись в жеребенка когтями, без труда подняться в воздух. С появлением огнестрельного оружия эти птицы были полностью истреблены.

Во второй половине XIX века житель Верхнего Баксана (Басхана) Жумарук Ачабаев, будучи подростком, наткнулся в горах на кладбище этих гигантских орлов. Собрав большие перья, с помощью тонких кожаных веревок он соорудил подобие птицы – летательный аппарат – прообраз нынешних дельтапланов – и, как рассказывали очевидцы, летал на нем. Правда это или нет, трудно судить, но попытки, наверное, были.

Уллу Тау – «Большая Гора» [12, с. 18]. Оним образован из сочетания прилагательного *уллу* «большой, крупный» и сущ. *тау* «гора». Лексема «уллу» встречается во многих тюркских языках, в том числе и в памятниках древнетюркской письменности: *ulug* «большой» [3, с. 610]. Х. Османов правильно объясняет значение онима: «название говорит само за себя – Эльбрус, действительно, самая высокая гора в Европе» [12, с. 17].

Джин Падчах – «Царь Джинов» [12, с. 18]. Оним образован из сочетания двух слов: сущ. *джин/жин* «дух» + сущ. *тау* «гора» = *Джин тау*. Слово *джин* встречается во многих тюркских языках в значении «злой дух». Словосочетание *Джин Падчах* – одно из древних названий горы. Возможно, оно появилось после принятия горцами ислама.

Къарт Тау – «Старая Гора» [12, с. 18]. Ороним образован из сочетания двух слов: прил. *къарт* «старый, древний» и сущ. *тау* «гора» = *Къарт тау*. Поскольку Эльбрус считается одним из древнейших гор, эпитет «старый» не совсем подходит, лучше сказать «древний» – древнейшая гора Европы.

Нюр Тау – «Светоизлучающая Гора» [12, с. 18]. Ороним образован из сочетания двух слов: сущ. *нюр* «свет, обаяние, сияние, лучезарный», сущ. *тау* «гора» = *Нюр тау*. Лексема *нюр* встречается во многих тюркских и не тюркских языках. В древнетюркском языке *nur* «свет, сияние» [3, с. 361], в кирг. *нур*. «свет, луч света» [5, с. 58]. Х. Османов правильно отражает значение слова как «сияние, блеск», который отражается от вершины этой горы.

Жаччи Чыкъгъан Тау – «Гора, покоренная Жаччи» [12, с. 18]. Оним состоит из сочетания трех слов: антропонима *Жаччи*, прич. пр. вр. *чыкъгъан* «взошедший», сущ. *тау* «гора». «*Жаччи*» – личное имя, «*чыкъгъан*» – прич. пр. вр. встречается во многих тюркских языках. Как отмечает Х. Османов, гора получила название по имени восходителя – Жаччи Жаппуева. У Тутара Жаппуева, который жил в селении Жапыр Тала в Верхнем Баксане, было два сына: Жаччы и Маччы. Жаччи был известным охотником и скалолазом. Не было вершины в Баксанском ущелье, на которую он не поднимался. Однажды он говорит матери: «Приготовь пищу на один день, я пойду на Эльбрус, к вечеру могу не вернуться». Утром он взял приготовленный припас и мужуру (мужура – боевое оружие балкарца. С одной стороны острое как копье, на другом конце древка – широкий нож в виде шпателя. При восхождении он служит ледорубом, копьём. Этимология слова мужура: сущ. *муж/буз* «лёд» + гл. *ура* «бить» = *мужура* «ледоруб»). Его провожали

всем селом. А до этого было несколько случаев, когда в горах попадали охотники. Тела одних находили с раздробленными костями, а других вовсе не находили. Желаящих охотиться на диких животных стало меньше. Редко кто отваживался ходить на охоту в одиночку – в основном по несколько человек. Вернулся Жаччи на следующий день ближе к вечеру. Кроме мужуры, он держал в руках еще кусок дерева красноватого цвета, гладкий, как будто долго лежавший в воде. Сельчане ожидали его с нетерпением, а история, поведенная им Жаччи, передается народом из поколения в поколение. Мне ее рассказали потомки Жаччи в четвертом поколении Шагабан Жаппуев и Пашахан Тилова. Когда Жаччи поднимался на Эльбрус, он встретил стадо туров. Впереди всех вдруг появился вожак – громадный тур. Он стал медленно приближаться к человеку, между ними оставалось всего несколько шагов. Тур остановился. Они долго смотрели друг на друга – зверь и человек. Никто не хотел отступать. Если человек сделал бы шаг назад, тур напал бы на него, и, кто знает, чем бы эта битва закончилась. Жаччи понял, что перед ним тур-убийца охотников, он взял свое оружие, сделал левой ногой шаг вперед и приготовился к отражению. Тур, наверное, понял, что перед ним не простой охотник. Как бы то ни было, он отвернулся и пошел прочь, стадо потянулось за ним. К вечеру Жаччи поднялся на обе вершины Эльбруса. На одной из них он соорудил бугорок. В народе его называли «бугорок Жаччи». К заходу солнца охотник начал искать место, что-то вроде пещеры. Там он обнаружил следы от костра и скелет огромного человека, намного больше, чем сам Жаччи. Переночевав в пещере, утром он вырыл могилу и похоронил кости. А что касается доски, то он ее нашел ниже седловины горы – торчащую из-под льда. Она, как реликвия, находилась в доме Жаччи и после его смерти – вплоть до 8 марта 1944 года. После этого случая жители Баксанского ущелья дали Эльбрусу очередное название – Жаччи чыкьгъан тау «Гора, покоренная Жаччи».

Хотя у этой горы четыре десятка названий, именованные карачаевцами и балкарцами, весь мир знает ее как Эльбрус, хотя в основе этого термина лежит балкарское слово *Албуз*, *Иалбуз* «Великий лед», о чем выше было сказано. А некоторые народы, которые живут подальше и видят ее издалека, тоже дали свои названия.

Грузины называют ее *Ялбузи* (*Иалбузи*), кабардинцы называют *Оихомахо* «гора счастья». Чеченцы, ингушы называют ее *Башлам*. Это тоже двусоставное слово. Оно имеет значение и в карачаево-бал-

карском языке означает – главная гора. В старинных песнях ногойцев, калмыков говорится об *Асхарту*. Это слово переводится на русский язык как «Снежная гора народа асов». А асы, как известно, это предки балкарцев.

Арабские путешественники и завоеватели тоже видели Эльбрус. Они были в восторге от его величины и величия и дали ему свое имя – *Эбул Жебал*, что в переводе означает «Отец гор».

Таким образом, народные названия Эльбруса характеризуют его многосторонне, со всех сторон. Карачаевцы, балкарцы называют его золотой горой, подразумевая как самую дорогую вещь, называют *Жаннган тау*, имея в виду блеск его вершин; *Эмбурун*, подразумевая его древность, желают, чтобы он жил тысячи лет; видя его формы, дают названия: *дукъуш*, *минги*, *мёнгю*, *эки баш*, *чат*, *иер*, *багъана*, *эмчек*, *айры*, *уллу*, *нюр* и другие эпитеты.

Литература

1. *Ахматов И.Х.* Балкарские топонимические названия предгорной зоны Кабардино-Балкарии // Вопросы теории словосочетания и предложения в тюркских языках. Нальчик: Эльбрус, 2006. С. 249–259.
2. *Гукасян В.Л.* Об азербайджанско-грузинских языковых контактах. Советская тюркология. № 4. 1980. С. 22–23.
3. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
4. Карачаево-балкарско-русский словарь. М.: Русский язык, 1989. 890 с.
5. Киргизско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985. Т.2. 474 с.
6. Кумыкско-русский словарь. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ ДАН, 2013. 532 с.
7. *Мизиев К.А.* О топонимии Балкарии. Советская тюркология. № 2. 1978. С. 34–40.
8. Монгольско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. 715 с.
9. *Мровели Л.* Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. М.: Наука, 1979. 102 с.
10. *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
11. *Надеждин Н.И.* От географического общества // Страны и народы Востока. М., 1976. Вып. 18. С. 252–264.
12. *Османов Х.Л.* Балкария сквозь века. Владикавказ, 2009.
13. Русско-турецкий словарь. М.: Советская энциклопедия, 1972. 1028 с.
14. Словарь мусульманских имен. Казань, 2007. 435 с.
15. Современный кумыкский язык. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ ДАН, 2004. 548 с.
16. Татарско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. 863 с.

17. Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х томах. Нальчик: Эльфа, 1996. Т. 1. 1016 с.
18. Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х томах. Нальчик: Эльфа, 2002. Т. 2. 1168 с.
19. Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х томах. Нальчик: Эльфа, 2005. Т. 3. 1162 с.

Список сокращений:

Кар.-балк. – карачаево-балкарский

Каб. – кабардинский

Антр. – антропоним

Казах. – казахский

Числ. – числительное

Сущ. – существительное

Прил. – прилагательное

Гл. – глагол

TOPONYMIC STUDIES

Tekuev M.M., Khubolov S.M.

Nalchik, Kabardino-Balkarian state University

The article deals with the folk names of mount Elbrus in the Karachay-Balkar language. Folk names and scientific terms interact and enrich each other. Folk names of Elbrus characterize it from different points of view. The article presents more than three dozen epithets of mount Elbrus, used in the Karachay – Balkar language.

Keywords: *place names, onomastics, Tau “mountain”, Altyn “gold”, Buz/Muz “ice”, Mengu “ice”, egiz “twin”, nasyp “happiness”, Nur/Nur “light, radiance”.*

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АДВЕРБИАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

*Узденова З.А., Хуболов С.М.
г. Нальчик, КБГУ*

В статье рассматриваются семантические типы адвербиальных фразеологизмов карачаево-балкарского языка, которые с точки зрения выражаемых ими понятий характеризуются весьма широким диапазоном. Наибольшей употребительностью среди них отличаются фразеологизмы со значением образа действия, времени, сравнения. Менее частотны единицы со значениями цели, причины, ситуации.

Ключевые слова: *карачаево-балкарский язык, адвербиальные фразеологизмы, семантическая характеристика, качественные фразеологизмы, обстоятельственные фразеологизмы.*

Одним из основных классов фразеологических единиц (ФЕ) в карачаево-балкарском языке является класс адвербиальных ФЕ, к которым относятся фразеологизмы, соотносимые с наречием и выполняющие в предложении функции обстоятельства. Они в работах по карачаево-балкарскому языку рассматриваются с различных позиций. Так, например, в некоторых работах представлены их некоторые собственно семантические характеристики [6; 9]. Имеет место также выявление и описание целого ряда особенностей фразеологических единиц в структуре простого предложения [7; 8; 10]. В последние годы активизировалась и работа по определению роли указанных языковых единиц в структурировании различных семантических категорий [1], концептов [2; 3; 4], стереотипов [5] и др.

В лингвистической литературе адвербиальные фразеологизмы с точки зрения их семантических особенностей делятся на два класса: качественные и обстоятельственные. Качественные адвербиальные единицы подразделяются на ФЕ образа действия и ФЕ меры и степени.

Обстоятельственные ФЕ в свою очередь также подразделяются на несколько групп: ФЕ, выражающие обстоятельства совершения действия, обстоятельства места, обстоятельства времени, обстоятельства причины, обстоятельства цели.

Такая классификация характеризует адвербиальные фразеологические единицы с точки зрения выражаемых ими понятий.

Качественные адвербиальные ФЕ обозначают различные признаки процесса, т.е. характеризуют его с качественной стороны.

Адвербиальные ФЕ образа действия могут иметь семантику интенсивности действия. Кроме того, ФЕ со значением образа действия могут выражать семантику полноты/неполноты действия. ФЕ со значением образа действия также могут обозначать неожиданный характер совершения действия. Также бытуют адвербиальные ФЕ образа действия со значением кратности (многократности/однократности) действия: *Суймей тургъанымлай, Аскербий гылзыхымдан асып этдиргенди дейме да!* (Т.Ж.) «Я же говорю, не хотел этого я, это Аскербий меня вынудил сделать так!». *Малжей, малчыкълагъа аш ата тургъанлай, эл аягъындан кадет аскер бёлек от тюшгенлей келе тургъанын кёрдю* (Г.Б.) «Когда Малжей давал корм скотине, он увидел, что часть кадетских войск спешила в село, как на пожар». *Гемуда, туурадан ташайгъынчы, сынчыкълай, жантая барды, алай тебе артына аугъанлай а, жулдуз учханча тебиреди* (Т.С.) «Гемуда пока не прошел обозримое место, прихрамывал, а как только перешел на ту сторону холма, пошел с быстротой молнии». *Салимге уа артынга-алынга къарамай бар: элде андан иги жаш жокъду!* (Т.Ж.) «За Салима выходи замуж, не задумываясь, лучше его нет парня в селе!». *Самат атасыны айтханына сагъышлы тынгылады, сора, акъды-къарады демей, кеси отоуна кирип кетди* (Ш.Х.) «Самат задумчиво слушал своего отца, затем молча пошел в свою комнату. *Тууун-битип бир мотор кибикге жетген эдим да, энди андан да къуру къалдым* (Кациланы Х.) «За всю свою жизнь еле приобрел этот моторик, теперь и его лишился». *Семиз къысыр тууарланы башдан-башха саулукъ ийнеклеге алышдыкъ* (Г.И.) «Тучную яловую скотину мы поменяли на дойных коров». *Ала къауум-къауум болуп, жан-жанына чачылдыла* (Х.С.) «Они разделились на группы и разошлись в разные стороны». *Кериймат, Жюнюсге кёз-къааш бермей, артха айланып кетди* (К.Х.) «Посмотрев на Жунуса неприветливо, Кериймат повернулась и ушла». *Суфу, маузерин къабындан чыгъарып, ол да къолунда къузгун къанатыча жылтырай, эшик таба чапды*

(Г.Б.) «Суфу вытащил маузер из ножен, который блестел как вороново крыло, и побежал в сторону дверей».

Адвербиальные ФЕ меры и степени также представлены определенным количеством оборотов: *Бир ауукъну чыракъла жанмай, радио сѣлешмей турду* (Г.Э.) «Некоторое время свет не горел и радио не работало» (Х.О.). *Эт юлюш болуб а, къуш тилинлей, мен муну не этерикме!* (Г.Э.) «Что это за мясная доля, такой малюсенький кусочек (букв. «как язык орла»), на что мне она!». *Душманы сауут кючю бизден иги да кѣп болгъаны себепли, аны арты бла кзурутхан алай тынч туйюл эди* (К.Х.) «Поскольку враг был вооружен значительно лучше нас, окончательно уничтожить его было нелегко». *Эрикгенбиз ма бу «жаннетден», богурдакъгъа дери толгъанбыз!* (Х.О.) «Надоел нам этот «рай», сыты уже по горло!». *Уручулукъну арты бла кзурутургъа керегини юсюнден жыйылыуда къаты айтылгъанды* (К.Х.) «О том, что с воровством необходимо окончательно покончить, жестко сказано на собрании». *Айтханымы толтургъаннга мюлкюмю башы-аягъы бла берликме* (Ф.) «Тому, кто сделает то, что я скажу, отдам свое имущество целиком». *Богурдагъыма дери тоюп келеме, ашаялыкъ туйюлме* (Х.О.) «Наелся по горло, больше не могу». *Къурманлыкъ болуб а, башы-аягъы да бир токълу бла ящик ичги кетер да, сиз сау болсагъыз, ол а табылыр* (Г.Б.) «Не стоит беспокоиться за расходы на торжество, подумаешь ба-рашек и ящик напитков, пока вы живы, все это найдется».

Обстоятельственные адвербиальные фразеологические единицы не характеризуют действие с качественной стороны, а обозначают обстоятельства, условия, в которых совершается действие и достаточно разнообразны по своей семантике.

1. Адвербиальные ФЕ со значением времени выполняют в предложении функцию обстоятельства времени и обозначают протекание действия во времени: *Ёлюм бла сынашыргъа кючлерин кѣз къакъгъынчы бирден къопдула деуле* (Х.О.) «Чтобы сражаться со смертью, в мгновение ока разом встали богатыри». *Къарашаулай кѣз жумгъунчу жетди узакъ жерге, Талай жылкыны жыйды бир ёзеннге* («Нартла») «Карашауай в мгновение ока дошёл до далекого места, много коней собрал в одно место». *Тюкюрюк кзуругунчу тюкеннге жетип, эки «гинасуу» шеша алып келди* (К.Х.) «Мигом побежал в магазин и принес две бутылки «ртути» (т е. водки). *Экибизни къадарыбыз ёмюрден ахыргъа бир боллукъ эсе, ол къадарны насыплы болурча этерге керекди* (Т.Ж.) «Если нам суждено прожить всю жизнь вместе, то эту жизнь надо

сделать счастливой». *Ала, къарап-къарагъынчы, беш гебен этдиле* (К.Х.) «Они моментально сложили пять копен». *Сунмай тургъанлай Шонтукъ, артха айланьп, къамичи бла Къаншауу юч-тёрт кере да урду* (Т.А.) «Шонтук повернулся назад и неожиданно три-четыре раза стегнул кнутом Каншауа». *Этер затынгы къызыуу бла эт* (посл.) «То, что ты должен сделать, делай по горячим следам». *Ма бу таула къалыубаладан бери эрликни, ариулукъну белгиси болуп келедиле* (Г.Б.) «С незапамятных времен вот эти горы являются признаком мужества и красоты». *Зооветеринаркъуллукъчулазамаманзаманы бла малны жокълайдыла* «Зооветеринарные работники своевременно пересчитывают скот».

2. ФЕ со значением причины могут выражать самые различные причины, лежащие в основе каких-либо событий или действий: *Жаш, асыры уллугъа кетгенден, бригадирни айтханына тынгыламай, бир жанына бурулду* (З.З.) «Парень возгордившись, не послушав бригадира, повернулся в сторону».

3. Адвербиальные ФЕ со значением места выполняют в предложении функцию обстоятельства места и обозначают пространственные признаки. Данная группа фразеологизмов достаточно полно представлена: *Къонакъ алыуда Россейни тыш къыралла бла ишлерини министри эм Италияны тыш къыралла бла ишлерини министри болгъандыла* (З.) «В приеме гостей принимали участие министр иностранных дел России и министр иностранных дел Италии». *Оразай аппа тауулада кёнчекликге барыуу юсюнден бизге сейирлик хапарла айтханды* (Г.И.) «Дед нам рассказал интересные истории о набегам балкарцев на чужие земли с целью захвата скота». *Кёзюнде махтама, кёзден ташада сёкме* (посл.) «В глаза не хвали, за глаза не хули». *Саняят мени башымы сыла, орунга ашарыкъ келтирип, зорну тюбюнде къапдырды* (Б.Х.) «Саняят, глядя меня по головке, принесла еду и насильно заставила есть».

4. Адвербиальные ФЕ со значением цели также имеют широкую семантику, поскольку номинируют различные понятия: *Иш этип излемеген адам ол кезлеуно табаллыкъ туююлдою* (Т.Ж.) «Если специально не будет искать, то человек не найдет этот родник». *Дерслерини кемликлерин кишиден эшитмегени себепли, Адемей директорну кеси иш этип келтиргенди* (Х.О.) «Директор ни от кого не слышал о недостатках уроков Адемея, поэтому Адемей специально пригласил на свой урок его».

5. Адвербиальные ФЕ со значением обстоятельства совершения действия выражают самые различные понятия: *Эл советге секретарьны ачыкъ къол кётюрюу бла айырдыла* (К.Х.) «Секретаря сельского

Совета избрали открытым голосованием». *Ол тилей эсе уа, эгешчигим, артынга-аллынга къарамай бар!* (Г.Б.) «Если он просит твоей руки, иди за него замуж не задумываясь!». *Тууун-битип бир он-онбеш тууар мал къурагъан эдик да, энди аланы да сыйырдыла* (Т.Ж.) «За всю свою жизнь нажили 10–15 голов крупного скота, теперь и их отобрали». *Аланы уа не ауаралары барды, ойнай-къайнай жашайдыла!* (Г.И.) «А у них нет таких хлопот, живут роскошно». *Аскер бла Тахир, къаран-къарагъынчы ишиликлени биширип, къонакъланы алларына салдыла* (К.Х.) «Аскер и Тахир вмиг зажарили шашлыки и подали гостям». *Тенгизчиле кёз къакъмай сакълайдыла журтларын* (Х.О.) «Моряки, не смыкая глаз, охраняют свою родину». *Баи кётюрмей ишлегенлеге да сау болугъуз деп айтхан жокъду* (Г.Э.) «Даже тем, кто работает не разгибая спины, никто не говорит спасибо». *Астакку папиросну бал татытып эмеди* (Л.С.) «Астакку со вкусом вытягивает дым папиросы». *Сени бюгюн келлигини билсем, ёлюп да барамы эдим мен базаргъа!* (Т.Ж.) «Если бы я знала, что ты придешь сегодня, ни за что на свете я не пошла бы на базар!». *Университетни ол факультетине артына-аллына къарамай кирип эдим, киралсам* (Б.А.) «А на этот факультет университета я бы поступил не задумываясь, если бы только смог». *Юсюп бир арада, стол артындан ёрге туруп, тынгылагъан адамланы бетлерине тюрслеп-тюрслеп къарайды* (Г.Б.) «Юсюп время от времени встаёт из-за стола и внимательно всматривается в лица людей». *Бир жолда Леначыкъ бла мен гардои бачхабызны хансын этерге бардыкъ* (С.А.) «Однажды я и Леночка пошли прорывать картофель в своем огороде».

6. Адвербиальные ФЕ со значением обстоятельства ситуации: *Отдан чыкъ да жалыннга дегенлей, анда ичги тамата, мында той тамата – экисинден безидик!* (С.А.) «Как из огня да в полымя, надоели нам оба: там распорядитель спиртных напитков, тут тамата свадьбы!».

7. Адвербиальные ФЕ со значением обстоятельства сравнения: *Бир арбаздача, къабыргъа къониула болуп тургъанлай, ит бла киштикча жашаргъа айып туююлмюдю сизге!* (Г.Э.) «Не стыдно ли вам, близким соседям, жить как кошка с собакой!». *Э къыз, токълу ашыгъы кибик, очукъну неси келин боллукъду?!* (К.Х.) «Слушай, какая же из этой, как альчик барашка, получится сноха?!». *Бир кесекден а эмилик терлегенден, къузгъун къанатынлай, къап-къара болуп, къызланы аллы бла эншиге учду* (Т.З.) «Через некоторое время необъезженный жеребец, став от сильного пота как вороново крыло, пролетел мимо девушек вниз». *Шахарны шошлугъун, чайыр жолда чепкен сокъгъанча, къызыу-къызыу*

озгъан машинала бузайдыла (Д.Х.) «Тишину города нарушают молниеносно двигающиеся по асфальту машины». *Эл шошлукъда бауур уюгъанча жукълайды* (Ш.С.) «Село спокойно спит». *Сора сени кишитигингми ариу сунаса меникиден, томуроу жилиян кибик* (Т.М.) «Ты думаешь, что твоя кошка красивее моей, да она как удав» *Жип болуб' а бу, чибин чегиси кибик!* (Г.Б.) «Что это за веревка, такая тонкая, как кишка мухи?». *Аллай арыкъ эр кишини уа бир да кърмеген эдим, ийне жутхан итча!* (Т.Ж.) «Никогда не видел я такого худого мужчину, как собака, проглотившая иголку!». *Аны уа неси ариуду, жилиян эмген макъалай!* (Г.Э.) «А что в ней, красивого, как выжатый лимон!».

8. Адвербиальные ФЕ со значением обстоятельства качества: *Сен – сау дуняны байлыгъы, ариулугъунг кѣз къамата, къара чачынгы толкъуну тѣгюлсе, къузгъун къанатыча* (К.К.) «Ты – богатство всего мира, твоя красота ослепляет, когда волна твоих волос опускается, похожа на вороново крыло». *Асхат улу Чотай серине кетерча къарт да болмагъанды* (Э.Х.) «Сын Асхата Чотай еще не такой старый, чтобы стать глупым». *Ата журтну, халкъыбызны таза жюрекден сюйгенин Байрамукъланы Умар поэт тилде бек ачыкъ кѣргюзтгенди* (Х.М.) «То, что свою отчизну, свой народ любит от чистого сердца, Умар Байрамуков четко показывает своим поэтическим языком». *Бу къуллукъчулагъа жан басып сѣлешуюнгу къачан къоярыкъса?* (Х.О.) «Когда же ты перестанешь защищать этих чиновников?». *Литература тынч ахча алыр жол туююлду, халкъынга жанынг-къанынг бла къуллукъ этиуду* (Т.А.) «Литература – это не путь легкой наживы, а служение своему народу всеми фибрами души». *Олахий деп айтама, махтагъанда алай махтадыла ол бизни гитче къызны, кѣкге жетдирип!..* (Г.Б.) «Богом клянусь, так похвалили нашу младшую дочь, до неба вознесли!». *Тейри, эшекге мюйюз чыкъгъынчы сакъларгъа тюшерик болур* (Г.Э.) «Видимо, придется ждать, когда рак на горе свистнет». *Тойгъанларын кѣтюралмай, керлене, харх этедиле, безирейдиле, серлене* (Г.Б.) «С жиру бесятся, гордятся, хохочут, забавляются, дурачатся».

Таким образом, можно констатировать, что адвербиальные фразеологические единицы в карачаево-балкарском языке характеризуются сложностью семантики и выражают весьма широкий спектр понятий. Они представлены качественными и обстоятельственными единицами, которые, в свою очередь, подразделяются на несколько групп.

Литература

1. *Ахматова М.А.* Вербализация сравнения в карачаево-балкарском нартском эпосе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 28. С. 20–23.
2. *Ахматова М.А.* Языковые репрезентанты концепта «огонь» в текстах карачаево-балкарского нартского эпоса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (55): в 2-х ч. Ч. 2. С. 76–79.
3. *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Семантическое пространство концепта «къан/кровь» в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6–2 (60). С. 38–41.
4. *Башиева С.К., Кетенчиев М.Б.* Концепт «огонь» как фрагмент этнической картины мира // Cuadernos de Rusística Española. 2014. № 10. P. 37–44.
5. *Гукетлова Ф.Н., Кетенчиев М.Б.* Зоолексема «лошадь» и ее концептосфера в разноструктурных языках // Взаимодействие языка и культуры: проблемы лингвистики и литературоведения. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2014. С. 50–76.
6. *Хуболов С.М.* Эмоциональные состояния и их представление в языке (на материале фразеологии карачаево-балкарского языка) // Когнитивная парадигма: тезисы международной конференции 27–28 апреля 2000 г. Симпозиум 1. Пятигорск, 2000. С. 179–181.
7. *Хуболов С.М.* Конструкции с предикатами, выраженными трехвалентными фразеологизмами с вспомогательным глаголом эт в карачаево-балкарском языке // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. 2014. № 4. С. 525–530.
8. *Хуболов С.М.* Структура и семантика предложений с предикатами, выраженными фразеологическими единицами с соматизмом кёз (глаз) в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2015. Т. V. № 4. С. 58–61.
9. *Хуболов С.М.* Семантические типы фразеологических единиц в карачаево-балкарском языке // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. İstanbul, 2015. № 2. С. 647–662.
10. *Хуболов С.М.* Структурно-семантические особенности предложений с предикатами, выраженными трехвалентными фразеологизмами со значением отношения в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1–2 (55). С. 190–193.

Список сокращений:

- А.С.** – Азамат Суююнчев
А.Т. – Алим Тепшев
Б.Г. – Берг Гуртуев
Д.М. – Далхат Мамеев

Ж.З. – Жанакъайыт Залиханов
Ж.Т. – Жагъафар Токумаев
З. – газ. «Заман»
З.Т. – Зейтун Толгуров
И.Б. – Исса Боташев
И.Г. – Ибрагим Гадиев
К.ж. – газ. «Коммунизмге жол»
К.К. – Кайсын Кулиев
М.Т. – журнал «Минги Тау»
М.Х. – Магомет Хубиев
М.Ш. – Миналдан Шаваева
О.Х. – Осман Хубиев
О.Э. – Омар Этезов
С.Х. – Салих Хочуев
С.Ш. – Саид Шахмурзаев
Х.А. – Хасан Аппаев
Х.К. – Хабу Кадиев
Х.Б. – Халимат Байрамукова
Х.Ш. – Хасан Шаваев
Ф. – фольклор
Ш. – альманах «Шуёхлукъ»
Э.Г. – Элдар Гуртуев

SEMANTIC CHARACTERISTICS OF THE ADVERBIAL IDIOMS IN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Uzdenova Z.A., Khubolov S.M.
Nalchik, KBSU

The article deals with the semantic types of adverbial phraseological units of the Karachay-Balkar language, which are characterized by a very wide range from the point of view of the concepts they Express. The most common among them are different phraseological units with the meaning of the mode of action, time, comparison. Less frequency units with the value of the goal, cause, situation.

Keywords: *Karachay-Balkar language, adverbial phraseological units, semantic characteristics, quality, idioms, adverbial phraseological units.*

УДК 811.512.142

КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДИКАТАМИ ВОЗДЕЙСТВИЯ В КАРАЧЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Хуболов С.М., Текуев М.М.

г. Нальчик, КБГУ

В статье рассматриваются простые предложения с предикатами воздействия в карачаево-балкарском языке. Данные конструкции на формально-синтаксическом уровне представляют собой подлежащно-сказуемые сочетания, семантическая структура которых включает три компонента.

Ключевые слова: *карачаево-балкарский язык, предикат воздействия, субъект, объект, фразеология, семантическая структура.*

В последние десятилетия в области синтаксиса карачаево-балкарского языка достигнуты значительные успехи. В этом отношении следует выделить и работы по синтаксису фразеологии [9; 10; 12]. Имеются и статьи, в которых данная проблема затрагивается спорадически [7; 8; 11]. Небезынтересны в этом плане и исследования антропоцентрической направленности, ориентированные на изучение концептуальных характеристик фразеологических высказываний [2; 3; 4; 5; 6]. Вместе с тем некоторые вопросы, связанные с ролью фразеологизмов в составе синтаксических единиц, все еще остаются вне поля зрения исследователей. Исходя из этого, в данной статье предпринимается попытка комплексного анализа предложений в предикатами воздействия в карачаево-балкарском языке.

Предикат, по мнению большинства лингвистов, является ведущим компонентом семантической структуры предложения. Как отмечает И.Х. Ахматов, важнейшей особенностью предикатного знака является его способность взаимодействовать с определенным числом непредикатных знаков. Приписывая те или иные свойства непредикатным знакам или устанавливая отношения между ними, предикатный знак тем самым выполняет организующую функцию в предикатном

выражении, в существенной степени определяя его структуру [1, с. 82]. В лингвистической литературе приводятся различные классификации предикатов. Одни исследователи основываются на системе общепризнанных исходных семантических классов глаголов, разграничивающих действия, состояния, свойства и отношения. Другими предприняты попытки более дробного деления предикатов. Большинство этих исследований проведено на материале глагола. Однако, как известно, предикативная функция характерна не только для глагола, но и для других частей речи. Кроме того, в данной позиции весьма часто употребляются и фразеологические единицы (ФЕ), на основе которых образуются предложения с различными структурно-семантическими моделями.

На основе фразеологизмов типа *аны боюнун бур* «свернуть ему шею», *аны терисин сой* «спустить ему шкуру», *аны тишлерин санат* «дать по зубам», *аны тюгюн бардыр* «дать ему взбучку» образуются предложения по схеме $C_1 - (C_2 + C_4 + Г)$. Эти ФЕ являются синонимичными. Позиция подлежащего в предложениях с данными фразеологизмами замещается только словами, обозначающими людей. Примеры: 1) *Жаш Биймурзаны тишлерин санатды* (Х.А.) «Парень дал Бимурзе по зубам». 2) *Уручула къалауурну тюгюн бардырдыла* (Ф.) «Грабители избили сторожа». 3) *Мусос аны боюнун бурду* (О.Э.) «Мусос свернул ему шею». 4) *Мен сени теринги соярма* (О.Х.) «Я спущу с тебя шкуру». Предикаты данных предложений относятся к подтипу акциональных предикатов – физического воздействия. Общая семантика этих предложений: физическое воздействие личного субъекта на объект.

Фразеологизмы *«аны къулакъларын бур»*, *«аны атасын таныт»*, *«аны керегин бер»*, *«аны къапчыгъын къакъ»*, *«аны букъусун чыгъар»* объединяет близкое значение – «ругать, критиковать, бранить, пугать». В вопросе о том, к какому классу предикатов относятся предикаты, выраженные глаголами или фразеологизмами с аналогичным значением, мнения исследователей несколько расходятся. Некоторые исследователи такие предикаты называют предикатами субъектно-оценочных (эмоционально-оценочных) отношений или просто оценочными предикатами. Другие же относят их к предикатам психического (речевого) воздействия, которые в свою очередь являются подтипами акциональных предикатов. Мы придерживаемся последней точки зрения, полагая, что элемент воздействия в перечисленных фразеологизмах превалирует над семами «отношение» и «оценка». Примеры: 1) *Мусос Сафарны къулакъларын бурду* (С.Х.) «Мусос строго

предупредил Сафара». 2) *Ол тиширыу кимни эсе да атасын таныта эди* (Ш) «Эта женщина кого-то сильно ругала». 3) *Анасы кызыны керегин берди* (О.Х.) «Мать дала трепку дочери». 4) *Атасы жашыны букъусун бардырды* (Ф.) «Отец поругал сына». Данные предложения также образованы по выше приведенной схеме.

Предикаты этих предложений требуют лексического наполнения позиции подлежащего только именами с семантикой лица. Глагольные компоненты некоторых из них употребляются в форме понудительного залога, а в других – в форме основного залога. Но это не приводит к расхождению в их семантической структуре. В смысловом отношении все эти конструкции являются трехчленными. Их общая семантика: психическое или речевое воздействие личного субъекта на объект.

Конструкции с предикатами наказания построены по схеме $C_1 - (C_2 + C_4 + C_3 + \Gamma)$ и являются субъектно-объектными, а их семантическая структура состоит из следующих компонентов: субъект наказания (воздействия), объект наказания (воздействия), предикат наказания (воздействия). *Бизни аскерибиз фашистлени кюллерин кёкге бардырдыла* (К.ж.) «Наши войска разгромили фашистов в пух и прах».

Конструкции с предикатами разрушительного действия также представлены схемой $C_1 - (C_2 + C_4 + C_3 + \Gamma)$ и тоже являются субъектно-объектными: 1) *Гестапочула юйню башын тюбюне айландырдыла* (М.Ш.) «Гестаповцы перевернули всё в доме вверх дном». 2) *Немец танкла элни башын тюбюне этдиле* (К.ж.) «Немецкие танки разрушили все село». Их семантическая структура включает три элемента: субъект разрушительного действия (воздействия), объект разрушительного действия (воздействия), предикат разрушительного действия (воздействия).

Основой для выражения синонимичных трехкомпонентных семантическая структура, состоящих из субъекта воздействия, объекта воздействия и предиката воздействия, служат следующие схемы 1) $C_1 - (C_2 + C_6 + C_4 + \Gamma)$, 2) $C_1 - (C_2 + C_1 + \Gamma_{\text{ыу4}} + \Gamma)$, 3) $C_1 - (C_2 + C_4 + C_3 + \Gamma)$. Например: 1) *Мен Темирни сыртындан кыайшылик кыобарырма* (О.Э.) «Я с Темира шкуру спущу». 2) *Къанамат жашыны кыундуз ийлеуюн бергенди* «Канамат выдрал парня как сидорову козу». 3) *Абидат киеуюню арт этегин аллына кыаплады* (Х.К.) «Абидат дала жару своему зятю».

Их общая семантика: физическое или речевое воздействие личного субъекта на личный объект.

В исследуемом языке схемой воздействия характеризуются и некоторые односоставные конструкции.

Схемой $C_3 - (C_2 + C_1 + \Gamma)$ может быть репрезентирована семантическая структура, которая в расчлененном виде представляется сочетанием следующих семантических компонентов: личный субъект речевого воздействия – личный объект речевого воздействия – предикат речевого воздействия. Пример: 1) *Алагъа Сапарны сёзю ётерикди* (О.Х.) «На них может воздействовать Сапар». 2) *Жаилагъа аны айтханы барлыкды* (К.ж.) «На ребят он может подействовать». Общая семантика этих предложений: речевое воздействие личного субъекта на личный объект.

На основе ФЕ *кюч жетди* «пострадать, испытывать физическое воздействие» образуются самостоятельная формально семантическая модель: *Асланга кюч жетди* (Ш.) «Аслан пострадал, избит». Данное предложение представлено схемой $C_3 - (C_1 + \Gamma)$. Его семантическая структура состоит из объекта физического воздействия и предиката физического воздействия. Субъект воздействия здесь формально не выражен.

Как показывает языковой материал, в исследуемом языке наряду с двусоставными конструкциями, хоть и редко, бытуют и односоставные предложения с предикатами воздействия. На формально-синтаксическом уровне они представлены формулой «дополнение + сказуемое», а в плане семантики ими репрезентируются дву- и трехкомпонентные структуры.

Литература

1. *Ахматов И.Х.* Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик: Эльбрус, 1983. 360 с.
2. *Ахматова М.А.* Вербализация сравнения в карачаево-балкарском нартском эпосе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 28. С. 20–23.
3. *Ахматова М.А.* Языковые репрезентанты концепта «огонь» в текстах карачаево-балкарского нартского эпоса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (55). В 2-х ч. Ч. 2. С. 76–79.
4. *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Семантическое пространство концепта «къан/кровь» в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6–2 (60). С. 38–41.
5. *Башиева С.К., Кетенчиев М.Б.* Концепт «огонь» как фрагмент этнической картины мира // Cuadernos de Rusística Española. 2014. № 10. P. 37–44.
6. *Гукетлова Ф.Н., Кетенчиев М.Б.* Зоолексема «лошадь» и ее концептосфера в разноструктурных языках // Взаимодействие языка и культуры: проблемы лингвистики и литературоведения. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. 2014. С. 50–76.

7. Мизиев А.М. О переходе словосочетаний во фразеологизмы // Гуманитарные исследования. 2013. № 4 (48). С. 25–30.

8. Хуболов С.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке (на материале фразеологии карачаево-балкарского языка) // Когнитивная парадигма: тезисы международной конференции 27–28 апреля 2000 г. Симпозиум 1. Пятигорск, 2000. С. 179–181.

9. Хуболов С.М. Конструкции с предикатами, выраженными трехвалентными фразеологизмами с вспомогательным глаголом эт в карачаево-балкарском языке // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. 2014. № 4. С. 525–530.

10. Хуболов С.М. Структура и семантика предложений с предикатами, выраженными фразеологическими единицами с соматизмом кёз (глаз) в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2015. Т. V. № 4. С. 58–61.

11. Хуболов С.М. Семантические типы фразеологических единиц в карачаево-балкарском языке // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. İstanbul, 2015. № 2. С. 647–662.

12. Хуболов С.М. Структурно-семантические особенности предложений с предикатами, выраженными трехвалентными фразеологизмами со значением отношения в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1–2 (55). С. 190–193.

Список сокращений:

- А.С.** – Азамат Сюйюнчев
- А.Т.** – Алим Теппев
- Б.Г.** – Берг Гуртуев
- Ж.З.** – Жанакъайыт Залиханов
- Ж.Т.** – Жагъафар Токумаев
- З.Т.** – Зейтун Толгуров
- И.Б.** – Исса Боташев
- К.ж.** – газ. «Коммунизмге жол»
- М.Т.** – журнал «Минги Тау»
- М.Ш.** – Миналдан Шаваева
- О.Х.** – Осман Хубиев
- О.Э.** – Омар Этезов
- С.Х.** – Салих Хочуев
- С.Ш.** – Саид Шахмурзаев
- Х.А.** – Хасан Аппаев
- Х.К.** – Хабу Кациев
- Х.Б.** – Халимат Байрамукова
- Ф.** – фольклор
- Ш.** – альманах «Шуёхлукъ»

CONSTRUCTIONS WITH PREDICATES OF EXPOSURE IN THE KARACHEVO-BALKAR LANGUAGE

Khubolov S.M., Tekuev M.M.
Nalchik, KBSU

The article discusses simple assumptions with impact predicates in the Karachai-Balkarian language. These constructs at the formal-syntactic level are subject-predicative structures, and their semantic structure includes three components.

Keywords: *Karachay-Balkar language, predicate of impact, subject, object, phraseology, semantic structure.*

УДК 811.512.1

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ
ЗООЛЕКСЕМЫ АТ «ЛОШАДЬ»
В ХАКАССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ**

Чертыкова М.Д.

Абакан, ХГУ им. Н.Ф. Катанова

В статье описываются и выявляются лингвокультурологические особенности репрезентации зоолексемы ат «лошадь» в хакасских пословицах и поговорках. Результаты исследования показали взаимосвязь языка и этнического мировоззрения хакасов на примере одного из основных символов тюркского мира.

***Ключевые слова:** хакасский язык, пословицы и поговорки, ат «лошадь», мировоззрение народа.*

Тюркские народы питают особо трепетное отношение к лошади, что связано с их традиционным укладом их жизни, где лошади отводится важное место. Лошадь на протяжении тысячелетий был верным другом тюрка в повседневной жизни, в военных сражениях и походах. В настоящее время в связи с развитием современных технологий в хозяйстве и в быту лошадей заменили машины. Однако культ коня сохраняется в мировоззренческой и духовной культуре тюркских народов.

Лексема *ат* является общетюркской «орх., др.-уйг. рун., ен., др.-уйг., крх.-уйг. *at*; ср.-уйг., ср.-кыпч., хрзм.-т., чаг. *at*; Ю.-З., С.-З., Ц.-В. – *at*, хал. *hat*, сал. *ac*. $\sim$ at; Ю.-В.: узб. $\acute{a}t$, уйг. *at*, С.-В.: $\sim$ сюг. $a't$ -*hat*; хак., чул., як., долг. *at*, тув., тоф. $a''t$; булг.: чув. *ut*» [10, с. 441]. Далее авторы данной Грамматики отмечают соответствие монгольских форм *агта / агт(ан) / акт* с тюркским *ат* [10, с. 441]. А.Д. Каксин в своей статье «Концепт *адуу / морь / морин* ~ *акт* 'лошадь' в монгольских языках: штрихи к национальной языковой картине мира», описывая семантико-когнитивные особенности данных лексем, отмечает, что «с этим

животным связаны большей частью образные выражения монгольских языков, акцентирующие такие позитивные качества, как благородство, сила, выносливость, стремительность, преданность, верность, работоспособность» [6, с. 235].

В тюркских и других разноструктурных языках лексема *лошадь* исследована с точки зрения лексико-семантического описания её половой, возрастной и других характеристик [2; 3 и др.], как репрезентанта языковой картины мира [4; 7 и др.], как отдельного фрагмента этнического мировидения, отраженного в текстах устного народного творчества [1; 5 и др.]. В последние десятилетия активизировалось изучение национальных паремий в лингвокультурологическом аспекте, что позволяет выявить национальные мировоззренческие особенности через репрезентацию зоолексем в коммуникативно-дискурсивной сфере. В произведениях устного народного творчества тюркских народов *ат* «лошадь» является одним из главных персонажей, как символ тюркской культуры.

В статье ставится целью выявление и анализ этнокультурных составляющих хакасской зоолексемы *ат* «лошадь», реализующейся на одном из малых жанров устного народного творчества – пословицах и поговорках, которые по сути являются отражением национального сознания этноса. Собранный нами материал представляет собой около 120 единиц пословиц и поговорок, в которых фигурируют зоолексемы с различной семантикой. Примеры: *Аат иречі осхас ынаглар* [11, с. 28] – Дружны неспроста, как турпанья чета. *Аңчының артың аргызы – адай* [11, с. 28] – Собака – лучший друг охотника. *Сосханың чаа – көлбеде* – Сало свиньи в корыте. *Саасхан сайрапча – аалчы килер* – Стрекошет сорока – к приезду гостей. *Чабал мал ибге айланминча, чөскін ир ибде хонминча* [11, с. 42] – Свой двор забывает дурная скотина, дома не ночует гуляющий мужчина. Нужно отметить, в 70 % данных паремий активно действующим персонажем является лошадь.

Н.Р. Ойноктинова выделяет следующие обязательные фоностилистические признаки в структуре алтайских пословиц и поговорок: «обязательное присутствие рифмы, создаваемой различными видами повтора», «образные средства, выполняющие прагматические функции экспрессивности выражаемого смысла и оценочности», «преимущественно зооморфный характер метафор, используемых в аллегорических характеристиках поведения человека, его физических или умственных способностей» и т.д. [8, с. 8–9]. Следует отметить, что

данный набор тропеических и структурных особенностей характерны и для хакасских паремий, где образы зоонимов, большей частью, лошадей, участвуют в оценке различных черт характера человека и тех или иных явлений повседневной жизни. Тем самым в традиционном этническом сознании применяется образный прием сравнительного параллелизма в представлениях окружающего мира.

В первую очередь в фольклорном сознании хакасов актуализируется представление о лошади, как о верном спутнике и друге мужчины, например, *Ат – ирнің ханады* [11, с. 6] – Конь для мужчины – крылья. Похожая по структуре и семантике поговорка бытует и у карачаевцев и балкарцев: *Ат эрни къанатыды* – Лошадь – крылья мужчины, о чем свидетельствуют М.Б. Кетенчиев, А.К. Аппоев: «Из этой поговорки можно заключить, что лошадь является незаменимым помощником мужчины-воина, труженика, кормильца и т.д., поэтому ассоциируется с крыльями» [7, с. 108]. О неразрывной связи мужчины и лошади говорит также пословица: *Ир кізінің істінде изерліг ат чызаан* – Мужская стойкость не знает предела (букв. внутри мужчины сгнила оседланная лошадь)

Мысль о том, что лошадь является незаменимым помощником и верным другом человека транслируется в пословице: *Кізі полза, аттыг полар, киик полза, тўктіг полар* – Человек должен быть с конем, а косуля – с шерстью. В данном случае демонстрируется естественность и неразрывность в народном сознании человека и коня, точно также естественно, как косуля бывает с шерстью. Как пишет Н.Р. Ойноткинова: «Образы из вещного мира включены в ассоциативные параллели для объективации различных морально-этических, интеллектуальных, эмоциональных, физических характеристик человека, его речевого поведения» [9, с. 83]. Подобный приём сравнительного параллелизма используется также в пословицах, репрезентирующих трудное (или сиротливое) детство ребенка, вырастающего в сильного, крепкого, мудрого мужчину: *Чазыда чортпаан ат чоғыл, чазыбин өскен ир чоғыл* – Нет лошади, которая не пробежала бы рысью по степи, нет мужчины, который бы рос без тягот жизни. *Өкіс хулун ат өс парча, өкіс олган ир өс парча* – Осиротевший жеребёнок вырастает конём, ребёнок – сирота превращается в мужчину. В основе этих выражений лежит нежелательность пренебрежительного, предвзятого отношения к слабому ребенку, переживающему тяготы жизни, и вместе с тем взгляд на его лучшее будущее мотивирует надежду на то, что с годами он станет уважаемым, сильным мужчиной.

Имеются также пословицы, где проводится образная параллель между ребёнком и жеребёнком: *Аттың чорыгы кічигдең, кізінің чахсызы – чииттең* – Ход лошади [виден] с раннего возраста, хорошее в человеке – смолоду. *Ат полары – хулуннаң, ир полары – олганнаң* – Жеребёнок какой лошадыю станет видно сразу, каким мужчина будет – видно с детства. *Чабаганы ат өскірерге, паланы ир өскірерге* [11, с. 21] – Жеребенка надо выходить, чтоб стал добрым конем, ребенка надо воспитать, чтобы стал человеком. В таких пословицах, хотя и ассоциируются образы ребенка и жеребенка в сопоставлении, но внимание акцентируется на человеке, на его роли в обществе.

Лошади, как и люди, имеют свой нрав, характер: они бывают быстрыми и медлительными, своенравными и смиренными, слабыми и выносливыми и т.д. Положительные качества лошади часто актуализируются в параллелизмах, передающих и качества человека: *Чохсы атты чөрізінең пілчелер, чохсы кізіні тогызынаң пілчелер* [11, с. 12] – Хорошего скакуна определяют по ходу, хорошего мастера видно по работе. *Сүттіг пии хулунына туза, сүмеліг оол, чонына туза* [11, с. 15] – Молочная кобылица жеребёнку нужна, умный человек народу нужен. В данном случае вместо лексемы *ат* используется *пии* «кобыла». Отметим, что лошадь – самка формально может именоваться как *тізі ат*, так же как и лошадь – самец (*іргек ат*), однако такие случаи употребления редки в хакасском языке.

Отрицательные качества лошади передаются в поговорках: *Чазаң ат чортпас таа, турбас таа* [11, с. 21] – Ленивая лошадь и рысью не бежит, и не устаёт. *Чазаң атнаң парганча хара чазаг чөрербін* [11, с. 21] – Чем на ленивой лошади ехать, лучше ходить пешком. *Чабас атха үс тее кізі усхазар* [11, с. 21] – На смирную лошадь можно и втроем верхом сесть. Несмотря на то, что в национальном сознании хакасов закрепился культ лошади, как о верном друге и помощнике человека, фольклорные жанры показывают и отрицательные характеристики этих животных. При этом во взаимоотношениях лошади и человека могут фигурировать и такие объекты как *хамчы* «кнут», *аргамчы* «аркан», как средства обучения лошади или исправления его отрицательных черт: *Хомай атха хамчы кирек* [11, с. 10] – Плохой лошади нужен кнут. *Ат сыыриры – хамчыда, ир тыыры – изерде* – Выносливость лошади – в кнуте, сила мужчины – в седле. *Ат үгредерде, аргамчың ник ползын, чонга чоохтирга чоогың сын ползын* [11, с. 12] – Коня обуздать, пусть твой аркан будет крепким, перед народом выступать, пусть твоя речь будет правдивой.

Концептуальное поле зоолексемы *ат* «лошадь» включает также такие понятия, как *чол* «дорога», *чөріс*, *пазыт* «ходьба»: *Ат чахсыда – чол хысха* [11, с. 6] – Если конь хорош, то и путь короток. *Аттың күзі чолда* – Сила коня познается в пути. *Чодым ат чол пузар, тіл пілбес сөс пузар* [11, с. 23] – Плохой конь дорогу разрушает, бестолковый человек слова путает. *Чорға атха чол чоғыл ба, чой кізее чоох чоғыл ба?* [11, с. 24] – Разве нет дороги скакуну, разве нет слова лжецу? В последних двух пословицах метафорический денотат *чол* «дорога» противопоставляется отрицательным характеристикам человека (бестолковость и лживость). Вместе с тем жизненный опыт, заложенный в национальном сознании хакасов, подсказывает, что в дальней дороге, походах, тайге рядом с человеком – субъектом должен быть как верный конь, так и надежный друг: *Тайға чирге чөрерге аттың чахсызы кирек, чон пазына турарға ирнің чахсызы кирек* [11, с. 15] – По тайге ездить – хорошего коня надо иметь, во главе народа стоять – лучший из мужчин нужен. *Аттың ибегін чолда пілерзің, че кізі чахсызын чол сыгардох піл* – Резвость коня узнаешь в пути, но доброты человека знай перед тем, как выйти в дорогу.

Еще одна составляющая рассматриваемого концептуального поля *изер* «седло», как атрибут подгруппы лексем со значением упряжи, фигурирует в пословице: *Ығырос изер атха чобағ, изірік кізі чонға харығ* – Скрипучее седло – мученье для коня, пьяный человек – помеха для народа. Здесь в первой конструкции имплицитно передается смысл, осуждающий такой страшный порок, как пьянство, имеющее место в повседневной жизни народа.

Также в поговорках и пословицах отражается бережное и уважительное отношение хакасов к лошади. Традиционный опыт коневодства и знание физического и психического здоровья лошади отразились в изречениях, часто употребляемых в разговорной ситуации: *Атха изер саларда аргазын сыйбап ал* [11, с. 35] – Прежде, чем оседлать коня, нужно погладить по спине. *Атха хомутты соонаң сухпачаң* [11, с. 36] – На лошадь хомут не надевай с хвоста. *Атха мўнгенче, тепкленме* [11, с. 6] – Не пинайся, пока не сел на коня. *Аттың күзі, синіңоһ осхас синніг, синінче тартып, синінче тоғындыр* – Сила коня, тоже имеет меру, как у тебя, поэтому заставляй его работать в меру. Действия, транслируемые в данных поговорках, способствуют укреплению доверительных отношений между хозяином и лошастью. Поговорка

«*Тирліг атты суғарбачаң* [11, с. 16] – Потную лошадь нельзя поить» подтверждает заботу хозяина о здоровье лошади, т.к. считается, если поить загнанную, вспотевшую лошадь, то она может заболеть. Лошадь должна постоять некоторое время, чтоб могла отдышаться и обсохнуть, а на ее круп накрывают попоны (*сағыр чабиш*).

Общий смысл следующих параллельных структур поучительных паремий заключается в соблюдении жизненных установок поведения человека в обществе. *Мўнер атха хум артпа, ізер суға хан урба* [11, с. 36] – Песка не нагружай на лошадь верховую, и кровью не багри ты воду питьевую. *Ас іскенче маңзырабачаң, атха мўнзе, саалабачаң* [11, с. 36] – Сел за стол – не спеши, сел на коня – не медли.

В хакасском национальном мировидении лошадь также является и символом достатка, благополучия, поэтому он может фигурировать в традиционных благопожеланиях: *Алтанып мўнер аттыг пол, амзап чөрер тамахтыг пол* – Пусть у тебя будет конь, чтоб ездить верхом, пусть у тебя будет еда, чтоб кушать. *Ады чох кізее ат мўндір, киби чох кізее кип кизірт* [11, с. 39] – Пешему коня подари, бедному одежду подари. *Чабызах таа полза, аттыг пол, азааң чирге теңмес* – Хоть и низенькая, пусть у тебя будет лошадь, ведь ты будешь ездок (твои ноги не будут касаться земли). Следует отметить, что в хакасских благопожеланиях, помимо лексемы *ат* «лошадь» может использоваться и лексема с собирательным значением *мал* «скот»: *Хазаага толдыра мал ползын, ибге толдыра пала ползын* – Пусть будет полно скота в стойке, и полно детей в доме. Использование в таких формах других зоолексем не наблюдается.

Темы вечности, времени, жизни и смерти свойственны для мировоззренческой философии каждого народа. Такие размышления отразились и в хакасских паремиях, например, *Ат өлзе, ізері халар* [11, с. 6] – Ничто не исчезает бесследно (букв. если поддыхает конь, остаётся седло). Данная пословица подразумевает идею о том, что, если даже человек уйдёт из этого мира, останутся его добрые дела.

Ағырчатхан кізее ат пазынча даа алтын кирек чох – Больному человеку не нужно золото хоть с лошадиную голову. В этой пословице имплицитно выражается утверждение о том, что здоровье человека – важнее всего, тем самым жизненные ценности определяются в сравнении с материальными благами. Думаем, что сравнение величины золота с лошадиной головой вытекает из значимости этого животного в жизни человека.

Как мы уже отмечали выше, лошадь является незаменимым помощником и другом человека, однако в хакасском этническом понимании жизненных ценностей есть еще нечто, что может быть дороже лошади: *Аттаң чарылзаң даа, чиріңнең чарылба* [11, с. 6] – С конём можно расстаться, но не расставайся с родиной. Выходит, что родина, родная земля – самая важная ценность, что есть у человека.

Таким образом, мы рассмотрели семантико-этнокультурные особенности употребления зоолексемы *ат* «лошадь» в хакасских пословицах и поговорках. Проведенное исследование показывало взаимосвязь языка и мировоззренческой культуры этноса, проявляющейся в фиксированных изречениях, где действующим персонажем является один из основных символов тюркского мира – *ат* «лошадь».

Литература

1. *Байжанова Н.Р.* К вопросу о генезисе архаичных тюркских пословиц (на примере паремий, связанных с образом коня) // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 3. С. 101–106.
2. *Галимова О.Н.* Зоонимы с половой характеристикой как единицы терминосистемы (на материале татарского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23). В 2-х частях. Ч. II. С. 43–46.
3. *Ганиева Э.С.* Семантическое поле зоонима *ат* «лошадь» в крымскотатарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 5 (83). Ч. 1. С. 67–71.
4. *Гукетлова Ф.Н., Кетенчиев М.Б.* Зоолексема «лошадь» и ее концептосфера в разноструктурных языках // Взаимодействие языка и культуры: проблемы лингвистики и литературоведения. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2014. С. 50–76.
5. *Гутман Е.А., Черемисина М.И.* Содержание образа «лошадь» (*chevel*) в русских и французских текстах // В помощь преподавателям иностранных языков. Новосибирск: Наука, 1972. Вып. 6. С. 56–71.
6. *Каксин А.Д.* Концепт *адуу / морь / морин* ~ *акт* «лошадь» в монгольских языках: штрихи к национальной языковой картине мира // Ойрад судлал: угсаа, хэл, соёл: Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эмхтгэл (2015 оны 5-р сарын 21–22. Монгол улс, Улаанбаатар) / Эрхэлсэн: Ю. Цэндээ, С. Мияажав. Улаанбаатар, 2015. С. 229–236.
7. *Кетенчиев М.Б., Анноев А.К.* Этнокультурная составляющая зоолексемы «лошадь» в карачаево-балкарском языке // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2011. № 2 (162). С. 106–109.

8. *Ойноткинова Н.Р.* Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров: автореф. ... докт. филол. н. Казань. 2012. 46 с.

9. *Ойноткинова Н.Р.* Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров: монография / отв. ред. О.Н.Лагута. Новосибирск, 2012. 354 с.

10. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд. Авторы: Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, И.Г. Добродомов, А.В. Дыбо, И.В. Кормушин, Л.С. Левитская, О.А. Мудрак, К.М. Мусаев. М.: Наука, 2001. 822 с.

11. Хыйга сӧс. Сиспектер. Сӧспектер паза таптырҕастар. Мудрое слово. Хакасские пословицы, поговорки и загадки. Абакан. 2014. 83 с.

ETHNO-CULTURAL PECULIARITIES OF REALIZATION OF THE ZOOLEXEM AT «HORSE» IN KHAKASSIAN PROVERBS AND CONTROVERSIES

Chertykova M.D.

Abakan, HGU of N.F. Katanof

The article describes and identifies the linguistic and culturological features of the representation of the zoolexema at horse in Khakass proverbs and sayings. The results of the study showed the interrelation of the language and the ethnic worldview of the Khakas by the example of one of the main symbols of the Turkic world.

Keywords: *Khakass language, proverbs and conversations, at «horse», people's world view.*

УДК 811.512.142

**СИНТАКСИЧЕСКАЯ ШКОЛА
ПРОФЕССОРА И.Х. АХМАТОВА**

*Атабиева Л.Х., Узденова З.А.
г. Нальчик, КБГУ*

Статья посвящена исследованию синтаксической школы профессора И.Х. Ахматова. В ней кратко анализируются основные труды его учеников, связанные с многоаспектным изучением различных сторон карачаево-балкарского языка, которые способствовали и способствуют становлению и дальнейшему развитию карачаево-балкарской синтаксической научной школы.

Ключевые слова: *карачаево-балкарский язык, синтаксис, простое предложение, парадигма, структура, семантика.*

Ибрагим Хашимович Ахматов активно участвовал в заложении основ карачаево-балкарского языкознания, что отражено в ряде публикаций в журналах [5] и материалах конференций [18; 25]. Вместе с тем многие вопросы, связанные с научной деятельностью ученого, все еще не нашли должного освещения в специальной лингвистической литературе. Исходя из этого, в этой статье предпринимается попытка изучения основных характеристик его научной синтаксической школы.

В научных кругах наиболее известны следующие монографические исследования И.Х. Ахматова: «Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке (Основные вопросы теории)» [2] и «Вопросы теории словосочетания и предложения в тюркских языках» [3]. Первая монография представляет собой настольную книгу практически для всех тюркологов, занимающихся различными аспектами синтаксиса, которая в целом носит общетеоретический характер. В ней заложены теоретические основы семантического анализа простого предложения. В пользу этого свидетельствует тот факт, что автором

рассмотрены многие вопросы, актуальные не только для тюркологии, но и теории языка: а) природа языкового знака; б) проблемы изучения семантической структуры предложения в современной лингвистике; в) формирование и набор компонентов семантической структуры предложения, а также ее строение. При этом ученым представлена оригинальная методика записи модели предложения, которая не потеряла актуальности и по сей день. С этой точки зрения И.Х. Ахматов скрупулезно проанализировал одноместные (11 моделей), двухместные (6 типов), трехместные (5 типов) структурно-семантические модели простого предложения карачаево-балкарского языка. Особо выделены им структурно-семантические модели безличных предложений, которые являются глагольными.

Научно-теоретические изыскания профессора И.Х. Ахматова получили дальнейшее развитие в трудах его учеников. Так, например, формально-семантические модели именных предложений представлены в диссертационном исследовании М.Б. Кетенчиева на соискание ученой степени кандидата филологических наук [13]. Им на основе теоретического осмысления валентности и формально-семантической структуры предложения в современной лингвистике на материале карачаево-балкарского языка изучены одноместные (7 типов моделей с субстантивными и 4 типа моделей с адъективными предикатами) и двухместные (9 типов моделей с именными предикатами) формально-семантические модели предложений, которые легли в основу монографии «Структура и семантика именных предложений в карачаево-балкарском языке» [14]. Следующим этапом в научной деятельности ученого явилась диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук [15], в которой автору в полной мере удалось отразить специфику значения каждого входящего в класс простого именованного предложения, включая как объективные, так и субъективные смыслы. На основе данного диссертационного исследования автором опубликована добротная монография научно-теоретической направленности «Структурно-семантическая организация простого предложения в карачаево-балкарском языке» [17].

Небезынтересны научные работы М.Б. Кетенчиева, которые написаны в русле веяний научной парадигмы лингвистики, ориентированной на актуальные проблемы современного языкознания. Так, автором в этом направлении написана статья «Простое предложение в общей и карачаево-балкарской лингвистике» [21]. Не обойдены им вниманием и когнитивные аспекты простого предложения [16]. Некоторые работы этого тюрколога нацелены на изучение осложненных типов конструк-

ций [19]. Примечательно и его стремление исследовать синтаксические единицы в связи с различными функционально-семантическими категориями, например, компаративные предложения, которые возникают на основе различных перцепций лица [23].

М.Б. Кетенчиевым в научный оборот введен целый ряд новых представлений о сущности парадигматики простого предложения. В частности, в его работах отражены следующие вопросы: парадигма именного отрицания [27], парадигма утвердительного/отрицательного простого предложения [20], парадигмы простого предложения по синтаксическим наклонениям [22] и др.

Проблемы парадигматики успешно решаются «вторым поколением» синтаксической школы И.Х. Ахматова. Так, в этом отношении следует особо выделить монографию «Парадигма отрицания в карачаево-балкарском языке» [24], характеризующуюся комплексным подходом к исследованию такой важной функциональной категории, как негация. В ней наряду с проблемой категории отрицания в лингвистике представлен и ее логико-философский аспект. Свою нишу нашли и ядерные лексико-грамматические манифестанты как глагольного, так и именного отрицания. Уделено большое внимание роли отрицания в структуре не только простого, но и сложного предложения.

Функционально-семантический подход осуществляется карачаево-балкароведами по отношению и к категории императива [4]. При этом актуализируются следующие вопросы, релевантные для тюркологической науки в целом: а) место императива в системе глагола и его синтактико-морфологическая парадигма; б) функционально-семантические особенности императивных предложений-высказываний; в) транспозиция в сфере императива и ряд других.

Заслугой М.Б. Кетенчиева является то, что он приложил большие усилия для завершения работ, начатых И.Х. Ахматовым с некоторыми аспирантами. Так, под их совместным руководством на разных этапах подготовила и защитила кандидатскую диссертацию Х.Ж. Карчаева на тему «Структура и семантика простых предложений с облигаторными обстоятельственными распространителями в карачаево-балкарском языке» [12]. При этом ей удалось показать детерминированность облигаторности и факультативности адвербиальных конstituентов предложения интенциями предикатных лексем, а также типовым значением синтаксической конструкции в целом и коммуникативной установкой участников вербального общения.

Кандидатская диссертация Ф.П. Эбзеевой «Разграничение формально совпадающих падежей в карачаево-балкарском языке» [35], подготовленная и защищенная также под их руководством, написана на стыке морфологии и синтаксиса, в рамках так называемой падежной грамматики.

Способам репрезентации субъекта и семантической структуре простого предложения в карачаево-балкарском языке посвящена кандидатская диссертация Ф.Т. Мамаевой [26], соруководителем которой является профессор М.М. Текуев. В этой работе важным представляется теоретическая дефиниция субъекта как одного из ядерных компонентов предложения, представляющего собой семантико-синтаксическую категорию, реализующуюся на уровне его плана содержания, детерминируясь при этом предикативным конституентом высказывания.

В 1997 году еще при жизни И.Х. Ахматова защитились два его аспиранта: А.Т. Додуева и С.М. Хуболов. А.Т. Додуева специализировалась на формально-семантических моделях простых предложений с предикатами движения [6]. На данную тему ею опубликована и монографическая работа [7]. В дальнейшем она вышла на более глобальную тему, связанную с достаточно релевантной для жизнедеятельности этноса, «Категория пространственности и ее репрезентация в карачаево-балкарском языке». Эта тема в дальнейшем вылилась в докторскую диссертацию [8], сопряжена с такими вопросами, как семантическое поле пространственности [9], языковая экспликация пространственных отношений [10], функциональный потенциал манифестантов пространства [11], которые должным образом освещены в отечественных научных журналах.

Достаточно интересна и проблематика научных работ С.М. Хуболова. Он подготовил и защитил кандидатскую диссертацию «Формально-семантические модели одноместных фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке» [28], опубликовал монографию «Предложения с моновалентными предикатами-фразеологическими единицами в карачаево-балкарском языке» [29]. В научно-теоретических журналах, рекомендованных ВАК РФ, и других изданиях им опубликованы оригинальные научные статьи на различные темы: а) синтаксические функции фразеологизмов [30], б) фразеологизированные конструкции с различными типами предикатов [31; 32], в) фразеологизированные предложения с различными типами субъектов [33], г) фразеологизированные конструкции с различными типами конкретизаторов [34] и др.

В синтаксическую школу И.Х. Ахматова можно включить и братьев Аппоевых, опубликовавших монографию «Карачаево-балкарские паремии: структура и семантика» [1], которые в ней наряду с собственно синтаксическими характеристиками карачаево-балкарских паремий подробно останавливаются и на их лингвокультурологических составляющих.

Конечно же, в рамках такого жанра научной работы невозможно охватить все аспекты вкратце рассмотренной выше научной школы профессора И.Х. Ахматова. Однако представленный фактологический материал убеждает нас в том, что проблемы синтаксиса, актуализированные им, не стали статичными вопросами, а подверглись дальнейшему углубленному изучению благодаря его коллегам, аспирантам и ученикам.

Литература

1. *Аппоев Ас.К., Аппоев Ал.К.* Карачаево-балкарские паремии: структура и семантика. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. 130 с.
2. *Ахматов И.Х.* Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке (Основные вопросы теории). Нальчик: Эльбрус, 1983. 360 с.
3. *Ахматов И.Х.* Вопросы теории словосочетания и предложения в тюркских языках. Нальчик: Эльбрус, 2006. 280 с.
4. *Бичекуева Т.Ю., Кетенчиев М.Б.* Парадигма императива в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Книга, 2014. 156 с.
5. *Гаджихмедов Н.Э., Кетенчиев М.Б., Улаков М.З.* Ибрагим Хашимович Ахматов // Российская тюркология. 2013. № 2 (9). С. 120–122.
6. *Додуева А.Т.* Формально-семантические модели простых предложений с предикатами движения в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1997. 18 с.
7. *Додуева А.Т.* Структура и семантика предложений с предикатами движения в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Эльбрус, 2003. 128 с.
8. *Додуева А.Т.* Категория пространственности и ее репрезентация в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2008. 41 с.
9. *Додуева А.Т.* Семантическое поле пространственности в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2012. Т. 2. № 3. С. 99–100.
10. *Додуева А.Т.* Денотативно обусловленные пространственные отношения в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научно-го центра РАН. 2014. № 4 (60). С. 195–198.
11. *Додуева А.Т.* Функциональные возможности послелогов в репрезентации пространственных значений в карачаево-балкарском языке // Вестник

Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 6. С. 199–206.

12. *Карчаева Х.Ж.* Структура и семантика простых предложений с облигаторными обстоятельственными распространителями в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2004. 21 с.

13. *Кетенчиев М.Б.* Формально-семантические модели именного предложения в современном карачаево-балкарском языке: дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1992. 141 с.

14. *Кетенчиев М.Б.* Структура и семантика именных предложений в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Книга, 2000. 145 с.

15. *Кетенчиев М.Б.* Структура и семантика именных предложений в карачаево-балкарском языке: дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2001. 362 с.

16. *Кетенчиев М.Б.* Когнитивный подход к описанию простого предложения в карачаево-балкарском языке // Вопросы тюркологии. 2010. № 5. С. 58–65.

17. *Кетенчиев М.Б.* Структурно-семантическая организация простого предложения в карачаево-балкарском языке. М.: Поматур, 2010. 280 с.

18. *Кетенчиев М.Б.* Изучение структурно-семантического членения простого предложения в тюркских языках // Языковая ситуация в многоязычной поликультурной среде и проблемы сохранения и развития языков и литератур народов Северного Кавказа. Материалы Всероссийской научной конференции. Карачаевск: КЧГУ, 2011. С. 409–414.

19. *Кетенчиев М.Б.* Функционально-семантический потенциал обращений в поэзии К. Мечиева // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2012. Т. 2. № 3. С. 101–103.

20. *Кетенчиев М.Б.* Парадигма утвердительного/отрицательного простого предложения в карачаево-балкарском языке // Вестник ВЭГУ. 2013. № 4 (66). С. 123–127.

21. *Кетенчиев М.Б.* Простое предложение в общей и карачаево-балкарской лингвистике // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2013. № 1 (20). С. 63–68.

22. *Кетенчиев М.Б.* Парадигмы простого предложения по синтаксическим наклонениям в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 392–396

23. *Кетенчиев М.Б.* Карачаево-балкарские компаративные паремические высказывания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 2 (18). С. 132–136.

24. *Кетенчиев М.Б., Тохаева Ф.И.* Парадигма отрицания в карачаево-балкарском языке. Карачаевск: КЧГУ, 2013. 152 с.

25. *Кетенчиев М.Б., Улаков М.З.* На ниве науки и образования // Актуальные проблемы современной филологии. Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора И.Х. Ахматова. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2014. С. 9–12.

26. *Мамаева Ф.Т.* Способы выражения субъекта и семантическая структура простого предложения в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2005. 23 с.

27. *Улаков М.З., Кетенчиев М.Б.* Парадигма именного отрицания в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. № 3 (53). С. 160–165.

28. *Хуболов С.М.* Формально-семантические модели одноместных фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1997. 22 с.

29. *Хуболов С.М.* Предложения с моновалентными предикатами-фразеологическими единицами в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Книга, 2002. 147 с.

30. *Хуболов С.М.* Синтаксические функции фразеологизмов карачаево-балкарского языка // Вопросы лексики, грамматики и семантики карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2002. С. 39–47.

31. *Хуболов С.М.* Фразеологизированные конструкции с предикатами движения в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 320–323.

32. *Хуболов С.М.* Односоставные фразеологизированные предложения с предикатами отношения в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). С. 145–148.

33. *Хуболов С.М.* Фразеологизированные конструкции с родительным субъекта в карачаево-балкарском языке // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 195–202.

34. *Хуболов С.М., Улаков М.З.* Адвербиальные фразеологизмы как репрезентаторы различных типов конкретизаторов в карачаево-балкарском языке // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. 2014. № 2. С. 62–69

35. *Эбзеева Ф.П.* Разграничение формально совпадающих падежей в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2004. 23 с.

SYNTACTIC SCHOOL OF PROFESSOR I.Kh. AKHMATOV

*Atabieva L.Kh., Uzdanova Z.A.
Nalchik, KBSU*

This article is devoted to the syntactic school of Professor I. H. Akhmatova. In her brief analysis focuses on the major works of his students related to the multifaceted study of various aspects of the Karachay-Balkar language, which contributed to the establishment and further development of Karachay-Balkar syntax of the scientific school.

Keywords: *Karachay-Balkar language, syntax, simple sentence, paradigm, structure, semantics.*

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ, МЕТОДОЛОГИИ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

УДК 821.512.142.0

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕЙ КАРТИНЫ МИРА ЧЕРЕЗ ЧАСТНЫЕ ФАКТЫ И СУДЬБЫ: ПРЕДВИДЕНИЕ БУДУЩЕГО

Абдыханов У.К.

*г. Шымкет, Южно-Казахстанский государственный
педагогический университет*

В статье рассматриваются нравственно-философские вопросы, отражённые в мировой литературе. Автор раскрывает данные проблемы в наиболее известных произведениях французских, русского, казахского, грузинского писателей – Бальзака, Камю, Паустовского, Думбадзе, Сейсенбаева. Исследователь показал, что образы писателей, созданные ими в разные эпохи, на разных континентах являются типичными для всех времён и народов.

Ключевые слова: *реализм, писатель, персонаж, нравственность, образ, литература, общество.*

Литература развивается во взаимодействии и широком культурном контексте. Общеизвестно влияние античной литературы на развитие словесности всего мира, также воздействие восточной – на западную.

Велико влияние литературы античности на русских поэтов и писателей. Можно отметить воздействие античной литературы на Батюшкова, Жуковского, Пушкина, Лермонтова и многих других, которые в свою очередь оказали влияние на писателей Европы, Азии, Африки,

Америки, в частности, на казахских мастеров слова, например, Пушкина и Лермонтова – на Абая, Л. Толстого и Тургенева – на Ауэзова, Есенберлина и Нурпеисова, Маяковского – на Сейфуллина, Есенина – на Жумабаева, а современный казахский писатель Роллан Сейсенбаев, впитавший живительные соки литературы Востока и Запада, на казахской почве отразил общечеловеческие проблемы, волнующие людей во все времена. Он в своих пьесах, рассказах и романах раскрыл типы и характеры родного народа, присущие всем этносам независимо от расы, национальности, конфессии, территории проживания.

Наиболее ярко нравственные вопросы отражены в творчестве Оноре де Бальзака. Писатель в «Человеческой комедии» стремился художественно выявить все грани характера человека, не оставив без внимания ни одной сферы жизни, все слои общества.

Бальзак в «Человеческой комедии» с колоссальной силой обобщил социальные процессы, которые отражают наиболее острые конфликты французской действительности 20–40-х гг. XIX века. Художник создал типические образы, которые дают необычно полное представление и о современной жизни.

Роман Бальзака «Шагреновая кожа» представляет собой, на первый взгляд, историю жизни Рафаэля Валантена, который проникается эгоистическим мировоззрением. Шагреновая кожа (талисман) помогает Рафаэлю удовлетворить все его желания и мечты. Он становится богачом, а вместе с ним приобретает индивидуалистические черты. Основным критерием становится для него его собственное «я». Валантен соразмеряет теперь свои желания со своей личной жизнью, ибо каждое удовлетворение шагреновой кожей желания Рафаэля означает и соответствующее сокращение его «я». Рафаэль, несмотря на предупреждение шагреновой кожи о том, что она осуществит все его желания, но после каждого исполнения его воли она будет сокращаться, и жизнь его теперь будет зависеть от неё (кожи), не может укротить свои желания. Таким образом, Бальзак рассказывает о моральной деградации и физической гибели молодого человека.

Однако шагреновая кожа не является простым сказочным образом. Это мифический образ-символ, несущий в себе глубокое жизненное содержание. Символическое значение образа шагреновой кожи – широкое обобщение явлений жизни. На современном этапе развития человечество поступает так же, как Валантен, пренебрегая необходимостью беречь природу, не навредить ей, безжалостно осваивает природу. Важную

роль в деградации общества, возникновении катаклизмов на нашей планете – социально-экономических противоречий, войн, экологических катастроф на земле – играет нравственная ущербность самого человека.

Человек, как вечный Эдип, не может уклониться от проблем, которые создаёт сам же, и от необходимости их решать. Человек и природа – извечная нравственно-философская проблема, общечеловеческое значение которой с каждым годом приобретает всё большую остроту.

Художественная литература, поднимая проблемы экологии, любви к природе и живому миру, как бы подстраховывает связи между человеком и природой. Особенно велика роль литературы в воспитании нового отношения к природе как одного из важнейших условий нравственного и эстетического развития личности XXI века.

Эти проблемы отражены в мировой литературе. Леонов в романе «Русский лес» (1956) первым в русской литературе заговорил об опасности, грозящей лесу, природе. Затем появились произведения «Кодры» Чобану (1958), «Царь-рыба» (1976), «Затеси» (1999) В. Астафьева, «Прощание с Матёрой» (1976) Распутина, «Белый пароход» (1970), «И дольше века длится день» (1980), «Плаха» (1986) Айтматова, «Долг» (1983) Нурпеисова (роман-диалогия «Последний долг», 2002), «Отчаяние, или Мёртвые бродят в песках» (1991) Сейсенбаева, «Экологический роман» (1993) Залыгина и другие. Писатели считают, что главные вопросы нынешней эпохи – ответственность человека за себя, за передачу жизни последующим поколениям, за сохранение мира, природы, нравственного начала.

В своих произведениях мастера слова отрицают мир, ведущий к катаклизмам, духовному обнищанию человека, общества. Художники спасение видят в том, что у каждой роковой черты человеку не следует забывать о «последнем долге».

Нынешние экологические катастрофы предупреждают, что природа будет мстить человеку за каждый непродуманный шаг, что выражено Оноре де Бальзаком мистическим символом – шагреновой кожей. Рассматриваемые произведения наполнены тревогой за происходящее вокруг, тревогой за судьбы мира.

В романе «Отец Горио» О. Бальзак также отразил тему одиночества и обречённости судьбы стариков. Писатель берёт в качестве исходной базы своих построений не семейный мир; изображаемый им строй жизни раздвигается, выходит за пределы дома. Сюжет романа приобретает многоплановый характер.

Бывший торговец Горио бескорыстно привязан к детям. Однако ядром произведения является конфликт между ним и его дочерьми, которых он выдал замуж за детей богатых и влиятельных людей. Писатель показывает, что причиной трагедии является как отдельный индивид, так и общество в целом. Горио потратил огромное состояние на обожаемых дочерей, а те в свою очередь, выжав из отца всё, что могли, бросили его. Они забывают о нём как о человеке. Таким образом, писатель показывает, что дело было не в знатных и богатых зятях, а в самих дочерях, в их нравственной ущербности, которые, попав в высшее общество, начали стесняться своего отца. Даже когда Горио умирал, дочери не сообразовали прийти к отцу. Они не появились и на похоронах.

Изображая распад семьи Горио, Бальзак видит в этом прямое следствие тех безнравственных порядков, которые установились в обществе, оно построено на корысти, зависти, тщеславии, ненависти отдельного индивида. Писатель отчётливо и во весь голос показывает типичность положения, в которое попадает Горио и его дочери. Бальзак проводит мысль о том, что крушение семьи Горио есть не только семейная катастрофа, но и общественная: это, как показывает писатель, осознаёт и сам Горио. Перед своей смертью он начинает понимать, что если его не любят дочери, если его семья разваливается, то это – начало распада всего общества. Он утверждает, именно потому погибнет отечество, «если отцов будут топтать ногами... Общество, весь мир держится отцовством, всё рухнет, если дети перестанут любить своих отцов» [2, с. 316]. Таким образом, Бальзак показывает, что Горио отрицает нравственную ущербность мира, что приводит его к мысли о том, что подлинное чувство возможно только среди духовно полноценных людей. Бальзак углубляет и заостряет внимание на критике аморального общества.

В произведениях писателей: французского Камю, русских Паустовского, Астафьева, Распутина, грузинского Думбадзе, киргизского Айтматова, казахского Сейсенбаева и южно-казахстанского Кунгурцева и других отражено осмысление духовной ущербности общества, от разоблачения которой художники не могут находиться в стороне, выявляя его основные черты: разобщенность близких людей, нежелание показывать свои чувства, жить ими, равнодушие человека к окружающим.

Паустовский в рассказе «Телеграмма» отразил схожую нравственную проблему, отрыв взрослых детей от престарелых родителей. Как отмечает Кременцов, «писатель показывает, что Настя – бескорыстный

и отзывчивый специалист [5, с. 153]. Положительную сторону характера персонажа Паустовского дополняет и Левицкий [6, с. 345].

Однако труд общественен, и человек в труде вступает в сложные взаимоотношения с другими людьми. И здесь его личные качества отнюдь не безразличны. Сферой производства не исчерпывается общественное бытие человека. Взаимная потребность друг в друге глубоко социальна.

Далеко от Ленинграда, в деревне Заборье, живёт Настина мать, Катерина Петровна. «Единственный родной человек», оставшийся у неё, – это Настя. Но дочь не балует вниманием свою мать. За три года ни разу не съездила к ней. Опоздала она и на её похороны, проводили одинокую женщину в последний путь односельчане. Настя приехала ночью, несмотря на раскаяние, ни с кем не попрощавшись, то есть не выразив уважения к землякам, уехала обратно в город.

Рассуждениями персонажей Паустовский и Камю («Посторонний») показывают, что равнодушие молодых людей к своим близким оборачивается самоуспокоенностью, ленью, эгоизмом. Герой Камю после похорон матери отправляется смотреть фильм с прекрасной особой. Хлопоты, волнения, связанные с заботами об одиноких матерях, становятся для них обременительными и ненужными. «Надо было тратить воскресный день, уж не говорю – тащиться до остановки, брать билет, два часа трястись в автобусе» [4, с. 38], – цинично оправдывается перед собой служащий Мерсо, почему он не приезжал к своей матери в последние годы перед её смертью, которая находилась в доме призрения.

Ссылается на занятость на работе и Настя Паустовского. За долгое время разлуки не удосужилась написать ей человеческое письмо. И даже после письма матери, полного тоски, одиночества и предсмертного ожидания, она не нашла несколько дней, чтобы навестить её [7, с. 462].

Сейсенбаев отразил нравственную ущербность взрослых детей в новеллах «Дом Орака», «Утешение», «У нас, в Чингистау», «Насчёт заявления», «Протез» и многих других.

Вдовы Айганым («Дом Орака») и Жамал («Утешение») вынесли на своих плечах все невзгоды Великой Отечественной войны. Одни, без мужской опоры поставили детей, Кырмызы и Алданыш, на ноги. Писатель стремится всесторонне раскрыть характер человека, не избегает показывать духовную ущербность детей – они выросли неблагодарными. Автор одной лишь репликой молодой женщины передаёт её недовольство матерью, эгоизм, безразличие к её судьбе [8, с. 44].

Солдатка Жамал («Утешение») на старости осталась одна. Сын её Алданыш (в переводе на рус. яз: утешение – У.А.) с семьёй живёт в столице и в мыслях не думает навестить родную мать.

Незавидна судьба безымянной старушки, попутчицы по купе повествователя, журналиста и писателя Сарсена Бектемирова, и его матери в рассказе «У нас, в Чингистау». Мать самого Сарсена живёт с дочерью в ауле, вдали от шумной столицы, где пишет свои книги её кровинушка, который несколько лет не навещает мать.

Сейсенбаев в раздумьях Сарсена показывает, что он после слов попутчицы преклонного возраста на поезде о том, что все люди в неоплатном долгу перед Матерью, и печальной картины, невольным свидетелем которой он стал, ощутил укоры совести. На вокзале незнакомого города старую женщину (героиня безымянная) не встретил её родной сын, заранее оповещённый о выезде. «Перед глазами Сарсена маячила фигура одинокой старушки, стоявшей на перроне. «Не нашлось, значит, никого, кто бы смог её встретить? Не нашлось? Или, может, не захотели встретить? ...А моя мать? Как там она? Не спит, наверное, ночами?» [8, с. 53–54].

В уста безымянной героини автор вложил народную мудрость. «Старушка сказала: «...долг перед матерью ничем не восполнишь, хоть всё золото в мире разом собери...» Хорошо сказала. И я ведь давным-давно не виделся с матерью, давным-давно. <...> О родных матерях забываем – да, какое мы имеем на это право. Бьём себя в грудь, дескать, мужчины мы, азаматы. Великие слова о народе произносим. Пишем книги... Но какое мы имеем право писать о людях, если душу собственной матери не можем и не желаем понять? А ведь держимся так, будто ключи от вселенной у нас в руках. Всё-то нам некогда, всё-то у нас времени нет. Откуда эта призрачная масштабность и когда только овладевает нашими душами? Когда?» [8, с. 54]. Размышлениями старушки и Сарсена Сейсенбаев осуждает суету, легкомыслие, высокое самомнение части людей своего времени.

Последние поступки Насти Паустовского и Мерсо Камю свидетельствуют, что они не до конца осознали свои действия. В отличие от них в размышлениях Сарсена Сейсенбаева мы видим, что он способен на осмысление деяний как собственных, так и современников, и стал по-иному смотреть на жизнь. Сарсен, твердо убеждённый в том, что поступает неверно, решил провести отпуск не в санатории, где собирался дописать повесть, а у матери, в родном ауле. Однако Сейсенбаев, тонкий

знаток психологии человека, верен принципам реализма. Бектемиров проспал станцию, на которой хотел пересесть, и прибыл на первоначальный пункт назначения. Утром Сарсеном опять овладели равнодушие и суета жизни. «Все мысли его опять вертелись вокруг незаконченной повести, и вчерашние эмоции показались ему преувеличенными. «Куда спешить, на обратном пути заеду, – жёстко подумал он. – В конце концов, разве я виноват в том, что всё так получается?» [8, с. 56].

Потомки Гудули Бережиани ни в чём не нуждаются. Дети его – влиятельные люди. Тем не менее, не обошла их стороной трагедия: родной отец наложил на себя руки. Причиной самоубийства Гудули стало бессердечное отношение к нему продолжателей его рода (всего 23 человека). Писатель показывает, что они и после трагедии не чувствовали угрызений совести, нарушили ритуал проводов человека в последний путь. «Хоронить Гудули Бережиани собралась уйма народа. Было немало родных и близких, хотя никто из них особенно не убивался. Более того, старший сын – Димитрий, вместо того, чтобы побыть у гроба, стоял во дворе, под грушей, недовольный, словно Наполеон после Ватерлоо, и здесь принимал соболезнование» [3, с. 38].

Писатель подчёркивает, что Димитрий не принимает на себя долю ответственности за случившееся, обвиняя во всём старого отца, который, по его мнению, опозорил детей [3, с. 39].

В отличие от Насти и Сарсена, которые подавлены случившимся и пытаются его осмыслить, тем самым подающие какую-то надежду, Димитрий поступает осознанно. Для него всё ясно и важно то, что отец ни в чём не нуждался. Писатель высокохудожественно отражает возможные последствия определённых явлений своего времени, плоды отвержения того, что было создано человечеством в течение многих тысячелетий, – деградация человека и общества.

Феноменом главного героя Думбадзе является новая показная нравственность и жизнь, доведённая до автоматизма. Особенность Димитрия, как и Мерсо Камю, заключается в том, что он относится к миру вокруг него отстранённо, обособленно, как будто происходящее где бы то ни было и с кем бы то ни было его не волнует, как человека со стороны. Димитрий в подробностях описывает, что было им сделано и ни словом не выдаёт своей печали. Единственное, что ему не безразлично, – это его положение в обществе.

За внешним блестящим благополучием потомков Гудули скрывается их ханжество и античеловеческая сущность. Потому писатель,

являющийся одним из героев рассказа с указанием своего полного имени, не скрывает презрения к ним, которое проявляется в немногословных, незаконченных фразах и быстром уходе его сразу после выражения соболезнования Димитрию. Обрывы в речи автора также выражают едва сдерживаемое им негодование. Продолжатели рода Бережиани заслуживают такого отношения к себе. Ибо «достоинство человека, – как замечает А. Кунанбаев, – определяется тем, каким путем он идёт к цели, а не тем, достигает ли он её» [1, с. 102].

В характере Кырмызы, юной, сильной, только вступающей в большую жизнь учительницы, и Димитрия, уже немолодого, уважаемого в обществе, умудрённого опытом жизни учёного, мы наблюдаем преднамеренно чёрствое отношение к родителям, забвение своей человеческой природы.

Думбадзе и Сейсенбаев используют специальные лексические средства художественного преувеличения, максимально заостряя внимание на драматическом положении стариков. Гипербола носит не описательное значение, а эмоционально-лирическое, представляющее в преувеличенном не сам факт, а чувство негодования и протеста писателей против аномальных явлений общества. Частью читателей гротеск может восприниматься со всей наивной очевидностью. Однако гипербола служит средством выражения собственно художественного содержания текста.

Таким образом, Бальзак, Камю, Паустовский, Думбадзе и Сейсенбаев не могли остаться в стороне от этого глобального процесса, затрагивающего всех и каждого. Когда резко изменяется общественное сознание, писатели стремятся выполнить свою непосредственную задачу: уловить и передать художественными средствами те глубинные изменения, которые происходят при этом в человеческих душах, за частными фактами и судьбами разглядеть общую картину и предвидеть будущее.

Литература

1. *Бальзак О.* Шагреневая кожа; Отец Горио. М.: Художественная литература, 1982.
2. *Кременцов П.П.* Константин Паустовский. Жизнь и творчество. М.: Просвещение, 1982. 96 с.
3. *Левицкий Л.* Константин Паустовский. Очерк творчества. М.: Советский писатель, 1977. 408 с.

4. Камю А. Избранное. Перевод с фр. М.: Правда, 1990. 480 с.
5. Паустовский К.Г. Разливы рек. Повести. Рассказы. Сказки. М.: Детская литература, 1974. 590 с.
6. Сейсенбаев Р.Ш. Тоска по отцу, или день когда рухнул мир. Рассказы. Алма-Ата: Жазушы, 1990. 512 с.
7. Думбадзе Н.В. Рассказы. Повесть. Публицистика. Перевод с грузинского. М.: Правда, 1984.
8. Абай. Слова назидания. Перевод с казахского С. Санбаева. Алма-Ата: Жалын, 1982.

**ARTISTIC REFLECTION OF PRIVATE FACTS
AND DESTINIES THE OVERALL PICTURE OF THE WORLD
AND THE VISION OF THE FUTURE**

Abdykhanov U.K.

Shymkent, South Kazakhstan State Pedagogical University

In the article moral and philosophical questions reflected in the world literature are considered. The author reveals these problems in the most famous works of French, Russian, Georgian, Kazakh and writers – Balzac, Camus, Paustovsky, Dumbadze, Seisenbaev. The researcher showed that the images of writers, created by them in different epochs, on different continents are typical for all times and peoples. I

Keywords: *realism, character, writer, morality, image, literature, society.*

УДК 821.512.142.0

**КУПРИН, ЧИЛАДЗЕ, ЧХЕИДЗЕ И СЕЙСЕНБАЕВ:
«РАЗНОСТОРОННОСТЬ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕНИЯ
И ГЛУБОКАЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ»**

Абдыханов У.К.

*г. Шымкет, Южно-Казахстанский государственный
педагогический университет*

В статье рассматриваются вопросы деградации человека и общества, отражённые в казахской, русской и грузинской литературах. Авторы, сопоставляя произведения Александра Куприна, Отара Чиладзе, Отара Чхеидзе и Роллана Сейсенбаева, отмечают, что мастера слова, чуткие к малейшим душевным проявлениям человека, отражают противоречия общества. Исследователи показали, что писатели встревожены судьбами своего народа. Неоднократно повторяемая и подчёркиваемая мысль произведений: духовная неполноценность человека может привести к потере ориентиров в мире и стагнации общества. Художники спасение мира видят в сохранении таких нравственных ценностей, которые веками отшлифовывались народами. В труде также отражены художественные особенности мастеров слова.

Ключевые слова: литература, нравственность, произведение, писатель, проблема, образ, идея, общество.

Литературный процесс подвижен и отвечает духу историзма, вбирает в себя огромную духовную мощь, в нём содержится совокупность нравственных вопросов, также чаяния читателя. В мировой литературе отражён моральный облик человека, проявления его характера. Она призывает к тому, чтобы сохранить всё то, что отобрано народом за всю свою историю и возведено им в степень уважения такие человеческие качества, которые не принадлежат пересмотру – доброта, бескорыстие, уважение, совестливость, ответственность, честность.

Каждая отдельно взятая национальная литература развивается во взаимодействии с другими. Общеизвестно влияние античной

литературы на развитие словесности всего мира, также воздействие восточной – на западную.

По мере развития общества, то есть перехода его на определённую ступень цивилизации, значение связи между людьми становится всеобъемлющим, – она пронизывает отношение человека к его труду, к предметам, которыми он пользуется; распространяется на государство, на окружающих людей, на него самого. Связи двоих – это отношения двух абстракций, двух живых машин, дополняющих друг друга.

В повестях «Стоянка человека» (1966) Ф. Искандера, «Последняя пастораль» (1987) Александра Адамовича, «Возвращение Казыбека» (1984) Р. Сейсенбаева, романах «Шёл по дороге человек» (1972–1973), «И всякий, кто встретится со мной...» (1976), «Железный театр» (1986) «Годори» (2003) Отара Чиладзе, «Заблудившийся крик» («Трон сатаны») (1986), «Ночные голоса» (1986), «Лестница в никуда» (1987), Р. Сейсенбаева, рассказах Отара Чхеидзе «Пень», «Адам», «Заседатель», «Домино» (Литературная Грузия, 1986. № 1) и других писателей отражается как тревога авторов за будущее своего народа, с которым у них особые, кровные узы, так и крик отчаяния. Эти произведения, как выразился Корней Чуковский о повести Александра Куприна «Яма», «есть пощёчина всему современному обществу. <...> Нужно так переустроить общественный быт, чтобы для ямы в нём не было бы места» [4].

Главные проблемы, которые поднимают авторы – вопросы поиска смысла жизни и нигилизма, как общественного явления. Писатели – мыслители XX века, эпохи, когда крушение моральных норм и ценностей в сознании миллионов представляет собой факт современности. Художники мастерски, словно стенографисты, фиксируют малейшее проявление нравственной ущербности общества. Конечно, нигилизм, как следствие духовной неполноценности общества, проявлялся в разных культурах и народах, однако такого острого конфликта, такого глобального разрушения многих устоев не знает ни одна культура или конфессия, потому писатели не могут оставаться в стороне.

Когда-то Чехов (сам врач по профессии) говорил, что писатель – это не врач, а боль. Да, наши писатели – это боль своего народа, но они, может быть, пытались и пытаются стать врачами. Этот отчаянный рывок, на наш взгляд, обусловлен тем, что они больше не могут ждать. Художники чувствуют, что история народов приближается к роковой черте и необходимо собрать все силы, чтобы вырваться из оков рабства, корысти, подлости, словоблудия, мелкого, но опасного соперни-

чества и отделить зёрна от плевел, чтобы эти зёрна наконец-то дали хорошие всходы и насытили народ истиной и хлебом насущным.

Ромен Роллан в письме Александру Куприну высоко оценил его мастерство и талант предвидеть будущее: «Я восхищён разносторонностью Вашего литературного гения и Вашей глубокой человечностью. Вы обладаете, в особенности, редким и очень характерным даром, заставляя оживать на страницах книг целые коллективы людей. Это-то и говорит о Вас как о человеке, который может подняться над великими достижениями эпохи и видеть сквозь них» [4]. Также французский писатель отметил, что повесть Куприна «Яма» представляет собой огромное обобщение социальных процессов, которые отражают наиболее острые конфликты русской действительности: «Читая ту или иную страницу «Ямы», я распространял её смысл на всю Европу – этот огромный публичный дом накануне катастрофы» [4].

Писатели второй половины XX столетия показывают, что духовное обнищание не знает границ, это явление переросло образы, выведенные Куприным, зримо ощущаются и в наше время. Современных читателей после прочтения книг писателей второй половины XX века преследуют образы из повести Куприна «Яма».

В романе Отара Чиладзе «Годори» кажется, что покачнулся сам фундамент, на котором веками зиждилось грузинское самосознание. Писатель препарирует грузинское общество, в котором нет больше никаких тормозов и запретов. Осквернены вековые святыни, попорчены правда и справедливость, осмеяны честь, мужество и достоинство, и нации угрожает уже не столько могучий злобный внешний враг, а внутренняя нравственно-этическая коррозия, что вдвойне опасно. Этот роман – призыв одуматься, трезво оценить свои возможности, очиститься от чуждого, наносного, избавиться от пустых амбиций, трезво взглянуть на своё прошлое, настоящее и будущее. Идеинный каркас романа облачён художественной плотью, позволяющей сравнивать это произведение с шедеврами мировой культуры. Чиладзе – ваятель образов редкой пластической выразительности, их герои живы, они рядом, до них можно дотронуться, мы их слышим, мы должны их спасти, то есть спасти себя.

В рассказе «Пень» Отар Чхеидзе показывает, что издревле многие вопросы общества решал старейшина, которым мог стать человек по праву старшинства и мудрости. В противном случае нарушался порядок, который зиждется на справедливости, жизненной гармонии. Писатель показывает, что может случиться, если эти установки нарушатся. Один

из тех, кому следовало быть старейшиной, вдруг испугался бремени ответственности и отказался от «трона», на который по праву и справедливости должен был сесть он.

«Трон» занял легковёрный, молодой человек, и сместился установленный веками порядок: молодые не по чину сидели вокруг места старейшины, а старики стояли. Молодёжь, не имеющая знаний, жизненного опыта, не могла отличить разумное от глупого, добро от зла, и «исчезло изобилие. Амбары наполнялись и пустели в мгновение ока, развевалось добро по ветру [5]». Такое явление кабардинский поэт Алим Кешоков ярко выразил в стихотворении «Ветер»:

*...ветер перемен людских
Не над полем, не над океаном,
Этот ветер в людях, в них самих [2].*

Однако, как только занял трон другой – мудрый, бесстрашный, – чей черёд наступил, всё изменилось, снова засияло солнце. «Знал он, что есть жизнь, что деревня вечна, что жизнь мимолётна – ничто по сравнению с жизнью вечной» [5].

Философичность творчества Отара Чхеидзе, размышления его о судьбе человека в аспекте традиций национальной культуры объясняют его приверженность притче. Она имеет вневременную актуальность.

Необходимо дополнить наблюдения писателей, отражённых в их произведениях, выводами азербайджанского литературоведа А. Гаджиева. «Эгоистичные персонажи отделились от окружающей естественной среды, отказались от общения друг с другом. Каждый защищает лишь себя и живёт в замкнутой и эгоистичной микросфере. <...> Индивид ставит свою выгоду прежде общих интересов, эгоизм прежде любви к другим, свою жизнь прежде истории. Поэтому мир этот разрушается изнутри – самонадеянная гордость человека приводит к всеобщему грехопадению. Всеобщий духовный кризис, таким образом, обуславливается не внешними факторами, а имманентными причинами» [1, с. 391].

Выводы Гаджиева художественно воссозданы казахским писателем Сейсенбаевым. Процессы и причины страданий человечества, отражённые Чхеидзе, Сейсенбаев лаконично выразил устами главного героя романа «Трон сатаны» Абылая: «Всё потому, что вы на трон карабкаетесь, а трон... шаткий. <...> Сатана жаждет трона и получит его, ибо он сатана. А не человек!» [3, с. 391] Писатель предельно ярко описал стремление дьявола «карабкаться на трон»: «Вы все властвовать хоти-

те, вам нужно давить и унижать, пугать и топтать, приводить людей в трепет, чтобы они облик человеческий теряли и тоже становились не-людьми». А кто такие «вы все...»? Прозорливый читатель может легко представить его себе. Далее Сейсенбаев раскрывает сущность «жаждущих трона»: «Там, где у человека сердце, у иных – пустота или камень. И если ты глух, безразличен к страданиям своего ближнего, сердце становится подножием для трона сатаны, а сам трон сделан из воздуха, отравленного жестокосердием и равнодушием» [3, с. 391]. Такое откровенное раскрытие характера человека в литературе встречается не часто.

В притче, равно как и в мифе, символ несёт основную смысловую нагрузку. Трон старейшины у Чхеидзе, как и волшебный сад Дариачанги в романе Чиладзе «Шёл по дороге человек», символизирует вечную гармонию. Стоит сломать в благоухающем саду лишь одну ветку, как сад тут же исчезнет. Но человеческий разум и воля, как показывают писатели, способны преодолеть всё, преодолеть и худшее из испытаний – безвременье.

Как вечны проблемы добра и зла, мудрости и глупости, так же непреходящи вопросы счастья, любви, одиночества. В этом убеждают нас рассказы Чхеидзе, где под старинной маской притчи открывается лицо современного человека – страдающего, размышляющего, надеющегося.

Возможно ли спасение, спросим мы у авторов, развернувших перед нами картину подлинного апокалипсиса. Каждый из них ответил на этот вопрос. Прочитаем ещё раз их произведения, но следует отметить вывод Чиладзе в романе «Шёл по дороге человек». Он, возможно, не конкретен, наивен и идеалистичен, но подаёт надежду: «...Взору умирающего Парнаоза открывается когда-то исчезнувший с лица земли волшебный сад Дариачанги. Сказочное зрелище взволновало и маленького Икара. Парнаоз прижал ребёнка покрепче, словно боясь, что тот улетит, и прошептал ему на ухо: «Вот таким будет мир.

– Но ведь он такой и есть? – удивился Икар.

– Да, есть и будет, – сказал Парнаоз» [4].

Творчество названных авторов – мастеров слова соответствует идейно-эстетическим, художественным требованиям мировой культуры, оправдывает надежды общества, литературы. В их произведениях отражены острые проблемы времени, они раскрыли психологию микромира отдельного индивида, создали нравственный облик общества в целом. Писатели в новом аспекте раскрыли проблемы экономические, экологические, этические, эстетические, а также взаимоотноше-

ния личности и общества, философского освоения концепции человека и его места в мире.

Сохранение человечества возможно, без всякого сомнения, в том случае, если мы внимательно прочитаем завещание художников и приложим все усилия, пусть даже сверхчеловеческие, чтобы это завещание выполнить. Писатели задали нам великую загадку, и мы обязаны на неё ответить.

Литература

1. *Гаджиев А.* Творческая индивидуальность писателя. Баку, 1990.
2. *Кешоков А.П.* Звёздный час. Стихи. М.: Современник, 1979. 127 с.
3. *Сейсенбаев Р.Ш.* Трон сатаны. Роман. Повести. Перевёл с казахского автор. М.: Художественная литература, 1988. 511 с.
4. <https://e-motion.tochka.net/4374-otar-chiladze-shel/>
5. <https://www.bestreferat.ru/referat-22974.html>

KUPRIN, CHILADZE, CHKHEIDZE AND SEISENBAYEV: «THE VERSATILITY OF LITERARY GENIUS AND DEEP HUMANITY»

Abdykhanov U.K.

Shymkent, South Kazakhstan State Pedagogical University

The article discusses the degradation of man and society reflected in Kazakh, Russian and Georgian literature. The authors, comparing the works of Alexander Kuprin, Otar Chiladze, Otar Chkheidze and Rollan Seisenbayev, note that the masters of the word, sensitive to the slightest mental manifestations of man, reflect the contradictions of society. Researchers have shown that writers are alarmed by the fate of their people. Many times repeated and emphasized thought of works: the spiritual inferiority of a person can lead to the loss of guidelines in the world and the stagnation of society. Artists see the salvation of the world in the preservation of such moral values that have been polished for centuries by nations. The work also reflects the artistic features of the word masters.

Keywords: *literature, morality, work, writer, problem, image, idea, society.*

СЕНСИТИВНОСТЬ КАК АТТРИБУТИВНЫЙ ПРИЗНАК БАЛКАРСКОЙ ПОЭЗИИ

Бауаев К.К.

г. Нальчик, КБГУ

Данная статья посвящена исследованию феномена сенситивности, характеризующего концептуальную особенность балкарской поэзии. На материале произведений К. Мечиева, К. Кулиева и Т. Зумакуловой автор исследует двойственную природу сенситивности, реализующуюся в приоритетном внимании балкарских поэтов к фактурным, пластичным образам и элементам сентиментализма.

Ключевые слова: *этнокультура, балкарская поэзия, мировосприятие, сентиментализм, сенситивность, фактурный объект, сострадание, эмпатия.*

Процессы, связанные с глобализацией, вызвали интерес к национально особенным чертам поэтических систем, в которых отпечатались вековечные «паспортные данные» разных этнокультур. Их изучение позволит каждой личности и каждому народу глубже осмыслить собственную гражданскую и этническую идентичность и четче вписаться в тот самый «вселенский оркестр», о котором пишет культуролог и философ Г.Д. Гачев: «В оркестре человечества каждый народа, как инструмент, ценен незаменимостью своего ума-умения: гобой дорого скрипке тем, что он умеет то, чего она не умеет. Так что не унификация, а уникальность – вот верный курс» [2, с. 239].

Следование по курсу, предначертанному Г.Д. Гачевым, означает описать национальную поэзию «как инструмент с особым тембром в симфоническом оркестре человечества и так продемонстрировать богатый спектр в наличном достоянии современной цивилизации Земли» [2, с. 5]. В рамках этой генеральной задачи в данной статье мы поставили перед собой цель крупным планом исследовать одну из самых характерных особенностей балкарской поэзии – ее сенситивность,

насыщенность живыми, фактурными образами, идущими не из книжных источников, а от родной земли. В нашем понимании чувствительность и сентиментальность – понятия из одной концептосферы, логически дополняющие и подпитывающие друг друга, поскольку человеку свойственно «разглядеть» то, что он любит.

Согласно «Словарю иностранных слов», чувствительный в переводе с латинского (*sensitivus*) означает чувствительный» [10, с. 449]. Краткий диахронический обзор мировой поэзии показывает, что показатели «сентиментализма» в разные культурные эпохи, в разных литературно-художественных направлениях были совершенно разными. К примеру, античные авторы с их принципом «золотой середины» стремились к гармонизации «рационального и чувствительного» в индивидууме; средневековые авторы с их сакрализацией высшего, небесного мира не фокусировали свой художественный взгляд на «земных объектах», которые считались слабым, тусклым отражением незримой красоты, пребывающей в элитарном надприродном мире. Пейзаж, который не имел самостоятельного художественного значения в творчестве средневековых стихотворцев, был восстановлен в своих правах поэтами эпохи Возрождения (Петрарка, Шекспир). Классицизм, Новое время (17–18 вв.), критический реализм в своих поэтических «опытах» фактически обходят стороной чувственную сторону материального мира, почти полностью сосредоточивая свое эстетическое и этическое внимание на социально-гражданских интересах, понятиях долга, чести и культа разума.

Исключением в этом вопросе, пожалуй, являются сентименталисты, которых, кажется, само наименование литературной школы обязывает быть «способными к сочувствию», «переживанию возвышенных и тонких эмоций» [9, с. 959]. Складывается впечатление, что сентименталистами движет желание устранить сложившуюся на литературной арене дискриминацию чувств по сравнению с преувеличенной поэтизацией разума. Отсюда их ярко выраженная эмпатия, подразумевающая любовь и сострадание к «маленькому человеку», к «униженным и оскорбленным», жертвам неразделенной любви. Теоретики подчеркивают, что на особом счету у художников-сентименталистов явления флоры, фауны, ландшафта – всего, что связано с природой – «ее внешним обликом и происходящими в ней процессами» [9, с. 961].

Г.Д. Гачев в своей монографии «Ускоренное развитие литературы» выдвинул научную концепцию о том, что многие народы, задержавшиеся в своем цивилизованном развитии в силу разных при-

чин, в определенный пассионарный момент «включаются в единый мировой исторический процесс и за короткое время стремительно продвигаются вперед, догоняя, а в чем-то перегоняя другие страны, народы и культуры» [3, с. 5]. Это означает, что каждая национальная художественная культура в ускоренной форме проходит ключевые культурные эпохи, направления и течения: античность, Средневековье, Возрождение, классицизм, Просвещение, сентиментализм, романтизм, барокко, рококо, критический реализм, эстетизм, сюрреализм, футуризм, натурализм и др.

Анализ показывает, что эстетика сентиментализма не просто органично вошла в плоть балкарской поэзии, но она сплелась со столь свойственным для мировоззрения горцев пантеистическим отношением к природе, сострадательным вниманием к камню, дереву, траве, реке – всем без исключения одушевленным существам. Подобные явления литературовед З.А. Кучукова склонна объяснять этноландшафтным фактором, суживающим обзор и приковывающим взгляд человека к деталям, миниатюрным предметам: «Внимание горца не рассеивается в беспредельном пространстве жителя равнины, оно более сосредоточенно. Экстенсивной путь освоения мира ему заменяет интенсивное, углубленное изучение своей маленькой Вселенной, границы которой ограждены горами. Являясь подобием крепостных стен, горы одомашнивают окружающий мир, наделяют его полнотой бытия и сообщают чувство защищенности» [6, с. 10].

Еще один интересный момент связан с тем, что у большинства народов на земле в определенный исторический момент поэзия «разошлась» по двум художественным руслам – «аристократическому» и «простонародному». Балкарский мир избежал этой дихотомии. Поэтому «образные представления текстов традиционно чужаются употребления условно-эстетизированных, идиоматических выражений, всегда присущих элитарному искусству. Именно монолитность жизненных практик нобилей и простонародья, при их неизменности на протяжении нескольких последних веков защитили эпические тексты народа от вытеснения вещной конкретики и чувствительной наполненности выражений» [1, с. 19].

Сенситивность как этико-эстетическое свойство имеет различные формы выражения в произведениях балкарских авторов. Кязим Мечиев всю свою жизнь занимался двумя видами деятельности – священнослужением и кузнечным делом. Если духовные тексты развили в поэте «сердобольное» отношение ко всему миру, ко всем «рабам божьим», то тесное каждодневное соприкосновение с металлическими

изделиями, постоянно меняющими цвет, фактуру и пластичность под воздействием огня, сформировало у него внимание к физическим свойствам описываемых предметов. Автор часто обращается к образам «огонь», «кузница», «железо», «уголь» и т.д. Как «высший пилотаж» можно расценивать стихи К. Мечиева, где сливаются в одно «сенситивности» духовного и физического уровней. К примеру, в данном стихотворении:

*Чтоб родину избавить от невзгод,
Я в кузнице кую железо с жаром,
И, видя, как страдает мой народ,
Я сам горю, как уголь в горне старом* [8, с. 93].

Подстр. пер. С. Липкина

Кроме эмпатии и сострадательности у балкарских художников слова наблюдается феномен «натуралистической сенситивности», проявляющейся в передаче аутентичных форм, красок, звуков. В их произведениях воссоздается совершенно узнаваемый фактурный мир балкарских ущелий с их «ноздrevатыми камнями», «мокрыми башлыками пастухов», «острыми зубьями скал», «лунорогими быками» и др.

Высшую форму эстетизма балкарские поэты видят в самой материальности бытия, а не отстранении и воспарении над нею. Т.З. Толгуров в статье, посвященной специфике художественных образов К. Кулиева, совершенно справедливо отмечает, что поэт «двигался от осязания, зрения, слуха, вкусовых и обонятельных ощущений к философским выводам, но при этом не отбрасывает сведений, поступивших на первых ступенях познания. Все это присутствует в стихах зрелого Кулиева, составляет единую и мощную систему воздействия на читателя» [11, с. 129].

Лирический герой Кайсына Кулиева обладает особыми «микрорзрением» и «микрослухом», позволяющими ему подмечать «горлышки пустых кувшинов» [5, с. 204], «слабую ольху, стоявшую как дуб» [5, с. 166], «грустящий на перевалах горный снег» [5, с. 177], «птицу, зимующую между скал, где лёд» [5, с. 178], «камень, который крошат пули» [5, с. 183], «вишню, чуть слышно зацветающую в саду» [5, с. 183], «боль высохшего ручейка» [5, с. 198] и многие другие моменты природного и социального бытия, требующие доброго человеческого участия. Кулиевский герой знает, что «большая боль не вопиет, // Печаль всегда

немногословна [5, с. 204], – отсюда его обостренный слух и развитая сенситивность по отношению к явлениям окружающего мира.

Поэтическая сенситивность Танзили Зумакуловой естественным образом предопределена гендерным фактором и имеет свои особенности. По мнению гендерологов, балкарская поэтесса пришла в мир, обнаружила его андроцентричность и тут же по-женски «деликатно» принялась исправлять обнаруженную дисгармонию» [7, с. 294]. Следует заметить, сенситивность зумакуловской героини имеет выраженную сосредоточенность не столько на природных образах (как у К. Кулиева), сколько на социальных ритуалах, стереотипах, обычаях, традициях, которые она слегка «корректирует» из-за сострадания к горцам и горянкам. Наиболее показательным в этом отношении стихотворение «Мужчинам» [4, с. 32].

На основании изученного материала можно сделать вывод о том, что сенситивное восприятие действительности является характерной особенностью балкарской поэзии. Данное качество в основном выражается через мировоззренческую позицию лирического героя, чья любовь к собственному «космосу», исключая умозрительные абстракции, сосредоточена на конкретике фактурных образов.

Литература

1. *Бауаев К.К.* Эволюционная специфика балкарской поэзии: типология апперцептивных версий // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Махачкала, 2017. 46 с.
2. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 544 с.
3. *Гачев Г.Д.* Ускоренное развитие литературы. М.: Наука, 1964. 312 с.
4. *Зумакулова Т.М.* Избранное: Стихотворения: Поэмы. Пер. с балк. / Предисл. Кайсына Кулиева. М.: Худож. лит., 1983. 368 с.
5. *Кулиев К.Ш.* Собрание сочинений. Стихотворения. Поэмы. 1961–1969. Пер. с балкар. Т. 2. М.: Худож. лит., 1977. 542 с.
6. *Кучукова З.А.* Онтологический метаконцепт как системообразующий принцип этнопоэтики (на материале карачаево-балкарской поэзии) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2006. 41 с.
7. *Кучукова З.А.* «Позвольте с вами не согласиться!»: особенности гендерной полемики в лирике Т. Зумакуловой // Российская гендерная история с «Юга» на «Запад»: прошлое определяет настоящее. Материалы Шестой международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории. 3–6 октября 2013 года. Нальчик. В 2-х томах. Том I. Нальчик–Москва, 2013. С. 293–299.
8. Кязим. Стихи, поэмы. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. 400 с.

9. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.
10. Словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1988. 608 с.
11. *Толгуров Т.З.* Некоторые моменты эволюции образной системы поэзии Кайсына Кулиева // Актуальные проблемы литератур Кабардино-Балкарии: Сборник статей. Вып. I. / отв. ред. Р.Х. Хашхожева. Нальчик: «Нарт», 1991. С. 125–137.

SENSITIVITY AS AN ATTRIBUTIVE SIGN OF BALKARIAN POETRY

Bauaev K.K.
Nalchik, KBSU

This article is devoted to the study of the phenomenon of sensitivity, which characterizes the conceptual peculiarity of Balkarian poetry. Based on the works of K. Mechiev, K. Kuliev and T. Zumakulova, the author explores the dual nature of sensitivity, which is realized in the priority attention of Balkarian poets to textured, plastic images and elements of sentimentalism.

Keywords: *ethnoculture, Balkar poetry, world perception, sentimentalism, sensitivity, textured object, compassion, empathy.*

СУМЕРКИ ИЛИ СТРАСТИ ПО БРЕЙГЕЛЮ
(на материале одноактной пьесы
Р. Бегиевой-Кучмезовой «Охотники зимой»)

Биджиев М.М.

Москва, самостоятельный исследователь

В рамках онтологической поэтики автор статьи анализирует философско-психологическую пьесу Р. Бегиевой-Кучмезовой «Охотники зимой», навеянную картиной известного нидерландского художника Питера Брейгеля (1525–1569) «Охотники на снегу». Вскрывая иносказательный смысл метафорических образов, автор восходит к размышлениям о смысле человеческой жизни, свободе и ответственности, детстве и зрелости, горном ауле и мегаполисе, архетипических ценностях и научно-техническом прогрессе. Многочисленные интертекстуальные отсылки к трудам И. Бродского, А. Тарковского, С. Лема, Н. Матвеевой, Г. Яропольского, Дж. Кошубаева позволяют автору воссоздать контуры сложившейся на сегодняшний день художественной брейгелиады, в которой достойное место занимает и пьеса современной талантливой карачаево-балкарской писательницы.

Ключевые слова: *современная драматургия, Рая Бегиева-Кучмезова, пьеса, Питер Брейгель, сюжет, онтология, скрытый смысл, духовный опыт, техногенная цивилизация.*

Не проходит давняя влюблённость в этот текст, но и утомлённость разгадыванием его загадок, которых, может быть, и нет, и они надуманы неволью. Сам текст будто совершенно прост и не требует особого напряжения ума. На первый взгляд, всё здесь явственно житейское без открытого броского драматизма. Кем, с какою судьбой человеческой рождён ты был в эту жизнь, кем слыл перед людьми: родником ли чистым, звенящим, внезапным чудом жаждущему или нерадостной лужей, наконец иссохшей, запомнившись досадным препятствием в чужих судьбах, а может, был и остался болотной тиной, мутным недоразумением, ничего не отражающим, никого не радующим.

От позыва, однажды пришедшего, сказать о тексте, написать, в расчёте отторгнуть от себя переполненность им, – испуг и дрогнувшая на столе рука. Как скажешь, если, не умея сосредоточиться на многомерности его, соскальзываешь упрямо на что-то своё и многое не своё, но близкое по мировосприятию, и теряется нить трудноуловимых смыслов. А самолюбие требует преодолеть раздвоение, утешить себя пониманием, будто оно – показатель собственной значимости, способной или неспособной осмыслить то, что отчасти находится за порогом осознания. Не станем ли и сейчас соскальзывать на что-то своё? Такая вот тяжесть. Уровень своего прочтения мы определяем как эссе, то есть «сочинение свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения» [8, с. 1246]. Каждый, кто читает эту пьесу, проходит путь «от Дома к Миру» [9, с. 3].

Пьеса. «Охотники зимой» [3, с. 80]. Одноактная. Построенная почти как монолог одного актёра. Многожды читаная, не отпускающая, требующая вернуться. Шах. Так неожиданно именован главный герой авторской волей. «У него было имя другое, но кто-то ещё в детстве назвал его так и навсегда» [1, с. 80]. И рассасывается по ходу пьесы чувство странности и первоначальное неприятие этого имени. Этот Шах – слабый, путающийся в мыслях одинокий старик столь величественен, столь ироничен с высоты скептического ума и к себе, и ко мне – читателю, что, кажется теперь, слово это, привычное принадлежностью всеильным владыкам прошлого, и придумано-то было изначально, чтобы стать именем персонажа данной пьесы. И только.

Сумерки. Смутный вневременной сгусток. Ни день, ни ночь. Короткое, размытое в сером пространстве. В сумерках есть своё дыхание, свой свет, и переждать, вернее, пережить его надо бы не включая освещение, не закрывая ставни. Это так близко, так понятно теперь, когда Шах сказал, будто и сам ведь чувствовал, знал. Сумерки. Таинственное, притихшее, непременно с тревожинкой притихшее, распустье перед мистикой ухода дня и наступления ночи. Но для героя пьесы – это сумерки жизни. Его жизни, зависшей в безвременье между страхом жить и отвагой жить.

За сумерками – ночь. Ночь, и человек в смятении чувств, в стойкой бедной надежде, тоскующий невысказанным. Некому. И как остро чувствуется теперь живучесть, непроходимость невысказанного. «Один и – ночь» [3, с. 82]. Как и это понятно, и опять щекочет удивление, ведь и сам будто знал, что складываются эти два неприкаянных состояния

в единую пытку – одиночество. Человек, ждущий чуда: может уйдёт, растворится, нахлынувшая незаметно новая тревога, «вдруг постучится неожиданность» [3, с. 82], кто-то заглянет, и что-то произойдёт иное, чем ночные видения, кошмарные сны с явлением натруженной походной команды. За ним. «Ночью был страх, ночью – стук. Я подхожу, дверь прозрачная, за ней стоят мужчины в рабочей одежде. В руках инструменты. Видно, что долго и серьезно работали. Утомленные, тихие, смотрят, а я кручу ключом, запираю, закрываю стеклянную дверь. А она распаивается, растворяется. Один, в глаза глядя, глубоко и тепло глядя, говорит устало – надо собираться» [3, с. 82].

Мы, пожалуй, будем обречены приводить большие куски из текста, ибо невозможно отнять слова и мысли друг от друга. Эти слова, чуть-чуть да не так складываемые слова, это чувство слова и чувствительность к слову, эти смыслы, непредугадываемо всплываемые, эта строго кучмезовская пластика речи – звукоряд, навсегда остающийся в сознании. Её слог естественный, свободный, не всегда правильный, несколько сбивчивый, каким и должен быть изустный живой язык монолога, язык внутреннего мышления и вдруг зависшего молчания – это звук души человеческой, выстраиваемый в столь поэтичный, музыкальный ряд. И сколько здесь всегдашней в её творчестве лёгкой текучести без намеренных акцентов, нажимов. Сколько абсолютной честности, в которую безоглядно веришь. И это при языковой и интеллектуальной сдержанности. Ей так видится, так пишется и, по всему, давно. Она так на редкость своеобразно мыслит, словотворит. Это то, что выросло из всего, что она вбирала в себя из жизни, из всего предшествующего опыта, сказал бы я, но, наверное, это не обретаемое. Её своеобразный стиль, её иной взгляд художника, – данность от природы. Дар, не подчиняемый казённым требованиям зашоренных лингвистическими познаниями спецов, не нюхавших жизни, то есть, тех, кто не пишет сам или плохо пишет.

В жизни не всё последовательно, в ней больше несочетаемости, разводов, разрывов, убеждена Рая Кучмезова. Жизнь – больше зыбь, круги на воде, призрачность. Описывая её не надо искать логичность, придумывать убедительность, которая ведь невозможна... Единственное, что ценно, редко – это голос, память, душа. Впрочем, об авторском стиле она кратко, но ёмко сказала в другом месте. Говорила, правда, не о себе: «Присутствие неповторяемого духовного опыта и судьбы, само по себе ведет к личной стилистике, а здесь ещё и редкое как по

свойству, так и по силе дарование... Можно сказать, что по сюжету и динамике ассоциативного ряда, дерзкому отсутствию однажды установленных правил, преобладанию внутреннего монолога, его проза ближе к потоку сознания...» [2, с. 1]. Разве не чувствовала Кучмезова, когда так верно говорила о Борисе Чипчикове, что пишет и о себе, разве не сложились эти мысли, может быть, подсознательно, от чувствования собственного стиля и опыта?

Это из её прозы – сказать ассоциативно, пренебрегая уточнениями, подробностями, даже грамматическими закавыками, сказать главное, создать цельный образ, чувственный зримый эффект. Разве здесь до деталей, мелочей, всенепременно расставленных разясняющих, поясняющих акцентов, где всё, что должно было случиться, случилось, и сказалось всё, что должно было быть сказано? Разве здесь до кем-то установленных правил, когда пишешь крупными мазками о главном? Это редкий дар высокоталантливых людей слова, кисти... Дар – не милость для самоуслаждения. Дар – обречение на жертвенный труд, память, обретение и потерю иллюзий, ослепление и прозрение через муку душевную. «Без отчаяния, боли сильной, умения самообманываться, выбрасываться из реальности при кратком возвращении в нее, нет живого слова» – считает Рая Кучмезова [3, с. 213]. Писательство, как и любое другое творчество – «это прекрасный, утешающий, облучающий, обучающий свет, в котором всегда есть немного от самосожжения» – прочувствовала она личным опытом [3, с. 213].

Повториться бы ещё раз. «Ночью был страх, ночью – стук. Я подхожу, дверь прозрачная, за ней стоят мужчины в рабочей одежде. В руках инструменты. Видно, что долго и серьезно работали. Утомленные, тихие, смотрят, а я кручу ключом, запираю, закрываю стеклянную дверь. А она распахивается, растворяется. Один, в глаза глядя, глубоко и тепло глядя, говорит устало – надо собираться». Как, при всех страхах Шаха, умиротворительно хорошо от подобной явственно навеванной теплоты, делающий этот эпизод знаковым, неким желанным символом благополучного ухода. Нам не знать, так ли это происходит на самом деле, посмотрят ли в глаза, посмотрят ли тепло, скажут ли успокоительно тихое, но непреложное «надо собираться». Но захотелось, чтобы так оно и было со всеми нами в последний час. Уйти «без холода внутри, немоты во рту» [3, с. 95]. Уйти спокойно, буднично, доверившись теплу их, уважая их труд, их усталость.

Сумерки – знак: прошёл ещё день, и снова никто не заглянул. Отсюда и мысли о невозможном, для Шаха невозможном, окошке, за которым из века в век сидит невидимый мудрый некто. Нужен собеседник «желательно глухой, ещё лучше глухонемой, но с глазами, в которых согласие... Не то чтобы понимание было невозможно – нежелательно» [1, с. 80]. И зависть к тем, кому доступно исповедальное окошко это. И неприятие, и ирония: а хорошо ведь придумано, как на речку сходить, даже не помыться, не очиститься – обмануться, «немного заговорить свой страх, свой стыд, своё отчаяние» [3, с. 81]. И удивление мудрым откровением, милосердной истиной одного из отпускающих, молчавшим, должным молчать, но вдруг разговорившимся о давно понятом: «Люди более несчастны, чем принято думать. И вся суть в том, что не существует взрослых» [3, с. 81].

Порыв возразить обрывается на полумысли. Эта категоричная формула «точно – не существует взрослых», пронизывающая весь текст, только поначалу кажется надуманной. Что с тех даров ушедших, что с их памяти, знания и опыта, оставленных нам, если они, должные учить, не учат. Вот тут-то и срываешься – тем и ценен текст – на что-то своё и на многое не своё, но близкое по мировосприятию, невольно, может быть ошибочно, приписывая автору собственное видение в частном общезначимого.

Казалось бы, каждое поколение должно продолжать опыт ушедших, отталкиваясь от их заряда и энергии, их разочарований и потерь. Ведь это так просто, это как охота зимой, которая, по мысли другого героя Кучмезовой, должна быть успешной: «...Надо только догонять следы (на снегу) и всё. А это и скучно, и стыдно» [3, с. 85]. Не здесь ли кроется смысл самого названия пьесы. Действительно, что человеку чужой опыт, чужие ошибки, ему нужно пройти через свои обретения и потери, набить собственные шишки. Он упрямо открывает жизнь заново, делает первые, но свои, гордые познавательные шаги. Тут вспоминаются взятые Кучмезовой эпиграфом к другой её работе, две строчки от Британишского: «Хоть званье «человек» потомственно, / Но каждый начинает заново...» [2, с. 8]. То есть проживает свой отрезок-ломоть отнюдь не последовательно, а как бы по параллели.

В «Реквиеме по столетию» Г. Яропольского слова:

*Есть ветра меж ветрами, что ведут себя так,
словно в щель меж мирами задувает сквозняк [12, с. 1].*

Сквозняк, озноб этот и пределы иные, пунктиром очерченные, относятся к веку нынешнему: какие холмы хлама возведёт ещё человечество, удастся ли ему сохранить себя в нём? Понимаю и другое, перекликающееся с кучмезовской формулой: нет возраста, нет взрослых и детей, все мы – и взрослые и дети одновременно:

*Никакой смены лет.
Смерть с рождением одновременны.
... Жизнь годами не счесть,
ибо все времена – параллельны [14, с. 1].*

Эти же мотивы и у Бродского в стихотворении «Fin de Siecle» [5, с. 736], метафорический лейтмотив которого – время-век, свистящим бичом убивающее, ластиком стирающее жизнь, делающее нас предметами прошлого. Такова реальность каждого поколения.

Не Кучмезова, не Яропольский, не Бродский – первооткрыватели предощущений конца. Эти же настроения, как известно, были свойственны обществу рубежа девятнадцатого-двадцатого веков, даже обрели в творческой среде своё название: «Fin de siècle». Конец века, то есть. Правда, нынешние составители словарей легковесно объясняют это выражение как синоним утонченности переживаний, усталости от жизни, пессимизма и очарования смертью, прививая нам пренебрежительную мысль о пресыщенной интеллигенции той поры, развлекавшейся декадентскими шалостями, игравшей в надуманную гибель. «... О, тоска! Через тысячу лет / Мы не сможем измерить души: / Мы услышим полет всех планет. //...А пока – в неизвестном живем / И не ведаем сил мы своих, / И, как дети, играя с огнем, / Обжигаем себя и других...» [4, с. 170]. Вот уж точно, человек в конце концов познает космос, но ни себя.

«Fin de siècle» [11, с. 1] – так назвался и Яропольский. Надо полагать, у него было особое отношение к Бродскому, что так демонстративно повторял его и в «Проекции времени» [13].

Всеобщий интерес к картине «Охотники на снегу», брейгелевским холмам, сюжетам, мотивам в нашей поэтической среде, где отметились такие высокие имена как Кукин, Мясин, Сущий, Гандлевский, был вызван фильмом Андрея Тарковского «Солярис». Но что связывает этот фильм и «Охотники зимой» Кучмезовой с застывшим брейгелевским сюжетом из глубины веков? С чего это на стене горского дома Шаха и на космической станции в «Солярисе» репродукции этой картины?

Если о фильмах Тарковского нужно говорить, что они поэтичны, литературны, то о работах Кучмезовой – они кинематографичны, неторопливым покадровым перемещением повествования. Оба автора похожи выжидательной, порой застывшей вдумчивостью и в выжидательной вдумчивости этой – внутреннее повествование, принимаемое внутренним же сознанием без логического умозаключения.

Так чем привлёк Тарковского, а теперь Кучмезову – автора крупных мазков, глубокого мышления и видения, пренебрегающего в повествовании деталями, подробностями, уточнениями и даже целостностью, связностью событий, знающе, зряче, но без напряжения и переживаний допускающего провалы в сюжетах, – Брейгель? Здесь понимание, принятие «Охотников на снегу» больше не в умозрительном восприятии и не в эстетических предпочтениях, а, надо думать, в одинаковом видении жизни, переплетении, совпадении чувствований, выросших из чего-то общего, из общности мироощущения, например.

Эти интонации передал и Джамбулат Кошубаев в цитируемом Шахом стихотворении «Брейгелевский мотив» [7, с. 1], достойно дополнив российскую поэтическую словесность, посвящённую Брейгелю. Последняя строка «Охотники спускаются с холмов», почти повторяющая уже знакомую нам строку, думается, – дань светлой памяти, «кавказскому Дон-Кихоту» Александру Борисовичу Яропольскому. А посвящено стихотворение Рае Кучмезовой в благодарность, как я себе фантазирую, за открытие ему, как и мне, Брейгеля.

Мистическая притягательность мира «Охотников на снегу» в том, что, это тот мир, который мы потеряли, время в котором(поверим) «... Жили люди как боги, со спокойной и ясною душою, горя не зная, не зная трудов. И печальная старость к ним приближаться не смела...» [10, с. 1]. А что же у Кучмезовой в пьесе «Охотники зимой», написанной в самом конце прошлого века? После «Соляриса» Лема (1960 г.) и «Соляриса» Тарковского (1972 г.), прошло всего ничего, но уже нет веры в человека, нет надежды, что вымечтанное Брейгелем общество хоть как-то обустроится. Здесь – без иллюзий, без призывов. Здесь только констатация беспомощности, обречённости, страха. Брейгелевский идеал воспринимается, может быть, глубже, но иначе, с неверием.

Несовершенство, незащищённость, хрупкость перегоронок основ человеческих, не совсем ещё воспринимаемые нами, когда писалась пьеса, самоочевидны теперь, когда радикализация сознания человеческого выросла до степени невыносимой дикости.

Понимаем, может быть, понимание уже нежелательно, но ещё понимаем: мы уже пищим, как инкубаторские цыплята в чью-то паутинную дуду. Мы ещё храбримся, но знаем: нас уже засасывает в эту трубу. Что останется от уникальной сущности каждого, от его всецеленной индивидуальности, если даже сегодняшнее зачаточное состояние инфо-, био-, нано- и каких-то ещё технологий грозит превратить нас в киборгов?

Хотя... Может, так и надо, может, действительно, так предначертано нам, и стоит ли в связи с этим сопротивляться неизбежному и, может быть, вопреки всем нашим страхам, – спасительному? Может, столь разумная природа именно так и устроила нашу будущность, что очередное поколение устанет от приевшегося мира с его допотопными ценностями, заостенело сложившимся миропорядком, потеряет вкус к нему, к знанию, умению радоваться, счастливиться, станет одним «из тех счастливых и бедных, кто уронил свою душу, и даже этого не заметил» [3, с. 91] и без сожаления замкнётся в другой реальности: киношной, игровой, увлекательной, экстравагантной, но другой, фантомной реальности.

По Гачеву, «национальные культуры и цивилизация XX века – суть сообщающиеся сосуды» [6, с. 34]. Мы верили в прекрасное будущее, ревностно рвались вперёд, чтобы познать его первыми, но только обрели знание – сами себя и ломаем. Сумеет ли сохранить в целостности хрупкие стеночки, сумеет ли понять, что в один день снесёт все перегородки. Уже сносит. Уже сумерки. А за сумерками – ночь.

А Брейгель всё бьёт во все колокола. По ком? Кто слышит?

Литература

1. *Бегиева-Кучмезова Р.А.* Отпечаток души одиноличной. [https:// www.proza.ru/2014/08/13/494](https://www.proza.ru/2014/08/13/494) <https://www.proza.ru/2015/10/19/243>
2. *Бегиева-Кучмезова Р.А.* Свет звезды и свечи... К 90-летию Тимура Магомедовича Энеева. М.: ИПМ им. М.В. Келдыша, 2015. 192 с.
3. *Бегиева-Кучмезова Р.А.* Мгновений кольца, времени круги... Книга прозы. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2016. 244 с.
4. *Блок А.А.* Полное собрание сочинений. Т. 4. М.: Наука, 1997. 642 с.
5. *Бродский И.А.* Полное собрание сочинений. Стихотворения и поэмы (1940–1996) 2005. 1134 с. <http://brodsky.da.ru>.
6. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 544 с.
7. *Кошубаев Дж.П.* Брейгелевский мотив. 45-я параллель. Поэтический альманах. https://45parallel.net/dzhambulat_koshubaev/breygelevskiy_motiv.html

8. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

9. Султанов К.К. От Дома к Миру: этнонац. идентичность в лит. и межкульт. диалог. М.: Наука, 2007. 302 с.

10. Тарковский А.А. Будущие времена. Интервью шведской газете «Дагенс Нюхетер». 12 апреля 1981 г. «Искусство кино», 2002. № 12.

11. Яропольский Г.Б. Стихотворения и поэмы. Холмы Хлама. Реквием по столетию. Fin de siecle. <https://www.stihi.ru/2010/09/10/6933>

12. Яропольский Г.Б. Стихотворения и поэмы. Холмы Хлама. Реквием по столетию. Холмы Forever. <https://www.stihi.ru/2011/04/02/4821>

13. Яропольский Г.Б. Стихотворения и поэмы. Холмы Хлама. Реквием по столетию. Я не киборг. <https://www.stihi.ru/2012/10/17/3717>

14. Яропольский Г.Б. Стихотворения и поэмы. Проекция времени. <https://www.stihi.ru/2013/07/20/5297>

TWILIGHT OR BRUEGEL PASSION
(on the material of the one-act play by R. Begieva-Kuchmezova
«The Hunters in the Winter»)

Bidzhiev M.M.

Moscow, an independent researcher

Within the framework of ontological poetics, the author analyzes the philosophical and psychological play by R. Begieva-Kuchmezova «Hunters in Winter», inspired by the picture of the famous Dutch artist Pieter Bruegel (1525–1569) «The Hunters in the Snow». Opening the allegorical meaning of metaphorical images, the author goes back to reflections on the meaning of human life, freedom and responsibility, childhood and maturity, the mountain aul and megalopolis, archetypical values and scientific and technical progress. Numerous intertextual references to the works of I. Brodsky, A. Tarkovsky, S. Lem, N. Matveeva, G. Yaropolsky, Dzh. Koshubaev allow the author to recreate the contours of the current artistic breugelad, in which the play of modern talented Karachay-Balkar writer takes its rightful place.

Keywords: *modern dramaturgy, Raya Begieva-Kuchmezova, play, Pieter Bruegel, plot, ontology, hidden meaning, spiritual experience, technological civilization.*

УДК 821.512.142. (560)3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ И ИХ БЫТОВАНИЕ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ДИАСПОРЕ

Биттирова Т.Ш.

г. Нальчик, ИГИ КБНЦ РАН

В статье рассматривается характер бытования карачаево-балкарского историко-героического эпоса в диаспоре. Уделяется особое внимание их семантическим трансформациям, соотношенности основных параметров текстов, известных на исторической родине и в зарубежье, как единой художественной системы. Анализу подвергаются исторические песни, созданные в диаспоре, их проблематика и художественная специфика.

Ключевые слова: *историко-героический эпос, диаспора, художественные истоки, специфика жанра, фольклор.*

Историко-героический эпос балкарцев и карачаевцев занимает значительное место в устном народном творчестве. По своему объему эти песни и легенды уступают лишь сказкам. Помимо значительности по объему, они существенны и по своей семантике. В них заложена память о предках, их борьбе за сохранение родных очагов, за свое человеческое достоинство. В них сохранилось прошлое – мир ушедших предков, понятный современным поколениям, благодаря параметрам этнокультуры, сохраненным в историко-героическом эпосе. Этот жанр фольклора привлекал внимание исследователей с самого начала зарождения национальной фольклористики [5; 6; 7; 8].

Опирируя двумя принципами – тематическим и историко-хронологическим данный жанр фольклора можно разделить на следующие группы:

1. *Фамильные песни.* Величальные песни о карачаево-балкарских княжеских фамилиях Рачикаовых, Кубадиевых, Жансоховых, Урусбиевых и др. следует подчеркнуть, что большинство фамильных песен

не сохранилось, о чем свидетельствуют многие информаторы и исследователи.

2. *Песни сопротивления*, посвященные борьбе народа в отстаивании своей земли в столкновениях с соседними и пришлыми народами.

3. *Песни социального протеста*.

Песни социального протеста созданы позднее предыдущих (в течение всего 19 века) и поэтому сохранились намного лучше. По своему хронологу они охватывают предреформенный и пореформенный периоды, т.е. время драматических социальных коллизий.

4. Небольшой цикл песен, посвященных *русско-кавказской войне*, передает трагедию времени, когда Балкария и Карачай входили в состав Российской Империи. В песнях-балладах «Большой Хож», «Хасаука», «Шамиль» наряду с воспеванием подвигов горцев говорится о необходимости выжить в новых условиях, о ценности человеческой личности в переломную эпоху.

5. *Песни мухаджиров – «Стампулчула»*. Несмотря на то, что эти песни созданы относительно недавно, имен авторов не сохранилось. Они были сочинены в последней четверти XIX – начала XX века, до Октябрьского переворота. «Стампулчула» («Стамбульцы»), «Стамбулгъа кѣчгенлени жырлары» («Песня ушедших в Стамбул»), «Мухажирле» («Мухаджиры») под такими названиями объединены десятки песен разных неизвестных авторов. В отличие от диаспоры на исторической родине их сохранилось немного. В среде мухаджиров до последнего времени они превалировали над остальными. Главное содержание песен «Стампулчула» – тоска по покинутой родине, по родственникам и друзьям. Вместе с этим они полны неуверенности в своем будущем, растерянностью перед жизнью на чужбине.

6. *Песни о русско-турецкой войне*.

Их немного, и авторы песен неизвестны, несмотря на то, что это песни нового времени. «Ушедшие на японскую войну» («Япон урушха баргъанла»), «Япон урушха кетген жашланы жырлары» («Песни ушедших на японскую войну парней»), «Бизни жашла чыкъдыла...» («Вышли наши парни...») – в этих песнях часто перечисляются имена ушедших на русско-японскую войну, оплакиваются убитые на фронте молодые люди.

7. *Песни о революции и гражданской войне*. Эта жанровая разновидность песни. Существуют также песни, сочиненные авторами из другого лагеря, противостоящего большевикам. Но они практически

не вошли в научный оборот и не изданы, за исключением небольшой публикации «Бузулгъан дуняны жырлары» – «Песни разрушенного мира» Т. Биттировой [4].

8. *Песни о Великой Отечественной войне.* В этой тематической группе в диаспоре мало песен, и они ограничиваются песнями мульттежи, представляющие собой сюжеты одновременно антифашистские и антисоветские.

9. *Песни-плачи выселения.* Песни выселения – это коллективный эпос, не поддающийся статистике, ибо в каждой семье сочинялись и пелись песни-плачи, сопровождая ежедневные трагические потери в годы депортации карачаево-балкарского народа [см. подробнее – 2, с. 125–140].

В фольклоре карачаево-балкарских мухаджиров хорошо сохранились историко-героические песни, о чем свидетельствуют как полевые записи, так и исследования ученых зарубежья [9]. Но самое ценное для нас то, что в диаспоре сохранились тексты, исчезнувшие из репертуара исполнителей Балкарии и Карачая и не записанные учеными на Родине их варианты. Исторические песни, сохраненные в турецкой диаспоре, многообразны как по тематике, так и по парадигме жанровых подвидов: начиная с песен средневековья до современных, посвященным защитникам родины. Закономерно, что в зарубежье лучше всего сохранились и больше встречаются «Стамбулчуланы жырлары» – «Песни ушедших в Стамбул». В них повествуется о причинах, вынудивших покинуть отчий дом, о трудностях обустройства на новых местах поселений, о надеждах... Следом за ними идут песни «мехметчилик», посвященные павшим в различных войнах Турции, начиная с первых лет мухаджирства. «Мехметчилик» – термин, в этимологии которого ясно слышится имя Мехмета. Мехмет – это сокращенное от имени пророка, так называли в младенчестве и до юного возраста мальчиков, нареченных именем Мухаммад. Так стали называть молодых людей, призванных в армию, имя стало нарицательным и вошло в фольклор народов Турции как имя защитника Родины.

1. Карачаево-балкарские мухаджиры живут в условиях дисперсного существования. Этническое рассеяние по всей стране, естественно усложняет жизнь диаспоры, при этом облегчая процесс ассимиляции. Дисперсным характером проживания можно объяснить тот факт, что фольклор в разных вилайетах проживания мухаджиров также отличается своим составом. Фольклор жителей самого большого карачаевского села Башюйюк у города Конья отличается от фольклора

близлежащих к городу Эскишехир карачаево-балкарских поселений. Так, к примеру, в селении Килиса проживают выходцы из Теберды и потому здесь записано несколько вариантов песни «Вторая чума» («Экинчи эмина»). Они отличаются от песни, сочиненной в свое время Семеновым Калтуром.

1. В диаспоре с большим трепетом относятся к художественному наследию народа, стараются сохранить в рукописях и аудиозаписях (в последнее время и в видео) фольклорные произведения. Существуют значительные коллекции, собранные энтузиастами. К таковым можно отнести записи Эртургула Коча (Кочкарова), продолжившего дело своего отца Тахира. Тахир Коч записывал сказителей старшего поколения, начиная с 50-х годов XX века. Эртургул расширил коллекцию своими собственными полевыми записями, а также записями известного в диаспоре музыканта Халюка Эсена. В некоторых случаях он свел тексты воедино, тем самым восстановив недостающие элементы сюжетов песен. К примеру, песня из его коллекции – «Чепеллеу». В опубликованной Эртургулом песне мы находим все сюжетные линии известной в карачаево-балкарском фольклоре песне «Загъаштокъ улу Чепеллеу» [1]. Публикация содержит не сохранившиеся детали и систему тропов.

Здесь и путь героя в набеге короче. Но более подробнее рассказывается эпизод взятия в плен мальчиков в сванском селе. Пленные мальчики рассказывают о ситуации в селе, чего нет в изданных вариантах:

Если так, у жестокости нет предела,
Мы расскажем о тайнах нашего села.
Как собаки, боящиеся за свою жизнь,
Мы тоже предадим свою родину врагам.
В селе нет никого, – все на работе,
Все, кто может держать в руках оружие, работают.
В домах остались только лежащие старики,
Или не могущие завязать шнурки чабыров¹, дети.
Ой, хоть нам живыми остаться после вас.

Здесь и далее подстр. пер. Т. Биттировой

---

¹ Сыромятная обувь балкарцев и карачаевцев.

Поверившие словам детей, участники набега, ищут и находят пленников в другом месте, чего нет в известных вариантах:

Песня о Чепеллеу Загаштокове, сохраненная в полном варианте в диаспоре, входит в цикл набеговых песен, который имеет и другое название – «кёнчекликге барыу», буквальный перевод – «поход за штанами», т.е. набеги совершались не только для взятия в плен людей, но и с целью разграбления имущества.

Время создания набеговых песен «Татаркан», «Джандар», «Батыр Басханук», «сын Загъаштока Чёпеллеу», «Отара Кубановых», «Бекмырза и Кайсын», «Илияс», «Заурбек», «Салимгерий» можно определить XVI–XVIII веками. В них восхваляются защитники отечества, проклинаются те, кто приходит в дома горцев, грабит и уводит в плен соплеменников. Осуждается набег вражеской стороны, в то время как сам набег, как социальное явление не представляется социальным злом. Противоречивость идеологии этого цикла исторических песен, в подсознании творцов песен, подспудно и безотчётно приводит к гибели героев произведений. Практически нет исключений из этого правила. Как бы ни воспевалось набеговая практика средневековья, общество в целом не может полностью разделять ее жестокость.

Поддерживая тех, кто защищает родных и близких от увода в плен, творцы песен («Бекмырза и Кайсын», «Татаркан», «Джандар», «Карамусса», «Сарыбий и Карабий»), народные певцы одобрительно относятся к действиям героев песен. В песнях «сын Загъаштока Чёпеллеу», «Чюерди», «Абдулкерим», где соплеменники нападают на соседей нет четкого осуждения участников набега, хотя, как сказано было выше, осуждение идет на уровне подсознательного и непременно предполагает случайную или роковую гибель героев. Такая двойственность была свойственна средневековым представлениям о добре и зле. С установлением ислама как общенациональной религии, меняется и отношение к личной свободе человека и неприкосновенность его имущества становится одним из принципов жизни социума.

В песенной культуре мухаджиров любого кавказского народа одно из главных мест занимают плачи (кюй). В них говорится о причинах исхода, о трудностях на новых местах проживания, о неприятии новых обстоятельств и т.д. Тоска по родным местам и близким, оставшимся на Родине, соединяясь с осознанием своей трагической ошибки, создают психоэмоциональный фон произведений. События, совершавшиеся накануне переселения, также отразились в песнях мухаджиров.

На глазах у тебердинцев происходили события, связанные с Солтан-хаджи Байчоровым, противостояние царским властям, дважды сосланным его в Сибирь. Вся вина Байчорова заключалась в том, что он не хотел отдавать в казну свои земельные наделы и другое имущество в Теберде. Народные певцы дают беспощадную оценку своим соплеменникам, не поддержавшим Солтана-хаджи.

Текст песни, записанной в диаспоре, содержит много новых для своего времени создания понятий, в основном отражающих реалии российской политической культуры. Это и «приговор», и «площадь». Несмотря на то, что в карачаево-балкарском языке имеются их аналоги, авторы и исполнители в диаспоре используют их для создания соответствующего времени антуража.

Хорошо сохранившиеся в диаспоре часть исторических песен – «Джансоховы», «Азнаур», «Чепеллеу», «Бийнегер», «Илияс», «Джандар», «Канамат», «Чора», «Маука» находились в репертуаре народных певцов до последнего времени. Сравнение их с записанными на родине песнями показывает, что в них сохранилось в подлинности много исторических фактов и персонажей и, что немаловажно, доподлинная оценка деяний этих героев.

В настоящее время в диаспоре известны две песни под названием «Канамат», но они повествуют о разных людях. Любимая молодежь диаспоры песня «Канамат», несмотря на то, что вобрала в себя некоторые элементы исторической одноименной песни, рассказывает о событиях периода советизации Карачая. Она посвящена судьбе Халкечева Канамата, примкнувшего в 1918 году к большевикам и служившим комиссарам в нескольких аулах Карачая. В 1920–1921 годах он был первым секретарем комячейки в Малокарачаевском районе и, по свидетельству песни, был убит в 1921 году «орус аскерле» – русскими войсками. Помимо общности имен в этих песнях похожие зачины, одинаково оплакивается смерть героя.

Как известно, в период русско-японской войны много сыновей карачаево-балкарского народа участвовали в ней и сложили свои головы. И народ сложил много песен, посвящая их павшим воинам. Поскольку это событие совпало по времени со второй волной мухаджирства (мы склонны считать русско-японскую войну, когда была первая масштабная мобилизация горского населения, одной из причин мухаджирства), эти песни хорошо сохранились в диаспоре. Кроме того, здесь обнаружены песни, неизвестные на родине. Популярный в диаспоре на-

родный певец из селения Килиса Юсуф Чаууш (Болуров) имел в своем песенном репертуаре такую песню. В ней рассказывается о том, как обманым путем взяли на войну всех трех сыновей у вдовы Пачахан:

...Нас посадили на
Двухаршинные кони.
Мы завещали мать Пачахан
Беззубым старикам села.
...Мать Пачахан рвет на себе волосы
Поняв поздно, и опомнившись.
Сестра моя горько плачет,
Рухнув около окна...

Подстр. пер.

В песенной культуре балкарцев и карачаевцев особое место занимает песня «Гапалау», изначальная мелодия и стихи песни были настолько привлекательны, что ее исполняют как народные, таки профессиональные певцы. К ней обращались многие композиторы, подвергая изначальную мелодию собственной аранжировке. Она грустна и загадочна и, в какой-то мере, универсальна, иначе и не было бы такого всеобщего интереса. Ее минорные ноты близки слушателям и исполнителям, и каждый из них ее исполняет по-своему. В основном, ее исполняют мужчины, и в их исполнении она звучит как гимн мужскому достоинству, храбрости и силе. Женское исполнение слышится как плач матери по убиенному сыну, где беспредельное горе становится глубже и острее, благодаря образной системе песни. Песня неоднократно записывалась у певцов-импровизаторов диаспоры. Она была столь популярна в диаспоре, что вошла в репертуар государственного филармонического оркестра Турции.

В карачаево-балкарской диаспоре сохранились песни, исполнение и публикация которых на родине были невозможны из-за идеологических соображений. Тем не менее, они интересны и своим историческим фоном, и исчезающими этнологическими знаниями. Они не публиковались в первую очередь, потому, что в них говорилось о взаимоотношениях князей и подвластных в неудобном для социалистической идеологии контексте. Помимо всего прочего, эти рассказы говорят о жестких отношениях внутри семьи и обществе. Об этом же говорится в песне «Даулетхан», записанной нами в 2014 году у 87-летней

Баллуевой Мисирхан (начиная с 1960-го, проживает в Стамбуле). Если учесть, что упомянутый в песне Энеев Жумакку оказался в Турции после 1868 года, то песня сочинена раньше этого периода, до отмены крепостного права в Балкарии. Жумакку был братом известного вероучителя и улема Энеева Али-Эфенди. По сведения информатора, девушка по имени Даулетхан полюбила парня из фамилии Энеевых и имела с ним связь. Однако Жумакку не захотел на ней жениться. Таким образом, Даулетхан выходит замуж за нелюбимого: «отдали меня за инвалида Кърау по имени Тукъум. Девушка сочинила песню-проклятие, в которой обвиняет во всех своих злоключениях Жумакку.

Среди сохраненных в карачаево-балкарской диаспоре песен вызывает интерес одна удивительная песня. В ней рассказывается о несчастной судьбе девушки, выданной замуж за русского солдата:

По обе стороны от меня два солдата играют,
А внутри меня
Чёрные казаны кипят.
С наступлением утра
Совершаю обязательный намаз,
А вечером же
Глотаю свинину.
Утром смотрю
Из Христианской церкви,
Вечерами
Считаю звёзды

Подстр. пер.

Перечисляя свои злоключения, девушка жалуется на то, что ей пришлось поменять свою веру и принять христианство.

В исторических песнях карачаево-балкарского народа, как и у других народов, отражается его путь в истории, отдельные события и героические личности. В них трагические события превалируют над драматическими, не говоря уже о периодах процветания. Как писал В.М. Жирмунский, исторические песни и предания, созданные по следам реальных событий, представляют собой народную интерпретацию и оценку этих событий [3, с. 385]. В них события даются не со стенографической точностью, часто рамки хронологии размыты, имена героев искажаются, даже идеологические концепты теряют свою первозданность.

Все это не умаляет их ценности, как свидетельств давно минувших дней. Историко-героический эпос карачаево-балкарского народа веками заменял его письменную историю, оказывал большое влияние на формирование патриотизма и героизма у подрастающего поколения. Сказители историко-героических песен и легенд придавали им сакральный смысл и потому, по возможности, старались донести их, не искажая содержание и форму.

Литература

1. «Бирлешик Кафказия». Эскишехир, 1996. № 9. (Birleşik Kafkasya. Sayı: 9. Eskişehir, 1996).
2. Биттирова Т.Ш. Литература и фольклор карачаево-балкарского зарубежья. Нальчик, 2018. 192 с.
3. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 725 с.
4. И будет течь река Итиль... Биттирланы Т.Ш. Итиль сууу агъа турур... Нальчик, 1998. 192 с.
5. Къарачай-малкъар фольклор. Нальчик, 1996 ж. Хазырлагъан Хаджиланы Т.М. (Карачаево-балкарский фольклор. Нальчик, 1996. Сост. Хаджиева Т.М.). 592 с.
6. «Къарачай таурухла» («Карачаевские легенды»). Микоян шахар. 1941.
7. Эски жырла. Басмагъа хазырлагъан Джуртубайланы Х.Ч. «Минги Тау», 1993. № 4.
8. «Эски къарачай жырла» («Древние карачаевские песни»). Микоян шахар, 1940.
9. Yilmaz Nevruz, Eski Cirla, Birleşik Kafkasya Dergisi Yayını, Eskişehir, 2000.

HISTORICAL SONGS AND THEIR EXISTENCE IN KARACHAY-BALKAR DIASPORA

Bittirova T.Sh.

Nalchik, IGI KBSC RAS

The article deals with the nature of the Karachay-Balkar historical and heroic epic in the Diaspora. Special attention is paid to their semantic transformations, correlation of the main parameters of texts known in the historical homeland and abroad as a single artistic system. Historical songs created in the Diaspora, their problems and artistic specificity are analyzed.

Keywords: *historical-heroic epic, the Diaspora, the origins of art, the specificity of the genre, folklore.*

ПРИНЦИП КОНТРАСТА В ПОЭЗИИ К. КУЛИЕВА

Керимова Р.А.

г. Нальчик, ИГИ КБНЦ РАН

В данной статье рассматривается прием контраста в поэзии К. Кулиева. Контраст в системе стиля автора является одним из доминирующих средств, посредством которого поэт акцентирует внимание читателя на ключевых аспектах. Вместе с тем экспрессия в лирике К. Кулиева достигается посредством обращения к изобразительно-выразительным художественным средствам, созданным при помощи приема контраста на базе функционально-семантических категорий интенсивности и негопозитивности.

Ключевые слова: *К. Кулиев, контраст, поэзия, художественное пространство, архетипы.*

Творчество классика балкарской литературы Кайсына Кулиева занимает особое место в отечественной и мировой художественной культуре, и тайна постижения глубин его мастерства до сих пор неизменно привлекает внимание исследователей. Поэтический мир К. Кулиева сложен и многообразен, его творчество эволюционировало под влиянием исторических и социально-политических процессов в мире [3].

Одним из проявлений самобытности в поэзии К. Кулиева является свойственное ему контрастное восприятие мира, ядром обобщенно-типизированных способов выражения которого, бесспорно, является антитеза [2; 5]. Основу его художественного пространства составляют универсальные архетипические образы: *жизнь – смерть, добро – зло, любовь – ненависть, земля – небо, счастье – страдание, радость – боль, также цветовые значения: белый – черный, яркий – темный* и т.д. Антитеза не только риторическое противопоставление, фиксация контраста в художественной литературе, но и способ создания определенного этнокультурного маркера. Надо признать, что антитестическое построение этических представлений народа, – художественно-выразительное

средство карачаево-балкарской поэзии, которое сохранилось и развилось и в поэзии зарубежья [1, с. 66].

К. Кулиев мастерски использует многообразие и большой спектр языковых форм, с помощью которых реализует поставленные цели, достигая особую экспрессивность в тексте.

Контраст является одним из стилеобразующих элементов в творчестве поэта. Прием актуализации (сопоставления) является характерной чертой идиостиля Кулиева. Экспрессия достигается в немалой степени благодаря богатейшему спектру изобразительно-выразительных средств, созданных посредством контраста на базе функционально-семантических категорий интенсивности и негопозитивности. Целью автора является акцентирование внимания читателя на ключевых моментах, а также воздействие на эмоциональную и интеллектуальную сферы читателя.

Из множества разнообразных сочетаний можно выделить символы, построенные на контрастирующих признаках. В поэзии К. Кулиева распространены цветовые и абстрактные сопоставления: //Экибиз жашайбыз, / бир бирни / Бир кьууандыра, бир жарсыга, / Кюнубюз кьууанч бла чыгып, / Ингирде жарсыу бла бата// [4, с. 22]. (Мы живем друг друга радуя / иногда огорчая, / Утро приходит с радостью / А вечер грустью наполняет) (Подстр. переводы здесь и далее наши – К.Р.).

Высока частотность использования К. Кулиевым лексемы со значением *черный*. При этом в системе контраста природные явления занимают весьма значительное место. Автор создает самые разнообразные образы, при этом цветовая гамма способствует передаче тончайших настроений: //Дунядагы бушуу – Къара тауну жели, / Дунядагы кьууанч – Ол акъ тауну жели// [4, с. 67]. (Если есть на свете беды – Это ветры черной горы, / Если есть на свете счастье – то это ветер белой горы). Посредством контраста поэт передают свое психологическое состояние. Например, в цветовом образе *красным по белому* есть предчувствие беды. Контрастное изображение часто построено антонимами (антитеза), с помощью фигур соединения, разделения, чередования, последовательности противоположностей и т.д.:

*В мой легкий день я буду вспоминать
Пирь, где я плясал, и песен звуки.
В мой трудный день я буду вспоминать
Твое лицо и руки [4, с. 25].*

Подстр. пер. С. Липкина

В числе антонимов выделяется большая группа, выполняющая функцию контрастного изображения психологического состояния героя.

Часто встречаются сопоставления: *жизнь – смерть; живой – мертвый; жить – умирать; черный, темный – белый, ясный* и т.д. При обозначении статуса отношений, поэт использует антонимы: *свой – чужой, друг – враг, наш – вражий*. Психологическое состояние героя передается посредством обращения к абстрактным явлениям: *счастье – горе, радость – горе, грусть – веселье, смеяться – плакать* и др. Здесь можно проследить за динамикой душевных переживаний героя.

Оригинальность использования приема контраста в поэтическом стиле Кайсына Кулиева обусловлено его мировоззрением, в основе которого заложена формула «движения жизни», смена и постоянные перемены, обновления заложенные природой – являются основополагающими законами бытия. И только движение – есть жизнь, и только она может быть вечной, несмотря на постоянные изменения, происходящие в ней. Нет ничего более постоянного, чем само непостоянство.

Контрастное мировосприятие четко отражается в поэтическом стиле К. Кулиева. Поэт мастерски реализует данную идею в своих произведениях посредством различных художественных средств (метафоры, сравнения).

Контрастное видение мира позволяет К. Кулиеву изображать его диалектически, в его противоречиях, во взаимодействии противоположных начал. Вместе с тем, такое видение вытекает из особенностей философско-мировоззренческой основы его поэзии.

Литература

1. *Биттирова Т.Ш.* Къарачай-малкъар диаспорада суратлау чыгъармачылыкъ = Литературно-публицистическая деятельность в карачаево-балкарской диаспоре. Нальчик, 2015. 181 с.

2. *Гузев Ж.М., Махиева Л.Х.* О переходе самостоятельных слов в эмоционально-экспрессивные (на материале карачаево-балкарского языка) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 3 (65). С. 270–276.

3. *Керимова Р.А., Махиева Л.Х.* К. Кулиев в контексте литературных взаимодействий и взаимовлияний // Творчество К. Кулиева в контексте мировой художественной культуры. Нальчик, 2018. С. 91–98.

4. *Кулиев К.Ш.* Собрание сочинений: в 3-х томах. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. М.: Художественная литература, 1976–1977. 445 с.

5. Махиева Л.Х. К проблеме антонимии в современном карачаево-балкарском языке // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2017. № 1 (32). С. 81–84.

THE PRINCIPLE OF CONTRAST IN THE POETRY OF K. KULIEV

Kerimova R.A.
Nalchik, KBIHR

This article discusses the method of contrast in the poetry of K. Kuliev. Contrast in the author's style system is one of the dominant means by which the poet focuses the reader's attention on key aspects. At the same time, expression in the lyrics of K. Kuliyev is achieved by referring to graphic-expressive artistic means created by taking contrast on the basis of functional-semantic categories of intensity and non-positivity.

Keywords: K. Kuliev, contrast, poetry.

**ИНДЕКС БАЛКАРСКОГО ГЕНДЕРА
(на материале сборника новелл и эссе Р. Бегиевой-Кучмезовой
«Мгновений кольца, времени круга»)**

Кучукова З.А.

г. Нальчик, КБГУ

Автор статьи дает литературоведческую оценку прозаическому сборнику балкарской писательницы Р. Бегиевой-Кучмезовой, пишущей на русском языке. Вычисляя индекс балкарского гендера на материале указанной книги, автор подробно анализирует внутреннее содержание таких культурных кодов как «круговое вращение», «речной комплекс», «геронтофимия», «архетипическое», «инновационное». Среди ключевых черт, характеризующих суть современной северокавказской горянки, автором выделены нон-феминизм, эгожертвенность и здоровый консерватизм.

Ключевые слова: балкарская проза, Бегиева-Кучмезова, сборник, гендер, этногендер, космо-психо-логос, андроцентризм, круг, речной комплекс, архетип.

Антропология – одна из древнейших наук в мире. При этом парадоксальным образом никому из ученых мужей не приходила в голову идея дифференцированного изучения человеческого рода, сосредоточив внимание отдельно на «мужчине» и отдельно на «женщине». Современный гендеролог, доктор философских наук Галина Андреевна Брандт, мысленно обращаясь ко всем своим предшественникам-философам, задает далеко не риторический вопрос: «Как могло случиться, что философия, объявившая с приходом Сократа человека центральным своим предметом, оставила, тем не менее, половину человечества больше, чем на 2, 5 тыс. лет на обочине внимания? [3, с. 7].

К счастью, недочет своих предшественников современные ученые в ускоренной форме устраняют – повсеместно проводятся научные

конференции, семинары, защищаются диссертации, пишутся статьи и монографии, посвященные гендерной проблематике.

Сразу скажем, что «до конца 1980-х годов гендерные и женские исследования употреблялись как синонимы, начиная с 1990-х годов под гендерными исследованиями стали понимать изучение всех форм взаимодействия и сосуществования мужчин и женщин в разных культурах и обществах» [9, с. 116].

Приметой XXI века стал приоритет этногендерных исследований, поскольку пришло понимание того, что «женственность и мужественность по-разному реализуются в гендерных идеологиях различных этнокультур» [13, с. 172]. Приведем простой пример, который избавляет от долгого теоретизирования: американский гендер никак не может быть равен кавказскому. Этот очевидный пример обуславливает актуальность именно этногендерных исследований, иначе есть риск скатиться в умозрительное, схоластическое вещание о «мужчинах» и «женщинах».

Предметом исследования в данной статье является индекс балкарского гендера, изученный через один, отдельно взятый источник, а именно, сборник прозы Раи Бегиевой-Кучмезовой «Мгновений кольца, времени круги» [2].

Писательница родилась в 1951 году в Киргизии в семье репрессированных родителей. Когда девочке исполнилось шесть лет, семья Кучмезовых вместе со всем балкарским народом вернулась на Кавказ и поселилась в сел. Белая Речка (Ак-Су). Здесь будущая писательница окончила среднюю школу. Имеет высшее образование – Литературный институт им. Горького (1981). Член Союза Писателей России. Ее перу принадлежат следующие издания: «И мой огонь горел» (1996), «Я один из вас. Я жил» (1996), «В начале мироздания был только свет» (2011), «Балкария. Лики. Знаки. Тексты» (2012), «Вечен тот, кто вечному внимал» (2014), «Свет звезды и свечи» (2015), «Мгновений кольца, времени круги» (2016).

Любая книга начинается с заголовка. «Мгновений кольца, времени круги» – емкость этих четырех слов имеет вселенский, космогонический масштаб и обозначает любые две модели мироздания, где «малое вписывается в большое», включая планету и человека, секунду и вечность, солнечную систему и атом, социальный макромир и микромир отдельно взятой личности и многое другое. В контексте нашего гендерного исследования, естественно, гармоническая соотнесенность большого

круга и вписанного в него маленького «колечка» обозначают семейный лаг между мужчиной и женщиной, их согласованность, полный договор, онтологический «контракт», другими словами, «инь» и «ян».

При расшифровке символики концентрических фигур следует учесть и то, что круг есть «знак женского (материнского) лона» [11, с. 177] в противовес всему вертикальному, мужскому, Вполне логично, что такая «концентрическая онтология» Раи Кучмезовой императивно отражается на доминанте «круглых» женских образов, или стремящихся стать круглыми – это Солнце, Луна, остров, кольцо, глаза, камни, яблоки, подсолнухи, посуда, бревно, озеро, ромашки, лепешки, тыква, змея, сито, апельсин, мяч, арбуз, веретено, перекасти-поле и др. Здесь много и глаголов из области «концентрической геометрии» – кружиться, вертеться, вращаться, возвращаться, закручивать, поворачивать, обнимать и др.

К этому следует добавить цикл Р. Кучмезовой «Времена года», где каждому из 12 месяцев посвящена отдельная новелла – так само время осмыслено в виде одного большого круга.

Речной комплекс

Отечественный философ, культуролог и литературовед Г.Д. Гачев в книге «Ментальности народов мира» установил бытийный закон «Космо-Психо-Логос», согласно которому характер народа (Психея) и склад его мышления (Логос) почти целиком определяются особенностями местной природы (Космосом) [4, с. 34].

Поддерживая и развивая концепцию Г.Д. Гачева, можно сделать интересное дополнение об «эго-ландшафте» каждого отдельно взятого писателя, художественный мир которого во многом предопределен природными «декорациями», которые он обозревал из колыбели, из окна, видел воочию, трогал и изучал, бегая, плавая, играя в определенной окружающей именно его среде.

«Акь Суу» – «Белая Речка» – так называется родное селение Раи Кучмезовой, находящееся в живописной предгорной зоне недалеко от Нальчика. Конфигурация извилистой реки полностью определила и вытянутую конфигурацию длинного села с его причудливыми изгибами, сужениями, расширениями, мостами, белыми камнями и т.д.

В равной мере Белая Речка повлияла и на микропоэтику новелл Раи Кучмезовой, где преобладают водная тематика и водная лексика как

на конкретно-предметном уровне, так и философско-символическом. Один из самых потрясающих, этномаркированных образов – «Лакумы положили в белую посуду со следами речного песка» [2, с. 12] – такое может придумать только человек, живущий у реки.

«Аш-два-о» в рассказах присутствует в виде дождя, ливня, града, родника, травяных настоев, тающего снега, ледника, наводнения, потопа, моря, океана, бассейна, лужи, волн, капли, сухого вина, форели, кувшина, фляги, колонки, корабля, названий рек, соответствующих «водных» глаголов. Единственная песня, которая «поется» в сборнике, тоже «речная» – «Там, вдали за рекой, уж погасли огни» [2, с. 238]. «Бегеме» [2, с. 165] – один из шедевров народного языкотворчества, обозначающий дерево, растущее прямо над рекой в диагональном или горизонтальном положении. Кстати, в переводе с тюркского термин означает «надежный корабль» [2, с. 165].

«Дождем» писательница может измерять степень женской красоты – «Девушка была красивой – губы как дождь, руки как дождь, волосы как дождь. Как можно было не любоваться, не благодарить дождь после засухи» [2, с. 23]. «Такой красоты, какую она несла, наша река не отражала» [2, с. 30], «Сывороткой умываюсь в один день, а в другой – айраном» [2, с. 63].

Удивительно, что в мире Кучмезовой даже время может превращаться в водную субстанцию, которую можно наливать в бутылочку и пить [2, с. 51]. Речка может быть не только подругой, советчицей, утешительницей, но и частью обеденного «стола», как в финале рассказа «Человек ты мой, душа ты моя», где голодная героиня «подошла к речке», у нее были «кусочек хлеба и соль. Намочила в речке, посыпала солью – не было лучшей еды в жизни. Сиж у воды, ноги в воде – счастливая» [2, с. 56]. Целым гимном Белой Речке является новелла «Речки из сна» [2, с. 57].

Одна из самых совершенных новелл в сборнике – «Улыбнуться дальнему», где именно в сердцевине реки происходит сложнейшая алхимия любви, когда к главной героине и к зрителям приходит сознание того, что «за признанием любви стоит требование любви» [2, с. 71]. Важный в философском отношении иносказательный смысл заложен в концовке новеллы, где «он» и «она» наполненную водой флягу ставят на санки и тащат к дому, как «что-то неподъемное, хрупкое, непонятное». Согласно универсальной водной онтологии писательницы, здесь «вода во фляге» – это любовь окультуренная, прирученная, цивилизованная.

По нашему наблюдению, Р. Кучмезова для выражения своих философских размышлений чаще всего пользуется водными метафорами. Так, рассуждая о преждевременной смерти эпистолярной культуры, о том, что «все живое в литературе по сути – письма», автор тут же прибегает к «водному» сравнению, уподобляющему любого творца – жителю «необитаемого острова», который «закупоривает в бутылку» свой текст и отправляет «в океан» с надеждой на «определенность адресата» [2, с. 173].

Все слагаемые Вселенной в многопредметном мире должны мирно сосуществовать, не выходя из своей «самости», не ранив других, соблюдая меру и принцип «золотой середины», в том числе, в вопросах гендерных взаимоотношений. Писательница и сама не замечает, как в этих рассуждениях она вновь переходит на свой любимый «водный язык», на этот раз, цитируя хокку своего японского единомышленника Мацуро Басё:

С треском лопнул кувшин.
Ночью вода в нем замерзла.
Я пробудился вдруг.

Как справедливо и тонко подмечает писательница, «один дополнительный градус холода», «один градус избыточной стужи – и на осколки кувшин, на осколки и то, что внутри него [2, с. 231].

Ключевой кучмезовский образ «белая речка» в новеллистике имеет и ярко выраженное очищающее, дезинфицирующее свойство. В особенности это касается освобождения от идеологических заблуждений, иллюзии, лжи, замешанной на политических играх. Весьма показательна в этом отношении новелла с характерным названием «Значок, упавший в воду». Повествование начинается с эйфории девочки, которая стала октябренок. К ее груди в школе торжественно пристегнули значок с «пухлым мальчиком, маленьким Ильичом», внушив идею о сакральности и бесценности значка, который надо «беречь, беречь», поскольку он «единственный». Как непоправимую трагедию вселенского масштаба, «внучка Ильича» восприняла то, что качаясь на мостике, уронила свой драгоценный значок в воду. Пропажа, естественно, не нашлась. Проблему оперативно решил отец девочки, который съездил в городской магазин канцелярских товаров и привез пять значков – серийных, промышленных, ширпотребных.

Таким образом, речная вода смыла все иллюзии, поспособствовала прозрению юной «ленинистки», которая после этого случая перестала доверять «клятвам на линейках» и «парадам на площадях» [2, с. 202].

Гипотеза существования параллельных миров, духовных порталов также весьма виртуозно и талантливо визуализирована в новелле «Кто снился кому» посредством соположения «тонущей мухи в ведре воды» и «тонущего человека в океане». Спасение бытовой мушки простым движением пальца резонансно отзывается спасением человеческой жизни в океане. В мире, где все взаимосвязано и взаимозависимо, обыкновенный палец в экстремальный момент масштабируется до милосердного великана [2, с. 36].

Страна аксакалов

Страна тинейджеров» [4, с. 184] – так в свое время Г.Д. Гачев назвал Соединенные Штаты Америки, имея в виду, что после открытия Колумбом нового континента, туда в массовом порядке устремились именно молодежь – энергичная, пассионарная, авантюрная, амбициозная. Теория Гачева о «подростковом Космо-Психо-Логосе американцев» [4, с. 184] легко подтверждается густонаселенностью американской литературы молодежью – Том Сойер, Холден Колфилд, дети Компсонов. В ней практически нет стариков, за исключением знаменитого хемингуэйевского старика, но и тот – этнический кубинец.

Совсем иное – кавказская литература, где в основном «прописаны» представители старшего поколения. Это объясняется обращенностью Востока назад, к архетипическим ценностям, культом стариков, сильной корневой системой, предопределяющей художественную геронтофилию.

Открывший книгу Р. Кучмезовой первым делом столкнется со словосочетанием «Старик и девочка», которое определяет не только название отдельного цикла, но и аксиологический, а также гендерный камертон всего издания. Практически в каждой новелле читатель видит соседство и феноменальную дружбу бабушек (дедушек) с собственными внуками или «внуками по Адаму», слышит их взаимоподпитывающие просветительские диалоги. Для писательницы с ее «кольцевой философией» – это абсолютно логичная модель, поскольку «старик и ребенок» и есть замыкание круга, самый актуальный «участок» стыковки традиционного и инновационного. Среднее поколение находится вне писательского фокуса, существование «мам-пап» большей частью лишь предполагается. Это объясняется тем, что писательница сосредоточена

на тех, кто отвечает за «духовную территорию» гор (это старики), а не за социально-экономическую (это работающие родители).

Образы стариков выписаны с огромным почтением и любовью: это алхимики, умеющие видеть невидимое и слышать неслышимое, они улавливают «запах камня» [2, с. 4], у них «ладони исчерчены звездной картой» [2, с. 9], у них «много соли в душе и костях» [2, с. 12], они могут «предсказывать судьбу на кукурузных зернышках» [2, с. 14]. Удивительным образом в художественном сознании писательницы даже фиалки предстают в виде «маленьких старушек, разбегающихся по лесу и рассказывающих о радости» [2, с. 185].

Особыми узами не только родоплеменной, но «учительско-ученической» любви в творчестве Р. Кучмезовой связаны между собой бабушки и внуки. Через систему притч, сказок, народных изречений аксакалы формируют личность молодого поколения, передают им самые главные истины о мире – «Прошу тебя, девочка, никогда не пускай к себе маленькую злобу» [2, с. 60], «Четвергом должен быть каждый день» [2, с. 8], «Все, что за чертой меры – проклято» [2, с. 10] и др. Эти истины настолько драгоценны, что нередко в страхе расплескать их волнами художественного перевода, автор приводит отдельные присловья, пословицы и поговорки на родном языке. В концентрированной форме они приведены в новелле «Слово найдет того, кто услышит его» [2, с. 132].

«Аппа», «Келля», «Амма» – с ударением на последнем слоге такие ласковые формы придумал балкарский народ для обращения к пожилым людям. Этнологи и антропологи термином «геронтотимия» (букв. почитание стариков) определяют статус пожилых и престарелых людей. Как отмечает историк Х.К. Геграев, «их ценили как носителей этнической памяти и большого жизненного опыта» [6, с. 615], что в особой степени актуализировалось жизнью в экстремальных условиях гор.

В полном соответствии с геронтотимической концепцией, выписаны кучмезовские бабушки и дедушки, пришедшие к такой красивой старости, в которой и старости нет» [2, с. 170]. Создается впечатление, что река жизни смыла с них все случайное, греховное, сомнительное, нелепое, меркантильное и перед читателем предстают люди, «отполированные до блеска». Любопытно, что поколение стариков, которое описывает Р. Кучмезова, – это те, которые прошли «социальное рондо» выселения в Среднюю Азию и возвращения, а любое рондо (круг), по словам Г.Д. Гачева, «как речной поток полирует-обтачивает камешки угловатые в гальку» [4, с. 134].

ГОРСКИЙ ГЕНДЕР

Писательница точно, безошибочно изображает в своем мегатексте космо-психо-логос балкарской женщины. При этом, будучи немногословной по своей творческой природе, она много не разглагольствует, а, как импрессионист, прицельным взглядом выхватывает из многообразного бытия ряд атрибутивных штрихов, наилучшим образом характеризующих суть горянки.

Первое – это вязание. «Вязала носки и говорила она о своей любви» [2, с. 161]. «Нагрела воду для купания и вернулась к вязанию» [2, с. 64], «Голубые огоньки, книги, вязание» [2, с. 210] и др. Это древнейшее ремесло, которое горянки Северного Кавказа подняли до уровня искусства, творя из шерстяного хаоса изделия совершенной формы. В этот же ряд маркеров материального «космоса» женщины входят слова «тесто», «сито», используемые как в прямом, так и в переносном смысле. Включим сюда также феноменальную чувствительность женщин к запахам [2, с. 208], интуитивность, граничащую с магическим реализмом [2, с. 195], веру в приметы, заговоры, нетерпимое отношение к режущо-колюще-стреляющим предметам [2, с. 218].

Следующий штрих точно определяет суть не только горянки, но женской ментальности вообще. У каждой женщины есть своя «религия чистоты», своя «белая речка», вызывающая у нее внутреннюю потребность и маниакальное желание мыть, смывать, стирать, отбеливать. Приведем один маленький отрывок из новеллы «Звонок», в котором каждая женщина (необязательно пишущая) узнает себя: «Поставишь все вещи на место, помоешь пол, почему-то непременно пол помыть надо, все в себе и вокруг приладишь, огорчения отодвинешь и почти счастливый идешь к столу, к бумаге белой и звонок неожиданный, ненужный» [2, с. 149].

Сходный восхитительный пример хочется привести из книги С.У. Алиевой «Я сын твой, Теберда», где описывается решение проблемы чистоты карачаевской спецпереселенкой: «Посуды никакой не было. Пол мыть было нечем, я брала большой крапивный мешок, шла к арыку метров 300, набирала в него воды и пока добегала до комнаты, в нем оставалось пол-литра вместе с песком. Схожу несколько раз, смочу полы, а потом вытираю насухо. В комнате было чисто [1, с. 287].

Нередко «вымытое окно» в художественном мире Р. Кучмезовой из бытовой детали превращается в некую философскую дефиницию, обозначающую чистоту «стекла», через которое видна высшая

духовная реальность. Чем чище стекло, тем больше света в душах коммуникантов. Недаром в новелле «Зависимость» от «одного угаданного, живого, для тебя рожденного слова» у героини возникает чувство, что «все окна помыть» [2, с. 170]. Неуместное, злобное, агрессивное слово автор сравнивает с «камнем, брошенным в вымытое, чужое окно» [2, с. 171]. Интересно и третье умозаключение писательницы – «окна предстоит вымыть, не дожидаясь весны» [2, с. 171]. Другими словами, душу надо очищать от шлаков не по расписанию – весной или в месяц Рамадана, желательно, чтоб она была чистой круглый год.

Впервые в национальной литературе балкарцев и карачаевцев Р. Кучмезова поднимает проблему эротической культуры. Суровые горские законы не позволяют молодым людям идти «вслед за своей физиологией». Не то, чтобы соглашаться на адюльтер или гражданский брак, молодые чаще всего даже глаз не смеют поднять на избранника сердца. Подчиняясь воле старших, они идут на брак и живут по принципу «но я другому отдана и буду век ему верна». В этом плане балкарская «любовная» культура, пожалуй, одна из самых суровых, жестких и категорично целомудренных, недопустимы тут никакие добрачные свидания, «дружки-подружки» или специальные комнаты для молодежных посиделочек. Для сравнения в адыгском традиционном обществе издревле действовали (и действуют) тонко разработанные механизмы гендерной культуры. По словам профессионального гендеролога М.А. Текуевой, «самостоятельность в выборе супруга обеспечивалась тем, что в прошлом у адыгов существовали специальные комнаты, где девушки, достигшие брачного возраста, могли устраивать своего рода приемы для молодых людей» [10, с. 24]. Разумеется, в этих комнатах («пщачэ унэ») никто себе вольностей не позволял, более того, «адыгэ намыс» требовал присутствия рядом с девушкой ее младших родственников.

Как психологически точно Р. Кучмезова, описывая потрясенное состояние балкарки-старшеклассницы, для которой простое шествие по сельской улице с подростком, помогающим ей тащить санки с флягой воды, воспринимается как огромный психологический стресс и рискованный поступок: «Только бы никто не встретился, не увидел!» [2, с. 71]. Из исповеди другой героини: «Как же хотела я увидеть его лицо, и было это невозможно. Сижу, глаза поднять не могу. Через силу, трудно так поднимаю их, до колен и дальше непосильно, глаза не идут, как будто прижали их сильно пальцы возмущенные. Так и не увидела его лица до свадьбы» [2, с. 153].

Возникает вопрос: куда уходит вся эта нерастраченная энергия физиологической любви у «нее» и у «него», отбывающих долг супружеской повинности в угоду законам гор? В одних случаях, судя по новеллам Р. Кучмезовой, эта энергия преобразуется в высшую форму милосердия, абсолют понимания своего партнера, который «не знаком с чертой, за которую не шагнуть» [2, с. 65]. («Такая разная эта любовь»), «Человек ты мой, душа ты моя» и др.). В других случаях эту нерастраченную любовную энергию влюбленные консервируют в себе до самой старости, и она пробивается тихой, трепетной нежностью к Ней. Таков Элькан, которого в свое время злые низшие силы разлучили с Саният, но в старости он счастлив «видеть свет с ее окошка» [2, с. 34]. Таков пожилой горец в новелле «Чудилось, что слышу», который на свадьбе в реальности танцует с «современной» девушкой, а на самом деле лексикой танца рассказывает свою «мудрую, печальную, утонченную, целомудренную и эротичную повесть» [2, с. 75] девушке из своей юности. Знаком высокого трагизма отмечена другая новелла, где долгожительница Келля физически не может умереть, пока не увидит своего возлюбленного, с которым судьба и гендерный кодекс гор разлучили ее много лет тому назад [2, с. 13].

Осмысливая такого рода проблемы, связанные с гендерным антидиалогом, Г.Д. Гачев пишет: «Нынешняя грозная демографическая ситуация в России, когда катастрофически падает рождаемость, распадаются семьи, умножаются разводы – ставит во всей остроте вопрос о непродуманности проблем Эроса в нашей культуре. И повинно в этом, в частности, ханжески-чистоплюйское отношение к культуре Эроса в нашей мысли и в литературе последних десятилетий. Между тем тут именно культура должна выработаться, а не слепота и закрывание глаз страусиное» [5, с. 7]. Если читатель мысленно заменит «Россию» на «Балкарию», он удивится почти экстрасенсорной прозорливости выдающегося философа, поставившего точнейший диагноз жителям «Страны Прометей».

Вкратце отметим и некоторые другие особенности женского менталитета, подмеченные Р. Кучмезовой. По мнению специалистов по гендеру, женщины обладают значительно большей цветоразличительной способностью: «Мужчины обычно говорят только о базовых элементах спектра: о красном, синем, зеленом цветах. Женщины, как правило, используют при этом такие термины, как цвета слоновой кости, морской волны, розовато-лиловый, яблочно-зеленый» [8, с. 32]. О цветовой палитре писательницы можно написать отдельную работу, но здесь мы ограничимся только одним показательным примером. В новелле «Излучение» с

любопытностью естествоиспытателя она описывает «нанометр 440», обозначающий «синий цвет, ощущаемый человеком под действием излучения», «синюю краску до вытеснения из нее воздуха» [2, с. 175].

От цвета – к цветам. Между женщинами и цветами существует феноменальная «корпоративная» связь, необъяснимая сестринская солидарность. Героини Р. Кучмезовой любят цветы. Одна из них описывая свой сад, рассказывает про «акволегию с ее изменчивой юбочкой», «ясколку с белыми цветочками», «седума – эстета и трудягу», «анютиных глазок, напоминающих о разном», «роз, которые робеют перед запахом пионов», «вьющихся с нежностью в их голосе и взгляде», «маргариток, ждущих свою садовницу» [2, с. 170]. Внимательная к природным явлениям, писательница описывает поступок одного «умного дерева», которое зимой без всякого ветра, без всякого дуновения «раскачивает тихо ветви» и «сбрасывает снег», освобождаясь от того, что наклоняло их» [2, с. 209]. В этом небольшом этюде скрывается множество культурных смыслов, связанных с экзистенциальной свободой личности, эмансипацией женщины, культом разума и т.д. В сознании балкарских женщин навсегда осталось благоговейное отношение к деревьям, в каждом из которых чудится дух Священного Раубазы: недаром героине одной из новелл мать в день свадьбы дарит на счастье «щепку от Раубазы» [2, с. 18].

Гендерологи придают особое значение «женским текстам», в которых раскрываются анатомические и физиологические особенности женщины, ее переживания, связанные с беременностью, рождением ребенка, поскольку такие тексты – большой дефицит в андроцентрическом мире. Как рожают горянки? К счастью, в художественных откровениях Р. Кучмезовой есть ответ и на этот табуированный вопрос. «Кричи, разожми губы, лучше кричи, а то губы будут синими», – сказала акушерка, и я не понимала, о чем она говорит. Поклялась – мой ребенок родится не под крик. Лежа в кричалке, еще ничего не ведая, закрывала уши, изумлялась – почему никто из них не думает о ребенке, не думает о том, что чувствует он, слыша эти страшные звуки в темноте. Губы на самом деле какое-то время были синими» [2, с. 176].

Терпение (тёзюм, сабырлыкъ, чыдам) – всегда было в чести у горянок, как в физическом, так и нравственном смысле. Они росла с убеждением, что «громкий крик вызывает лавину» [2, с. 132]. «Была не согласна, но промолчала» [2, с. 213] – таков код общения девочек-девушек-невесток со всеми старшими. Надо сказать, по всей анализируемой книге раскиданы народные и авторские пословицы-поговорки с гендерной

маркировкой. «Подснежник лета не увидит» [2, с. 131] – одна из них. Суть ее в том, что не следует быть «героиней», «революционеркой», «первой», то есть надо соблюдать меру и идти по предначертанному кругу «лектонической коммуникации» [12, с. 64].

Однако, была бы полная цивилизационная стагнация и нарушение всех законов диалектики, если бы среди горянок не было «протестанток», образно говоря, тех, кто живет «в селе Поперечном на улице Параллельной» [2, с. 61], вырвавшись из «круга». Такая женщина автору напоминает «отважную, сумасшедшую почку», которая неожиданно появилась в феврале среди «испуганных, виноватых деревьев» [2, с. 48]. На что способна такая женщина? Отрезать косы [2, с. 225]. Иногда произнести фразу «Я – нет» [2, с. 18], отстаивая свое право на любовь к «другой геометрии». В целом, феминистический «градус» у кучмезовских героинь невелик.

Слово «ревность» отсутствует в карачаево-балкарском языке, возможно, оно отсутствует во всех языках народов Северного Кавказа. Данный феномен, по нашему мнению, обусловлен абсолютном смирения и фаталистического восприятия своей гендерной судьбы женщинами. Брешь в этом вопросе в 1962 году пробила Танзиля Зумакулова, которая в уста своей героини вложила эпохальные строчки:

Неужто я тому причиной стану,
Чтоб слово «ревность» в наш язык вошло?! [7, с. 43].
«Ревность». Перевод Ю. Нейман.

В сборнике Р. Кучмезовой присутствует категория «детская ревность», обусловленная выраженным интересом автора к детям и шедеврам зарубежной литературы. Неожиданно для читателей писательница разворачивает знаменитую сказку А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» ее гендерной стороной и на примере одной девочки показывает ревность всех девочек мира к одному из самых совершенных мужчин в мировой художественной культуре – Маленькому принцу. Не без доли автобиографических элементов она пишет: «Роза прекрасна, но навсегда разлюбила ее за то, что любил ее Маленький принц. Детская ревность – как она омрачала мою первую любовь. Но ни одну не срезала. Чтобы не огорчать его. Близкие розы мне не дарят» [2, с. 229].

При анализе этой новеллы два момента обращают на себя внимание. Первое – «не огорчать ЕГО». Даже сгорая от ревности, женщина

продолжает думать об интересах мужчины – такой эгожертвенный мотив звучит очень по-горски. Второе – детерминированное присутствие образа бабушки в балкарской повести о Маленьком принце, красноречиво свидетельствующее о глубокой приверженности Р. Кучмезовой архетипическим ценностям национальной культуры.

Языковые особенности

У Раи Кучмезовой совершенно необычный язык, который, думается, будет абсолютно понятен женщинам, но вызовет затруднения у мужчин. Объясним, почему. Дело в том, что человечеством уже придуманы логические цепочки высказываний, которые структурно делятся на «тему» и «рему». Под «темой» подразумевается исходная часть сообщения, а под «ремой» – новая информация. Мужчина любит логику, вследствие чего подавай ему «структурно оформленные предложения с вводной частью, сутью и заключительным выводом» [8, с. 115]. С лингвистической точки зрения в кучмезовских текстах тема часто не озвучивается, а лишь подразумевается, «балом правит» рема. Конечно, для «многоканального ума» женщины – это не проблема, поскольку она сама додумает-дорисует тему, но мужчин такого рода логические «пропуски» ошеломляют и приводят в смятение. Недаром гендерологи прямо советуют женщинам: «Чтобы мужчина выслушал вас, предупредите о разговоре и сообщите заранее тему» [8, с. 127].

В новеллах Р. Кучмезовой обилие назывных предложений без подлежащих и сказуемых. Автор уважает мозг читателя, оттого считает достаточным назвать ключевые слова-кнопки, на которые желающий может нажать: «Недоумение» [2, с. 61], «Впервые – белый фартук» [2, с. 70], «Эпизод» [2, с. 74], «На лице годы, годы на руках» [2, с. 168], «Меньшее за огромное» [2, с. 221] и др.

Р. Кучмезова пишет так, как будто совсем не знакома с русским языком, из-за этого в ее прозе практически нет обкатанных, стереотипных речевых структур, хрестоматийных эпитетов и метафор. Она из языка берет то, что ей нужно, а не то, что предлагает окультуренный язык. Такой художественной «самовольностью» объясняются в ее прозе изобилие странноватых, но глубоко поэтичных словосочетаний: «жалость улыбчивая» [2, с. 173], «никуда не опаздывающий снегопад» [2, с. 184], «отполированное чудо» [2, с. 207], «замшевая походка» [2, с. 225] и др.

Иногда касаясь вопросов словообразования, она оспаривает правомерность некоторых устоявшихся определений. К примеру, в рассказе «На листьях – подкова» автор подвергает критике фантазию биологов, которые придумали столь далекий от реальности термин, как «каштан обыкновенный», поскольку «обыкновенности при этом нет никакой» [2, с. 208].

Согласно нашим наблюдениям, среди любимых частей речи Р. Кучмезовой – глаголы и причастия, наилучшим образом отображающие динамический процесс ежесекундно преобразующегося мира. «Открыл, возродил, изваял, оживил» [2, с. 196] – всего лишь четырьмя глаголами, поставленными в ряд, она может измерить результативность работы как одного творца, так и всей цивилизации. Думается, такой интерес к философии вечного движения вызван многолетним созерцанием вечного движения Белой Речки. Но тот же водный поток научил автора тому, что каждая река должна вмещаться в свои берега – отсюда большое внимание к «золотому канону» многовековой народной культуры.

На основании изученного материала можно сделать вывод о том, что сборник Р. Бегиевой-Кучмезовой является ценным источником знаний о специфике балкарской ментальности. В той же мере издание информативно и насчет особенностей «космо-психо-логоса» северокавказской горянки, которая в XXI веке, наряду с интересом к социокультурным инновациям, отмечена знаками «нон-феминизма», здорового консерватизма и сильного притяжения к традиционным ценностям.

Литература

1. *Алиева С.У.* Я сын твой, Теберда. М.: [ГУ МДН], 2006. 360 с.
2. *Бегиева-Кучмезова Р.А.* Мгновений кольца, времени круги... Книга прозы. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2016. 244 с.
3. *Брандт Г.А.* Природа женщины. Екатеринбург, Урал Наука, 1999. 154 с.
4. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 544 с.
5. *Гачев Г.Д.* Русский Эрос. М.: Интерпринт, 1994. 279 с.
6. *Геграев Х.К.* Архетипы геронтоимии и многодетности в традиционном балкарском обществе // Национальные образы мира в художественной культуре: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929–2008). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2015. С. 613–623.

7. *Зумакулова Т.М.* Избранное. Стихотворения; Поэмы. Пер. с балк. / предисл. Кайсына Кулиева. М.: Художественная литература, 1983. 368 с.

8. *Пиз А., Пиз Б.* Как заставить мужчину слушать, а женщину молчать. Почему мы такие разные, но так нужны друг другу. М.: Эксмо, 2009. 352 с.

9. *Тауканова З.* Гендер: европейские теории опровергаются кавказской культурой // Журнал «Литературная Кабардино-Балкария». № 3. Нальчик, 2016. С. 116–120.

10. *Текуева М.А.* Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и суверенность. Нальчик: Эль-фа, 2006. 260 с.

11. *Трессиддер Дж.* Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.

12. *Тхагапсоев Х.Г.* Кавказский этнокультурный мир как тип локальной цивилизации // Поликультурное пространство Российской Федерации в семи книгах. Научный руководитель и главный редактор Л.М. Мосолова. Культура Южной России. Книга II / отв. ред. книги Х. Тхагапсоев. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2012. С. 51–72.

13. *Хараева Л.Ф., За. Кучукова.* Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы). Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2018. 192 с.

INDEX OF BALKARIAN GENDER

(on the material of short stories and essays collection

by R. Begieva-Kuchmezova «Rings of Moments, Circles of Time»)

Kuchukova Z.A.

Nalchik, KBSU

The author of the article gives a literary assessment of the Balkarian writer's R. Begieva-Kuchmezova collection, who writes in Russian. Calculating the index of the Balkarian gender on the material of this book, the author analyzes in detail the internal content of such cultural codes as «circular rotation», «river complex», «gerontotime», «archetypical», «innovative». Non-feminism, self-sacrifice and healthy conservatism are highlighted among the key features that characterize the essence of the modern North Caucasian highlander.

Keywords: *Balkarian prose, Begieva-Kuchmezova, collection, gender, ethnogender, cosmo-psycho-logos, androcentrism, circle, river complex, archetype.*

УДК 821.512.142.0

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ ДИНЫ МАМЧУЕВОЙ «МУРАТ И ЗУМРАТ»

Мамчуева Ф.О.

г. Черкесск, КЧИГИ

Данная статья посвящена исследованию художественного своеобразия драматической поэмы Дины Мамчуевой «Мурат и Зумрат». Образная система, сосредоточенность на главных героях, роль монологов и авторские ремарки, мифология, фольклор служат раскрытию главной идеи поэмы, имеющих нравственно-эстетический характер.

Ключевые слова: *драматическая поэма, художественное своеобразие, образная система, главные герои, монологи, авторские ремарки, мифология, фольклор, нравственно-эстетический выбор.*

Драматическая поэма – один из жанров карачаевской литературы, развитие которого шло не так плодотворно и равномерно, как поэзия и проза. К этому жанру обращались многие поэты, прозаики и драматурги. Значительными произведениями этого жанра являются такие произведения как «Бай и батрак», «Открой глаза» И. Каракотова, «Мулла и смерть», «Марьям и эфенди», «Залихат», Д. Байкулова, «Письмо Сулеймана к Сурат», «Сафият» А. Уртенова. Обновленный интерес к жанру драматической поэмы в карачаевской литературе представляют произведения «Побежденная судьба» М. Батчаева, «Мурат и Зумрат» Д. Мамчуевой.

Драматическая поэма «Мурат и Зумрат» Д. Мамчуевой была включена в репертуар Карачаевского драматического театра имени Ш.М. Алиева и пользовалась особой популярностью. Поэма Дины Мамчуевой как одно из лучших произведений, повествующих о расцвете и могуществе аланского государства французским международным культурным центром была включена в сборник избранных художественных произведений «Драматургия Кавказа» (на французском языке).

«Идея написать пьесу об аланах возникла давно, – говорит народная поэтесса. – Помню, однажды заслуженная артистка РФ Роза Хапчаева выступила по телевидению, сказав, что хочет сыграть королеву. «Я хотела бы сыграть на сцене нечто наподобие «Ромео и Джульетты». Я прошу, Дину, чтобы она написала нам что-то подобное. Я уверена, что с этой задачей справиться только она». Слова такой уважаемой женщины, как Роза Хапчаева, явились толчком к осуществлению давно мною задуманного» [3].

Действие пьесы происходит в 9–10 веках во времена расцвета могущества Алании – самого высокоразвитого государства в Европе, с которым считались все соседние страны. Главное божество алан – Тейри, которого они чтили и ему поклонялись. Следует отметить, что одной важнейших художественных особенностей поэмы Д. Мамчуевой является наличие в ней ремарок. Ремарка – одна из важнейших составляющих повествования, свойственная такому жанру как драматическая поэма. Они (ремарки) информируют читателя о происходящих в ней событиях и действиях героев. Ведь по ним сюжетному действию характерно свободное перемещение, речь идет о художественном времени и пространстве. Для этого и необходимы ремарки автора. Каждый эпизод поэмы отмечен ремарками автора, которые рассказывают о происходящих в них событиях и действиях героев и персонажей: время, место, мотивы героев. По ремаркам Д. Мамчуевой понятно, где происходит действие пьесы – это дворец аланского царя Кандоха, роскошная обстановка говорит сама за себя: высокий трон, на котором восседает царь Алании, окруженный тигровыми и львиными шкурами. После четырнадцатилетнего траура, после смерти жены Сурад, наконец, царь Кандох, празднует шестнадцатилетие единственной дочери Зумрад, которая еще в младенчестве осталась сиротой. Царь Кандох вместе со своей сестрой Джансурат вырастили девочку. Во дворце звучит музыка и пиршество в самом разгаре. Но царя Кандоха ничего не радует. В сцене «Къандохну ал сёзу» – «Монолог царя Кандоха» описано состояние главного героя. Следует отметить, что роль монологов важна, так как они (монологи) «обнажают идеи». Меньшая роль отводится репликам и диалогам. Главные идеи поэмы отражены именно в монологах и высказываниях героев, передают высшее состояние драматизма, (как это видно в монологе царя Кандоха), придавая речам героев содержательную полноту и эмоциональную выразительность каждого их высказывания. В душе царя Кандоха бескояство, боль, отчаяние, такая

тоска, которая не дает ему покоя. «Но крыло мое сломано, из ран моих сердечных речка проложила свою дорожку», «холод», «безызвестность», «беспокойство» – такова стилистика поэмы, подтверждающая пессимистичное настроение главного героя. Только дочь Зумрат дает ему силы жить. Идет подготовка к празднованию шестнадцатилетия Зумрат. Готово горское бархатное платье, украшенное золотым галуном. «Я тоже могла надеть такое платье», – говорит служанка Карачач, оглядывая сшитый для пира наряд Зумрат. Монолог Карачач характеризует точно и красочно образ героини. В ней вся боль, тоска, которая не покидала ее все время, нет ничего хорошего в жизни, повсюду ложь, нет нигде правды. Карачач сравнивает себя с вялой травой, незаметным деревом, росшим во дворе:

*Биреу патчах, аны кызы дуниялыкъ,
Биреу мискин, аны джаны зинданлыкъ...*

Один – царь, его дочь – владелица Вселенной,
Другой – нищий, его душа – темница

Или

*Гыйы бузча къатханд мени джюрегим.
Атча кишнеб, джашлыкъ келмез аллыма,
Тынгы къайда мени джарлы джаныма*

Как ледяная глыба застыло мое сердце,
Как ржание лошади, молодость не вернется ко мне,
Где покой моему израненному сердцу?! [1, с. 286–287]

Подстр. пер. Ф. Мамчуевой:

Пир продолжается три дня и три ночи. После пира царь Кандох решает отправиться на охоту за дичью. Лишь охота радует его сердце. Следует отметить, что охота, наряду с животноводством и земледелием, отражая обрядово-культурную жизнь карачаевцев и балкарцев, их традиционную религию имела основополагающее значение в жизни этноса. Особое место в традиционной культуре карачаевцев и балкарцев занимает божество охоты Апсаты, покровитель охоты, гор, лесов, защитник благородных животных (олений, туров). Существует народное

поверье, что Апсаты и его старшая дочь Фатима (Байдымат) жестоко наказывали охотников за чрезмерное истребление благородных животных (оленей, туров). Поэтому Джансурат предупреждает брата, не злить бога охоты Апсаты [2, с. 662–664].

Дальнейшее развитие сюжета показывает, как были нарушены планы аланского царя. Зумрат счастлива, она встретила свою любовь – Мурата – сына Аспара. Но Карачач, нарушила мечты влюбленных. Она не простила и не забыла обиду, боль, потерю родных. Выросшая в доме врага и завоевателя Кандоха, она хочет расстроить планы аланского царя. Карачач – дочь печенежского хана была завоевана царем Кандохом. Она всю жизнь с детства росла в его доме. Но для нее он враг и завоеватель. Ее имя – Карачач – черноволосая, черна и душа героини поэмы. Она полна ненависти и злобы. Служанка Карачач не может простить ни свое рабство, ни смерть родного отца и брата. Рожденная принцессой, служанка в настоящем, разрушила счастье влюбленных. Движимая ненавистью и местью, Карачач, полна решимости отомстить царю Алании Кандоху. Она оклеветала Зумрат. Возлюбленному Зумрат Мурату она рассказала о порочности его невесты. Разозленный и оскорбленный Мурат, не простившись с Кандохом и гостями, быстро покидает пир. Не подозревая об обмане, Мурат поверил Карачач. Кандох не понимает, что случилось, почему гости покинули его дворец, не простившись, как полагается, по-алански, как принято по традиции, и так внезапно. Гости разъезжаются, музыка замолкает. От пережитых волнений, оклеветанная Зумрат потеряла способность говорить и передвигаться. Это продолжалось долгих тяжелых семь лет. Джансурат – один из персонажей поэмы пытается помочь племяннице Зумрат. Она обращается к Одинокому дереву. Для карачаевцев это понятие священо. Вытянув обе руки к небу, стоит на коленях перед Одиноким деревом и просит у него исцеления для своей племянницы Зумрат. Джансурат совершает, своего рода, обряд. «Джансурат три раза прошлась вокруг священного дерева, потом бросив свой платок на дерево, уходит, она верит, что оно поможет ее горю:

*Джуртда Джангыз Терек – халкъ Тейрисси,
Эт сен бир мадар дуняда анга,
Къыяма кюнде айтыр сёзюмю,
Бирин бурдурмай айтайым санга:
Джюзюмю джуугъан джыламукъ кибик,*

*Къадарны аллында болукъма таза,
Ёмюр дуняда бир инсанга да,
Мен кесим билиб салмадым джара.
Мен тиширыума, таулу тиширыу,
Тауну-тюзню да кёб ауушдургъан,
Ханла, бийле бла даулаиха кириб,
Къанлы джаулары терк джарашдыргъан,
О, Сыйлы терек, Сен Джангыз Терек,
Табыныргъа деб келгенме санга,
Къызчыкъ ауруун атарлай узакъ,
Тилейме тилей, бир кюч бер анга!* [1, с. 311–312]

На Родине Одинокое дерево
Сделай все возможное в мире для него
В Судный день сказанное слово
Скажу тебе ничего не искажая.
Как век мой, умытый моими слезами
Перед судьбой буду я чиста
В жизни никогда осознанно
Никому не сделала я зла.
Я – женщина, горянка,
Многие горы и доли обошла я
Споря с ханами и биями,
Кровавых врагов быстро мира.
О, Священное дерево, Ты Одинокое (Единственное) дерево
Я пришла поклониться тебе,
Болезнь девочки откинь далеко
Прошу, прошу тебя, дай ей силы!

Подстр. пер. Ф. Мамчуевой

Следующее сюжетное действие поэмы перемещается в Аравию. Главный лекарь царя Табиб отправляется в Аравию за святой водой, необходимой для исцеления Зумрат. Преодолевая препятствия судьбы, различные невзгоды, нападения, израненный лекарь Табиб возвращается на родину. Святая вода, так необходимая для исцеления Зумрат, была отнята другими людьми. Но зато он привез аланскому народу мусульманскую веру. *«Не совершайте насилие над другими и не позволяйте совершать насилие над собой», «Аллах един и только вера в*

Аллаха спасет вас» – это были последние слова мудрого лекаря. Зумрат, оказавшись в неподвижном состоянии, не могла передвигаться долгие годы. Она не ропщет на судьбу, стойко переносит испытания Судьбы. Во сне Зумрат оказывается в другом измерении, в потустороннем мире, где встречает мать и лекаря Табиба. Эта встреча дает ей силы бороться за свою жизнь. «Вера в Аллаха спасет тебя и излечит твою израненную душу», – говорит ей лекарь. Сон оказался вещим. Проснувшись, она понимает, что это был всего лишь сон. Автор постоянно перемещает героев с одного места на другое. Зумрат, увидев во сне родную мать, как бы перерождается заново. Слова лекаря вселили в нее ясность мысли, новую силу, мощь, она окрепла духом, о чем и говорит отцу Кандоху. Она просит отца отвести ее на природу. Оказавшись на природе, она любит ее, смотрит на речку, слушает пение птиц. Ее окружают горы и ели, бурлящая река. Родная природа и встреча с возлюбленным Муратом исцеляют ее. Автор передает состояние героини, спокойствие и умиротворение наполняют ее душу, происходит ее возрождение к новой жизни.

Последним и самым драматичным эпизодом в пьесе является сцена раскаяния Карачач. Мотивы Карачач ясны и понятны. Мотивы – важнейшая структурообразующая часть поэмы, которая выявляет ее проблематику, способствуют раскрытию психологического состояния ее персонажей и придают ей полифоническое звучание. Следовательно, в художественном пространстве драматической поэмы Дины Мамчуевой «Мурат и Зумрат» переосмыслены такие мотивы как жизнь, смерть, (монолог царя Кандоха), любовь, родина, месть, ненависть, одиночество (монолог Карачач), обман, разлука, очищение, перерождение, исцеление и прощение (последняя сцена поэмы). Угрызения совести не дают покоя. Только искупление даст ей прощение. Она разлучила влюбленных – Мурата и Зумрат, она же и их воссоединила. Мечь, ненависть и зло не принесли счастье Карачач. Зумрат выздоровела, Мурат узнал правду, Карачач прощена. Добро победило зло, любовь победила ненависть справедливость восторжествовала. Читатель и зритель наблюдает, своего рода, перерождение героини. Она не могла нести в себе такую ношу. Она глубоко несчастна и несчастными сделала всех. Она пытается исправить свои ошибки, понимая, что только искупление даст ей возможность жить и оставаться человеком.

Стиль, язык, как и ремарки, монологи, различные мотивы, пространство и время – одни из важнейших особенностей драматической

поэмы Д. Мамчуевой «Мурат и Зумрат». Поэма насыщена различными стилистическим тропами: ассонанс – «*Аджалым джетди – ахыр саламны айтдым таулагъа*», «*къумлу Арабдан Алан таулагъа айланды джолум*», «*Аллахны, адамны аллында*», «*Анамы къарасын ачаргъа*», повторы – «*тюзюн айт, тюзюн айт сен манга*», «*ийме, ийме сёзню тубаннга*», аллитерация – «*Джуртда Джангыз терек*», «*сан джашауну аушдурдум джан джашаугъа*», «*джангыз олду джюрегиме табарыкъ джол*», «*джюрегим да тынгысызлыкъ тузакъдады*», эпитеты – «*исси салам*», «*джарлы джаным*» сравнения – «*гыйы бузча къатханд мени джюрегим*», фразеологизмы – «*думп болургъа*», «*джюрек ачыргъа*», «*джашау этерге*», проклятья и благопожелания:

*Менге энди ол этерин этмесин,
Бёрюберди муратына джетмесин,
Эшиклерин ачыб кюеу кирмесин,
Туудукъ болуб тобугъуна минмесин [1, с. 287]*

Что мне он сделал, теперь уже не сделает,
Пусть Бёрюберди счастья не достигнет,
Пусть у него не будет зятя,
(двери открыв, пусть не войдет к нему зять)
Пусть он будет лишен счастья братъ на колени внука

*Эгечим, кюнюнг ашхы болсун!
Бу ариу кюн муратынг толсун,
Мыдах сагъыш джуртунгу къойсун,
Кюн таякъ джарсыуунгу ойсун!
Джёнгерлик этсин кюнню чууагъы! [1, с. 330]*

Сестра моя, добрый день!
Пусть в этот ясный день сбудется твоя мечта!
Пусть печальные мысли твои родину покинут,
Солнечный луч уничтожит печаль твою
Пусть тихий день будет твоим попутчиком

Подстр. пер. Ф. Мамчуевой

Стилистически тропы придают поэме яркость, выразительность, эмоциональность, тропы поэтические важны и показательны.

Сосредоточенность Д. Мамчуевой на главных героях, монологах и ремарках, мотивах, так, как и стилистические тропы, мифология, фольклор являются художественными особенностями поэмы автора. Они (особенности) придают поэме яркость, выразительность, насыщенность, эмоциональность, некую экспрессию, неповторимую уникальность и благозвучие, они передают ее ментальные особенности и национальное своеобразие.

Литература

1. Мамчуева Д.Т. На земле аланов. Стихи и поэмы. На карачаевском языке. Черкесск.: РГУ Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство, 2006. 544 с.

2. Мамчуева Ф.О. Роль Божества охоты в традиционной культуре карачаевцев и балкарцев // Этногенез и этническая история народов Кавказа. Сборник материалов I Международного нахского научного конгресса (г. Грозный. 11–12 сентября 2018 г.) // Под редакцией Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2018. С. 662–671.

3. <http://www.elbrusoid.org/articles/musics/359064/>

ARTISTIC PECULIARITIES OF DRAMATIC POEM DINA MAMCHUEVA'S «MURAT AND ZUMRAT»

*Mamchueva F.O.
Cherkessk, KCHIGI*

Given article is devoted to the study of an art originality of dramatic poem Dina Mamchueva's «Murat and Sumrat». The figurative system, concentration on the main characters, the role of monologues and author's remarks, mythology folklore serves to reveal the main idea of the poem, which has a moral and aesthetic character.

Keywords: *dramatic poem, artistic originality, image system, main characters, monologues, author's remarks, mythology, folklore, moral and aesthetic character.*

УДК 82.311.6. (470.64)

БАЛКАРСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН 1960-Х ГОДОВ: ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА, ПОЭТИКА

Мусукаева А.Х.
г. Нальчик, КБГУ

В статье рассматривается период зарождения жанра романа в балкарской литературе. Уделяется внимание роману карачаевского писателя Х. Аппаева «Чёрный сундук» (1936), так как карачаевско-балкарская литература – это единая художественная система.

В статье отмечается, что балкарский роман начинался с исторической, историко-революционной тематики.

Аналізу подвергаются романы Ж. Залиханова «Горные орлы» (1961) и Б. Гуртуева «Новый талисман» (1970). Основные акценты: жанровая специфика балкарского исторического романа, проблематика, образная система, художественное своеобразие.

Ключевые слова: роман, художественные истоки, фольклор, специфика жанра, проблематика, поэтика, контекст, исторический факт, художественный вымысел.

Каждая из литератур Северного Кавказа обладает своими источниками романного мышления в духовной культуре народа, которыми и определены особенности жанра: национальные, видовые, поэтические и т.д. Новые социально-исторические условия жизни начала XX века создают неизвестные до того предпосылки для возникновения в национальной литературе развитых жанров. Вероятно, столь интенсивное развитие жанровых форм было бы невозможно без базы тех духовных ценностей, которые создавались народами Северного Кавказа: фольклор, творчество писателей-просветителей, возникновение письменности, создание органов просвещения и т.д.

Многие проблемы, связанные с эволюцией романа, его жанровыми модификациями, проблематикой и поэтикой решены в трудах

известных исследователей: Л. Бекизова, А. Караева, Л. Кашежева, А. Сарбашева, А. Теппеев, З. Толгуров, У. Панеш, Ю. Тхагазитов, Ф. Урусбиева, К. Шаззо и другие.

Первые романы в литературах Северного Кавказа появляются уже в период 1930-х годов. Особого внимания заслуживают романы черкесских писателей Х. Абукова «На берегах Зеленчука» (1930) и М. Дышекова «Зарево» (1934), карачаевского писателя Х. Аппаева «Черный сундук» (1936) и адыгейского – Т. Керашева «Шамбуль» (1937).

О том значении, которое имели первые романы для формирующейся прозы, К. Шаззо пишет: «В эволюции, которую претерпевала проза, значительную роль сыграли первые романы. Они наметили широкие перспективы развития прозы, разработали новые принципы исследования характеров и событий, раздвинули рамки повествования, включили в поле рассказа развёрнутые события» [7, с. 89].

Роман Х. Аппаева «Черный сундук» – значительное явление не только для карачаевской литературы, но и для всех литератур Северного Кавказа.

О первых романах в литературах народов Северного Кавказа мы обычно говорим с некоторой снисходительностью в силу того, что они именно первые. Роман Х. Аппаева – это ёмкое, содержательное и вместе с тем эмоционально насыщенное повествование о жизни карачаевского аула, знакомить с которым читателя писатель начинает естественно, без какого-либо нагнетания темы эксплуатации, или идеи социального неравенства. В романе нет элементов фактографичности, описательности или неоправданной патетики, но в то же время цель его – изображение роста сознательности и духовного прозрения народа во всём их историческом драматизме.

Если в карачаевской литературе роман заявил о себе в 1936 году, то в балкарской литературе проза росла и совершенствовалась в жанрах очерка, рассказа, повести: Б. Гуртуев, С. Шахмурзаев, Х. Кадиев и другие.

1950–1960-е годы считаются в северокавказских литературах порой расцвета жанра романа: «Горцы» А. Шортанова, «Род Шогемокых» Х. Теунова, «Вершины не спят» А. Кешокова – в кабардинской; «Мюрид революции» М. Мамакаева, «Мечь» М. Магомедова – в чеченской; «Навстречу жизни» У. Уруймаговой – в осетинской; «Из тьмы веков» И. Базоркина – в ингушской; «Годы и горы» Х. Байрамуковой, «Голос в горах» Д. Кубанова – в карачаевской; «Горные орлы» Ж. Залиханова, «Новый талисман» Б. Гуртуева – в балкарской и другие.

В этот период наблюдается в литературах Северного Кавказа рост прозы, которая активно отображает все сферы жизни, глубоко анализирует и оценивает их. В прозе тех лет мы встретим и рассказы, очерки, и социально-психологическую повесть, и исторический роман.

Балкарский роман начинается исторической тематикой, в частности историко-революционной. Как известно, именно историко-революционный роман получил в 1960–80-е годы столь широкое распространение. Исследователи отмечают, что задача исторического, историко-революционного произведения состояла в том, чтобы «осмыслить жизнь и своё место в ней... , понять исторические судьбы народа в соотношении с личной судьбой и судьбой человечества» [1, с. 479].

Начиная с 1961 года в балкарской литературе появляются романы Ж. Залиханова, Б. Гуртуева, О. Этезова, М. Шаваевой, С. Шахмурзаева и других, в которых историческая тематика оказывается плодотворной для жанровых поисков больших эпических форм. Возникла возможность мыслить масштабно, пространственно, художественно постигать значительные временные отрезки, создавать новый для национальной литературы объемный плацдарм повествования. Как отмечает З. Толгуров, характеризуя данный период развития национальной литературы, «диалектическая взаимообусловленность эстетических потребностей такова, что она рождает не только потребителей с относительно совершенными художественно-эстетическими запросами, но и тех, кто может удовлетворить эти потребности» [5, с. 10].

В романе «Горные орлы» (1961) Ж. Залиханов изображает трудности революционной борьбы в Балкарии. В то же время писатель воссоздает широкую картину событий на всём Северном Кавказе: в Балкарии, Кабарде, Чечне, Ингушетии, Осетии и т.д. А. Теппеев, анализируя роман, справедливо утверждает, что подобная масштабность, характерная и для других северокавказских романов (А. Кешоков «Вершины не спят», И. Базоркин «Из тьмы веков» и др.) исторически оправдана: «Нельзя полно воссоздать историю революции и гражданской войны в Балкарии в отрыве от революционной борьбы за Северный Кавказ» [4, с. 141].

Роман Ж. Залиханова характеризуется своеобразием сюжетно-композиционного построения: идя от изображения индивидуальных судеб к созданию судеб народных, писатель рисует панораму, в которой романтическое видение и лиризм повествования тесно сливаются с реалиями истории. Произведение открывается главой «Сирота», в которой повествуется о судьбе балкарского мальчика Мазана, который «появился

на свет в доме вдовы». Отца Мазана унесла лавина. Фактически, это правдивое повествование о жизни бедняков, о тяжелой женской доле, о том, что несчастья чаще посещают дом бедняка, чем имущего человека. В главе говорится о том, что мальчик Мазан отдан подпаском в отары богача Ерюзмека. Проблема физического, нравственного формирования героя становится основной в романе: дальнейшее развитие характера юноши, стремление к добру, к правде, желание во многом разобраться и многое постичь.

От раздумий над жизнью своей семьи Мазан постепенно переходит к осмыслению социальных проблем в ауле, и мечты его, вначале naive и детские, начинают обретать социальное содержание.

Первым жизненным учителем Мазана станет пастух Хажи-Осман. В горах, на пастбищах и предгорных лугах, где человек лишь песчинка в сравнении с силами природы, герой поймет, что человек может быть сильнее и самой природы, и баев. Введение в повествование образа строгого пастуха даёт писателю возможность определить перспективу дальнейшей судьбы юноши: будущее Мазана в его собственных руках, оно будет иным, чем у Хаджи-Османа.

Духовный рост героя прослеживается на широком фоне событий Февральской и Октябрьской революций, установления Советской власти в Терской области, периода гражданской войны. В образе героя постепенно проявляются бойцовские, революционные качества.

В северокавказском романе 1960–80-х годов едва ли не обязательным является введение образа русского ссыльного (ремесленника), серьёзно влияющего на судьбу главного героя. Но в романе Ж. Залиханова появление рабочего Фёдора Ивановича логически и художественно оправдано: в балкарском ауле построен молочный завод. Трудолюбивый балкарский юноша потянется к рабочим, увлечётся их трудом, обучится не только плотницкому делу и грамоте, но и жизненной правде и справедливости.

Как и в других исторических романах 1960–80-х годов, в произведении Ж. Залиханова обнаруживается одна особенность, характерная для первых национальных романов: образы героев реальны, исторические, действительно воевавшие за установление Советской власти в ауле, в республике, на Северном Кавказе – Б. Калмыков, С.Х. Калабеков, Шерипов и другие – воплощены полномерно, убедительно, рельефно. Если же речь идёт об образе вымышленного героя, то тон не всегда доводится до логического конца. Так, изображение Мазана в

родной среде – мальчиком, юношей – убедительно, логически верно и художественно оправдано. Но жизнь и борьба Мазана – революционера, его характер как бы остаются незавершёнными.

А. Сарбашева подчёркивает: «Событийность, последовательное во времени развёртывание исторической канвы создаёт композиционный костяк романа. Да и не только Ж. Залиханов, но и другие авторы «революционных» романов, увлекаясь изображением событий, оттесняли личные индивидуальные сюжетные линии по структурообразующему значению на второй план» [3, с. 56].

Герой романа «Горные орлы» «уходит» из повествования, чтобы впоследствии вернуться лишь на последних страницах романа: «И наконец настал час, когда партизаны Махмута встретились в освобожденном Нальчике со своими земляками, которых привёл сюда с боями из Чечни Мазан». Ф. Урусбиева справедливо отмечает, что с момента отъезда Мазана в Пятигорск и с изображения «революционной борьбы, развернувшейся на Северном Кавказе, роман утрачивает что-то очень цельное. Монолитность изображения, композиционная стройность уступают место разорванности построения, разностильности, очерково-хроникальному изложению» [6, с. 62].

В романе, как и заявлено в названии, центральное место занимают «горные орлы» – герои, принёсшие народу «на своих крыльях свободу и счастье», но уход главного героя из повествования значительно объединяет роман, делает его схематичным. Снимается основная художественная проблема роста, становления, политического мужания героя. В то же время, в романе создается единый сплав документа и вымысла: на основе исторических материалов изображаемого времени возникают реальные образы борцов-революционеров. Писатель, следуя реальной действительности, создаёт образы исторических национальных героев. Так, повествуя о трагической гибели С.-Х. Калабекова, писатель приводит песню Кязима Мечиева о подвиге героя: «Каждое слово из песни Кязима, пронзая сердце, становилось его неотъемлемой частицей. Вскоре песню о славном богатыре Солтан-Хамиде услышала вся Балкария». Соединяя вымышленное с достоверным, обращаясь к фактам истории, используя настоящие имена героев, писатель создаёт и другие образы революционеров. Так, при создании образа ингушского героя Асланбека Шерипова, писатель использует романтические фольклорные детали: «Асланбек появился на трибуне как-то вдруг, будто взлетел на неё на крыльях. Сильные, широкие, развёрнутые плечи, туго обтянутые

сукном рубашки военного покроя. Фигура ладная, подобранная. Лицо крупное, открытое. Высокий красивый лоб. Густые брови резко разлетались к вискам. Броско выделялись продолговатые глаза, привлекающие ясностью и прямой взглядом». Конечно же, в данном описании портрета героя очевидны элементы лакировки, идеализации.

Одна из наиболее трудных проблем в романах литератур Северного Кавказа – проблема создания характера, а от этого – проблема психологического анализа в прозе. Вопросы, оставшиеся нерешенными в первых балкарских романах, свойственны и другим романам в литературах региона.

Сюжетно-композиционное построение романа Б. Гуртуева «Новый талисман» (1970) близко другим романам в северокавказских литературах: жизнь отдельного села накануне и в период революции. В романе писателем ставились большие задачи: изобразить путь крестьян к борьбе, становление национального самосознания, рождение интеллигенции, формирование ведущих борцов и т.д.

В самом начале роман расставляет героев по «своим местам», намечая тем самым будущий художественный конфликт. В Чумлу Каме установлена Советская власть, позади кровавые события гражданской войны, открываются школы, но «однако новая жизнь ещё не принесла полного равенства. Дюсерби богат – Чоллай беден, Баймырза богат – Биязрука очень беден. Есть хозяева, есть их батраки. В селе пока много таких, которые ещё не вырвались из-под власти богачей».

Проблематика романа связана не только с семьёй Ибрагима Ибрагимова, но и со всем беднейшим населением села. Но основные конфликтные ситуации времени Б. Гуртуев решает на примере этой крестьянской семьи.

Роман «Новый талисман» написан со знанием жизни и быта народа, особую роль в нём играют художественные этнографические мотивы, сказки, притчи, пословицы, поговорки, благопожелания и т.д. Изображение особенностей народного мышления, оценок прошлого, понимание проблем современности и мечты о будущем народа тесно связаны с фольклорными традициями. Фактически, всё это составляет художественную природу романа.

Писательский талант Б. Гуртуева особенно проявился в этом романе: ему одинаково хорошо удаются и массовые сцены, и изображение «маленьких радостей» отдельных героев. Роман во многом созвучен с историко-революционными романами в литературах Северного

Кавказа, в то же время во многих деталях он совершенно своеобразен. К примеру, в художественной трактовке проблемы роли и места духовенства в жизни народа писатель отходит от известной схемы (например, в романе М. Мамакаева «Мюрид революций», когда эфенди изображается только в ряду правителей и богачей). Углубляя психологически образную систему романа, писатель показывает, что и в среде духовенства, конечно же, имеются люди, выражающие интересы народа, как, например, Аслан-эфенди.

Особую симпатию у читателей вызывает образ Бекболата, тесно связанного с национальной средой. Из общей массы деревенской детворы его выделяет ум, характер, способность анализировать события и поступки людей. Этот образ воплощает в себе черты появляющейся в народной среде национальной интеллигенции.

Следует особо отметить, что в романе Б. Гуртуева «Новый талисман» детальное воспроизведение хорошо известной писателю аульской жизни делает произведение жизненно правдивым повествованием об одном из сложных периодов истории балкарского народа. З. Толгуров в «Очерках истории балкарской литературы» подчеркивает: «Берт Гуртуев стремится отразить предреволюционный и революционный периоды жизни балкарского народа. Но жизнь, борьба не бывает лёгкой, однозначной; нужна высшая мировоззренческая позиция, чтобы показать все сложности и противоречия действительности» [2, с. 330].

Следует отдельно подчеркнуть, что в творчестве каждого писателя в той или в иной мере сохраняются результаты воздействия фольклора. Анализируя произведения романистики 1960-х годов, следует говорить о широком влиянии фольклора, о типологической трансформации его традиций, наконец, об умелом, творческом использовании традиций народной культуры в национальной литературе. Это – одна из своеобразных граней художественного облика северокавказской романистики, один из важных способов обогащения её поэтики.

Роман в балкарской литературе, как и во многих других литературах Северного Кавказа, зарождался с обращения к исторической тематике, в которой наиболее плодотворной была историко-революционная. Развитие этого вида романа в регионе было своеобразным, не лишённым трудностей, оно выявляло много сходных ситуаций, но имело и немало художественных открытий. Таковы, к примеру, романы Ж. Залиханова и Б. Гуртуева, заложившие основы будущего балкарского романа: исторического, философского, лирического, с глубокой проблематикой и совершенством поэтического своеобразия.

Литература

1. Кузнецов Ф. Пафос историзма // Избранное. М., 1981. Т. 1. 560 с.
2. Очерки истории балкарской литературы. Нальчик, 2010. 808 с.
3. Сарбашиева А. Формирование историзма мышления и балкарский роман. Нальчик, 2001. 147 с.
4. Тенпеев А. Балкарская проза. Нальчик: Эльбрус, 1974.
5. Толгуров З. Время и литература. Нальчик: Эльбрус, 1978. 256 с.
6. Урусбиева Ф. Путь к жанру. Нальчик: Эльбрус, 1972. 173 с.
7. Шаззо К. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах. Тбилиси, 1978. 238 с.

BALKARIAN HISTORICAL NOVEL OF THE 1960-s: GENRE SPECIFICS, POETICS

Musukaeva A.Kh.
Nalchik, KBSU

The article deals with the period of origin of the novel genre in Balkarian literature. Attention is paid to the novel by the Karachai writer H. Appayev “Black Chest” (1936), since Karachai-Balkarian literature is a uniform literary system.

The article notes that the Balkar novel began with historical and revolutionary themes.

Zalikhhanov’s novel “Mountain Eagles” (1961) and B. Gurtuev’s novel “New Amulet” (1970) are analyzed. The main accents are the genre specificity of the Balkarian historical novel, problems, imaginative system, artistic originality.

Keywords: *novel, artistic origins, folklore, genre specificity, poetics, context, historical fact, fiction.*

УДК 821.512.142

ДОКУМЕНТАЛИЗМ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ В ТВОРЧЕСТВЕ ИССЫ БОТАШЕВА

Сарбашева А.М.

г. Нальчик, ИГИ КБНЦ РАН

Предметом исследования является проблема синтеза художественного и документального начал в творчестве известного балкарского писателя Иссы Боташева. Анализ пьес «Рассвет в горах», «Орлы любят высоту», «Абрек» позволил установить степень соотношения исторического факта и художественного вымысла в структуре драматургических произведений, определить специфику драматизма, особенности творческого мышления и мировосприятия автора.

Ключевые слова: художественный вымысел, документальное начало, историко-документальная драма, творчество, драматизм.

В 1960–70-е гг. в литературе намечается историко-документальное направление: для писателей, уставших от канонизированных идей нормативной эстетики, «документ оказался спасительным конструктивным началом» [2, с. 153]. Такая тенденция развития была обусловлена плодотворными поисками гармоничного сочетания подлинного историзма, неприкрашенной правды истории и обострившейся потребностью извлечь из исторического прошлого уроки, актуальные для современности.

В указанный период наблюдается «стремление» перейти от документализма к художественности и художественной литературы к доподлинному факту [3, с. 54]. Творческий опыт национальных драматургов (А.-В. Сулейманов («Утренняя звезда»), Б. Атаев («Солтан-Саид»), Б. Рамазанов («Гарун Саидов») – в дагестанской, Н. Джусойты («Или свобода, или смерть») в осетинской литературах и др.), разрабатывавших жанр документальной драмы, убеждает в том, что документализм, входя в художественное целое, должен подчиняться концепции пьесы,

осмысляться в широкой исторической перспективе. В работе над этим видом жанра большое значение приобретает четкость идейной авторской позиции, историзм художественного мышления, ибо «само по себе наличие документа, как известно, еще не решает проблему искусства» [3, с. 54].

В этом аспекте И. Боташев показал себя мастером историко-документальной драмы в балкарской литературе. Специфичной чертой его драм являлся «своеобразный синтез документа и вымысла» [6]. Делая залогом исторической правды реальный факт, не скрытый в подтексте и вынесенный на поверхность драматургического произведения, а затем и сценической коллизии, драматург непосредственно приобщал и читателя, и зрителя к конкретным явлениям исторического процесса, убеждал их в возможности художественного осмысления документа и факта. Таким образом, писатель одновременно выполнял две важные задачи: активизировал познавательную деятельность и развивал эстетические возможности человека.

В указанный период обозначились кардинальные перемены, связанные с поисками новых героев и новых драматических коллизий. В этом аспекте, расширяя тематические и жанровые рамки в творческой деятельности, И. Боташев создает трехактную романтическую драму «Орлы любят высоту» (1965), в которой повествуется о первенце металлургии в республике, крупнейшем промышленном предприятии страны по добыче молибдена и вольфрама – Тырныаузском комбинате.

И. Боташев стремится постигнуть природу героизма, связанного с производственной деятельностью людей. Человек и его дело – магистральная проблема для современного искусства – получает художественное воплощение, прежде всего, в пьесах о труде, о производстве, а точнее – об отношениях, которые складываются между людьми в процессе работы. Таким образом, на фоне производственной темы освещаются межличностные отношения, создаются образы людей, порождающих морально-этические противоречия в одном коллективе.

В основе драмы «Орлы любят высоту» – документальный материал. Действующие лица Бетал Калмыков, Виктор, Вера – исторические личности. Обращаясь к реальным событиям, драматург не может не включить в сюжет произведения «известных героев», ибо специфика историко-документальной драмы предполагает по сути своей наличие в ней таких персонажей.

Однако, избрав принцип документальности и достоверности, И. Боташев не обрел должной творческой свободы: ему не удалось

преодолеть чувства скованности и протокольность. Так, образ главной героини Веры остался эскизно намеченным. Ее трагическая смерть в начале второго акта обрывает одну из главных линий в сюжетной канве – романтическую линию любви Виктора и Веры. Виктор предстает перед читателем как модель, нежели живой характер. И, напротив, там, где автор имеет дело с вымышленными персонажами (Чомай, Харун, Махай и др.), достигается выразительность и эмоциональность. «Делая центром повествования таких героев (имеются в виду герои «второго или третьего плана». – А.С.), писатель получает большую свободу, чем тогда, когда он обращается к историческим личностям первого плана – ... свободу в раскрытии закономерностей эпохи, свободу для ее художественного изображения и познания» [5, с. 225].

И. Боташев в своих пьесах опирался на известные исторические факты, которым следовал неуклонно и в дальнейшем творческом развитии: успех в опыте документальной драмы, очевидно, побудил драматурга еще шире и полнее вводить в новые драматургические произведения документальную основу. В таком ключе создана драма «Абрек» (1969). Прототипом главного действующего лица – Аслана – является герой Гражданской войны, известный балкарский революционер Солтан-Хамид Калабеков. Созданию пьесы предшествовала работа драматурга по сбору полевых и архивных материалов, касающихся этой исторической личности.

В пьесе «Абрек» образ Аслана дан в динамике. Драматург, исследуя развитие исторической ситуации, показал главного героя не только на ее фоне, но и преломление этой реальности через сознание персонажей, через внутреннюю борьбу субъекта. Автор психологически верно отразил сложный и противоречивый путь главного героя от одинокого стихийного протеста до понимания необходимости участия в народной борьбе за свободную жизнь. Другими словами, в пьесе представлена эволюция образа: частое явление в литературе, когда герой в конце произведения, пройдя через ряд событий, кризисов, перемен, предстает перед читателем совершенно иным, нежели в начале повествования.

Встреча с революционером Сергеем пробудил в сознании стихийного бунтаря Аслана классовый подход к социальным явлениям. Герой И. Боташева превратился в стойкого, идейно убежденного большевика, непримиримого к врагам простого народа.

С самого начала драмы И. Боташев вводит читателя в мир противоположных классов: горских князей, заместников царя и простых

горцев. Образы героев пьесы, независимо от их жизненных позиций (Элькурут, Хаджибатыр, Гордеев, Анна), ярко выражены. Социальный конфликт является одним из существенных составляющих поэтики произведения, на котором он строится.

Как показывает практика, развитие национальной драматургии в 1960–70-е гг. проходит сложно и неоднородно. «Чувствуется результат активного переосмысления национальной традиции, влияния общей литературной атмосферы. Это относится, прежде всего, к драматическим противоречиям, драматической коллизии, которая часто характеризует специфичность мышления того или иного автора, выявляет глубину его понимания социальных условий бытия народа» [7].

Доказательством сказанному послужила очередная пьеса И. Боташева «На рассвете» (1974), которая явилась второй частью трилогии «Рассвет в горах»². Драматургом предпринимается попытка преодолеть традиции «черно-белого» колорита, альтернативного изображения героев. В основе данного драматургического произведения лежит принцип историзма как «углубленный подход к изображаемым явлениям жизни, выявление их истоков и следствий, изображение национального бытия и характера в единстве с диалектической взаимосвязью объективных и субъективных обстоятельств и временного триединства» [4].

Обращаясь к переломным моментам в истории своего народа, И. Боташев исследует социально-исторические корни, которые породили настоящее, а также стремится понять прошлое в его движении к современности.

Композиция и сюжетные линии пьесы так выверены, что различные судьбы, герои, представители полярных лагерей живут то сталкиваясь, то расходясь, оказывая друг на друга влияние. Драматург умело показывает духовный рост одних персонажей (Салим) и деградацию других (Маштай).

И. Боташев, не ограничиваясь классовой градацией героев, нарушает традицию подачи персонажей с позиций их социального происхождения. В этом плане интересен образ Маштая, в прошлом бедняка, а в настоящем – «князя над князьями», эпизодически представленного в пьесе.

---

² Третья часть трилогии «Рассвет в горах» называлась «Встретимся ли?». Она была написана в начале 80-х гг. XX века. В героической драме в 3 актах воспроизведены события периода Великой Отечественной войны. Пьеса была посвящена 40-летию Великой Победы над фашистской Германией.

Таким образом, галерея персонажей драмы «На рассвете» разнолика как по социальному статусу, так и по субъективной природе. Классовые противники Махмуда, Ибрагима – Кундур, Шейх, Маштай – люди без нравственных идеалов, без будущего, чувствующие свою историческую обреченность.

Как показывает анализ, для действующих лиц балкарской драмы характерно заблуждение как результат исторических противоречий. Так, в драме «На рассвете» И. Боташева героем такого плана является Салим, образ которого рассматривается критикой как один из удавшихся. Салим – персонаж «второго плана». В его образе воссоздан тип человека, который встал на путь конфронтации с революцией. Он безграмотен, политически несведущ. Вместе с другими бандитами воюет против новых порядков, поджигает кошары, угоняет колхозный скот. Однако, в отличие от своих «соратников», он наделен здоровым нравственным началом. Салим наблюдателен, стремится понять мотивы действий: он чувствует иллюзорность кундуровских идей, что выражается в его реплике: «...теперешние горцы не будут встречать Кундура хлебом-солью... Они уже поняли, где конь, а где ишак... Они все за большевиков, а не за нас...» [1, с. 170]. И. Боташеву удалось передать процесс эволюции мышления своего героя, диалектику борьбы противоречивых чувств.

Не только борьба двух непримиримых миров является источником драматизма. Герои пьесы ведут как внешнюю, так и внутреннюю борьбу за нравственное совершенство. Опутанные идеологическими предрассудками о партийной принципиальности и социалистической справедливости, некоторые, на первый взгляд положительные, персонажи, теряют ориентиры в своих действиях и поступках.

Драматург создает многогранные характеры, в которых обобщаются разные качества. К примеру, художественное решение образа Фаризат показывает стремление автора к наиболее широкому охвату жизненных явлений в контексте духовной эволюции персонажей произведения. Уполномоченная ГПУ Фаризат – человек решительный, бескорыстно преданный идеям новой власти. Вместе с тем она свое понимание необходимости охранять общественный порядок, разоблачать врагов нового строя отягощает излишней бдительностью, недоверием к своему окружению. Так, в пьесе И. Боташева сталкиваются два различных отношения к человеку, к делу: подлинная человеческая совесть и конъюктурное понимание своего долга.

Благодаря достаточной глубине и широте писательской позиции Боташев И. добился бесспорного успеха. Драматургу удалось в драме передать остроту классовых противоречий, столкновение нравственных убеждений.

Таким образом, в творчестве И. Боташева очевидно взаимопроникновение художественного и документального начал на структурно-содержательных уровнях. Несмотря на синтез документа и вымысла, преобладающим является художественное начало, что обусловлено мастерством драматурга, умением глубокого творческого осмысления исторической действительности.

Литература

1. *Боташев И.* Орлы любят высоту: Пьесы. М.: Советский писатель, 1985. 384 с.
2. *Зингерман Б.* О документальной драме // Театр. 1967. № 4. С. 152–167.
3. *Ивашнев В.И.* О границах документальности в драматургии // Писатель и жизнь. М.: Издательство московского университета, 1974. С. 54–63.
4. *Сарбашева А.М.* Формирование историзма мышления и балкарский роман: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1988. 24 с.
5. *Смеяков Ю.* Драма – род литературы // Вопросы литературы. 1983. № 7. С. 225–230.
6. *Теннеев А.М.* Все еще впереди // Кабардино-Балкарская правда. 1985. 30 сент.
7. *Толгуров З.Х.* Преодоление традиций // Кабардино-Балкарская правда. 1974. 8 окт.

DOCUMENTALISM AND FICTION IN THE WORK OF BOTASHEVA ISSA

Sarbasheva A.M.
Nalchik, KBIHR

The subject of the research is the problem of synthesis of artistic and documentary principles in the works of the famous Balkar writer Issa Botashev. Analysis of the plays “Dawn in the mountains”, “Eagles love height”, “Abrek” allowed to establish the degree of correlation of historical fact and artistic fiction in the structure of dramatic works, to determine the specifics of drama, especially creative thinking and worldview of the author.

Keywords: *fiction, documentary beginning, historical and documentary drama, creativity, drama.*

УДК 821 (470.57)

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В БАШКИРСКОМ И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Сибгатов Ф.Ш.
г. Уфа, БашГУ

Данная статья посвящена проблеме изучения духовной литературы в башкирском и карачаево-балкарском литературоведении. На примере национальных литератур ярко проявляется синтез ближневосточных и национальных культурных традиций. Для художественной литературы средних веков – начала XX века характерна непрерывная связь с народным творчеством.

Ключевые слова: *духовная литература, ислам, карачаево-балкарская литература, башкирская литература*

С конца XX века среди народов Российской Федерации возрос интерес к изучению и переосмыслению истоков своих национальных культур и традиций. Общеизвестно, что евразийское пространство страны сформировалось на стыке цивилизаций: с одной стороны – восточное, арабо-персо-тюркское, с другой – западное. В то же время, как писал академик Н.И. Конрад, «Каждый народ имеет свою индивидуальную историю, всегда обладающая оригинальными, неповторимыми чертами» [4, с. 454]. В этом плане не является исключением и история тюркских народов, духовное наследие которых определяется наличием непреходящих ценностей. На примере башкирской и карачаево-балкарских литератур также ярко проявляется синтез ближневосточных и национальных культурных традиций.

В советской историографической науке постоянно подчеркивалось, что малые народы страны получили письменность и, соответственно, письменную литературу, только при советской власти. Однако данная концепция была ошибочной и исходила от идеологической пропаганды.

Тюркоязычные народы уже со средних веков пользовались письменностью на основе арабской графики и выработали богатое духовное наследие, дошедших до наших дней. Например, среди башкир относительно была развита и рукописная книжная культура. Рукописи передавались по наследству и показывались лишь уважаемым людям. Например, в 30-е годы 18 века башкирские старшины Алдар Исякаев, Таймас Шаймиев и Кыдрас Мулдакаев передали руководителю Оренбургской экспедиции И.К. Кириллову и историку П.И. Рычкову важные материалы [18, с. 8, 43]. На распространение среди народа рукописных книг обращали внимание многие русские исследователи нашего региона.

Народный поэт Башкортостана Мустай Карим (1919–2005) писал: «Башкирия была на караванном пути между Европой и Азией, она находилась и находится на караванном пути двух культур – Запада и Востока. Наш дом освещается с обеих сторон. Если мы, башкирские литераторы, сумеем творчески усвоить поэтический опыт двух великих культур, то, создавая произведения, прежде всего для своего национального читателя, сможем дойти до сердец близких и далеких народов. Только при этом условии наша национальная литература приобретает долговечность и общечеловеческую значимость» [3, с. 27].

Первые попытки системного изучения культурно-литературного наследия двух народов в контексте мусульманской культуры были предприняты еще дореволюционный период. Например, труды М. Уметбаева, Р. Фахретдинова,

В советский период Г. Амантай первым поднял вопрос о том, что башкиры, как и многие тюркоязычные народы, имели свою литературу на арабской графике. Например, в статье «Принципы определения национальной литературы» он аргументировано доказал двусоставность дореволюционной башкирской литературы. Относительно религиозно-дидактических произведений он также был настроен положительно. Однако репрессии 30-х годов XX века и тогдашняя идеология положили конец научным исследованиям в этой области.

В 60-е годы одним из первых на дореволюционную литературу в целом, а не только произведениям социально-демократического направления, обратил внимание А. Харисов [19]. Он одним из первых в тюркоязычных литературах проанализировал историю формирования и развития национальной литературы во взаимосвязи традициями Ближнего Востока, суфизмом и суфийской литературой. На основе исследования творчества таких поэтов, как А. Каргалы, Х. Салихов,

Ш. Заки, он показал наличие не только канонической поэтики, характерной для традиционной суфийской поэзии, но и их региональные особенности. Самое главное, он сумел доказать, что религиозно-дидактические произведения, которые доселе считались религиозно-клерикальными, также обладают литературной и эстетической ценностью.

Ряд исследований Г.Б. Хусаинова также связаны с суфийской литературой [20; 21]. В своих трудах ученый прослеживает эволюцию суфизма от Ахмета Ясави (ум. в 1166 г.) до литературы начала XX века.

В трудах Г.С. Кунафина, посвященных исследованию башкирской литературы XIX – начала XX веков, подробно описывается общественно-политическое и социально-экономическое положение общества, рассматриваются идейно-тематические особенности произведений этого периода, приводится биография башкирских поэтов-суфиев [5].

В монографиях Ф.Ш. Сибагатова рассмотрены отражение коранических мотивов в башкирской литературе [14] и проблемы духовной литературы [15].

В последние годы в области изучения суфийской философии плодотворно работает И.Р. Насыров. В монографии «Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция)» рассматриваются онтологические и гносеологические корни суфизма [9]. В книге исследуются причины возникновения мистического течения в исламе и его превращения в философский суфизм. На основе обширного текстологического материала суфизм рассматривается во всех исторических формах его бытования как единое явление. Ряд исследований ученого посвящен проблемам межкультурного диалога между Западом и Востоком. Часто ученый развивает эти идеи на примере башкирских мыслителей Заки Валиди, Мурад Рамзи и др. [10; 11; 12] Кроме этого, ученый активно занимается переводом трудов арабо-мусульманских мыслителей.

К данной проблеме посвящены ряд кандидатских диссертаций (Л.Р. Шарафутдинова «Традиции суфизма в башкирской литературе» [22], Г.И. Байбулатова «Идейно-художественные и стилевые особенности башкирских саяхатнамэ XVIII – начала XX веков» [1], А.М. Кутляхметов «Особенности развития башкирской литературы начала XX в., 1905–1920 гг.» [6], Р.К. Резяпова «Художественное воплощение образа женщины-мусульманки в башкирской литературе» [13] и др.

Одним из первых в карачаево-балкарской литературе проблема влияния арабо-мусульманских традиций на национальную культуру рассматриваются в исследованиях Т.Ш. Биттировой. В своей фунда-

ментальной монографии «Карачаево-балкарская духовная литература: рукописное наследие» она анализирует огромный пласт национальной культуры, связанной с исламом [2]. Другой исследователь, Б.И. Тетуев, например, в своей докторской диссертации «Становление и развитие карачаево-балкарской авторской поэзии второй половины XIX – начала XX века: концепция человека, поэтика» относительно отражения этой проблемы в литературе карачаево-балкарского народа указывает, что в духовном наследии карачаево-балкарского народа авторская устная и письменная поэзия второй половины XIX – начала XX века, синтезирующая в себе художественные традиции национального фольклора и восточно-мусульманской культуры, занимает особое место.

На богатейшем наследии карачаево-балкарской словесности XIX века воспитывалось не одно поколение слушателей и читателей, ее эстетико-художественные традиции были продолжены в поэзии XX века. Она явилась основой карачаево-балкарской поэзии, истоком творчества крупнейших поэтов начала XX века – К. Мечиева и И. Семенова, середины и второй половины XX века – К. Кулиева, К. Отарова, Х. Байрамуковой, Т. Зумакуловой и др. [17]

К проблемам изучения религиозных жанров посвящены исследования К.-М.Н. Татаркулова. Ученым на примере творчества Исмаила Семенова анализируется влияние духовной поэзии Востока в художественную культуру карачаево-балкарского народа. Основное внимание уделяется изучению поэтических и жанровых особенностей зикиров [16].

Как известно, для художественной литературы средних веков – начала XX века характерна непрерывная связь с народным творчеством. Эта тенденция характерна не только для произведений агиографического характера, но и творчества таких писателей и поэтов, как Мажит Гафури, Шайхзада Бабич, Бахтияр Мирзанов, и др. В своих произведениях они стараются максимально использовать фольклорные традиции. В советский период эти традиции ярко прослеживаются в творчестве таких писателей и поэтов, как Б. Бикбай, Мустай Карим, З. Бишева и др. Наше мнение подкрепляет и высказывание известного исследователя Д.С. Лихачева, сформулированное при анализе своеобразия развития древнерусской художественной словесности: «Как и в фольклоре, в древнерусской литературе особое место занимают «общие места». Литературное произведение не стремится поразить читателя новизной, а, напротив, успокоить и «заворожить» его привычностью. Составляя свое литературное произведение, автор как бы совершает некий обряд, участвует в ритуале. Он обо

всем рассказывает в подходящих, приличествующих рассказываемому церемониальных формах. Он восхваливает или порицает то, что принято восхвалять или порицать, и всему своему славословию или хуле он придает приличествующие случаю этикетные формы. Поэтому текст литературных произведений – это текст, по большей части лишенный неожиданностей. Эти неожиданности так же нежелательны, как нежелательны они в любых обрядах. ... Она обряжает тему в соответствующий ей литературный наряд. И это не только сближает ее с фольклором, но приводит, как в фольклоре, к особой импровизационности..., его коллективности и к его традиционности» [8, с. 12–13]. Таким образом, данное высказывание характерно и для башкирской и карачаево-балкарской литератур.

Стихотворение Ш. Бабича «Курбан байрам мөнөсәбәте илә» («По случаю Курбан-байрама») (1918) также основано на сюжете коранической легенды о посланнике Аллаха Ибрахиме и его сыне Исма‘иле. Ибрахим относится к числу немногих библейских пророков (Авраам), особо почитаемых исламе. Его имя часто встречается в Коране: [6: 75–83], [19: 42–50], [21: 53–73], [37: 83–110]. Кроме того, его именем названа 14 сура – «Ибрахим» [14: 1–52].

Согласно авторской концепции, действие в произведении начинается с середины легенды – со сна Ибрахима, в котором он услышал голос Аллаха, требующий приношения в жертву его сына Исма‘ила и подготовку к этому событию. Все это уместилось в одну строфу стихотворения:

Принеси жертву сына, ая Ибрахим,
Услышав с неба возглас Божий.
С божьим именем милосердным
Трет он шею Исма‘ила.

Подстр. пер. автора

Дальнейшее повествование особо не отличается от сюжета коранической легенды. Узнав о намерении Ибрахима принести его в жертву, Исма‘ил принял эту весть спокойно, даже стал успокаивать отца: «Праведный сын ответил «О отец мой, делай, что тебе приказано; ты найдешь меня, если пожелает Аллах, терпеливым» [37: 102/101–102].

Оставь, отец, не плач, спокоен я, рад
Получи благословение Всевышнего, – сказал Исма‘ил ...

Подстр. пер. автора

Вторая строфа произведения, как мы видим, созвучна вышеуказанному аятом суры «ас-Сафат».

В то же время данная кораническая легенда несет не прямую смысловую нагрузку, а косвенную. Здесь для автора важна не сюжетная последовательность, хотя она и преобладает, а основная идея-тематика. Стихотворение написано в 1918 году, когда в стране шла Гражданская война. Поэтому произведение несет не столько романтическую нагрузку, сколько идеологическую, которая раскрывается в последней строфе. Таким образом, хотя произведение основано на коранической легенде, но главными героями являются не мифические пророки Ибрахим и Исма'ил, а весь башкирский народ, который, не задумываясь, жертвует во имя свободы жизнью не только своей, но и любимых детей. Не посланцы Аллаха, а вся нация поднята на уровень пророков.

Как видим, в стихотворении Ибрахим поднят с обычного героя, хотя и мифологического, до уровня архетипа, мудрого старца, выступая на еще более тонком психологическом уровне, на подсознательном. Как писал Карл Ю. Юнг, «архетип есть автономное содержание бессознательного» [7, с. 26].

Для произведения Ш. Бабича «По случаю Курбан-байрама» характерна тонкая двойная связь, «сотканная из двух символических клубков» (В.В. Виноградов), т.е., два стилистических слоя повествования: основанная на религиозно-мифологическом сюжете и авторская, соответствуют двум рядам представлений. Создается как бы своеобразный художественный прием психологического параллелизма. Первые две начальные строфы основываются на сюжете коранической легенды, а последующие – авторское описание реальных событий.

Этими «семантическими нюансами», на наш взгляд, была трагедия Гражданской войны, которая расколола общество на два враждебных лагеря: с одной стороны Белая Армия, а с другой – Красная. Для башкир она была трагичней и тем, что существовало и национальное движение за автономию Башкортостана, т.е., произошел раскол уже на три лагеря. В некоторых случаях воинские части национального движения противостояли одновременно против белых и красных войск. Возможно, именно это наложило определенный отпечаток на авторский стиль Ш. Бабича – в поисках путей моральной поддержки своих соплеменников в эти годы в творчестве поэта часто встречаются религиозная тематика, автор опирается на традиции арабо-мусульманской культуры.

Ряд поэтов тюркского мира начала XX века также обращались к сюжету данной коранической легенды. Например, широкую известность в балкарской литературе получил зикир К. Мечиева «Предание об Ибрахиме». Как и многие произведения арабо-мусульманской литературы, зикир имеет и второе название – «Белый баран». По этому вопросу исследователь балкарской литературы Б.И. Тетуев пишет, что это «... видимо, потому, что искупительной жертвой Ибрагима в карачаево-балкарской версии предания выступает белый баран. Данный зикир, где переплетаются сюжеты и мотивы Библии и Корана, представляют собой образец классической полиямной поэтики. Поэт, обращаясь к преданию, подробно останавливается на эпизоде, где Ибрагим должен сделать выбор между долгом отца и покорностью воле Всевышнего. Узнав, что для соответствования Богу он должен принести жертву сына Исмаила, Ибрагим проявляет «сильные стороны человеческого характера» и отправляется исполнить предельный поступок своей жизни. ... Следует отметить, что композиционно зикир «Предание об Ибрагиме» в значительной мере обогашён диалогами и внутренними монологами Ибрагима, Исмаила, Хажар, в которых изнутри переживаются самые драматические моменты их жизни» [17, с. 16].

Кроме коранической легенды, вышеназванные произведения объединяет и то, что авторы переводят сакральные понятия в реальную обстановку. Ш. Бабич проводит параллель с башкирским народом, который как и Ибрахим, не жалея жизни своих сыновей борется за свободу, за автономную республику. К. Мечиев направляет эти понятия на бытовой план, благодаря которому божественное чудо используется в широком, гуманистическом смысле.

В сборнике «Карачаево-балкарский фольклор» (1996) помещен также ряд произведений национальной духовной поэзии. Среди них мы встречаем зикиры, посвященные пророку Ибрахиму – «Ибрахим фэйгхамбар жашын кьурман этгени («Принесение пророком Ибрахимом своего сына в жертву») и др. Схожую картину мы наблюдаем в изустной поэзии на примере творчества Шалкииза жырау (XVI в.), который является общим духовным достоянием башкирской, казахской, ногайской литератур. Автор сравнительно широко использовал коранические сюжеты о пророках Ибрахим, Зу-л-Карнайн и др. Но здесь, в отличие от произведений начала XX века, не проводятся параллели с современной обстановкой, кораническая легенда используется только для создания нового произведения.

В поэме карачаево-балкарского поэта Д. Шаваева «Пророк Юсуф и его братья» мы также видим схожее художественное описание с произведением Дж. Юмаева. Как указывает Б.И. Тетуев, «Духовно-просветительская суть деяний пророка Мухаммата представляется «светоносной». Свет в данном случае связывает человека с небесным светилом, благим небом, олицетворяющим единое объединяющее и просветляющее начало. Не случайно рождение пророка Мухаммата становится событием, преобразующим мир, оно наделяет светом и одухотворяющей силой мир природы. Тяга людей к пророку воспринимается как их внутренняя потребность в просветляющей силе, в духовном озарении. Поэт акцентирует внимание на том, что пророк дарует людям не только и не столько материальные ценности, сколько духовную пищу, свет. К нему тянутся нищие духом, незрячие, жаждущие, которые, получив вожденные блага, претерпевают внутреннюю трансформацию» [17, с. 22].

Таким образом, арабо-мусульманские культурные традиции оказывают заметное влияние на национальные тюркоязычные литературы

Литература

1. *Байбулатова Г.И.* Идеино-художественные и стилевые особенности башкирских саяхатнамэ XVIII – начала XX веков. Дисс. ... канд-та филол наук. Уфа, 2011. 172 с.
2. *Биттирова Т.Ш.* «Карачаево-балкарская духовная литература: рукописное наследие». Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. 264 с.
3. *Карим М.* Притча о трех братьях. М.: Современник, 1988. 367 с.
4. *Конрад Н.И.* Запад и Восток. М.: Наука, 1972. 496 с.
5. *Кунафин Г.С.* Особенности башкирской литературы XIX – начала XX веков. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2014.
6. *Кутляхметов А.М.* Особенности развития башкирской литературы начала XX века, 1905–1920 гг. Дисс. ... канд-та филол наук. Уфа, 2004. 140 с.
7. *Карл Ю.Юнг.* О феноменологии духа в сказках // Урания. 1994. № 2. С. 26.
8. *Лихачев Д.С.* Своеобразие исторической пути русской литературы X – первой четверти XVIII века. С. 12–13.
9. *Насыров И.* Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). М.: Языки славянских культур, 2009. 552 с.
10. *Насыров И.* Взгляды Заки Валиди Тогана на проблему взаимоотношения западной и исламской цивилизаций // Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе / отв. ред. Р.Ф. Талипов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. С. 419–422.
11. *Насыров И.* Запад и исламский мир в философии истории Заки Валиди Тогана: проблема национальной и культурной идентичности в условиях гло-

бализации // Ишрак. Ежегодник исламской философии. № 1. Ishraq: Islamic Philosophy Yearbook. № 1. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 61–79.

12. *Насыров И.* Взгляды Мурада Рамзи по вопросам реформирования и модернизации ислама // Ежегодник «Арабские исследования». М.: РУДН, 2012. С. 27–34.

13. *Резянова Р.К.* Художественное воплощение образа женщины-мусульманки в башкирской литературе. Дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 207 с.

14. *Сибгатов Ф.Ш.* Коранические мотивы в башкирской литературе. Уфа: Гилем, 2001. 148 с. (на башк.яз.).

15. *Сибгатов Ф.Ш.* Духовная литература башкирского народа. Уфа: Гилем, 2015. 152 с.

16. *Татаркулов К.-М.Н.* Традиции духовной поэзии Востока в художественной системе Исмаила Семенова. Дисс. канд. филол. н. Крачаевск, 2006. 175 с.

17. *Тетуев Б.И.* Становление и развитие карачаево-балкарской авторской поэзии второй половины XIX – начала XX века: концепция человека, поэтика. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2008. С. 22.

18. *Усманов А.И.* Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960.

19. *Харисов А.* Литературное наследие башкирского народа. XVIII–XIX века. Уфа, 1973. 312 с.

20. *Хусаинов Г.Б.* Башкирская литература XII–XVIII вв. Уфа: Гилем, 1996.

21. *Хусаинов Г.Б.* Духовный мир башкирского народа. Уфа: Китап, 2003.

22. *Шарафутдинова Л.Р.* Традиции суфизма в башкирской литературе. Автореф. дисс. к-та ... филол.н. Уфа, 2007. 26 с.

TO THE PROBLEM OF STUDYING SPIRITUAL LITERATURE IN BASHKIR AND KARACHAY-BALKAR LITERATURE

Sibgatov F.Sh.

Ufa, Bashkir State University

This article is devoted to the problem of studying spiritual literature in the Bashkir and Karachay-Balkarian literature. On the example of national literatures, the synthesis of Middle Eastern and national cultural traditions is clearly manifested. For fiction of the middle ages – the beginning of the twentieth century is characterized by a continuous connection with folk art.

Keywords: *spiritual literature, Islam, Karachay-Balkar literature, Bashkir literature.*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕМА В ПОЭЗИИ Д-Х. ШАВАЕВА

Тетуев Б.И.

г. Нальчик, КБГУ

В данной статье исследуются произведения Д-Х. Шаваева (1800–1892), посвященные исторической теме. Поэмы Д-Х. Шаваева, донесшие до нашего времени отголоски событий, связанных с походом войск Тимура на территорию нынешнего Северного Кавказа, представляют исключительную ценность для историка как косвенное свидетельство об одной из трагических страниц в истории карачаево-балкарцев. В то же время для исследователя литературы поэмы важны как один из первых опытов авторской поэзии в осмыслении истории.

Ключевые слова: *Д-Х. Шаваев, фольклорные истоки, историческая правда, патриотический пафос, трагедия народа, апокалиптическая картина, каменная топонимика, образ Тимура.*

Возвращение творческого наследия Д-Х. Шаваева (1800–1892) – одно из значимых событий в истории карачаево-балкарской словесности начала XXI века. Произведения его сохранились в основном в памяти сказителей, старых рукописях и были опубликованы только в 2007 году во многом благодаря изыскательской и атрибутивной работе фольклориста Х.Малкондуева. В работах, посвященных творчеству поэта, в основном исследуются его религиозно-дидактические произведения, цикл, условно называемых , «восточных» поэм [5]. Между тем, в поэзии Д-Х. Шаваева широко представлена историческая тематика, запечатлены события, ставшие значимыми вехами в истории карачаево-балкарского народа.

Самые ранние исторические события, нашедшие отражение в поэзии Д-Х. Шаваева, относятся к концу XIV века, времени походов завоевателя Тимура (Тамерлана) на Северный Кавказ. Поэма «Акьсакь

Темирни тауруху» («Предание о Хромом Тимуре») полностью посвящена изображению исторических событий, связанных с нашествием войск Тимура на Северный Кавказ. Размышления об этом событии содержатся и в поэме «Шауаланы Дауут-Хажини кюй-оюм сагъышлары» («Грустные думы-размышления Шаваева Дауут-Хаджи»).

Трагедия предков карачаевцев и балкарцев, оказавшихся на пути жестокого завоевателя Акъсакъ Темира – Хромого Темира (так в тюркском мире называют среднеазиатского полководца Тимура) сохранилась в основном в легендах и преданиях о военачальнике Таулу и его сподвижнике Тотуре, в топонимах, содержащих следы кровавой драмы многовековой давности: «Къан Жол» («Кровавая Дорога»), «Къанлы Тюз» («Кровавая Равнина»), «Акъсакъ Темирни Ташы» («Камень Хромого Темира»), «Акъсакъ Темирни къошу» (Ставка Хромого Тимура») и другие [2]. Сохранился ряд интересных фольклорных текстов, собранных Х. Малкондуевым [3]. Большую ценность представляют поэтические тексты, записанные литературоведом А. Теппеевым. Они, снабженные небольшим комментарием, были опубликованы на страницах республиканской газеты «Заман»[4].

Разумеется, в своих произведениях Д-Х. Шаваев обращался не к историческим источникам, а широко использовал фольклорный материал, в котором запечатлелась трагедия карачаево-балкарского народа, сохранился образ Тимура, незаурядного человека и жестокого завоевателя. Мощная, устрашающая сила, заключенная в нем и его воинстве, выражается описанием стихии их воинской жизни. Быстроту, стремительность продвижения конного войска степняков поэт передает посредством орнитогенных образов. Длинные стрелы воинов Тимура летят с ветром, как «ястребиные крылья» («къыртчыгъа къанатынлай»). Количество стрел, выпускаемых ими одновременно, таково, что они «похожи на тысячи лебедей в небе» («ушайла кекде минг къанкъазгъа»). Жесткая воинская дисциплина, объединяющая воинов, жесткая требовательность Тимура к подчиненным (по его приказу трижды промахнувшегося воина вешают, с огрызающегося снимают кожу) – все это в совокупности объясняет непобедимость его войска. Сильным, устремленным к победе хозяевам соответствуют и их кони, которые в движении схожи с дикими оленями, не останавливаясь, идут вперед, не устают, не боятся дальних расстояний, стрел противника. Чтобы показать их мощь, поэт перечисляет местности и страны, в которые привели кони Хромого Тимура: «Идилге, Тюркге, Ираннга, Арапха, //

Къарлы таулу Кавказга» («На Волгу, в Турцию, Иран, к Арабам, // К Кавказу со снежными горами») [6, II, 115 б.].

По сравнению с фольклорным образом Тимура, где его имя представляется однозначным символом безмерной жестокости, Д-Х. Шаваев изображает его обычным, земным человеком, который постепенно ожесточается, становится одержимым фанатической идеей покорить весь мир. Поэт описывает его жизнь с самой юности, обнаруживая задатки незаурядности. О силе и выносливости свидетельствует то, как Тимур, будучи подростком, усмиряет необъезженных коней, пешим преследует и настигает дичь. Жажда власти, овладевшая Тимуром, проявляется уже с пятнадцати лет, когда он замышляет, что «станет над ханом и шахом», и осознает, что сделать это он сможет не силой, а хитростью. Он умело пользуется наукой борьбы за власть, преподанную в свое время отцом: «Эмен терек ауар ючюн, // Кеп керекди кемирге» [6, II б, 117 б.] («Чтобы повалить дуб, // Много нужно грызть»). Поэт показывает, как Тимур последовательно осваивает секреты придворной жизни, приближающей его к хану, жестоко расправляется со своими соперниками, а затем – и с самим ханом.

После захвата Тимуром Бухары в нем начинают проявляться черты жестокого и кровожадного тирана. Огнем и мечом проходит он множество земель, заливая кровью покоренные страны. Жестокость Тимура показывается в страшных картинах расправ над мирными жителями. В Фарсы (Персии) он, узнав, что защитники выставили впереди себя тысячу детей, чтобы войско не вошло в город, отдает безжалостный приказ «Малтагъыз, терк етюгюз!» («Давите, быстрее проходите!»). В предельно лаконичную сцену поэт вмещает страшную трагедию гибели детей: «Минг атлы малтадыла, // Къагъанакъланы эзе. // Сабий таууш тохтады, // Темир шахаргъа кире» [6, II б, 121 б.] («Тысяча всадников топтали, // Давя младенцев. // Детские голоса затихли, // Когда Темир входил в город»). Страшный лик войны рисует поэт в Хункерии; Темир уничтожил всех ее жителей, а затем: «Адам башладан тебелени // От салып кюйдюргенди» («Груды из человеческих голов // Сжег в огне»).

Упомянув о походах Тимура, Д-Х. Шаваев подробно останавливается на событиях, связанных с историей своих предков. Они становятся на пути Тимура, поставившего целью «довести границы своего государства до Минги Тау», склонить словом к миру непокорных жителей, живущих «по отрогам пяти гор», если же они возьмутся за оружие, то залить их селения кровью. Неизвестно, пользовался ли поэт какими-

либо историческими источниками, кроме преданий, но он проявляет осведомленность в названиях племен и народов, предков нынешних карачаево-балкарцев (во всяком случае, соответствующих одной из существующих гипотез). Так, поэт дает своеобразную историческую и национальную самоидентификацию карачаево-балкарцев, «обитателей гор и равнин»: *таулу, маджар, дюгер, кьарачай*.

Поэт изображает своих пращуров настоящими патриотами, готовыми не жалея своих жизней защищать родной край, не желающими покоряться никому, кроме Аллаха. В диалоге между представителями Тимура и местными жителями, последние называют завоевателей «непросвещенными, безбожными рабами». Захватчики не считают себя таковыми, они – мусульманской крови, и Тимур утверждает, что «безмерно любит мусульманские народы». Поэт раскрывает ложность пропагандируемой агрессорами идеи конфессиональной солидарности. Оказывается, что их вера особой меты, она пропитана жестокой завоевательской идеологией; всякий, кто не покорится, посмеет встать на их пути, тот и является врагом: «Къзазаут ким этсе да, // Кьолуна сауут алып, // Ол аны душманыды, // Болса да эфендини жашы!» [6, II б, 123 б.] («Тот же, кто будет сражаться, // Взят в руки оружие, // Он – его враг, // Если даже он сын эфенди!»). Двуличие Тимура раскрывается на конкретных примерах; называя себя мусульманином, он превосходит жестокостью гяура (неверного). В конфессиональной характеристике Тимура поэт следует исторической правде. Она соответствует тому представлению, которое сложилось в отечественной ориенталистике. «Ислам для Тимура, – отмечает В.В. Бартольд, – был скорее средством для достижения политических целей, чем причиной, определявшей его поступки» [1, с. 45].

Поэт не описывает в подробностях картину сражений «обитателей гор и равнин» с войском Тимура, только констатирует ее исход. Защитники родных ущелий мужественно сражаются с завоевателями и погибают в неравной борьбе. Автор не персонифицирует участников сражений, ограничивается обобщенной характеристикой обороняющихся воинов. Стойкость защитников передается посредством системы образов, имеющих «нартские» корни: «Бакьсанчыла турдула // Тамам нарт къалалача» [6, II б. 123 б.] («Баксанцы стояли // Точно нартские крепости»). Для характеристики Тимура, уничтожающего все живое на своем пути, поэт использует целый каскад отрицательных сравнений и эпитетов, называет его безбожником, безнравственным Иазидом (имя

организатора убийства Хусеина), бешеной собакой, жестоким убийцей и т.д. Весь комплекс художественно-выразительных средств, используемый поэтом для характеристики противоборствующих сторон, свидетельствует о связи поэмы с эпической традицией нартского эпоса.

Повествование о трагических событиях в истории предков карачаево-балкарцев занимает значительное место и в поэме «Грустные думы-размышления Шаваева Дауут-Хаджи». Историческая судьба народа в обозримом прошлом отображается в реальных фактах жизни «Чегем эли» (Чегемского общества, родины поэта), «Уллу Малкъар» (Балкарского общества, уважительно именуемого в народе «Уллу» – «Большое»), связанных с нашествием войск Тимура.

Д-Х. Шаваев изображает жестокую картину резни в Чегем эл после гибели его защитников. Захватчики уничтожили все живое, никому не оставляя надежды на пощаду. В местности Кичи Мукул Тюбю воины Тимура находят и убивают прячущихся там детей, в Жанка Хурунда не пощадили глубоких стариков. Описание скромной трапезы стариков «Как этип, ашай элле // Жанка Хурунда къартла» (6, I б, 71 б.) («Кашу приготивив, // Ели старики в Жанка Хурунда») подчеркивает их беззащитность, бессмысленную жестокость убийц. Конкретные картины убийства беззащитных людей подводят поэта к раздумьям о трагических последствиях этой войны. Многие родовые общины, селения исчезли без следа, став непреходящей болью народа. Атмосфера всенародной трагедии запечатлелась в памяти родного края, осталась в многочисленных названиях его камней Чегемского ущелья. Каменная топонимика в этом случае становится памятью истории, превращенной в своеобразные письма:

*Акъсакъ Темир, сен салгъан
Хромой Тимур, оставленные тобой
Жараланы тамгъасы,
Ранения следы,
Таи атлагъа аталып,
Став именами камней,
Чегем ауузунда къалгъанды. [6, I б, 71 б.]
В Чегемском ущелье остались.*

Кровавый след хромого Тимура в Большой Балкарии передается посредством символов и знаков, запечатлевших приметы родного края,

подвергнутого уничтожению. Природно-духовная суть Отечества («Села построенные здесь, // Как орлиные гнезда в горах») характеризует мужество горцев, которые попытались остановить Тимура. Трагическое поражение в битве с захватчиками изображается поэтом в эмоционально насыщенной апокалиптической картине гибели защитников, где «каждый камень, каждая дорога» были залиты кровавым потоком. Только посредством образа камня, знаковым символом родной земли, передается в поэме безмерность страданий, масштаб трагедии побежденного народа: «Ташдан эсе тауда кёп // Болду адам ёлюкле» [6, II б, 123 б.] («Больше чем камней в горах // Стало человеческих трупов»).

Трагедия, постигшая предков карачаево-балкарцев, безмерность скорби передается Д-Х. Шаваевым ярко выраженной символикой красного цвета. При этом многообразные оттенки красного используются в характеристике одного и того же образа. Так, обычная дорога приобретает «цвет крови» («къан жолла»), в следующем эпизоде эпитет возводится в степень – «кровавые дороги» («къанлы жолла»). Апокалиптическая картина истребления мирного населения передается поэтом целым рядом развернутых метафор, в которых используется красный цвет. Каждый камень в селах таулу «окрашен в кровь», кровью пропитались большие и малые реки. Кровью наполнившись, «заплакали-зарыдали» иссохшие было реки Черек, Чегем, Баксан. Страдают дикие звери, не в силах утолить жажду кровавой водой. Цветы, распустившиеся той весной, приобрели красный цвет, да и в последующие годы много выросло красных цветов.

Любовь к своему краю, боль за бесчисленные потери пронизывают последние строки поэмы «Предание о Хромом Тимуре» Д-Х. Шаваева. Тысячи людей лишились своих жизней, трупы стариков, женщин, детей лежали повсюду непогребенными. Одичав, сбежали домашние животные, люди, потеряв рассудок, ушли в леса. Но все же, вопреки всеуничтожающей смерти, возродились села в горах, вызывая в Большой Балкарии (Уллу Малкар) восхищение: «Акьсакъ Темирден сора // Эл калай куралганды?!» [6 II б, 123 б.] («После Хромого Тимура // Как возродилось село?!»). Ассоциации исторического ряда вызывают у поэта не только чувство скорби, но и чувство великой гордости: Тимур не смог уничтожить его народ, он выжил, возродился. Использование Д-Х. Шаваевым конкретных топонимических названий местностей Балкарии, где происходили трагические события, а также метафоры «камни-письмена», придают достоверный характер описанным

событиям, приобретающим документально-исторический характер. Описанные в поэме Д.-Х. Шаваева исторические события, связанные с завоевательными походами Тимура, воспринимаются как легенды. Не случайно поэт называет свою поэму не героической песней, а преданием («Предание о Хромом Тимуре»), но она в целом не противоречит исторической правде.

Патриотический пафос поэм усиливается благодаря установлению прямых точек соприкосновения со своим временем. Следуя сказовой форме, поэт завершает свое повествование надеждой, что в памяти живых сохранятся эти трагические предания.

Анализ произведений Д.-Х. Шаваева, посвященных исторической теме, свидетельствует о том, что в них отразились наиболее существенные этапы жизни народа. Поэмы Д.-Х. Шаваева, донесшие до нашего времени отголоски событий, связанных с походом войск Тимура на территорию нынешнего Северного Кавказа, представляют исключительную ценность для историка как косвенное свидетельство об одной из трагических страниц в истории карачаево-балкарцев. В то же время для исследователя литературы поэмы важны как один из первых опытов авторской поэзии в осмыслении истории. Создание психологически достоверного образа завоевателя Тимура, обобщенного образа его войска как олицетворения смерти, изображение трагедии карачаево-балкарского народа, сочетание мотива скорби с героическим пафосом придает произведениям Д.-Х. Шаваева эпический характер.

Литература

1. *Бартольд В.В.* Улугбек и его время // Собр. соч. В 9-ти томах. Т. 2. Ч. 2. М., 1964. С. 23–96.
2. *Малкондуев Х.Х.* Этническая культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 2001. 175 с.
3. *Малкондуев Х.Х.* О нашествии Тимура на центральное Предкавказье по данным фольклора и топонимики // Исторический вестник КБИГИ КБНЦ РАН. Нальчик, 2005. Вып. 2. С. 345–362; *Малкондуев Х.Х.* Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII века). Нальчик, 2015. 312 с.
4. *Тептеев А.М.* Акъсакъ Темирни кезиую – малкъар жырлада // Газ. «Заман». 26–27 августа 2008.
5. *Тетувев Б.И.* Добро и зло в этической парадигме религиозно-дидактической поэзии Д.-Х. Шаваева // Текст: и гуманитарный дискурс вчера и сегодня.

Сборник научных трудов. Нальчик, 2006. Вып. 3. С. 4–16.; Восточные мотивы в поэзии Даут-Хаджи Шаваева // Материалы международной фольклорной конференции. Баку, 2004. С. 33–46.

6. *Шауайланы (Абайханланы) Даут-Хаджи*. Дуния сагъышла. Поэмала. Зикирле. Назмула. 2 б. Нальчик, 2007. I |б. 196 б.; II. 182 б. Поэтические тексты цитируются по указанному изданию в подстрочном переводе автора статьи.

HISTORICAL THEME IN THE POETRY OF D.-Kh SHAVAEV

Tetuev B.I.
Nalchik, KBSU

This article explores the works of D.-Kh. Shavaev (1800–1892), devoted to the historical theme. Poems D.-Kh. Shavaev, who brought to our time the echoes of events related to the campaign of Timur’s troops on the territory of the present North Caucasus, are of exceptional value to the historian as indirect evidence of one of the tragic pages in the history of the Karachay-Balkarians. At the same time, for the researcher of literature, poems are important as one of the first experiments of author’s poetry in understanding history.

Keywords: *D.-Kh. Shavaev, folklore origins, historical truth, patriotic pathos, tragedy of the people, apocalyptic picture, stone toponymy, the image of Timur.*

УДК 821.93

**МИР ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ
В ДЕТСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
А. МАГАЯЕВОЙ-ГАППОЕВОЙ**

*Узденова М.М.
г. Черкесск КЧИГИ*

В данной статье рассмотрено поэтическое творчество А. Магаяевой-Гаппоевой, проанализированы ее детские произведения. Выявлена способность автора изобразить в соответствующих образах внутренний мир ребенка в доступных для его восприятия формах.

***Ключевые слова:** детская литература, поэзия, писатель, особенности изображения, ребенок, внутренний мир, художественных мир.*

Поэзия является важнейшим средством формирования у детей первого представления об окружающем мире, она помогает воспитать в них эстетический вкус. Поэзия легче воспринимается детьми, так как чем младше ребенок, тем больше поэтических произведений входит в его круг чтения. Известный психолог Р. Арнхейм по этому поводу пишет: «Художественное восприятие не является механическим регистрированием сенсорных элементов, оно оказывается поистине творческой способностью мгновенного схватывания действительности, способностью образной, проницательной, изобретательной и прекрасной» [1, с. 20].

Художественный и реальный мир отождествляются детьми, произведения воздействуют на их сознание, помогая понять реальную действительность. Ребенок наивно относится к художественному миру и может подражать героям, повторять их реплики и даже воспроизводить сюжет произведений в играх. «Все дети в возрасте от двух до пяти верят (и жаждут верить), что жизнь создана только для радости, для беспредельного счастья» – пишет К.И. Чуковский [4, с. 168].

Свой фундаментальный труд «От двух до пяти» К.И. Чуковский писал почти всю жизнь. Здесь автор рассуждает о психике ребенка, об освоении им окружающего мира, о самом ребенке и его творческих способностях. Назвав одну из глав «Заповеди для детских поэтов», автор убеждает в том, что детский писатель должен учиться у народа, который в течение «многих веков выработал в своих песнях и сказках идеальные методы художественного и педагогического подхода к ребенку» [4, с. 83]. К. Чуковский считал, что прежде, чем писать поэтические произведения для детей, нужно всего понять его желания, вкусы и потребности, найти верный метод воздействия на психику ребенка.

Многие современные поэты, создавая свои произведения, тут же завоевывают любовь и доверие маленьких читателей. Очень важно для писателя ощущать своего читателя – ребенка, учиться чувствовать его интересы и желания. Умение очеловечивать, одухотворять природу, приближать ее к человеку, а человека к ней является свойством талантливого писателя. Это определение относится к писательнице А. Магаевой-Гаппоевой. Творческое видение и философское осмысление бытия позволили автору проникнуть в глубину детской души.

А. Магаева-Гаппоева является автором многих произведений для детей, некоторые из которых помещены в сборник стихов «Времена года» [3]. В одноименном стихотворении, автор сравнивает времена года с крыльями:

*Хар къуру да тёрт къанат
Джылгъа къуллукъ этеди,
Кёзюлетиб хар бири,
Джылны алгъа элтеди.
Бир къанаты джашил джаз,
Экинчиси – хурмет джай,
Ючюнчюсю – алтын къач,
Тёртюнчюсю – сууукъ ай.*

Каждый раз, четыре крыла
Служат одному году,
Сменяя друг друга,
Несут год вперед.
Одно крыло – зеленая весна,
Второе – красивое лето,

Третье – золотая осень,
Четвертое – холодный месяц.

Подстр. пер. Узденовой М.М.

Крылья олицетворяют времена года, которые сменяя друг друга спешат начать новый год. Умело подобранные автором сравнения помогают детям познать времена года, их очередность и особенность. Весна-это пробуждение природы, благоухание и цветение. Автор рисует ее зелеными красками. Лето-время цветения, олицетворение всего живого, символом которого являются солнце. Автор называет его красивым. Осень в стихотворении одета золотом, автор ее называет золотой, так как опавшие листья раскрашивают землю во все оттенки этого цвета. Главными атрибутами зимнего времени являются белый снег, холод и тьма, поэтому автор называет ее холодным месяцем.

А. Магаяева – Гаппоева исходит из того, что самое интересное и значительное происходит с человеком в детстве. Самые незначительные на первый взгляд события рожают у маленького ребенка очень яркие впечатления. Все, что он делает, он делает впервые. Поэтому острые переживания сопровождают детство. Так, в стихотворении «Чаначыкъ» (Санки) [3, с. 14] автор, предостерегая детей от несчастных случаев, пишет:

*...Бек тиклени суймейме,
Тамам къызыб кетеме,
Тыялмайма кесими,
Хатала да этеме.
Суу джагъада, къабхакъта,
Мине турмагъыз манга
Къардан, буздан да ётлюб,
Ёчме суугъа чынгаргъа...*

...Высокие склоны не люблю,
Сильно разгоняюсь,
Не могу остановить себя,
Могу и пошалить.
На берегу воды, над обрывом,
Не садитесь на меня.
Через снег и лед пройдя,
Могу и прыгнуть в воду...

Подстр. пер. Узденовой М.

Мысль о необходимости безопасного обращения детей с санками, вытекает из самого стихотворения. Здесь результат умелого использования художественных средств, авторское вмешательство становится не прямым, а опосредованным.

Знакомя маленьких читателей с особенностями погоды и ее проявлениями, порой опасными для детей, А. Магаяева-Гаппоева пишет стихотворение «Буз сюмекле» («Ледяные сосульки») [3, с. 20]. Манящие своей необычностью и переливающиеся на солнце, сосульки не всегда безобидны:

*... – «Бусагъатда туралла
Былай ариу тизилиб,
Кюн бир кесек джылытса
Тюшерикле юзюлюб.
Ала тиер джер бла
Джюрюрге чырт болмайды,
Тюблеринде сюелген
Ачымайын кьалмайды...*

– Сейчас они висят
Вот так красиво расположившись,
Как днем немного потеплеет
Упадут оторвавшись.
Там, где могут приземлиться,
Ходить никак нельзя,
Кто стоит под ними,
Не остается без боли...

Подстр. пер. Узденовой М.

Наивное отношение младших дошкольников к художественному миру приводит к тому, что они стремятся воспроизвести в играх или даже жизненных ситуациях сюжет произведения, повторить действия или реплики любимых героев. Более того, младшие дошкольники не просто хотят, чтобы их судьба стала похожа на судьбу любимых героев, а они верят, что это может произойти. При этом дети стремятся избежать повторения поступков и слов героев, которых они определили, как «плохие».

Так как младшие дошкольники не умеют глубоко рассуждать, осмысливать сложные процессы, «детям понятны главным образом поверхностные, внешние связи между явлениями природы» [4, с. 153–154], то и в произведении младшие дошкольники понимают только то, что лежит на поверхности. Подтекст в событиях, а также поступках, речи, мыслях героев останется ими незамеченным. Смысл произведения младшим дошкольником может быть понят, если тот будет крайне прост. Любовь, дружба и забота о ближнем – основные мотивы поэзии А. Магаяевой – Гаппоевой. Язык прост, но в то же время образен и живописен.

Разные по смыслу, но схожие психологической направленностью произведения о животных сближают ребенка с братьями нашими меньшими, знакомят с их повадками и жизнью в природе. Так, в стихотворении «Акъыллы къоянчыкъ» («Умный зайчик») [3, с. 16], автор знакомит маленьких читателей с непростой жизнью зайца, где изворотливость спасает ему жизнь.

*... Джауун эслеб джатханды
Джангы къаргъа кёмюлюб.
Акъ тон кийген къоянчыкъ,
Акъ къар кибик кёрюнюб.
Къоян ыз бла джюрюй
Бёрю сылыт болгъанды.
Аны баши чайкъалыб,
Майна, аууб къалгъанды.*

Врага заметив лег,
Зарывшись в свежем снеге.
Одетый в белую шубку зайчик,
Похож на белый снег.
По заячьим следам петляя,
Волк очень устал.
Голова его закружилась,
Вот и повалился.

Чувство любви и заботы к домашним животным прививается ребенку с малых лет. Об этом пишет А. Магаяева – Гаппоева в стихотворении «Къозучукъ» («Ягненок») [3, с. 24]:

*...Сууукъ тыймай къысха тюклю тончугу,
Къалтырады, аттям юйге алгъынчы.
Ол джылыда джашарыкъды бизнича,
Санчыкълары къатыб, кюклю болгунчу.
Къайтара да мен аннямы сёзлерин,
Сабийчикге сёлешгенча сёлешеме,
Ба этеме, бирде ала кьойнума,
Ол да барад илешгенден илеше.*

Не согревшись тоненькой шубкой,
Задрожал, пока мой дедушка в дом не взял.
Будет как мы в тепле жить,
Пока не окрепнет и станет сильней.
Повторяя слова моей бабушки,
Как с ребенком разговариваю,
Иногда, взяв на руки, целую,
И он привыкает ко мне.

Подстр. пер. Узденовой М.

Автор передает богатую гамму настроений маленького ребенка, показывает настоящую искреннюю любовь и заботу о только что родившемся на свет ягненке. Чувством сострадания пронизаны взаимоотношения ребенка с домашним животным.

Существует незыблемое единство между человеком и природой, между теми предметами, которыми окружен ребенок, и самим ребенком. Сравнение детства с чистотой сосулек, игриво соединяющих друг друга на крышах дома, дружба ягненка с мальчиком, оказываются для детей неожиданным и радостным открытием. Передается радость живой природы маленьким читателям, которые соприкасаются с ней в своих мыслях, желаниях и поступках. Примечательны в этом отношении стихотворения А. Магаевой – Гаппоевой «Балий терекчик» («Вишня»), «Джай» («Лето»), «Шохла» («Друзья») [3], где дети предстают перед читателями в полном единстве с природой. В небольших стихах, с помощью правильно подобранных эпитетов и сравнений, показана любовь и забота совсем еще юных детей ко всему происходящему в природе. Для того, чтобы призвать детей внимательно относиться к природе, быть любознательными автор создает зримую, почти осязаемую картину – созревание плодов вишни передается

автором как чудо природы, вызывая у детей желание ухаживать и беречь их.

Ведущими темами стихотворений А. Магаевой-Гаппоевой оказываются темы дружбы и любви. И так как герой этих стихотворений чаще всего ребенок или детеныш животного, то и изображает автор любовь и дружбу между малышами и их родителями. Особое внимание уделяет поэт изображению взаимоотношений между ребенком и матерью. Примечательно в этом отношении стихотворение «Эгешчик бла кърнашчыкъ» («Сестричка с братиком») [3, с. 26]. Магаева-Гаппоева показывает заботу и терпение девочки, которая сама, будучи еще ребенком, умело ухаживает за маленьким братиком:

*...Кърнашчыгъын Алачыкъ
Тамам кемсиз сюеди,
Бирде сынгсыз тебресе,
Ариу айта биледи.
Тебретеди бешигин
Джукълар заманы джетсе,
Эмизигин береди,
Балачыкъ кылыкъ этсе.*

Братика Алачыкъ
Очень сильно любит,
Порой небрежно покачав,
Умеет приласкать.
Качает люльку
Когда приходит время сна.
Дает соску,
Когда ребенок балуется.

Конкретность и разнообразие эпитетов, сравнений, ласкательные формы лексики, динамика образов составляют богатую поэтику стихотворений автора, они написаны богатым, красочным, эмоциональным языком, для каждого из них автором найдена индивидуальная поэтическая форма.

Детские произведения А. Магаевой-Гаппоевой раскрывают перед читателями многокрасочную гамму настроений, спектр оттенков в природе, галерею характеров детей. Автор рисует мать как самого

близкого ребенку человека, которую хочется радовать своими поступками. Герой ее стихотворений испытывает к матери самые нежные чувства, с ней он так или иначе связывает понимание счастья, единства и заботы. Поэтические произведения А. Магаевой-Гаппоевой отмечены светлыми душевными интонациями, они воспитывают в детях примерное поведение с помощью удачно подобранных образов. Автор умеет поместить своих маленьких героев в привычную бытовую ситуацию, создать вокруг них доверительную атмосферу, отразить настроения и чувства маленьких героев. «Именно ненавязчивое объяснение путем наглядной демонстрации позитивного и негативного в поступках героев способствует укоренению в сознании ребенка того, что называется критериями нравственности и этикой поведения» [2, с. 100] Это происходит из знания поэтессой психологических особенностей мышления ребенка и ее способности изобразить в соответствующих образах внутренний мир ребенка в доступных для восприятия формах.

Литература

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974. 48 с.
2. Атабиева А.Д. Эволюция балкарской детской литературы (проблемы жанрового развития). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 175 с.
3. Магаева-Гаппоева А. Времена года. Стихи детям. Омега Плюс, 2003. 80 с. (на карач. яз.)
4. Чуковский К.И. От двух до пяти. М.: КДУ, 2005. 400 с.

THE WORLD OF ARTISTIC IMAGES IN CHILDREN'S POETRY WORKS MAGAYAEVA-HAPPOEVA

*Uzdenova M.M.
Cherkessk CHIGI*

In this article poetry for children A. Magaeva-Happousai analyzed works about nature, animals, children. The ability of the author to portray in the respective images of the inner world of the child as to his perception forms.

Keywords: *children's literature, poetry, writers, features of the image, child, inner world, artistic world.*

УДК 821.512.142.0

**ЭМОТИВНЫЕ СМЫСЛЫ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ПОЭЗИИ
(МОТИВЫ РАДОСТИ, ПОКОЯ, УМИРОТВОРЕНИЯ)**

Узденова Ф.Т.

г. Нальчик, ИГИ КБНЦ РАН

Исследуются рефлексивные модели, обусловленные эмоциональным состоянием лирического субъекта, вызывающие те или иные настроения и переживания, в частности в секторе «радости, умиротворения, безмятежности». Мотивы радости объективированы посредством образов зимы, весны, солнца, преимущественно в жанровых модификациях – стихотворениях одического плана, лирических раздумьях, репрезентируют модель полного или частичного снятия противоречий, «погружения» в состояние комфорта, внутреннего согласия.

Ключевые слова: *мотив радости, концепт, карачаево-балкарская поэзия, состояние, переживания.*

Мотив, как структурная единица, есть, в первую очередь, проявление в произведении устойчивого переживания или состояния, «это своеобразная эстетически «уплотненная» эмоция, которая проявляет «портрет души» автора» [5, с. 11], реализуется, как правило, в образной системе произведения. У горских поэтов мотивы радости, покоя связаны с образами зимы, весны, солнца и других природных слагаемых. «Солнечная» константа чаще обнаруживает себя в стихотворениях одического порядка. Осознавая мощь и целительную (энергетическую) силу небесного светила, поэты воздают ему честь и хвалу:

*Минг бюсюреу кьуллугьунга сыйлы кюн,
Джер юсюне джылы кёзден кьарайса.
Джашау джолда бизге теджей насыб, тин,
Джюреклени чапырыргъа джарайса. [8, с. 352]*

Бесконечная признательность моя деяниям твоим,
почтенное солнце.

На каждого глядишь ты с теплотой.
В дороге жизни желая нам счастья, духовности,
Стремишься в сердца привнести покой.

Подстр. пер.

Солнце традиционно является символом жизни: рассвет и закат как рождающееся и умирающее. По логике вещей эти процессы должны бы оппозиционировать (во всяком случае, русская классическая литература изобилует конструкциями, в которых просматривается символическая зависимость от того или иного семантического инварианта), но в творчестве карачаево-балкарских поэтов в части *закат* «роковой умысел» (И. Бухарова) чаще не усматривается, что подтверждает мысль о целостности мировосприятия авторов, мифопоэтической традиции (связанной непосредственно с сакрализацией и ритуализацией) как определяющей специфику этносознания [4; 9]. Отсутствие бинарных оппозиций, продиктованных идеей абсолютной гармонии мира и человека, все более становится характерной чертой современных лириков. Не случайно в последнее время в литературоведении активно вовлекается в оборот понятие «эпифанический пафос» (И. Бухарова), так называемый «нулевой тип эмоционально-оценочного взгляда», состояние «полного снятия всех противоречий, достижения абсолютной гармонии мира и человека» [6, с. 11]. (По типу «все во мне и я во всем» Ф.И. Тютчева, доктрин К.-Г. Юнга и Дж. Джойса).

Зачастую это произведения, сосредотачивающие в себе энергетику духовной субстанции (обусловленную, к примеру, патриотическим накалом чувства).

*Саггышымы, алгышымы
Алыса сен;
Насыбымы, муратымы
Алыса сен;
Таурухуму, джырымы да
Алыса сен,
Ана тилим! Ана тилим... [2, с. 496]*

Ты мыслей моих, пожеланий
Начало;
Счастья, мечты
Начало;
И сказки, и песни,
Начало ты,
Мой родной язык!

*Байрамукова Ф. «Сагъышымы, алгъышымы...»
(«Ты мыслей моих, пожеланий...»).*

Подстр. пер.

Надо сказать, очевидная взаимосвязь мотивов радости, позитива, указывающая на особенность мировосприятия национальных поэтов, нашла воплощение, главным образом, в так называемых «природных циклах». *Концепты – объекты природы* определили главную ипостась эмоционального поля человека – чувства уюта, безмятежности (радость+ покой).

У вечных льдов, целуя тучи,
цветок сорву я голубой
и радостно на снежных кручах
сравню его с моей судьбой.
Быть может, чудом, ненароком,
но все ж, как светлого намек,
расцвел на льдах в краю высоком
моей поэзии цветок! [1, с. 156]

Байзуллаев А. «Эдельвейс»

Монологическая форма речи в большей степени приемлема для жанра *лирического раздумья*. В классическом литературоведении (отечественном и зарубежном) данный вид в статусе поэтической единицы не определяется, хотя его смысловое пространство наличествует со всем присущим ему понятийно-категориальным аппаратом. Движение чувств лирического героя, то есть то, что является определяющим в лирике, сопровождается мыслью: там, где чувство, неминуемо должна присутствовать мысль – дума, воспоминание [10, с. 172]. «Чем глубже чувство, тем глубже мысль, и наоборот...» [7, с. 357]. Глубина мысли закладывается уже в самом термине – «раздумье», «думы» (кар.-балк. *сагъыш*), взволнованность – в его лирической фактуре.

Вспомним у К. Кулиева: «Чегем, ты мой дом, / мой исток и исход...»).

Понимание Родины у поэта ощущается абсолютным в плане личного восприятия. Его чувства к Родине не имеют объяснения и причин. Они априорны в силу его принадлежности к данному пространству по факту рождения. Несмотря на то что эмоциональная составляющая выдержана в медитативно-сдержанных тонах, интонационные оттенки невербально атрибутируют состояние некоего внутреннего «согласия», обусловленного осознанием всецелой причастности к родной земле, к своему народу.

Национальная компонента привносится практически во все общемировые культурно-эмоциональные объекты, используемые любой поэтической системой в виде понятийных эстетизированных универсалий.

*Менден да кетмез суймеклик,
Ёлюб кирсем да джерге.
Гокка хансчыкъ джюрегимден
Джашнаб чыгъалыр ёрге. [3, с. 348]*

И от меня любовь не уйдет,
Если даже, умерев, я уйду в землю.
Горный подснежник сквозь мое сердце
Расцветая, сможет прорасти вверх.

Подстр. пер.

Исходя из вышеизложенного можно констатировать, что мотивы радости, несуетности, умиротворения, покоя и т.п. отражены, главным образом, не столько в эмоционально окрашенных семантических связках, сколько в мыслительных блоках ассоциативного характера и репрезентируют модель полного или частичного «погружения» в состояние комфорта, внутреннего согласия.

Литература

1. Байзуллаев А.Л. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 2000. 402 с.
2. Байрамукова Ф.И. Сагышымы, алгышымы... (Ты мыслей моих, пожеланий...) // Антология карачаевской поэзии XVIII–XX веков. На карач. яз. М.: Эльбрусид, 2006. 624 с.
3. Батчаев А.М. Тау артындан къолтукълашыб... (Взявшись под руки, из-за горы...) // Антология карачаевской поэзии XVIII–XX веков. На карач. яз. М.: Эльбрусид, 2006. 624 с.
4. Башиева С.К., Кетенчиев М.Б. Особенности вербальной репрезентации обыденных знаний о небесных телах // Cuadernos de Rusística Española. № 13. P. 181–194.
5. Бухарова И.Г. Поэзия Ксении Некрасовой: художественная интуиция и лирический пафос: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 19 с.
6. Есин А.Б., Касаткина Т.А. Система эмоционально-ценностных ориентаций // Филологические науки. М., 1994. № 5–6. С. 10–18.
7. Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. М.: Просвещение, 1976. 448 с.
8. Тохчуков И.М. Кюнню къачы (Достоинство солнца) // Антология карачаевской поэзии XVIII–XX веков. На карач. яз. М.: Эльбрусид, 2006. 624 с.
9. Тхагазитов Ю.М. Кабардинская литературная классика в социокультурном диалоге. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 98 с.
10. Узденова Ф.Т. Карачаево-балкарская поэзия: к типологии жанра // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 2. С. 172–175.

EMOTIVE MEANINGS OF KARACHAY-BALKARIAN POETRY (MOTIVES OF JOY, CALM AND PEACE)

Uzdenova F.T.
Nalchik, IHRSC RAS

Reflective models, caused by emotional state of lyrical subject, evoking certain moods and experiences, in particular “joy, peace, serenity”, are investigated. Motives of joy are objectified by images of winter, spring, sun, mainly in genre modifications (odic poems, lyrical thoughts), represent the model of complete or partial removal of contradictions, “immersion” in a state of comfort, internal consent.

Keywords: *joy motive, concept, Karachay-Balkarian poetry, state, experiences.*

УДК 821.512.142.0-21

СИСТЕМА ОБРАЗОВ В ПОЭМЕ К. ОТАРОВА «ОБЕЛИСКИ»

Хульчаева М.Х.
г. Нальчик, КБГУ

В представленной статье рассматривается система образов в поэме К. Отарова «Обелиски» в аспекте поэтической системы, средоточием которой является целостность образов. Здесь также затрагиваются проблемы, связанные с художественной конкретизацией творчества поэта, являющейся ключом к постижению духовного богатства художника. Поэтому цель предлагаемой статьи – попытка охарактеризовать некоторые грани системы образов К. Отарова.

Ключевые слова: литература, поэма, обелиски, символ, дороги, лирический герой.

Умение художника ставить и решать эпические цели и задачи, в первую очередь зависит от уровня его художественного мышления, глубины постижения жизни, понимания проблем своей эпохи. Если полет мысли высок, а поэт искренен в своих чувствах, переживаниях, он в состоянии покорить читательское сердце в любом жанре. Блистательный пример тому – последняя поэма К. Отарова «Обелиски» [4, с. 4]:

Мы, уходя по дорогам мира,
Видим их по обочинам –
Стоят обелиски, как сторожа,
Обелиски – раздумья живых.

Подстр. пер. – М.Х.

Эта начальная строфа поэмы, много раз повторяясь и неся смысловую и организующую нагрузки, создает атмосферу эмоционально-

нравственного напряжения. Но не только в этом ее назначение: повторы с незначительной трансформацией в деталях, она подчеркивает многогранность образа «обелисков», вызывая у читателя целую гамму чувств, ассоциаций: мысли о жизни и смерти, о благородстве и низости, о связи всего сущего, об этической и исторической памяти человека. В этой связи небезынтересно следующее утверждение литературоведа Ф.Т. Узденовой: «Анализ базисных концептов (материального мира – гора, камень, дерево и т.д. и, что более важно, на наш взгляд, – духовного – совесть, память, разум, родина, любовь и др.) свидетельствует о стремлении поэтов к «этнизации» поэтического пространства посредством объектов, вошедших в художественную практику в виде эстетических представлений общего порядка, существующих в литературных системах в роли концептуальных образов-обобщений» [8, с. 294]. Указанное актуализируется и в работах филологов, посвященных концептосфере различных мифологем – огня [2], крови [1] и т.д.

Представленный выше повтор придает цельность, органичность всей стилистической системе поэмы, становится ключом к поступку стиха, к его тону, определившему многообразие последующих строк.

Высокое лирическое напряжение, о котором заявлено уже начальным движением мысли, искренность и глубина чувств потребовали от автора столь же свежих и естественных красок, свободного владения словом. И здесь присущие автору лаконичность, зримость образов, метафоричность и ассоциативность мышления, склонность к мифотворчеству, умение находить видимые и скрытые сходства, связи вещей явились во всем своем облике. Поэту кажется, что «жизнь, как полет звезды, коротка», «старость – холодная зима», «смерть – ведьма», «беда – прожорлива, как чума» и т.д. Или: «вопросы – путники, что не могут утолить жажду», «годы – словно потерянные навсегда друзья».

В поэме К. Отарова образ обелиска существует и в обычном его смысле – это надгробный камень, памятник, возвышающийся над могилой. Конкретность, символ и философское обобщение в искусстве нерасторжимы. «Абсолютизация одной из сторон привела бы к отрицанию символа. Символ должен обладать эстетически прекрасной формой. Его «обелиски» от строфы к строфе наделяются новыми признаками, штрихами, постепенно становятся живыми, одухотворяются» [6, с. 97]. Они созерцаемы, и само это созерцание становится действующим лицом поэмы:

А обелиски нам вслед глядят,
За тем, как по дорогам ходим, следят.

Или:

Мы, уходя по дорогам мира,
Видим их по обочинам –
Обелиски, словно братья, провожают нас.
Обелиски – печаль живых.

Подстр. пер. – М.Х.

Они – спутники читателя и лирического героя, ибо не хаотически разбросаны в пространстве, а расположены по обочинам дорог: стоят, будто сторожа, дозоры, братья, друзья, товарищи, словно провожают в путь, становятся средоточием сознательного и подсознательного. Обелиски неотделимы от образа дороги. Они дополняют друг друга и нередко переходят друг в друга. Не ради аллитерации повторяется поэтом мотив «сынла – жолла – жылла» («обелиски – дороги – годы»).

«Образ дороги в поэме так же многогранен и в то же время конкретен, индивидуализирован. Он символ жизни, движения. Возникает пространственный символ, воплощающий в себе переплетения дорог патриотов и предателей, героев и трусов, тружеников и тунеядцев, чести и бесчестия. Всюду, куда бы ни вели дороги, всюду стоят обелиски, образуя сложный синонимический метафорический ряд: «обелиски – историческая память», «обелиски – совесть», «обелиски – судьбы людские», «обелиски – прошлое», «обелиски – завершение пути» и т.д.» [9, с. 152].

Поэма К. Отарова – прекрасный пример того, как первоначальное зрительное ощущение талантливого художника может стать сигналом, мыслью, диалектическим единством отдельного и общего, средством выражения всеобщего.

Таким первосигналом, первотолчком был надгробный камень. Шершавый, серый, с отметинами времени, пулевыми и осколочными царапинами, молчаливый и печальный. Кто сосчитает надгробные камни. Они, как и люди, не бессмертны, превращаются в прах, в пыль. Но пока памятник стоит – он символ, знак того, что здесь лежат останки человека – доброго или злого, героя или изменника. Он зовет прохожих поклониться жившему когда-то на земле. Но все ли уходящие из жизни заслуживают, чтобы над их прахом высился памятник?

Оттолкнувшись от этого первоимпульса, К. Отаров как бы пускается в даль размышлений. В этом отношении произведение балкарского поэта перекликается с поэмой А. Твардовского «За далью – даль». Правда, в «Обелисках» нет путешествия как такового, но есть ощущение пространственного движения, создаваемого образами бесконечных дорог, путей и кочующих вместе с ними обелисков. В поэме К. Отарова это лирическое путешествие в даль времени.

«Обелиски» – это, прежде всего, память, воспоминания об ушедших, память о важных событиях истории. В карачаево-балкарской поэзии, с первых авторских произведений концепт памяти был одним из главных показателей художественной преемственности. Письменный период литературы внес свои коррективы в развитие концепта памяти, расширив горизонты хронотопа. В поэзии первой четверти века, как пишет Т.Ш. Биттирова, память определялась «отношением к гражданской войне, к бесчинствам, творимым в период колхозного строительства, в период тотальных репрессий» [3, с. 31].

В поэме «Обелиски» жизнь несвободна от сложностей и противоречий. Поэт вновь обращается к памяти, к мысленному восстановлению многотрудного пути народа, никогда не терявшего исторического оптимизма. Немало «искривлений» сопутствовало и созидательной деятельности человека, перегибов, несовместимых с нравственными нормами общественной жизни. Здесь К. Отаров принципиален, и отмеченные им негативные стороны не абстрактные категории, борьба с ними представляется поэту нелегкой.

Поэма «Обелиски» состоит из двенадцати глав. В семи из них (2, 3, 4, 5, 6, 7, 8) движение сюжета определяется столкновением противоречивых понятий, явлений и образов (патриотизм, трусость, простота, скромность, бахвальство, приспособленчество, моральная принципиальность, фарисейство, подлинные организаторы, рвачи, карьеристы и т.д.).

Поэма осложняется рядом сквозных образов – метафор и мифологем: «обелиски – народная память», «обелиски – суд времени», «обелиски – совесть эпохи» и т.д. Тут следует отметить тот факт, что «моделирование специфической образной системы карачаево-балкарской поэзии происходит уже на ранних стадиях гносеологической деятельности индивидуумов» [7, с. 195]. В поэме заметно стремление автора отделить их от себя и превратить в объективность, если пользоваться термином А. Македонова, в «сверхперсонажи». Последних в поэме К. Отарова несколько: Обелиски – Память – Ответственность – Дороги.

Таким образом, лирическое «я» неизменно обогащает образ, выступает в качестве высоконравственного ориентира и критерия для утверждения красоты, добра, справедливости, готовности к самопожертвованию во имя Родины. Одновременно оно обличает все недостойное, низкое. «Обелиски» звучат как завещание поэта.

Литература

1. Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Семантическое пространство концепта «кбан/кровь» в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6–2 (60). С. 38–41.
2. Башиева С.К., Кетенчиев М.Б. Концепт «огонь» как фрагмент этнической картины мира // Cuadernos de Rusística Española. 2014. № 10. P. 37–44.
3. Биттирова Т.Ш. Традиционная карачаево-балкарская литература. Эски кьарачай-малкьар адабият. Нальчик, 2002. 301 с.
4. Отаров К. Избранное. В 2-х томах. Нальчик, 1962. Т. 1. 341 с. Т. 2. 310 с.
5. Отаров К. Обелиски. Стихи и поэма. Нальчик, 1972. 156 с.
6. Толгуров З.Х., Хульчаева М.Х. Поэзия Керима Отарова: особенности поэтики. Нальчик: Эльбрус, 2013. 232 с.
7. Узденова Ф.Т. Карачаево-балкарская поэзия: к типологии жанра // Вестник Пятигорского лингвистического университета. 2008. № 2. С. 195–200.
8. Узденова Ф.Т. Семиотический контекст и национальная идентичность: к методологии вопроса // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 3 (65). С. 294–300.
9. Хульчаева М.Х. Поэтика Керима Отарова (Художественные принципы утверждения лирического героя): дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003. 182 с.

THE SYSTEM OF IMAGES IN K. OTAROV'S POEM "OBELISKS"

*Hulchayeva M.H.
Nalchik, KBSU*

The article deals with the system of images in K. Otarov's poem "Obelisks", in the aspect of the poetic system, the focus of which is the integrity of images. It also touches upon the problems connected with literary concretism of poet's work, which presents itself as a key to the understanding the artist's intellectual wealth. That is why the aim of the presented article is an attempt to characterize some borders of K. Otarov's system of images.

Keywords: literature, poem, obelisk, symbol, road, lyric hero.

ФОЛЬКЛОР И ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 821

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ (на материале сборника «У родного очага»)

Берберов Б.А.

г. Нальчик, ИГИ КБНЦ РАН

Предметом исследования автора является сборник поэзии народов КЧР, объединивший имен из числа современных абазинских, карачаевских, ногайских, русских, черкесских поэтов. Автором выявлены основные фольклорные и этнографические константы, которые из устного народного творчества перешли в область профессиональной поэзии, соединяя собой прошлое и настоящее. Среди них – ключевые архетипы «дом», «мать», «родной язык», а также ойконимы, экзотизмы, пословицы и поговорки.

Ключевые слова: *поэтический сборник, Карачаево-Черкесия, фольклор, этнографизм, архетип, концепт, ойконим, фразеологизм, интertextема.*

Отличительной чертой художественной культуры Северного Кавказа является ее архетипический характер, под которым подразумевается «фольклорный фундаментализм», ментально и стилистически организующий литературные тексты, крепко удерживающий разрастающуюся «крону» на вековых корнях» устного народного творчества. У.Б. Далгат в своей монографии «Литература и фольклор», используя принципы системного анализа, исследовала практически все возможные формы взаимосвязи между фольклором и советской литературой с самых первых лет ее зарождения. После выявления основных, исторически обусловленных связей между литературными и фольклорными текстами, исследовательница пишет: «Проблема взаимодействия

литературы с фольклором остается весьма актуальной. К сожалению, в одном монографическом исследовании нет возможности охватить и решить всю совокупность вопросов, относящихся к проблеме. Вследствие этого некоторые из них были только поставлены и требуют более углубленного рассмотрения [4, с. 302].

Следуя рекомендациям У.Б. Далгат, в данной статье мы поставили перед собой цель – рассмотреть основные модели фольклорно-литературных контактов в северокавказской поэзии, а именно в произведениях, созданных абазинскими, карачаевскими, ногайскими, русскими и черкесскими поэтами преимущественно в постперестроечный период.

Судя по изученным нами текстам, связь с фольклорной системой в первую очередь поддерживается осознанным желанием самих авторов соотносить написанное с устоявшимися духовно-художественными ценностями. Вот как эта мысль иносказательно выражена в стихотворении «Прошлой ночью» абазинской поэтессы Фатимат Апсовой: «Вижу: рядом старая береза // Вгрызлась в землю крепкими корнями» [5, с. 50]. Словами «Достигнешь Марса и домой вернешься» [5, с. 21] Бемурза Тхайцуков определяет диалектическое единство нового и старого, движения вперед и оглядки назад. Раскрывая суть подобной «литературной диалектики», фольклорист А.М. Гутов пишет: «Не надо быть глубоким знатоком философии, чтобы наверняка знать, что абсолютно неизменное – безнадежно мертво, а калейдоскопически быстро изменяющееся – столь же безнадежно абсурдно. Смысл изменения в значительной степени придают константы, которые представляют собой не просто мертво-гранитную твердь, а феномены, которые мучительно долго выкристаллизовывались в результате многотысячелетней эволюции» [3, с. 4].

Одним из этих «кристаллов», бесспорно, является сама аутентичность родного языка, избранного для выражения авторских мыслей и чувств. Линвокультурологам принадлежит интересная мысль о том, что языковая система служит не только средством коммуникации, но «легко проецируется на область этнокультурных концептов, регулирующих нравственные законы и не допускающих хаоса в духовном пространстве» [1, с. 104]. Изучаемые нами авторы интуитивно чувствуют, что родной язык – это «клад большой», «россыпи алмазные» [5, с. 12], поэтому большинство из них клятвенно признаются в верности родному языку. Вот строчки из стихотворения Джемудина Лагучева:

Пока держу перо в руке,
Покуда на своем стою,
На материнском языке
О радости пою! [5, с. 27]

В стихотворениях Х. Байрамуковой «Родной язык» [5, с. 68], Ф. Апсовой «Язык чувств» [5, с. 50], А. Кубанова «Я имя твое напишу» [5, с. 88], С. Капаева «Домбра» [5, с. 155], М. Бегера «Струны ль души отзвучали» [5, с. 209] подчеркивается органическая неразрывная связь между языком природных образов и языком народа. Карачаевский поэт Билял Лайпанов не просто умозрительно признается в любви к родному языку, но «смакует» его фонетический строй: «Семь звуков дорогих, семь букв твоих заветных, // Мой Карачай родной [5, с. 115].

На наш взгляд, фольклоризм проявляется также в приверженности авторов неким базовым архаичным концептам, совокупность которых определяет ценностную картину как древнего, так и современного жителя Карачаево-Черкесии. Среди этих концептов, погруженных в народную историю и народную географию, первостепенное место занимают горы, степи, камни, деревья, орлы, мосты, птицы, родители, предки, солнце, луна. Проведенный анализ показал, что практически нет ни одного поэта в указанном сборнике, который в том, или ином контексте не обращается к образу матери. Наибольшей оригинальности в трактовке образа матери достигает карачаевский поэт Башир Батчаев в своем стихотворении «След руки на стене». Автор, отвергая абстрактные метафоры и эпитеты, высокопарные выражения, описывает будничные случаи: как-то мать лирического героя, по весне «с улыбкой на губах // Обмазывала стену дома», и на счастье своих детей прямо на глиняной стене «на много лет остался след // Ее руки – ее ладони». С тех пор у героя завелась привычка в тяжелые минуты бытия приезжать из города в отчий дом, прикасаться к отпечатку материнской ладони и обретать внутреннюю гармонию:

И если вдруг душа в тоске,
И если сердце боль сжимает,
Я прихожу к родной руке,
И все невзгоды исчезают [5, с. 133].

Подстр. пер. В. Романенко

Художественное совершенство данного стихотворения заключается в определенности ключевого образа, в превращении его в эмблематический знак всечеловеческой любви к матери, к дому и к родной земле. Сильное впечатление на читателя производит «материнский цикл» стихотворений черкесского поэта Мухадина Бемурзова, в особенности, следующие строки из стихотворения «Материнская любовь»:

Я от тебя приму любую муку,
Тоску и боль твою себе возьму.
И даже если мне отрубишь руку,
Другой рукой тебя я обниму [5, с. 266].

Подстр. пер. автора

Мы не ошибемся, если скажем, что все ойконимы по своей природе являются частицами устного народного творчества. Каждый автор любит и поэтизирует свою малую родину, щедро насыщая художественные тексты названиями гор, рек, ущелий, долин, поселений – Кавказ, Эльбрус, Теберда. Абазашта, Кайдух, Аскар-Тау, Эдиль, Бийчесын, Кубань. С каждым из топонимов связана своя легенда, история, которая даже если не воспроизводится в тексте, все равно углубляет пространство стиха. Современные северокавказские авторы, будучи интернационалистами по своей сути, не замыкаются на этноцентризме, за малой родиной они видят и большую родину – Россию. Диалектичную взаимосвязанность «центра» и «сельской глубинки» в веселой сказовой форме изображает Дж. Лагучев в стихотворении «Тропинка», где «честный парень» из аула шел-шел по маленькой тропке, которая неожиданно вывела его в сердцевину Москвы: «Широка, пряма, красива, // Через горы и поля // Шла она по всей России // Аж до самого Кремля!» [5, с. 25].

В анализируемых стихотворениях встречаются лексические единицы, отмеченные печатью художественного этнографизма и, как правило, не подлежащие переводу. Это такие слова, как гулаку – доля соседа от нового урожая (*абаз. с. 31*), баурсак – вид лепешки (*ногайск. с. 55*), гоппан – деревянная чаша (*карач. с. 55*), боза-аяк – чаша с национальным хмельным напитком (*карач. с. 55*), ачкахбасты – почетное угощение (*абазин. с. 55*), бозторгай – степной жаворонок (*ногайск. с. 152*), домбра – музыкальный инструмент (*ногайск. с. 155*), шорпа – мясной бульон (*ногайск. с. 156*), камбак – перекасти-поле (*ногайск. с. 162*), кыл-кобуз – древняя скрипка (*ногайск. с. 175*), апхирца – пастушья свирель (*абазин. с. 30*). Перечисленные нами этнокультурные реалии в стихот-

ворениях современных авторов призваны обозначить генетическую связь сегодняшних духовных ценностей с древними, архаическими.

Ту же функциональную роль «духовных скреп» играют и фразеологизмы, пословицы, поговорки, интегрированные поэтами XX–XXI веков в структуру стихотворных текстов. Приведем несколько примечательных примеров:

«Лишь сложится песня в горах Карачая,
В Балкарии тут же споют» [с. 61].

Л. Шебзухова «Пати».

«Под сдержанностью – злата слиток» [с. 119].

Д. Мамчуева «Терпимость».

«Почетнее отца кунак» [с. 154].

«Ты кунаку открыл свой дом,
Сам завтра станешь кунаком» [с. 154].

С. Капаев «Кунак».

«Думы матери – о чаде,
Думы чада – о канате» [с. 173].

К. Кумратова «Канатоходец».

Фольклорные интертексты в виде пословиц и поговорок являются важнейшим механизмом соединения различных культурных эпох и поколений. Об этом пишут и сами поэты, в частности, абазинский поэт Али Ионов:

Наши пословицы – россыпи звезд!
Мудростью свито здесь множество гнезд,
Наши пословицы – от поколенья
До поколенья протянутый мост [5, с. 40].

Подстр. пер. О. Афремовой

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о неразрывной взаимосвязанности фольклорной и литературной систем в северокавказской поэзии рубежа XX–XXI веков. На сознательном и подсознательном уровне современные авторы обращаются к различным мифологемам, архетипам, именам нартских героев, ойконимам, фразеологическим оборотам «для утверждения социально востребованных

ценностей духовного порядка» [2, с. 86]. Такого рода ретроспективный взгляд на прошлое можно назвать созидательным и перспективным, если учесть необходимость «питательной среды» фольклора для инновационных художественных текстов.

Литература

1. *Башиева С.К., Гелыева А.И., Кучукова З.А.* Смыслы и образы времени и пространства в системе этнической идентичности // *Философские науки*. 2011. № 1. С. 87–107.

2. *Берберов Б.А.* Специфика художественного конфликта в карачаево-балкарской бытовой сказке // *Вестник КБИГИ*. № 1 (28). Нальчик, 2016. С. 84–87.

3. *Гутов А.М.* Константы в культурном пространстве: Публицистика. Фольклор. Литература. Нальчик: Эльбрус, 2011. 216 с.

4. *Далгат У.Б.* Литература и фольклор. М.: Наука, 1981. 304 с.

5. У родного очага. Сборник избранной поэзии народов Карачаево-Черкесии / сост.: Ф.Н. Ионова (абазинская поэзия), М.М. Кубанов (карачаевская поэзия), М.А. Булгарова (ногайская поэзия), Л.К. Шебзухова (поэзия русских авторов), А.Л. Шоров (черкесская поэзия) / под общей редакцией Л.К. Шебзуховой. Предисловие профессора, председателя Союза писателей КЧР Л.А. Бекизовой. Черкесск: РГУ «Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство», 2011. 288 с.

FOLKLORE AND ETHNOGRAPHIC ELEMENTS IN THE WORKS OF THE POETS OF KARACHAY-CIRCASSIA (on the material of the collection «At the Native Hearth»)

Berberov B.A.
Nalchik, KBIHR

The subject of the author's research is a collection of poetry of the peoples of the KChR, combining names from among modern Abazin, Karachay, Nogai, Russian, Circassian poets. The author identified the main folklore and ethnographic constants, which from oral folklore went into the field of professional poetry, combining the past and the present. Among them are the key archetypes «house», «mother», «mother tongue», as well as oikonims, exotism, proverbs and sayings.

Keywords: *poetry collection, Karachay-Circassia, folklore, ethnographism, archetype, concept, oikonim, idiom, intertextem.*

УДК 398.22

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

Гулиева (Занукоева) Ф.Х.
г. Нальчик, ИГИ КБНЦ РАН

Статья посвящена изучению одной из внутрижанровых разновидностей карачаево-балкарской сказочной прозы – топонимических легенд, освещающих историю наименования и появления характерных особенностей различных природных объектов. Отмечается обусловленность их содержания географическим ландшафтом и тесная связь с историческими и религиозными разновидностями данного жанра устной словесности.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, сказочная проза, исторические, религиозные, топонимические легенды.

Одним из популярных жанров карачаево-балкарской сказочной прозы являются легенды. По своему содержанию и тематике они условно могут быть разделены на три группы: исторические, религиозные и топонимические.

Исторические легенды сообщают нам сведения о различных событиях и явлениях из прошлого карачаевцев и балкарцев.

Религиозные легенды связаны с сакральной стороной жизни своих создателей, их древними верованиями и представлениями, с именами языческих персонажей, а также героями христианской и мусульманской священной истории [1, с. 130].

Топонимические легенды, являющиеся объектом данного исследования, по сути своей представляют повествования о различных природных объектах. В них объясняется их происхождение, появление названий, тех или иных особенностей, явлений, событий, связанных с ними. В отличие от преданий на ту же тематику, здесь все это в обязательном порядке увязывается с элементом чуда, фантастики.

Следует отметить, что все разновидности легенд тесно взаимосвязаны и порой бывает довольно сложно их разграничить. Так, например, в легенде «*Билгич эфенди*» – «Эфенди-прорицатель» через обыгрывание библейско-коранического сюжета о всемирном потопе дается и объяснение бесплодности склонов Эльбруса и богатства и разнообразия флоры горы Арафат / Арарат [3, с. 402–403]. Тем не менее мы не можем отнести данное произведение к числу топонимических, поскольку здесь все же преобладают религиозные мотивы.

Рассмотрим также три текста со сходным содержанием, связанным с мотивом золоторогого барана: «*Аймуш бла Таулу*» – «Аймуш и Таулу» [2, с. 414–417]; «Аймуш» [2, с. 410–414]; «Аймуш» [2, с. 417–420]. В первом произведении Аймуш предстает как покровитель овцеводства, который в облике золоторогого белоснежного барана присоединяется к стаду умелого пастуха Таулу, полюбившегося ему своим добрым отношением к животным, приумножает и оберегает его отару. Когда же тот, разбогатев, забывает о человечности, начинает жестоко обращаться со своими наемными работниками и овцами, разгневавшись, он не только лишает его своей благосклонности, но и превращает все его стадо в облака. Поняв свою трагическую ошибку, Таулу сбрасывается со скалы.

Во втором и третьем текстах Аймуш – уже не божество, а простой пастух-батрак, любящий животных и разбогатевший благодаря опять-таки золоторогому барану. Тем не менее события в третьем произведении развиваются по тому же сценарию, что и в первом, с той лишь разницей, что здесь отара не бросается со скалы, а исчезает в озере. Вторая легенда отличается от них тем, что в ней главный герой сам не нарушает запрета и не совершает проступка, а расплачивается за ошибку своего брата Сыйкуна. Действие идет по другому пути: когда отара уходит в озеро, Аймуш, взяв своих пастушьих псов, котелок и свирель спускается вслед за ними. Но на этом повествование не заканчивается: каждый год на поверхности озера начинают появляться клочья шерсти; удивленный народ, собравшись, организовывает поиски главного героя. Три самых умелых ныряльщика погружаются в воды озера Хурла. Первый находит проход, второй видит Аймуша, но не может добраться до него из-за пастушьих псов. Третий же встречается с героем, становится его гостем и уходит, получив от него в дар для общины золотую шерсть его овец.

Таким образом, в первом и третьем текстах мы видим классическую схему «проступок / ослушание / нарушение запрета – наказание»,

свойственное многим языческим легендам карачаевцев и балкарцев, поэтому их жанровая принадлежность не вызывает сомнений. Более сложно обстоит дело со вторым произведением. Здесь языческие мотивы не так сильны, как в указанных двух легендах, и имеется привязка к географическому объекту – озеру Хурла. Посредством обработки известного сюжета в повествовании дается объяснение природного феномена, характерного свойства этого водоема – появления на его поверхности ключев шерсти. Все это позволяет причислить его к разряду топонимических легенд.

Исходя из этого, можно утверждать, что, несмотря на некоторую синкретичность, смешанность исторических, религиозных и топонимических легенд, в каждом конкретном случае возможно определить жанровую принадлежность произведения, опираясь на превалирование тех или иных характерных черт, особенностей.

Большинство топонимических легенд карачаевцев и балкарцев повествует о возникновении различных природных объектов, приобретении ими названия, появлении их специфических особенностей («Гора Джинна» [2, с. 426–429], «Сыновья камня Илкер» [3, с. 452–453], «Каралан» [3, с. 455–457], «Камень братьев» [4, с. 209–210] и т.д.).

Происхождение некоторых географических названий связывается в легендах с трагическими историями влюбленных. Например, в легенде «Орлиная гора» [2, с. 424–426] говорится о том, что покровитель диких животных Апсаты, разгневавшись на свою дочь Фатиму и охотника Тохтара, которые вопреки существовавшему запрету решили пожениться, приказал их убить, но в последний момент пожалел об этом и превратил их в орлов. Гора же, на которой они поселились, была прозвана в народе Орлиной.

Подобные сведения мы находим и в карачаево-балкарском нартском эпосе, особенно в текстах о Карашауае и его богатырском коне Гемуде. Так, в сказании «*Къарашауай Гемуданы сынайды*» – «Карашауай испытывает Гемуду» [5, с. 177–179] говорится о том, что Черекское и Чегемское ущелья были созданы, когда Гемуда ударил скалу грудью; он открыл путь Чегемским водопадам и реке на горе Тыхтенген; Голубые озера образовались от удара его копыта; Эльбрус стал двуглавым из-за того, что, прыгая через него, богатырский конь задел вершину копытом. Другой текст, «Гемуда», объясняет этот факт тем, что он часто терся шеей об эту гору, когда, вытянув голову над ней, пасся на альпийских лугах Переднего Кавказа [5, с. 437]. Тем не менее,

поскольку эпос «Нарты» являет собой цельный сложноорганизованный памятник устного народного творчества, а входящие в него произведения не имеют установки на достоверность, нам представляется нецелесообразным внеконтекстовое рассмотрение отдельных его сегментов как легенд.

Ряд карачаево-балкарских топонимических легенд связан с мотивом окаменения. Как справедливо указывает Т.М. Хаджиева, их источником «является необычный кавказский рельеф – горы, скалы, камни, похожие на какие-нибудь фигуры. В этих легендах превращения людей (зверей, животных и др.) в каменные изваяния объясняются проклятием или наказанием за какой-нибудь проступок, грех, святотатство...; нередко герой обращается в камень по своему желанию, чтобы, например, скрыться от преследователей» [6, с. 567]. К данной группе произведений можно отнести тексты «Эльбрус и Машука» [3, с. 450–452], «Зуб-Старухи» [2, с. 429–432] и др.

Таким образом, исследование топонимических легенд карачаевцев и балкарцев свидетельствует о тесной связи с легендами историческими и религиозными, а их содержание обусловлено природным окружением их создателей. Следует отметить также, что многие карачаево-балкарские легенды трагичны по своему содержанию.

Литература

1. Гулиева (Зануковева) Ф.Х. Карачаево-балкарские религиозные легенды // Вестник КБИГИ (KBIGR Bulletin). 2018. № 4 (39). С. 129–134.
2. Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания): в 2-х томах / сост., предисл. Т.М. Хаджиевой. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 1999. 472 с.
3. Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания): в 2-х томах / сост., предисл. Т.М. Хаджиевой. Т. II. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 472 с.
4. Къарачай-малкъар фольклор (Карачаево-балкарский фольклор): Хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева Нальчик: Эль-Фа, 1996. 529 с.
5. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / сост. Р.А.-К. Ортабаева, Т.М. Хаджиева, А.З. Холаев. М.: Наука. Вост. лит., 1994. 656 с.
6. Хаджиева Т.М. Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 522–584.

TOPONYMIC LEGENDS OF KARACHAYANS AND BALKARIANS

F.H. Gulieva (Zanukoeva)
Nalchik, IHR KBSC RAS

The article is devoted to the studying of one of intragenre versions of karachay-balkarian unfairy-tale prose – toponymic legends, highlighting the history of the name and appearance of the prominent features of various natural objects. It is noted determination of their content by geographical landscape and close connection with historical and religious varieties of the given genre of oral literature.

Keywords: *karachay-balkarian folklore, unfairy-tale prose, historical, religious, toponymic legends.*

СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Самситова Л.Х., Хамидуллина Р.Р.

г. Уфа, БГПУ им. М. Акмуллы

Данная статья посвящена проблеме изучения коммуникативного поведения, которое является объектом исследования многих смежных наук: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, прагмалингвистика, психолингвистика, социолингвистика и др. С этой точки зрения сам термин не имеет однозначного определения, поэтому в статье затрагивается вопрос относительно разграничения коммуникативного поведения и речевого поведения. На сегодняшний день лингвисты выделяют национальное, групповое и личностное направления изучения коммуникативного поведения, вербальное и невербальное коммуникативное поведение.

Ключевые слова: *коммуникативное поведение, культура, коммуникация, вербальное и невербальное поведение, традиции и нормы общения.*

На сегодняшний день межкультурная коммуникация является самостоятельной отраслью коммуникации, которая исследует феномен общения представителей различных культур и связанные с этим проблемы. Исследования в рамках данного направления, которые в последние десятилетия приобрели актуальность во всем мире, привели к появлению термина «коммуникативное поведение».

Впервые термин «коммуникативное поведение» утвердился в исследованиях, примыкающих к таким наукам, как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, прагмалингвистика, психолингвистика, социолингвистика и др. Сегодня настоящие науки демонстрируют устойчивый интерес к вопросам коммуникативного поведения, что подтверждается значительным числом исследований, посвященных данной проблеме. Обзор работ зарубежных и отечественных авторов,

изучающих коммуникативное поведение (Т.М. Балыхина, Т.Г. Винокур, М.В. Зайнуллин, И.А. Зимняя, Л.Ю. Иванова, В.Л. Колесниченко, Л.В. Куликова Т.В. Ларина, Р.Д. Льюис, О.И. Матгяш, Дж. Николс, Ю.Е. Прохоров, А.П. Садохин, Л.Х. Самситова, Л.Г. Саяхова, Р.В. Серебрякова, Н. Сили, С. Смит, И.А. Ю.А. Сорокин, И.А. Стернин, С.С. Тахтарова, С.Г. Тер-Минасова, Н.М. Фирсова, Н.И. Формановская, Р.Х. Хайруллина, А.Р. Хурамшина А. Швейцер и др.), позволяет представить степень изученности проблемы коммуникативного поведения в лингвистике.

Исследования коммуникативного поведения как культурно обусловленного коммуникативно-психологического феномена начались с интереса к национальному коммуникативному поведению, поскольку именно национальная специфика коммуникативного поведения выявляется при контакте культур. В ходе общения с представителями иной культуры для собеседника каждое неродное слово отражает новый мир, в результате которого может возникнуть проблема – неадекватная реакция в общении с носителями неродного языка. Как пишет А.Р. Хурамшина: «У каждого народа свое мировидение и свои традиции, обычаи, согласно которым они живут, строят семьи, открывают новые горизонты. Не прочитав и не поняв их уклад, невозможно понять их мысли, язык и культуру» [10, с. 54]. Для успешной межкультурной коммуникации каждый собеседник должен знать не только языковые факты, но и культурные представления неродного языка, поскольку не существует прямого соответствия как между языками, так и между культурами.

Национальное коммуникативное поведение в самом общем виде определяется как совокупность норм и традиций общения народа. Термин «коммуникативное поведение» в данном значении впервые был использован И.А. Стерниным в 1989 году в работе «О понятии коммуникативного поведения» [8, с. 279–282]. В настоящее время интересы исследователей коммуникативного поведения значительно расширились и включают групповое и личностное направления.

Попытки описать понятие «коммуникативное поведение» были сделаны еще в 70–80 гг. XX века. В СССР на кафедре психолингвистики Института языкознания АН СССР было изданы три научные работы: «Национально-культурная специфика речевого поведения» (1977), «Национально-культурная специфика общения народов СССР» (1982), «Этнопсихолингвистика» (1988). В данных научных трудах впервые были

описаны национальные особенности коммуникативного поведения разных народов, однако эта серия дальнейшего развития не получила.

Несмотря на интенсивное исследование по коммуникативному поведению в разных направлениях, нет однозначного определения самого явления. Это связано с тем, что коммуникативное поведение представляет собой комплексное явление, описание которого стало предметом для целого ряда наук (лингводидактики, прагмалингвистики, психологии, психолингвистики, риторики, социологии, этнографии и др.).

Ю.А. Сорокин определяет коммуникативное поведение как «реализуемые в коммуникации традиции и нормы той или иной лингвокультурной общности, под которой разумеется единство народа, языка и культуры» [6, с. 3].

Особенности коммуникативного поведения того или иного народа позволяют создавать «национальный коммуникативный стиль», под которым Л.В. Куликова понимает устойчивую совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтэкстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка [3, с. 145].

Ю.Е. Прохоров объясняет коммуникативное поведение как «вербальное и сопровождающее его невербальное поведение личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями данного социума» [5, с. 42].

Вербальное коммуникативное поведение рассматривается как «совокупность норм и традиций общения, связанных с тематикой и особенностями организации общения в определенных коммуникативных ситуациях» [9, с. 9]. Другими словами, к вербальному коммуникативному поведению относятся темы общения, принятые в определенных ситуациях, набор и последовательность фрагментов общения в разных ситуациях, его продолжительность в разных условиях и т.д. Невербальное коммуникативное поведение определяется как «совокупность норм и традиций, регламентирующие требования к используемым в процессе общения невербальным знакам (языку телодвижений – жестам, мимике, взгляду, позам, движению, физическому контакту в ходе общения, сигналам дистанции, выбора места общения, расположения относительно собеседника и др.), а также включающее совокупность произвольно выражаемых симптомов состояний и отношения к собеседнику и совокупность коммуникативно-значимых социальных символов, характерных

для данного социума» [9, с. 9]. Следует отметить, что вербальные и невербальные средства общения тесно взаимосвязаны между собой и специфичны у каждого народа. В связи с этим, представители различных культур могут отличаться друг от друга, как по линии вербального, так и невербального коммуникативного поведения.

И.А. Стернин при изучении коммуникативного поведения любой лингвокультурной общности считает необходимым их отдельное рассмотрение. Например, при вербальном коммуникативном поведении мы имеем дело с речью, языком, а при невербальном коммуникативном поведении в центре внимания находятся «невербальные сигналы» – «материальные, чувственно воспринимаемые действия общающихся, включая действия с предметами, несущие для собеседников и окружающих определенный, закреплённый данной культурой смысл» [6, с. 129–130].

Вербальное и невербальное коммуникативные поведения человека теснейшим образом связаны друг с другом. Раздельное их исследование может быть только с целью их отдельного изучения и описания. Коммуникативное поведение – это и есть процесс вербального и невербального общения между носителями разных языков и культур.

Как видно, перечисленные определения в целом не противоречат друг другу, поэтому мы принимаем в качестве основного – определение, данное И.А. Стерниным, поскольку оно представляется нам наиболее полным: «совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т.д. групп, а также отдельной личности» [7, с. 3].

Нельзя оставить без внимания тот факт, что в сфере исследования коммуникативного поведения кроме основного термина выделяют понятие «речевое поведение» и часто возникают проблемы, связанные с их интерпретацией. Одни лингвисты рассматривают их как синонимы, другие разграничивают. На наш взгляд, коммуникативное поведение – понятие более широкое, чем речевое поведение. Именно так рассматривают коммуникативное поведение Т.Г. Винокур (1993), И.А. Зимняя (2001), Л.Ю. Иванова (2003), И.А. Стернин (2006), А.Е. Супрун (1996), А. Швейцер (1993) и др.

Т.Г. Винокур считает, что «интерпретация понятия «речевое поведение» должна опираться ровно столько же на сам факт осуществления речи, сколько на совершившийся при этом отбор речевых средств» [1, с. 9]. Иначе говоря, речевое поведение есть совокупность речевых поступков.

И.А. Зимняя отмечает, что речевое поведение есть «специфическая и неотъемлемая часть поведения в целом как сложной системы поступков, действий, движений. Речевое поведение есть форма социального бытия человека, в нем проявляется вся совокупность речевых действий и речевой деятельности человека» [2, с. 56]. Следовательно, речевое поведение включает в себя, в первую очередь, выбор языковых средств для речевого воплощения сообщения и входит в состав целостного поведения коммуникантов.

Другой исследователь Л.Ю. Иванова представляет речевое поведение как «часть общественно-языковой практики социума, в котором решаются коммуникативные и жизненные задачи его членов» [4, с. 383]. В то время как коммуникативное поведение, по мнению автора, представляет собой совокупность этических норм и правил речевого поведения в различных ситуациях общения в соответствии с их особенностями (официальные, неофициальные) и социальной ролью коммуникантов [Там же, с. 591–592]. Следовательно, речевое поведение, в свою очередь, является частью коммуникативного поведения.

А. Швейцер понимал под «речевым поведением» «процесс выбора оптимального варианта для построения социально-корректного высказывания» [11, с. 53], т.е. речевое поведение характеризует речь и речевые реакции одного из участников коммуникативной ситуации.

Как видим, «речевое поведение» и «коммуникативное поведение» описывают одно и то же – общение народа, группы людей или личности как некоторую упорядоченную систему правил, но включают в себя разные аспекты общения. Опираясь на мнения вышеуказанных лингвистов, делаем вывод, что коммуникативное поведение понятие более широкое, чем речевое поведение, поскольку включает в себя и сферу невербальной коммуникации, и всю совокупность культурных символов.

Исследования коммуникативного поведения как культурно обусловленного коммуникативно-психологического феномена начались с интереса к национальному коммуникативному поведению. Воронежские лингвисты во главе с профессором И.А. Стерниным занимаются исследованием национальной специфики коммуникативного поведения таких народов, как русские, американцы, англичане, французы, китайцы (Лысакова 2001; Стернина 2001; Ермакова 2002; Эккерт 2002; Ларина 2003 и др.).

Постепенно стали развиваться и другие направления в изучении коммуникативного поведения: в рамках гендерной лингвистики – это

изучение коммуникативного поведения мужчин и женщин (Кирилина 1999; Меликян 1999; Серебрякова 1999а, 1999б; Стернин 1996в, 1997, 1999; Зацепина 2003 и др.), исследования в области профессионального коммуникативного поведения, т.е. коммуникативного поведения представителей отдельных профессиональных групп – (Крысин 1976; Багрянская 1999; Мруць 1998а, 1998б; Лазуренко 2000, 2004 и др.).

Появляется «личностная» коммуникативная лингвистика, которая изучает речь и коммуникативное поведение отдельных лиц (Караулов 1987; Беспамятнова 1994; Голицина, Вахтель 1998; Козельская 1996; Кочетова 1999; Личностные аспекты..., 1989; Седов 1997, 1998; Ашкова, Горбунова Косинова 2000; Языковая личность..., 2000; Наумова 2009 и др.).

Таким образом, коммуникативное поведение имеет национально-специфический характер и выступает как аспект изучения языковой личности. Подчеркнем, что неадекватное восприятие коммуникативного поведения одного народа другим народом создает «зону непонимания», нарушает коммуникацию и даже может привести к возникновению межличностных и межэтнических конфликтов.

Литература

1. *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.
2. *Зимняя И.А.* Лингвopsихология речевой деятельности. М.: Моск. психол.-соц. ин-т, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
3. *Куликова Л.В.* Коммуникативный стиль как проблема теории межкультурного общения: дисс. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2006. 327 с.
4. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.
5. *Прохоров Ю.Е., Стернин И.А.* Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006. 328 с.
6. *Сорокин Ю.А.* Этнопсихолингвистика. М.: Наука, 1988. 192 с.
7. *Стернин И.А.* Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж, 2000. 100 с.
8. *Стернин И.А.* О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989. S. 279–282.
9. *Стернин И.А.* Очерк английского коммуникативного поведения / И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А. Стернина. Воронеж: «Истоки», 2003. 183 с.

10. Хураמיшина А.Р. Речевой жанр комплимента в башкирской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2016. 189 с.

11. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1993. 360 с.

THE NATURE AND SPECIFICITY OF COMMUNICATIVE BEHAVIOR

Samsitova L.H., Khamidullina R.R.

Ufa, M. Akmullah BSPU

This article is devoted to the study of communicative behavior, which is the object of study of many related sciences: cognitive linguistics, linguoculturology, pragmalinguistics, psycholinguistics, sociolinguistics, etc. From this point of view, the term itself has no unambiguous definition, so the article raises the question of the distinction between communicative behavior and speech behavior. To date, linguists identify national, group and personal areas of study of communicative behavior; verbal and nonverbal communicative behavior.

Keywords: *communicative behavior, culture, communication, verbal and non-verbal behavior, traditions and norms of communication.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдыханов Уалихан Кибраевич – кандидат филологических наук, доцент Южно-Казахстанский государственный педагогический университет Казахстан, г. Шымкент, uali.kibray@mail.ru

Алиева Тамара Казиевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой карачаево-балкарской и ногайской филологии КЧГУ им. У.Д. Алиева, tamali09@mail.ru

Аппоев Алим Каншауович – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», appoev74@mail.ru.

Атабиева Любовь Хизировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных студентов КБГУ. ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», atabievalyba@mail.ru

Ахматова Мариям Ахматовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», mari.ahmatova@yandex.ru

Багов Артур Мишевич – начальник отдела наукометрического анализа УНИИД КБГУ, vegros@rambler.ru

Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой Русской и зарубежной литератур ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», kazim_bauaev@mail.ru

Берберов Бурхан Абуюсуфович – доктор филологических наук, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора Института

гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», burhan_berberov@mail.ru

Биджиев Мусса Магомедович – руководитель строительной фирмы, г. Москва.

Биттирова Тамара Шамшудиновна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», tbittir@mail.ru

Бичекуева Танзиля Юсуфовна – кандидат филологических наук, преподаватель балкарского языка и литературы МКОУ «СОШ № 9», tan1302@yandex.ru

Боташева Фатима Таубиевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая карачаево-балкарским отделом Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований, fatima-taubievna@mail.ru

Гериева Зухра Солтановна – студентка 3 курса ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», uz.sofa94@mail.ru

Гериева Мадина Рамазановна – учительница МКОУ СОШ с.п. Бабугент, madina.geri@gmail.com

Гулиева (Занукоева) Фаризат Хасановна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», gfariza37@mail.ru.

Давлетшина Мавлиха Фаритовна – ГБОУ учитель башкирского языка, г. Уфа, mavlihadmf@mail.ru

Додуева Аминат Таубиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», daminat57@mail.ru

Каксин Андрей Данилович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, adkaksin@yandex.ru

Каюмова Гузель Рифовна – магистрант Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, kaumovaguzel27@gmail.com

Керимова Раузат Абдуллаховна – кандидат филологических наук, НС сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», K.roza07@mail.ru

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», ketenchiev@mail.ru

Киикова Зарима Аскербиевна – аспирант КЧГУ им. У.Д. Алиева.

Кучмезова Лариса Борисовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», larisakuchmезova@mail.ru.

Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», kuchuk60@list.ru

Локьяева Жаухар Магомедовна – младший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», lokyayeva2015@mail.ru

Мамаева Фатима Таугериевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой карачаево-балкарского и ногайского языков и литературы КЧРИПКРО, г. Черкесск, fmamaeva1958@mail.ru

Мамчуева Фатима Османовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Карачаево-балкарского отдела РГБУ Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, Fatima_M73@mail.ru

Махиева Людмила Хаматгериевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», liudmila.makhiieva@mail.ru

Мизиев Ахмат Магомедович – доктор филологических наук, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», miz1967@mail.ru

Мусукаева Анджелла Хамитовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Мусуков Борис Абдулкеримович – доктор филологических наук, зав. сектором карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», musukov60@mail.ru

Псянчин Юлай Валиевич – доктор филологических наук, профессор, Главный специалист по вопросам культуры, образования и науки МОО «Башкирский народный центр «Урал», yulayyps@yandex.ru

Раемгужина Зилия Мухаметьяновна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Уфимского государственного технического университета

Самситова Луиза Хамзиновна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета башкирской филологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», luiza_sam@mail.ru

Сарбашева Алена Мустафаевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий сектором балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», alenasarb@mail.ru

Сибгатов Флюр Шарифуллович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики факультета башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета, jamachta@mail.ru

Султанова Гульназ Ильдаровна – заместитель директора по учебной работе, преподаватель башкирского языка и литературы Башкирского хореографического колледжа им. Р. Нуреева, Gulsultan78@mail.ru

Тагирова Ильсия Рафиловна – магистрант факультета башкирской филологии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, ilsiya_galiakberova@mail.ru

Текуев Мусса Масхудович – доктор филологических наук, СИС ономастической лаборатории КБГУ ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Тетюев Борис Инзрелович – доктор филологических наук, профессор кафедры Русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», boris_tetuev@mail.ru

Узденова Зулейха Абдулкеримовна – студентка 4 курса ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», uz.sofa94@mail.ru

Узденова Мадина Магомедовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Карачаево-балкарского отдела РГБУ Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, karakotovamadina@yandex.ru

Узденова Фатима Таулановна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Фе-

деральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», uzdenova_kbigi@mail.ru

Улаков Махти Зейтунович – доктор филологических наук, профессор, ГНС сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», maxtti@mail.ru

Ульбашева Залина Аликовна – магистрант 2 курса ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Урусов Руслан Хаталиевич – заместитель директора социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», urkbr07@mail.ru

Хамидуллина Розалия Робертовна – магистрант 3 курса ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», grr93@yandex.ru

Хуболов Сахадин Магомедович – кандидат филологических наук, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», khubol@yandex.ru

Хульчаева Марьям Хажидатувна – кандидат филологических наук, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», mariam.li.18@yandex.ru

Чертыхова Мария Дмитриевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета, chertikova@yandex.ru

Шаяхметов Винер Абдульманович – кандидат филологических наук, проректор по воспитательной и социальной работе доцент башкирского и сравнительно-сопоставительного языкознания ФГБОУ ВО «Башкирский государственного педагогического университета им. М. Акмуллы», Viner-bspu@mail.ru

---

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abdykhanov Ualihan Kibraevich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor South Kazakhstan State Pedagogical University Kazakhstan, Shymkent, uali.kibray@mail.ru

Aliyeva Tamara Kazievna – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Karachai and Nogai Philology, KCGU them. U.D. Aliyev, tamali09@mail.ru

Appoev Alim Kanshauovich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Karachay-Balkarian Language Sector of the Institute for Humanitarian Studies, branch of the Federal Research Center «Kabardino-Balkaria Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», appoev74@mail.ru

Atabieva Lyubov Khizirovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Russian Language of the Department for Foreign Students of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov», atabievalyba@mail.ru

Akhmatova Mariyam Ahmatovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Balkarian language of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov», mari.ahmatova@yandex.ru

Bagov Artur Mishevich – Head of the Scientometric Analysis Department of the UNID of KBSU, vegros@rambler.ru

Bauaev Kazim Kalletovich – Doctor of Philological Sciences, Assistant Professor, Head of the Department of the Russian and Foreign Literature of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education

«Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov»,
kazim_bauaev@mail.ru

Berberov Burkhan Abuyusufovich – Doctor of Philological, Head of the Sector of the Karachay-Balkarian folklore the Institute of Humanitarian Studies – branch of the Federal State Scientific Institution Federal Research Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», burhan_berberov@mail.ru

Bidzhiev Mussa Magomedovich – Head of a construction company, Moscow

Bittirova Tamara Shamshudinovna – doctor of philology, leading scientific worker of the sector of karachay-balkarian literature of Institute of Humanitarian Researches – branch of FSBSI «Federal scientific centre «Kabardino-Balkarian scientific centre of the Russian academy of sciences», tbittir@mail.ru

Bichekueva Tanzilya Yusufovna – Candidate of Philological, teacher of balkarian language and literature of MSEE «Secondary school №9», tan1302@yandex.ru

Botasheva Fatima Taubievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Karachay-Balkarian Department of the Karachay-Cherkess Order of the Badge of Honor of the Institute of Humanitarian Studies, fatima-taubievna@mail.ru

Gerieva Zuhra Soltanovna – 3rd year student of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov»

Gerieva Madina Ramazanovna – teacher of the municipal state educational institution secondary school of rural settlement Babugent

Gulieva (Zanukoeva) Farizat Hasanovna – candidate of philology, scientific worker of the sector of karachay-balkarian folklore of Institute of Humanitarian Researches – branch of FSBSI «Federal scientific centre «Kabardino-Balkarian scientific centre of the Russian academy of sciences», gfariza37@mail.ru.

Davletshina Mavlikha Faritovna – teacher of the Bashkir language, Ufa, mavlihadmf@mail.ru

Dodueva Aminat Taubievna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Balkar language of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov», daminat57@mail.ru

Kaksin Andrei Danilovich – Doctor of Philology, Leading Researcher of Khakass State University named after N.F. Katanova, adkaksin@yandex.ru

Kayumova Guzel Rifovna – graduate student of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, kaumovaguzel27@gmail.com

Kerimova Rauzat Abdullakhovna – Candidate of Philological Sciences, National Assembly of the Karachay-Balkar Literature Branch of the Institute for Humanitarian Research – a branch of the Federal State Budget Scientific Institution “Federal Research Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», k.roza07@mail.ru.

Ketenchiev Mussa Bahautdinovich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of the Balkarian language of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov», ketenchiev@mail.ru

Kiikova Zarima Askerbievna – post-graduate student of KCGU named after W.D. Aliyev.

Kuchmezova Larisa Borisovna – Candidate of Philological Sciences, National Assembly of the Karachay-Balkarian Language Sector of the Institute of Humanitarian Studies – branch of the Federal State Scientific Institution Federal Research Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», larisakuchmezova@mail.ru

Kuchukova Zuhra Ahmetovna – doctor of philology, professor of the department of russian and foreign literature of the FSBEI HPE «Kabardino-Balkarian State university of a name of H.M. Berbekov», kuchuk60@list.ru

Lokyaeva Jauhar Magomedovna – scientific worker of the sector of karachay-balkarian folklore of Institute of Humanitarian Researches – branch of FSBSI «Federal scientific centre «Kabardino-Balkarian scientific centre of the Russian academy of sciences», lokyaeva2015@mail.ru

Mamaeva Fatima Taugerievna – Candidate of Philology, Head of the Department of Karachay-Balkarian and Nogai Languages and Literature of the KChRIPKRO, Cherkessk, fmamaeva1958@mail.ru

Mamchueva Fatima Osmanovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Karachay-Balkarian Department of the RSLU of the Karachay-Cherkess Order of the Badge of Honor of the Institute of Humanitarian Studies under the Government of the KCR, Fatima_M73@mail.ru

Mahieva Lyudmila Hamangerievna – candidate of philology, associate professor, leading scientific worker of the sector of karachay-balkarian language of Institute of Humanitarian Researches – branch of FSBSI «Federal scientific centre «Kabardino-Balkarian scientific centre of the Russian academy of sciences», liudmila.makhiieva@mail.ru

Miziev Ahmat Magometovich – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Balkar language Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov», miz1967@mail.ru

Musukaeva Anjella Hamidovna – Doctor of Philology, professor of the department of russian and foreign literature of the FSBEH HPE «Kabardino-Balkarian State university of a name of H.M. Berbekov»

Musukov Boris Abdulkerimovich – Doctor of Philological Sciences, head of the sector of the Karachay-Balkarian language of the Institute for Humanitarian Studies, a branch of the Federal Research Center «Kabardino-Balkaria Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», musukov60@mail.ru

Psyanchin Yulai Valiyevich – Doctor of Philology, Professor, Chief Specialist in Culture, Education and Science of the NGO “Bashkir People’s Center «Ural», yulayps@yandex.ru

Raymuguzhina Ziliya Mukhametyanovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Languages, Ufa State Technical University

Samsitova Louise Khamzinovna – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Bashkir Philology of FSBEI HE «Bashkir State Pedagogical University. M. Akmully», luiza_sam@mail.ru

Sarbasheva Alena Mustafaevna – doctor of philology, head of the sector of balkarian literature of Institute of Humanitarian Researches – branch of FSBSI «Federal scientific centre «Kabardino-Balkarian scientific centre of the Russian academy of sciences», alenasarb@mail.ru.

Sibgatov Flur Sharifullinovich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Journalism, Faculty of Bashkir Philology and Journalism, Bashkir State University, jamachta@mail.ru

Sultanova Gulnaz Ildarovna – Deputy Director for Academic Affairs, teacher of the Bashkir language and literature of the Bashkir Choreographic College named after R. Nureeva, Gulsultan78@mail.ru

Tagirova Ilsiya Rafilevna – graduate of the Faculty of Bashkir Philology of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, ilsiya_galiakberova@mail.ru

Tekuev Mussa Maskhudovich – Doctor of Philology, SNS of the onomastic laboratory of the KBSU of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov»

Tetuev Boris Inzrelovich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign literature of the FSBEI HPE «Kabardino-Balkarian State university of a name of H.M. Berbekov», boris_tetuev@mail.ru

Uzdenova Zuleyha Abdulkherimovna – 4th year student of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov», uz.sofa94@mail.ru

Uzdenova Madina Magomedovna – Candidate of Philology, Senior Researcher of the Karachay-Balkarian Department of the Russian State Library of the Karachay-Cherkess Order of the Badge of Honor of the Institute of Humanitarian Studies under the Government of the KCR, karakotovamadina@yandex.ru

Uzdenova Fatima Taulanovna – Candidate of Philological Sciences, National Assembly of the Karachay-Balkar Literature Branch of the Institute for Humanitarian Research – a branch of the Federal State Budget Scientific Institution «Federal Research Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», uzdenova_kbigi@mail.ru

Ulakov Mahti Zeitunovich – Doctor of Philological Sciences, Professor, chief researcher of the Karachay-Balkarian language sector of the Institute of Humanitarian Studies, branch of the Federal State Scientific Institution Federal Research Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», maxtti@mail.ru

Ulbasheva Zalina Alikovna – 2nd year graduate student Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov»

Urusov Ruslan Hatalievich – Deputy Director of the Social and Humanitarian Institute of FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University. H.M. Berbekova», urkbr07@mail.ru

Khamidullina Rosalia Robertovna – 3rd year undergraduate student of FSBEI HE “Bashkir State Pedagogical University. «M. Akmully», grr93@yandex.ru

Khulolov S.ahadin Magomedovich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Balkarian language of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov», khulol@yandex.ru

Khulchaeva Maryam Khazhidautovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Karachai-Balkarian

Philology FSBEI HPE «Kabardino-Balkarian State University.
H.M. Berbekova», mariam.li.18@yandex.ru

Chertykova Maria Dmitrievna – Doctor of Philology, Leading
Researcher at the Institute of Humanitarian Studies and Sayan-Altai
Turkology of Khakass State University, chertikova@yandex.ru

Shayakhmetov Viner Abdulmanovich – Candidate of Philological
Sciences, Vice Rector for educational and social work, Associate Professor
of Bashkir and Comparative Comparative Linguistics at Bashkir State
Pedagogical University named after M. Akmulla, Viner-bspu@mail.ru

Научное издание

**КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ
В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОЙ
ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ**

К 80-летию Ибрагима Хашимовича Ахматова

Сборник научных статей

Корректор

Л.Б. Кучмезова

Макет и техническое редактирование

З.З. Сокуровой

Подписано в печать 29.10.2019

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$, Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 19, 5. Заказ № 238

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел.: 8 (8662) 42-46-97; 42-34-42
E-mail: kbigi@mail.ru